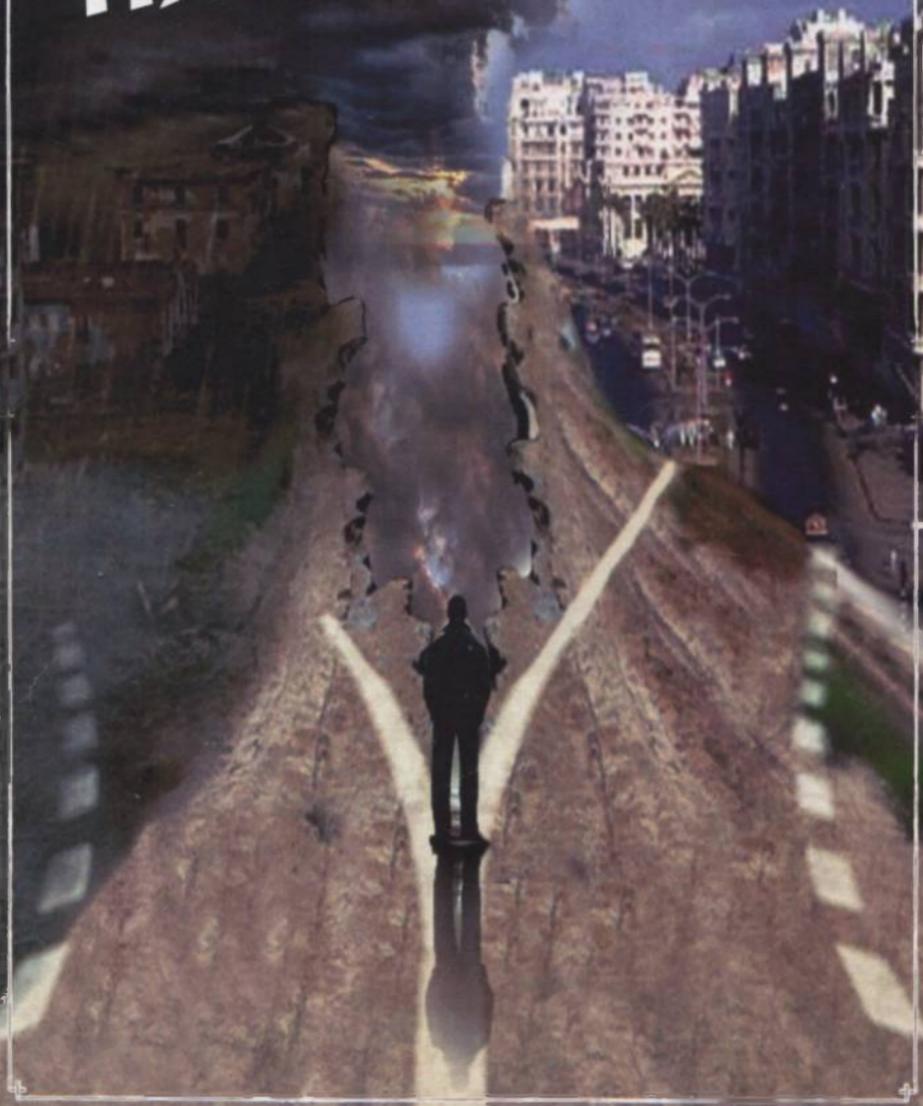

К 84(2-411.2)

А 67

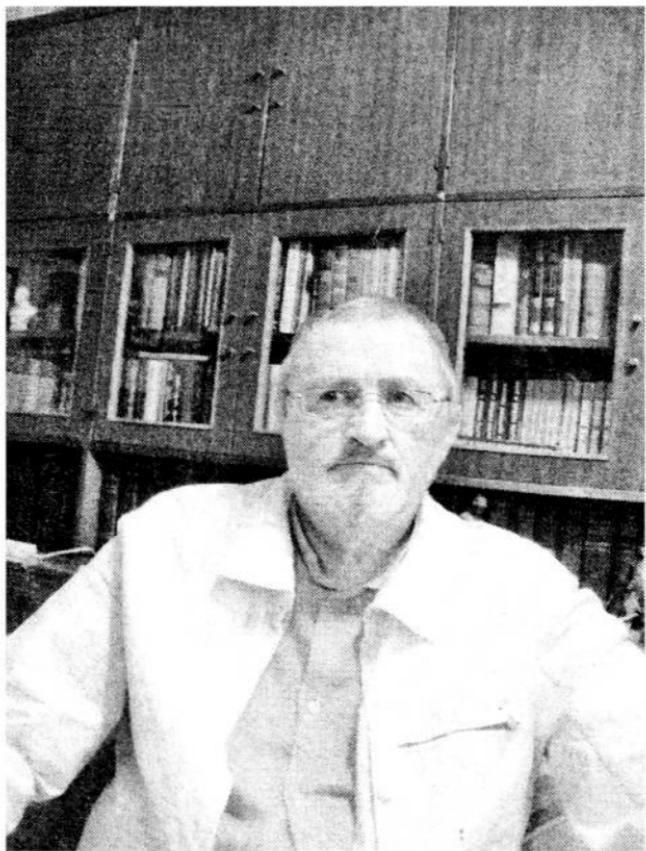
Валерий Анишкин

НА РАСПУТЬЕ

Посвящаю жене Таисии Ивановне
и моей любимой дочери
Людмиле Шманевой

Валерий Анишкин

НА РАСПУТЬЕ

Роман–размышление

В поисках выхода из нравственного тупика

A280020
12+

Орёл – 2013

БУКОО
Орловская область

УДК 82-94
ББК 84 (2Рос=Рус)6
А 67

А 67 **Валерий Анишкин.** На распутье. / Роман-размышление / – Орёл:
ПФ «Картуш». 2013. – 364 с.

ISBN 978-5-9708-0397-4

Эта книга о любви и об интеллигенции, вынужденной с трудом выживать в бурные, противоречивые и смутные времена перестройки, когда в пылу борьбы власть забывала о народе.

В книге рассказывается о судьбах молодых людей, которые в поисках своего места в новых условиях вынуждены были покидать Россию.

Размышления о личности русского человека, о нравственном состоянии общества и о месте России в сообществе цивилизованных стран будут, несомненно, интересны читателю.

В книге много диалогов и много действия, что делает чтение легким и занимательным, несмотря на серьезность обозначенной темы.

УДК 82-94
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9708-0397-4

© Валерий Анишкин, 2013

Глава 1

- Жир кита из семи букв.

Виталий Юрьевич отложил в сторону ручку, сдвинул на кончик носа очки и, наклонив по бычьей голову, глянул исподлобья на жену. Он хотел было ответить, но Ольга Алексеевна уже забыла про «жир кита» и быстро спросила:

- А это что за монстр такой с бычьей головой? Восемь букв.

- Наверно, минотавр. Если ты помнишь древнегреческую мифологию, царь острова Крит Минос отправлял на съедение чудовищу с туловищем человека и головой быка юношей и девушек, которых афиняне посылали в качестве дани.

- Не помню. Расскажи, – Ольга Алексеевна живо повернулась к мужу.

- Перечитай «Мифы Древней Греции». Тесей или Тезей, царь Афин, убил Минотавра, а помогла ему Ариадна, дочь Миноса, которая дала Тесею меч и клубок. С помощью этого клубка Тесей выбрался из лабиринта. Отсюда, «нить Ариадны».

Виталий Юрьевич усмехнулся:

- Странно ты разгадываешь кроссворды. Не ответишь на один вопрос, тут же лезешь на другую клетку.

- А если я не знаю!

- Так ты подумай, открой энциклопедию, посмотри.

- Как умею, так и разгадываю, - беззлобно огрызнулась Ольга Алексеевна.

- Да это на здоровье, - согласился Виталий Юрьевич. – Просто я этого не понимаю. Кстати, «жир кита» из семи букв – ворвань. Только ворвань – это не китовый, а всякий жир млекопитающих и рыб, то есть дельфинов, тюленей и так далее.

- Никогда не слышала!

- Век живи - век учись! – засмеялся Виталий Юрьевич. Чуть помолчал и сказал:

- А знаешь, это слово у меня почему-то ассоциируется с прошлым, словно оно из тех веков, когда в реках и морях полно было рыбы, а в лесах зверья. И из рек можно было смело пить воду, как из родников. Представляешь, чистая, прозрачная вода, и дно на два метра видно. Да что там далеко ходить. Помню, после войны мы, мальчишки, на речке пропадали, купались, рыбу сетками ловили. Знаешь, в противнях пробивали гвоздем дырки, к краям привязывали бечевки с палкой-поплавком наверху. Минут через двадцать вытаскиваешь тихонько свою самодельную снасть, вода стекает, а там полно ершей, окуней и пескарей... Мужики как в бане с мылом мылись, а бабы белье полоскали, выбивая его валиками на чистых камнях...

Лицо Виталия Юрьевича, обычно жесткое и озабоченное, приобрело мечтательное выражение. Нахмуренные брови разошлись, и сразу разгладилась упрямая вертикальная морщинка над переносицей, глаза подобрели, и даже усы и аккуратная докторская борода потеряли обычную солидность.

- Ты-то этого не помнишь, ты тогда еще совсем малявкой была.

- Ну, конечно, молодая, – усмехнулась Ольга Алексеевна. Она давно бросила свой кроссворд и сидела так, положив ладони рук на колени, и слушала мужа.

«Все еще красавица», - отметил про себя Виталий Юрьевич. «И годы ее не берут. Какая-нибудь немка давно бы скукожилась от такой жизни, а наши только хорошеют. Вот где загадка природы!».

Ольга Алексеевна и впрямь была хороша. Правильные черты лица, гордая посадка головы, к которой очень шли гладко зачесанные волосы, чуть тронутые сединой, прямая спина – все это складывалось в ту статью, которая выделяет из толпы и волнует мужчин. Виталий Юрьевич молча любовался женой, и мягкая улыбка плавала на губах и молодила его. Но скоро лицо его стало прежним, жестким и озабоченным, будто он примерил новую маску, но она ему не подошла, и он поспешил освободиться от нее.

- Скажи мне еще двадцать лет назад, что придется воду за деньги покупать, не поверил бы... А теперь в реках и рыбы не стало.

- Откуда же ей быть, если в реки химические отходы сбрасывают! Сестра Тая пишет, в Азовском море уже осетра не осталось.

- Ну, это другое, это результат браконьерства.

- Так у них работы нет, - сказала Ольга Алексеевна. - Зачем нормальному человеку воровать, если он сыт?

- Знаешь, оправдать можно все, - возразил Виталий Юрьевич. - Но ты посмотри, как мы ведем себя на своей земле! Мы же не хозяева, мы - захватчики. Браконьеры свой промысел давно поставили на промышленный уровень. Турция, в чьих водах вообще нет осетров, имеет на мировом рынке почти на тридцать процентов больше этой продукции, чем Россия... Варварски вырубаются леса, уничтожаются редкие породы зверей, лосось до нереста не доходит: его бьют ради икры. А выбросы в атмосферу? Дышать человеку стало нечем... Я так полагаю, что человек позапрошлого века сейчас не выжил бы... Невольно в скорый апокалипсис согласишься!

- Да нас этим апокалипсисом каждый день пугают, - заметила Ольга Алексеевна. - Хоть телевизор не включай. То комета вот-вот в землю врежется, то извержения вулканов все лавой зальют и пеплом засыпят, то инопланетяне землю захватить собираются. И ты туда же!

- Ну, может быть, нас пугать и не надо, но если на земле случались катастрофы и исчезали цивилизации, то и мы не исключение, и рано или поздно это произойдет... Мы забыли, что Земля - наш дом, и другого у нас нет. И если мы будем продолжать издеваться над нашей планетой, то катастрофа неминуема. А человечество, само не сознавая это, идет к катастрофе, и нас спасти может только чудо.

- Что ж это за чудо такое? - в голосе Ольги Алексеевны слышалась ирония. Она спокойно воспринимала горячие и равнодушные слова мужа. Она его и любила за это

неравнодушие, которое относилось и к отдельному человеку и к человечеству в целом. И друг его, профессор истории Алексей Николаевич, был ему под стать. Встречаясь, они спорили до хрипоты, ссорились, расставались и вновь сходились, чтобы спорить. Ольга Алексеевна смотрела на это снисходительно, не видела в этих спорах смысла, также как и в телевизионных шоу, где сходились политики, говорили прописные истины, не имеющие никакого практического значения для людей, брызгали слюной и обличали с нулевым результатом, но видела в этом генетический менталитет русских интеллигентов: говорить и говорить бесконечно о судьбах России.

Ольга Алексеевна вспомнила актрису Волкову, которая рассказала, как на Невском встретила знакомую, старую петербурженку, и та между прочим спросила: «А у тебя есть свой письменный стол?» и, получив отрицательный ответ, искренне удивилась: «А где же ты рассуждаешь о судьбах интеллигенции?»

«Вот уж правда, что у нас кухня и политика – больше, чем просто кухня и просто политика», - подумала Ольга Алексеевна и невольно улыбнулась, глядя на разгоряченное лицо мужа.

- А это чудо, которого не будет, потому что человек не образумится никогда. Он будет гнать себя по пути технического прогресса, пока не упадет в вырытую им самим яму. И чем более технически развитыми мы становимся, тем ближе катастрофа. Мы теряем контроль над ситуацией. Техника дошла до того, что мы можем сканировать человеческий мозг. И скажи, зачем тогда человек?.. Мы становимся все более рациональными. Умирает романтика, а с ней беднеет культура. Прогресс науки и техники заслоняет духовность.

- Но технический прогресс – это закономерность, - возразила Ольга Алексеевна. - Человечество не может не развиваться. Это удел человека разумного. Сначала колесо – потом космос. Иначе мы бы так и застряли в каменном веке.

- Как сказал Энгельс, разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу? – усмехнулся Виталий Юрьевич.

- Так ты, что же, против технического прогресса?

- А ты знаешь, против! – живо откликнулся Виталий Юрьевич. – Может быть, человеку нужно было идти не по пути технического развития, а совершенствоваться духовно и развивать в себе все то, что заложено в нас было, когда мы, человечество, находились в колыбели своей жизни. Почему бы не допустить, что в человека изначально были заложены другие способности? Это и телекинез, и телепатия, и способность предвидения. Все это, может быть, спит в человеке. Вот по телевизору показывали девочку из Саранска, Машу Демкину, которая видит человека как в рентгеновских лучах и может диагностировать больного... По большому счету, человеку не нужно много, ибо жизнь коротка. *Sub specie aeterni*¹, это миг. А потому, человек должен стремиться на Земле к совершенному физическому и нравственному состоянию. И это его цель. Технический прогресс отнял у нас разум. Мы «покоряем» природу, мы «покоряем» Космос и сами не понимаем, что этим разрушаем свой мир. Природу не нужно «покорять», с ней нужно жить в гармонии и не ставить себя выше животного мира. Ведь в животном мире все гармонично сосуществует. Это глупость, что закон джунглей - сила. На воле серны пасутся рядом с хищниками совершенно спокойно, а те охотятся только тогда, когда голодны. И вообще, Земля слишком мала для политических баталий, междоусобиц и кровавых разборок вроде войн.

Виталий Юрьевич говорил быстро и не очень связно, пытаясь утвердить эту свою космическую философию, уместить ее в рамки научной гипотезы и совместить несовместимое.

- Между прочим, многие великие воспринимали технический прогресс негативно. Руссо, например, хотел бы

¹ С точки зрения вечности

от машинного производства и мануфактуры вернуться к временам послефеодального ремесленничества, а Лев Толстой к временам патриархального крестьянского уклада. То есть, их идеалом было возвращение к старым добрым временам.

- Может быть, ты в чем-то и прав, - мягко сказала Ольга Алексеевна. – Только вопрос, могло ли человечество пойти по другому пути?

- А почему нет? Наша цивилизация – это всего лишь одна из нескольких земных цивилизаций, и она выбрала такой путь развития. А прежние далекие цивилизации, о существовании которых мы можем только догадываться, могли развиваться по-другому. И следующие цивилизации могут быть не техногенными. Это, конечно, если мы оставим после себя Землю пригодной для жизни. А что наша цивилизация не имеет никаких шансов на сколько-нибудь длительное существование, – очевидно. Уже это тысячелетие заканчивается страшно, а следующее принесет неминуемую гибель человечеству.

- Эх, как тебя занесло. Это с чего ж ты так решил? – неподдельное удивление было в словах Ольги Алексеевны.

- Противостояние мусульманского и христианского мира, международный терроризм, непрекращающиеся войны. Иногда кажется, что люди больше думают об уничтожении друг друга, а не о благе своего дома... Известно, что Земля способна к саморегуляции, но она не успевает за деятельностью человека... А теперь представь, что будет с планетой, если случится глобальная катастрофа? Несколько сотен атомных реакторов взорвутся, и радиация поразит все на долгие века, вызывая мутацию растительного и животного мира. И это, в лучшем случае. А ядерное оружие? Да и не только ядерное, а вся масса, которой нет числа?.. Вот теперь и скажи, человечеству это нужно?

- Мрачную картину ты нарисовал, - покачала головой Ольга Алексеевна. – Даст Бог, мы этого не увидим.

- Après nous le deluge¹, как сказал Людовик XV, или вполне вероятно, Помпадур - Виталий Юрьевич усмехнулся, вернул очки на место и повернулся к столу, чтобы снова уткнуться в свои рукописи, но Ольга Алексеевна не дала погрузиться мужу в мир его литературных фантазий.

- Ума не приложу, что завтра готовить, - сказала Ольга Алексеевна - Денег только на хлеб осталось.

- Подумаешь, дело великое! Через два дня пенсию принесут, - беззаботно промолвил Виталий Юрьевич.

- Два дня прожить надо, – щеки Ольги Алексеевны начали розоветь. Она досадовала на себя за то, что не сумела растянуть деньги так, чтобы хватило до следующей пенсии. – У нас есть сто тысяч, но это для Милы. Я их отложила и не трогаю.

- Ну и хорошо. – Виталий Юрьевич поднял голову от письменного стола. – Обойдемся. Не обойдемся, у Чернышевых займем.

- Может быть, и обойдемся, - вздохнула Ольга Алексеевна. – За Милу душа болит.

- А я говорил, пусть переходит к нам. Вместе легче. Нет, упрямая коза. В тебя. Ты тоже, если упрешься, то хоть кол на голове теши.

Ольга Алексеевна промолчала, не желая вступать в бесполезный спор и объяснять то, что и так ясно: не упрямство, а характер, желание самой решать свои проблемы, не перекладывая на других, даже если это родители.

Виталий Юрьевич тоже чувствовал себя неловко, и эта неловкость была от того, что он, мужик, не может обеспечить достаток в доме.

Два года назад после операции по поводу грыжи межпозвонкового диска и довольно тягостного лечения он ушел с завода на пенсию по инвалидности, рассчитывая на то, что достаточный трудовой стаж и приличный по советским меркам заработок начальника отдела обеспечат ему в скором будущем хорошую пенсию по выслуге лет, но ин-

¹ После нас - хоть потоп (фр).

фляция и какая-то идиотская возня государственных структур, которые постоянно пытались подогнать пенсии под обстоятельства тощего бюджета, и издавали то один, то другой закон для начисления пенсий, довели их размер до абсурда.

Иностранные языки, в основном английский, давали дополнительный заработок. «Новые русские» осознали необходимость знания иностранного языка в современном мире и вели свои чада на выучку. Так что с осени по весну в семье заводились дополнительные деньги. Но, во-первых, деньги были не такие, чтобы их можно было отложить на «черный день», во-вторых, в мае ученики уходили на школьные экзамены, а потом уезжали с родителями на моря и возвращались и вновь набирались только к октябрю, в лучшем случае, к середине сентября.

Ольга Алексеевна уволилась с того же завода, где работала ведущим конструктором в ОКБ, потому что зарплату не только не платили, но и не обещали в обозримом будущем. Она стала на учет на биржу труда, получала пособие и училась на курсах газооператоров...

Виталий Юрьевич снял очки, подышал на стекла, протер их носовым платком и положил в очечник.

- Наверно, зря я с завода ушел, - вяло сказал Виталий Юрьевич.- Работал бы, да работал.

- Брось, не травми себе душу! – Ты помнишь, как там все валилось и банкротилось?.. Наши деньги прокручивали через банки, верхушка получала барыши, а мы месяцами не видели зарплаты... Люди увольнялись десятками... А помнишь, что Большаков творил?..

Виталий Юрьевич помнил. Он помнил, как генеральный директор Большаков провел хитрую приватизацию и фактически стал хозяином объединения «Фотон», положил себе баснословную зарплату и тут же взял беспроцентную ссуду в миллион еще тех, советских рублей, чего не мог позволить себе никто больше, и с кем-то на паях открыл доходное предприятие в Москве. Учитывая стремительную инфляцию, через два года, теперь уже господин Больша-

ков, вернул заводу мелочь. Так что миллион достался ему даром. Завод стал разваливаться на глазах: сворачивались производства и освобождались помещения, которые тут же выгодно сдавались под магазины и офисы.

- Правильно сделал, что ушел, - твердо сказала Ольга Алексеевна. - В конце концов, здоровье дороже.

Виталий Юрьевич неопределенно пожал плечами, помолчал и сказал вдруг:

- Не живем, а копошимся в каком-то дерьме... Наверно, про нас в Евангелии говорится: «Оставь их: они слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму».

- Пустое дело «воду в ступе толочь», - Ольга Алексеевна встала с кресла. - Кто-то умный сказал, что если ты не можешь изменить обстоятельства, то старайся приспособиться к ним.

- Марк Аврелий сказал. Только не «приспособиться», а «изменить отношение к ним».

- Ну, пусть так, - согласилась Ольга Алексеевна.

Глава 2

В дверь позвонили, и Ольга Алексеевна поспешила в прихожую.

- Дед, иди, смотри, кто к нам пришел! Ласточка наша пришла, внученька наша. Ух, ты, красавица! – заворковала в прихожей Ольга Алексеевна.

Виталий Юрьевич вышел и с улыбкой смотрел, как жена тормошит четырехлетнюю Катеньку, стаскивает с нее легкое, по сезону, еще не вступившей в свои полные права осени, пальтецо, снимает ботиночки и засовывает ножки в теплые самовязанные из козьей шерсти слитки.

Дочь повесила плащ на вешалку и, устало опустившись на банкетку, стягивала длинные, до колен, сапоги.

- Как дела, дочка? – спросил Виталий Юрьевич.

- Да все также. Нужно искать работу. Стоило ли институт кончать, чтобы методистом Дома творчества рабо-

тать. Не педагог, а нянька. Ладно была бы зарплата, а то сто шестьдесят тысяч, на которые даже сапог не купишь.

За столом разговор шел в том же духе: как обеспечить сносное житье для Милы и ребенка, где найти приличную работу. И куда ни кинь – всюду клин. Все связи, которые могли бы помочь, у Виталия Юрьевича остались на заводе, и они не имели теперь никакого практического значения. Пробовал он вспомнить своих старых приятелей, с которыми учился в школе или в институте, находил их телефоны, звонил, но с удивлением узнавал вдруг, что кто-то умер, а кто-то тоже не у дел. Виталий Юрьевич надеялся на помощь своего однокурсника, который, насколько он помнил, стал заведующим ГОРОНО. Уж в какую-нибудь школу тот мог бы Милу пристроить, но и здесь его ждала полная неудача.

- Виталик?.. Анохин?.. Да помню, помню, зарокотал знакомый бас. – Рад слышать тебя, старик. Лет десять не виделись, а? Как-то Лару встретил, тебя вспомнили. Лару-то помнишь? Ты ж за ней, вроде, волочился?.. Ах, это Колька Егоров? А я думал, ты... Как-нибудь надо нам созвониться, да встретиться... Помочь, говоришь? Извини, старик, не могу. Выперли меня. За что? Да ни за что. Когда компартию Ельцин запретил – меня и выперли. Тогда многих выперли. Если сам Струков не удержался, чего о нас, грешных, говорить! Струков теперь не обкомом, а плодово-ягодной станцией командует. Зато, говорят, докторскую защитил. А я теперь во Дворце пионеров, или как там теперь его называют, авиамodelьным кружком руковожу.

Еще поговорили о том, о сем, вспомнили старых знакомых, тем все и кончилось.

- Мил, - поднял глаза на дочь Виталий Юрьевич. – А почему ты не хочешь попросить Андрея Николаевича, Элькиного отца? Он же сейчас в фаворе. Новое начальство вроде его поднимает. Кем он сейчас?

- Он, пап, начальник облсельхозтехники.

- Ну, это солидно, учитывая дефицит сельхозтехники.

- Они вроде недавно новую квартиру получили. Где-то в элитном месте, - отозвалась Ольга Алексеевна.

- Да, четырехкомнатную, на набережной Дубровинского, - подтвердила Мила.

- Так чего ж ты не попросишь? У нас другого варианта просто нет, - вопросительно посмотрел на дочь Виталий Юрьевич. – Это же твоя близкая подруга. Вы же с детского сада, со школы вместе.

- Пап, напрямую с Андреем Николаевичем я об этом говорить не могу. А с Элькой я говорила. Только, чтобы меня устроить, Андрей Николаевич должен кого-то просить, а это значит, что он кому-то будет обязан. А он этого позволить себе не может. Элька сказала, что это для него принципиально.

- Да ёлки-палки, - взорвалась Ольга Алексеевна. – Хоть и обязан. Сказать так лучшей подруге. Ну, мир перевернулся. У меня нет слов.

- Мам, ты ничего не понимаешь. Вы живете старыми представлениями. Андрей Николаевич – это уже другие отношения, это другая сфера и другой менталитет.

- Как вы быстро новые слова в язык вбрасываете. «Шопинг», «электорат». Что это за «менталитет» такой? Английское «mental» - умственный, «mentality» - умственное развитие, склад ума.

- Ну, что-то в этом роде. Менталитет – это образ мышления.

- Тогда уж лучше «ментатет» от «mentation» - процесс мышления.

- Пап, ну тебя с твоими лингвистическими изысками. Сейчас строится новое общество. Поезд идет. Кто-то успел запрыгнуть, а кто-то остался на перроне.

- Элькин отец, значит, успел запрыгнуть? – ехидно заметил Виталий Юрьевич.

- Значит успел. Говорят, его назначат зам главы администрации по сельскому хозяйству.

- Ничего себе, – не удержалась Ольга Алексеевна. – То-то, я смотрю, Раиса Петровна даже не остановилась,

мимо прошла, когда я ее встретила возле «Светланы». Я же помню, как они приехали из Малаховки, где он был заведующим райсельхозтехникой. Тогда Раиска окликала меня аж с другой стороны улицы. Во, дела пошли!

- Раиса Петровна прошла мимо, потому что спешила и тебя просто не заметила. А ты, мам, становишься в позу базарной бабы... Почему Андрей Николаевич не может занимать серьезный пост? Он же не дурак, не пьяница. Человек порядочный, так что вполне достоин. И вообще мне этот разговор неприятен, и я не хочу его продолжать.

- Мила, да не в том дело, что достоин-недостойн, а в том, что люди на глазах меняются, стоит им чуть над другими подняться. Здесь-то и раскрывается человек в полной мере... Слава богу, хоть не министром назначили.

- Катя, - прикрикнула Мила, - ну-ка, ешь нормально.

Катя съела половину сосиски и толкла вилкой в тарелке картошку.

- Не хочу картошку, хочу мандарин, - насупилась Катя.

- Съешь картошку, потом мандарин.

- Я съем сосиску, а картошку не буду, упрямо повторила Катя.

- Ладно, ешь сосиску, - сдалась Мила и пожаловалась:

- Вот так и воюем. Воспитательница в саду жалуется: плохо ест. Из-за стола самая последняя выходит.

- Не последняя, - возразила Катя. - Артем последний.

- Вот видишь, мам, оказывается не последняя. А ну, давай ешь, не разговаривай.

Ольга Алексеевна засмеялась:

- Ничего, ты тоже в детстве плохо ела. Зачем ребенка насиловать? Захочет - поест.

- Между прочим, Мила, - Виталий Юрьевич нервно помешивал ложечкой чай, и пальцы немного дрожали. - Дружба предполагает гораздо большее, чем обмен секретами по телефону или при встречах. Настоящая дружба - это не только взаимопонимание, но и готовность придти на помощь в любую минуту. Как говорится, все пополам... В

школе мы дружили с Мишей Горлиным, а мой отец, твой дедушка, тогда работал техноруком, по-нынешнему, главным инженером, на швейной фабрике. После войны все было трудно. Бабушка твоя, когда трюмо на базаре купила, радости не было предела. Так и с одеждой. Мне сшили на фабрике по госцене из недорогой ткани в рубчик пальто с поясом, первое нормальное пальто. А это было в десятом классе, когда мы уже на девочек посматривали. И когда отец мне сказал про пальто, я спросил: «Пап, а Мишке?» И отец, ни минуты не колеблясь, ответил: «Конечно, сын». А отцу не так-то просто было заказать не одно, а два пальто... Тогда у людей совесть была на первом месте, и честь берегли.

- Ты бы, пап, еще прабабушку вспомнил. Давайте договоримся так: со своими друзьями я сама разберусь. Можете чем-то помочь, помогите, а нет – лучше молчите. А то, как говорят умные люди: «Легче всего давать советы, потому что они ничего не стоят».

- Да, совсем забыла. Насчет помочь. Вот сто тысяч рублей. – Ольга Алексеевна вынула из кармана халата приготовленные деньги. – Это немного, конечно, но все же какие-то деньги... Дома-то какая еда есть?

- Ой, спасибо, мам! – обрадовалась Мила. – Сейчас что-нибудь куплю. Да, мам, я Катьку у вас оставлю. Завтра, может быть, в детский сад отведете? А я после работы забегу.

Мила встала из-за стола.

- Не хочу с бабушкой, хочу с тобой, - заявила Катя.

- Я тебе покапризничаяю. Как миленькая останешься и слушаться будешь. Узнаю, что не слушаешься, в угол на целый день поставлю, - пригрозила Мила.

Катя захныкала, и Ольга Алексеевна стала утешать:

- Это чего ж ты с бабушкой не хочешь оставаться, а? Это что ты бука сегодня такая? А мы рисовать сейчас будем, я новые краски нашла. А еще шить будем. Будем шить?

Катя подумала, взвешивая, что лучше, зареветь или остаться так. Реветь не очень хотелось, а мама все равно с собой не возьмет. И Катя согласилась рисовать и шить.

- Мила, ты бы картошки взяла немного. Нам с отцом хватит, - предложила Ольга Алексеевна.

- Спасибо, мам, потом – отмахнулась Мила.

- А ты куда сегодня?

- В ресторан, мам.

Ольга Алексеевна подняла брови, Виталий Юрьевич вопросительно посмотрел на дочь.

- Да успокойтесь, родители. Из Бельгии приехала Линка с мужем в отпуск. Приглашают. По сколько-то сбрасываются все наши. За меня, как я самая бедная, платит Элька Михеева.

- Мила, девочка, ты, главное, не падай духом. Время такое сейчас. Подумай, что есть многие, которым хуже, чем нам. И ты посмотришь, все утрясется.

- Твоими устами, пап, да мед пить. Все я понимаю... А кто это у вас в подъезде стекло выбил? - спросила вдруг Мила. - Ремонт не собираются делать?

- Да ты что, какой ремонт? – искренне удивилась Ольга Алексеевна. – В ЖЭУ сроду денег нет. Платим, платим, - как в бездонную яму... а в подъезде денег не соберешь. Хотели кодовый замок поставить, нужно было по пятьдесят тысяч собрать. Из тридцати квартир только десять сдали. Пришлось деньги вернуть. Так и живем, как в проходном дворе. Здесь же алкаши каждый день водку распивают.

- А толку-то от твоего кодового замка! – возразил Виталий Юрьевич. – В третьем подъезде стоит кодовый, а там все равно бомжи ночуют.

- Ладно, я побежала, - заторопилась Мила.

Она поцеловала мать с отцом и выскочила за двери. Ее каблучки простучали по ступенькам, расхлябано хлопнула дверь в подъезде, и все стихло.

- Мерзко на душе, - поморщился Виталий Юрьевич.

Ольга Алексеевна промолчала.

Они сидели в зале на диване. Уже смеркалось, но они не включали свет и не включали телевизор. Просто сидели рядышком и больше молчали, чем говорили. Катя мышкой затихла за дедовым письменным столом в спальне и увлеченно мазала акварельными красками по бумаге, благо бумаги Виталий Юрьевич не пожалел и дал много.

Ольга Алексеевна думала о своем. Ей вспомнилась свадьба дочери с Андреем. Андрей ей тогда понравился: высокий, ладный, с военной выправкой. Мила училась на третьем курсе Университета, а он заканчивал высшее военное училище, но, соблазнившись быстрыми деньгами, которые легко зарабатывали его друзья на гражданке, открывая фирмы и ввязываясь в торговые предприятия, ушел с последнего курса, организовал с помощью отца столярную мастерскую и стал грести деньги лопатой. В то время это было просто. Народ сметал с прилавков все, потому что товаров было мало, рынок только насыщался, разбогатевшие предприниматели напропалую жировали, парились с девочками в саунах, играли в казино, проигрывались и пропивались в пух и прах, а кто устоял, строил поражающие воображение русского обывателя коттеджи с бассейнами и банями, и им требовались столярные работы и мебель на заказ. Мила, наивная дурочка еще, с головой окунулась в новую для себя, независимую от родителей и свободную от родительской опеки жизнь. Чуть не каждый день цветы, дорогие подарки и компании. Все это не нравилось Ольге Алексеевне и Виталию Юрьевичу, и они говорили об этом дочери, но она и слушать ничего не хотела, огрызалась и обижала, заявляя, что нравочений и нотаций ей с избытком хватило, когда она жила с ними. Ольга Алексеевна замолкала и, поджав губы, шла на кухню, а Виталий Юрьевич исчезал в спальне, где садился за письменный стол. Мила уходила, хлопнув дверью.

Однажды Андрей сказал Миле, чтобы она бросила свой Университет, от которого в жизни не будет никакого проку. «Сейчас зарабатывать деньги можно и без образования, - сказал тогда Андрей. - А уж если учиться, то нуж-

но идти в коммерческий институт, тем более, там сейчас как раз есть знакомые, которые могут помочь»...

Разговор с родителями был резким, со слезами, с криком и истерикой.

- Ты бросишь Университет только через мой труп! – заявила Ольга Алексеевна. – Получи диплом, и тогда хоть в коммерческий, хоть к черту на рога!

- Ладно, я вам принесу этот диплом, чтоб вы повесили его себе на стенку, - бросила Мила и хлопнула дверью так, что электрический звонок жалобно тренькнул, будто в испуге.

Ольга Алексеевна догадывалась, что в семье дочери происходит что-то неладное. Но из Милы лишнего слова не вытянешь, хотя по ней было видно, что она что-то скрывает. Но однажды дочь пришла к ним в слезах и рассказала, что Андрей избил ее. Оказалось, что бил он ее и раньше. Катя по-детски непосредственно и даже с каким-то удовольствием сказала:

- А папа маму об дверь головой бил, а я испугалась и описалась.

Ольга Алексеевна дар речи потеряла, а Виталий Юрьевич только головой покачал.

Когда Андрей приехал забирать вещи, Мила с дочерью ушла из дома. Ольга Алексеевна и Виталий Юрьевич молча сидели в комнате, пока Андрей собирал вещи. Только Ольга Алексеевна спросила с укором:

- Как же ты так, Андрей?

- Я ее любил! И сейчас люблю. А она мне жизнь испортила, - с надрывом выдал Андрей.

Был он выпивши, и Ольга Алексеевна сочла разумным разговор не продолжать, только пожалала плечами, и ее брови, по обыкновению, взлетели вверх. «Чем это она успела ему жизнь испортить?» - подумала она.

Андрей поступил по-мужски. Это в нем всегда присутствовало. Все, что он купил в квартиру, а было там все: и дорогой холодильник, и импортный телевизор-двойка, и печь СВЧ, и мебель – он ничего не взял. Квартиру же ей

оставила бабушка, мама Виталия Юрьевича, которая очень любила внучку и, слава Богу, не дожидаясь этой неприглядной истории...

Виталий Юрьевич пытался сосредоточиться на рукописи своего романа, но мысли путались. То вспоминался завод, то вставало перед глазами лицо дочери, и сердце Виталия Юрьевича сжималось от жалости и бессилия помочь, оградить ее от тягостей, которые вдруг свалились на ее хрупкие плечи.

Глава 3

Стояло бабье лето. Днем солнце еще грело, и было тепло, но по вечерам уже чувствовалось холодное дыхание поздней осени. Землю устилала желтая и багровая листва. Утром дворники сметали листья в кучи на газоны, но они за день снова засыпали асфальтовые дорожки и приятно шуршали под ногами. Мила неторопливо шла по парку, а с деревьев нет-нет, да и сорвется то один, то другой листочек и, кружась, мягко упадет под ноги. Миле нравились кленовые листья, и раньше она любила собирать их в букет и приносить домой. Дома она ставила их в стакан с водой или молочную бутылку, и они долго радовали глаз.

Сразу за парком начинался скверик. По одну его сторону размещались в ряд стенды на массивных бетонных подставках. Несколько лет назад за стеклом висели портреты передовиков производства, теперь просто виды города. Стекла расколотили воинствующие подростки, и ветер рвал и трепал остатки фотобумаги с городскими достопримечательностями. По другую сторону стояли скамейки, на спинках которых сидели молодые люди, поставив ноги на сидения. Почему-то им нравилось сидеть именно так. Может быть, это был своеобразный протест, может быть, так сидеть действительно удобно, только старикам и старушкам, чтобы сесть на скамейку, приходилось теперь стелить газетку или целлофановый пакетик. Они быстро привыкли к этому и не роптали.

Мила вышла на площадь Ленина, на которой находилось здание областной администрации и театр имени Тургенева. Ленин стоял на высоком пьедестале спиной к администрации и, держась одной рукой за лацкан пиджака, будто собирался станцевать еврейский танец «Семь сорок», другой указывал вдаль, наверно, призывая идти туда, потому что именно там и было наше светлое будущее.

Площадь регулярно чистили, мыли и поливали, но по Ленинской улице, примыкающей к площади, ветер носил бумажки, пыль собиралась у бордюров и растекалась грязью после дождя. Окурки и плевки попадались под ноги, и чтобы не наступить на них, приходилось все время смотреть не перед собой, а под ноги. Мила давно заметила, что везде так устроено, что человек должен сгибаться в три погибели, как бы кланяться: и в железнодорожных кассах, и на почте, и в сберкассах, и в часовых мастерских окошечки так расположены, что ты всегда находишься в позе просителя. Потому, наверно, тебе и хамят кассирши и прочие чиновники, что ты для них вечный проситель. Мила улыбнулась этому своему открытию. А еще она подумала, что когда человек обживаетея на новом месте, он начинает с того, что наводит чистоту и порядок. Жаль, что эта мысль не пришла в голову нашему мэру. Грязная лестничная площадка, грязный двор, грязная улица – отсюда и пофигизм. У хорошего столяра или слесаря рабочее место всегда в порядке, поэтому у него и дело спорится; у нерадивого – кавардак, потому он брак и гонит.

В гастрономе на Ленинской Мила прошла по витринам и ужаснулась. Цены опять подскочили.

Она купила полбатона белого хлеба, килограмм вермишели, пакет молока, вместо масла пачку маргарина и десяток яиц. Чуть подумав, она взяла полкило сосисок и триста граммов дешевых шоколадных конфет «Ласточка». Ее капитал уменьшился почти на треть. «А с чем Катьке макароны есть?» – вздохнула Мила и отдала еще три тысячи за двести граммов с небольшим сливочного масла. Потом она вспомнила, что дома нет сахара и подсолнечного

масла. Полкило сахара и бутылка подсолнечного масла облегчили ее кошелек еще на пять тысяч. И от ста тысяч, которые дали родители, осталось чуть больше половины.

Мила угрюмо плелась по Ленинской и предавалась своим невеселым мыслям. Недавно Алексей Николаевич, папин друг, профессор, сказал, когда они по обыкновению спорили, что «Россия бьется в эпилептическом припадке». А вчера в газете, Мила прочитала, академик Богомоллов приводит сумму прожиточного минимума, которая равняется четыремстам тысячам рублей, и комментирует: «но на нее нельзя прожить». В это время Москва широко праздновала 850-летие. «Пир во время чумы» - выразился Алексей Николаевич. Мила грустно усмехнулась. Она поискала глазами, куда бросить бумажку от съеденной конфеты, но урны не нашла, и сунула бумажку в карман плаща. Она никак не могла приучить себя бросать сор куда придется, как делают многие, и вечно таскала фантики и использованные автобусные билеты в сумке или в карманах, забывая потом выбросить дома.

Дома Мила разложила продукты: что в холодильник, что в стол, включила газовую колонку и стала набирать горячую воду в ванну. Вода набралась быстро. Мила завела будильник, разделась и залезла в ванну. Горячая вода приятно обожгла тело и сразу обозначилась усталость. Мила блаженно вытянулась в ванне, и нега разлилась по всему телу. «Все не так плохо, - подумала Мила. – У меня есть своя квартира, где я сама себе хозяйка, у меня есть дочь, которую я люблю, и есть родители, которые меня любят».

Квартира раньше принадлежала бабушке и папиному отчиму Валериану Григорьевичу. Дом построили вскоре после войны для обкомовских чиновников, и деду, как главному агроному области по садоводству, дали однокомнатную квартиру. Дед умер, а бабушка, когда Мила выскочила замуж, перешла к ее родителям в трехкомнатную квартиру, оставив свою внучке. Такие квартиры называют сталинками: большая комната, большая кухня, высо-

кие, выше трех метров, потолки, а ванная свободная, так что стиральная машинка не видна.

С Андреем у них не сложилось, но он после развода ничего из квартиры не взял, хотя, благодаря ему, квартира полностью «упакована». Один кухонный гарнитур с подсветкой чего стоит. Его делал Андрей сам под размер кухни. А модель взял из зарубежного журнала «Home & Gardens». Руки у Андрея росли откуда надо, и голова у трезвого варила. Но все вдруг кончилось, банально и прозаически. Как на дрожжах стали подниматься фирмы-конкуренты, более мощные, с более солидным капиталом и размахом. Число клиентов быстро сокращалось, и уже не было такого заработка, как в первые два-три года. Андрей ходил злой, стал чаще прикладываться к рюмке, к работе охладел, бросив дела на своего заместителя. И даже когда появлялся хороший заказ, Андрей позволял себе выпить, а к вечеру он напивался до положения риз. И выяснилось вдруг, что характер у него деспотичный и жесткий. Мила скоро узнала оборотную сторону семейной жизни. Наступил день, когда муж в первый раз ударил ее. Она рыдала полночи, пока он спал в одежде и туфлях на диване. Родителям она ничего не сказала. Утром Андрей ушел, когда Мила спала, и она слышала только, как захлопнулась дверь. Вечером Андрей пришел почти трезвый, просил прощения, стоял на коленях, и она его простила. Ради ребенка, которому было три года. А на следующий день он опять пришел пьяный. Мила опрометчиво выразила недовольство, и Андрей взял ее за отвороты халата и стал бить головой о дверь. Ребенок все видел, орал как резаный, ничего не понимая и не веря глазам своим: папа бьет маму. Под Катей расплылась лужица, и она беспомощно стояла на этой лужице, а в глазах застыл ужас...

Это был конец. Милу потрясло случившееся. С ней никто и никогда так не обращался. Но даже и не в ней, в конце концов, дело, но ребенок. Как можно было бить мать при ребенке!.. А еще Милу поразил его взгляд. Она почувствовала настоящий страх, когда встретилась с ним глаза-

ми. В его взгляде была такая пронзительная ярость, что она поверила: он может убить.

Многие не понимали ее. Бывшая свекровь винила в разводе ее. Но они всего не знали. Родителям и то Мила не все говорила, а тем более не все подружки знали, что у Андрея был кто-то на стороне, и он заваливался, бывало, домой далеко за полночь. Конечно, со стороны Андрей парень видный, обходительный, даже галантный: и женщину вперед пропустит и место уступит. И не жадный. Но Мила знала, что внутри него сидит еще и зверь, который служит чем-то вроде противовеса хорошему в нем, и выпрыгивает, когда добро начинает перевешивать.

Она терпела долго. Терпела пьянки, терпела грубость. Ее только удивляло, как мог так сильно измениться человек. Папа оказался пророком, назвав Андрея двуликим Янусом с лицами, обращенными в противоположенные стороны, но не к прошедшему и будущему, как древнелатинское божество, а к Дьяволу и Богу. Жаловаться Миле было стыдно, и она многого подругам не рассказывала, боясь, что ее осудят, потому что она и сама осуждала себя. Андрей работает допоздна, хорошие деньги зарабатывает, а она дома сидит. Но, с другой стороны, обед всегда готов вовремя, а готовит она вкусно, спасибо бабушке, научила; дома чисто, и ребенок ухожен, да еще и институт.

Так, может быть, она и жила дальше, но когда он стал ее бить, да еще и ребенка напугал, в ней что-то надломилось, и она будто прозрела, сердце ее окаменело, и она со спокойным равнодушием поняла, что не любит этого человека, что он ей безразличен...

Пронзительным трамвайным звонком затрезвонил будильник. Мила от неожиданности вздрогнула, чертыхнулась и, ругнув себя за то, что лежит как пень, забыв про все на свете, быстро стала намыливать голову дешевым яичным шампунем. После ванны она долго, докрасна, растирала тело махровым полотенцем и не преминула посмотреть на себя в зеркало. Из зеркала на нее смотрела стройная с плоским животом, маленькой грудью и длинными

ногами женщина, больше напоминающая подростка. Маленькая головка на длинной шее и короткая стрижка, которая ей очень шла, делали это сходство еще более очевидным. «Поджарая как скаковая лошадь», - с удовольствием отметила Мила, провела ладонями по тонким бедрам и вслух сказала: «Господи, откуда жиру-то быть при таких харчах». Повернувшись к зеркалу спиной, она еще любовалась своей упругой, как мячик, оттопыренной попкой, потом накинула простенький ситцевый халатик и стала сушить феном волосы, на что у нее ушло не более пяти минут.

Белье было ее слабостью. У нее еще оставалось хорошее белье, купленное при Андрее. Но и сейчас она предпочитала лучше лишний день просидеть без хлеба, но на белье разориться. Она вообще не понимала, когда кто-нибудь из девчонок говорил, что белье надевается для мужчин. «Вот уж ни за что бы не стала специально для кого-то надевать белье. Разве самой не приятно ощущать на теле мягкий ласкающий шелк трусиков и комбинаций!» На бюстгальтеры Мила вообще не тратилась, слава Богу, грудь держала форму. Над верхней одеждой она голову тоже не ломала. Надела черную мини-юбку, туфли на шпильках – остатки былой роскоши – и тонкую бордовую шерстяную кофточку. Колготки чуть порвались на пальцах и поползли, но она мазнула нитку клеем «Момент», а под туфлями дырки не было видно. Прическу сбрызнула лаком, который берегла для особых случаев, и каждый день не расходовала. Покрутилась последний раз перед зеркалом и осталась собой довольна. Сняла с вешалки плащ, перекинула через плечо небольшую лакированную сумочку черной кожи и вышла на площадку. Заперев дверь на два оборота, она легко сбежала вниз...

У входа в ресторан стояла Элька Михеева. Она заметила Милу и нетерпеливо замахала рукой:

- Скорей, Мил, Все уж собрались. Одну тебя ждем.

Вся компания сидела за сдвинутыми столами. Все свои: Элька, Лина и Татьяна с мужьями, и Даша. Мила села рядом с Линой, но запротестовала Элька:

- Нечего всем бабам вместе сидеть, садись-ка рядом с моим Олегом.

Мила пересела и шепотом спросила у Татьяны:

- А почему Ленки нет?

- А она дежурит в больнице, заменить было нечем, - сказала Даша.

Стол от яств не ломился, но и от того, что стояло на столе, у Милы свело скулы, и она почувствовала, насколько голодна. Мясные салаты с целиковыми кусочками говядины сверху и майонезом, который предстояло самим размешать в квадратных салатницах; селедка с луком, нарезанным колечками с целой картошкой, разрезанной пополам, и долькой соленого огурчика. Черный хлеб аппетитно лежал на льняной салфетке в тарелке, а горчица прямо просилась на хлеб. В графине стоял желтый, наверно, апельсиновый, сок, запотевшая бутылка водки «Столичная», Мадера и бутылка шампанского.

- Ну, что, давайте! Чего мы ждем? – сказал муж Татьяны Толик и стал открывать шампанское.

Когда шампанское было разлито по бокалам, Толик предложил тост:

- Давайте выпьем за Лину и Вовку! Чтоб почаще приезжали и не забывали нас в своей Бельгии.

- У меня другой тост, - не согласилась Лина. – Я предлагаю выпить за всех нас, за нашу дружбу. Мил, сколько мы уже вместе?

- Да с детского сада, - отозвалась Мила.

- Ничего подобного. Я с вами в саду не была, я к вам в первый класс пришла, - напомнила Татьяна.

- А я в вашу компанию с улицы попала, - засмеялась Даша.

- Убей, не помню, - сказала Татьяна. – Мне кажется, ты всегда была с нами.

- Нет, меня Мила привела. А с ней мы познакомились на заводе. Она работала там оператором ЭВМ, а я стаж в стоматологическом кабинете зарабатывала. А потом мы с Ленкой вместе в Воронежском меде учились.

- Мил, а ты что, на заводе работала? – удивилась Татьяна.

- Здравствуйте! Я ж в МГУ тогда не поступила.

- Да это я знаю. Мы с девчонками в шоке были, что ты со своей медалью умудрилась биологию завалить.

- Да так, по глупости, - отмахнулась Мила.

- Ага, любовь голову задурила, - засмеялась Даша.

- Это к Сенечке, что-ли? - фыркнула Татьяна. - Тоже мне, любовь. Так, школьное увлечение.

- Да что ты понимаешь, Тань? – лениво возразила Мила. – Первая любовь - это так романтично. У меня и сейчас от этой любви тепло на душе.

- Девочки, хватит воспоминаний, - остановила подруг Элька. – Давайте уже выпьем.

- Пьем за дружбу, - согласился Толик.

Все выпили. Дружно застучали вилки по тарелкам. Мила с удовольствием, стараясь не торопиться, но довольно скоро расправилась с салатом и переключилась на седлку с картошкой.

- Ребят, давайте за Новую Россию, - встал Линкин Вовка. – За то, чтобы она скорее встала на ноги, и чтобы мы все гордились ею.

- Не возражаю, - поддержал его Толик. – Жаль только, что пока гордиться нечем.

- У тебя, Вов, ностальгия, и ты начинаешь любить Россию издалека. Только ты не представляешь в полной мере, что в России делается. – Чиновники воруют, бандиты грабят, коррупция цветет буйным цветом, народ голодает... а дальше все по списку, - вставила Мила.

- Это называется первоначальное накопление капитала, - весело сказал Олег.

- Это называется свобода и демократия, - сказал Толик. – Вот ты сейчас говоришь такие вещи, за которые тебя

при советской власти упекли бы за решетку... Мы же хотели свободы, вот она – свобода.

- Не надо свободу путать с анархией.... И, вообще, почему мы считаем, что демократия – это хорошо? Гитлер тоже пришел к власти демократическим путем.

- А дело не в демократии, а во власти, которую мы теперь выбираем демократически. А как ведет себя эта власть – вопрос другой.

- Чего ты разошлась, Даш? - не выдержала Элька. – Ну их всех к черту. Давайте гулять.

- Да надоел бардак. Мне двадцать пять лет, а я на родительской шее сижу.

- Иди в предприниматели. Теперь многие бизнесом занимаются, - посоветовала Татьяна. Ее Толик возил на своей машина товар из Москвы, в основном памперсы. Своей точки у него не было, но его товар охотно брали оптом несколько магазинов, и это пока неплохо обеспечивало их с Татьяной.

- Зачем мне в предприниматели? - Обиделась Даша. – Я врач. Что, стране врачи не нужны? Во всем мире, между прочим, врачи – это средний класс со всеми вытекающими последствиями.

- Толь, а чего ты магазин не откроешь? – спросил Вовка. – Уж если занимаешься этим, развивайся.

- На какие шиши? Это уже совсем другие деньги.

- Возьми ссуду в банке.

- Ага! Ты знаешь, какие у нас проценты по ссуде? Это тебе не Бельгия. Обдерут как липку. Да еще под залог. Возьмешь и не заметишь, как квартиру потеряешь.

- За товаром в Москву едешь? – поинтересовался Вовка.

- В Москву. Куда ж еще?

- Не люблю Москву, - сказала Мила. – Сплошная суета и вечная спешка. Все куда-то бегут, всем некогда. Народу тьма, а спросить некого. В лучшем случае не ответят, а в худшем – облают... Господи, а за свои московские квартиры держатся так, будто вся провинция спит и видит, как

у них эти квартиры оттяпать... А еще, помню, Маркес в моду вошел, так вся Москва с томиками в метро и в троллейбусах ездила. И не потому, что Маркес всем поголовно нравился, а потому что модно...

- Так ты тоже читала Маркеса вместе со всеми, - подколола Милу Элька.

- Ничего подобного, - засмеялась Мила. - Я подождала, пока ажиотаж спадет, и без давления извне прочитала, с большим удовольствием, между прочим... Да все у них напоказ. В провинции по-другому... И, вообще, мы больше Россия, чем Москва, хотя Москва и смотрит на нас свысока... Говорю честно, я бы в Москве жить не хотела.

- Не скажи, подруга, - отозвалась Татьяна. - В Москве возможности другие. Не сравнить. Столица - есть столица. Я бы пожила. Большой театр, Третьяковка, театр на Таганке, Покровский Собор, ГУМ, ЦУМ. Говорят, Москва до неузнаваемости меняется.

- Да только Москва и меняется. Наши зарплаты не меняются. А ты знаешь, сколько теперь билет в Большой стоит? Как раз Дашкиной зарплаты хватит, а моей так и мало будет.

В словах Милы звучала ирония. Татьяна промолчала

- Москва, конечно, не вся Россия, - поддержал Милу Толик. - Но мир смотрит на Россию через Москву... А настоящая Россия - в провинции.

- Мальчики, девочки, ну, миленькие, хватит вашей политики, давайте веселиться, - взмолилась Элька..

- Русский человек без политики жить не может, - изрек Олег. - Кругом одна политика.

- И водка, - добавил Вовка. Он заметно опьянел, хотя выпил всего три рюмки водки, к которой не очень был привычен.

- Всё, всё. Пьем за Лину, за ее дите, которое уже говорит по-французски, и за русский футбол, который Вовка развивает и пропагандирует в Бельгии.

На короткое время воцарилась тишина, прерываемая фаянсовым звоном тарелок.

– Лин, расскажи, как там в Бельгии, попросила Даша.

- Нормально, - пожалала плечами Лина. – Чисто...А у вас тут бабки на каждом шагу семечками торгуют. Все остановки лузгой заплеваны, и никто их не гоняет... И урн нет...

- Урны убрали отовсюду, когда после взрывов в Московском метро появилась террористическая угроза. А семечки продают, потому что кормиться надо. На пенсию в пятнадцать долларов не проживешь. У нас врачи и учителя месяцами зарплату не получают, а на предприятиях с рабочими расплачиваются продукцией. Так что кроме бабки с семечками, на трассах стоит народ и торгует игрушками, часами и глушителями для автомашин.

- Да-а! В России действительно много политики, - сказала Лина. – Мы как-то уже успели отвыкнуть от этого. В Европе все проще.

- Европа зажралась, - зло сказал Толик. – Народ стал инфантильным. Ему не до чего дела нет. Мало того, они даже мозги перестали напрягать. От сытой жизни отупели. Россия – слишком значительна, чтобы закрывать глаза на то, что в ней происходит, а Европа даже не почесалась, когда Хрущев чуть не развязал мировую войну из-за Кубы. Посмотрел бы я тогда на Европу...Россия укрыла Европу от татаро-монгольского нашествия и от гитлеровской оккупации спасла. А на Россию все плюют с высокой европейской колокольни и смотрят как на помойку и сырьевую базу.

- А кто виноват? – сказал Олег. – Сами и виноваты... Мы же сами всем доказываем свою несостоятельность. «Тупые», как русские говорят, иностранцы не могут понять, как в такой богатой стране можно так плохо жить...

- Мальчики, еще один разговор про политику, я встану и уйду. - пообещала Элька.

- Правда, ребят! Давайте про что-нибудь другое. Ну, надоело же! – возмутилась Татьяна.

- Вон, нам горшочки несут, – обрадовалась Лина.

Официант, молодой человек в черной жилетке и бабочке, поставил поднос с горшочками, от которых шел пар и умопомрачительный запах тушеного мяса, на свою тумбочку и стал подавать на стол коричневые глиняные сосуды, держа их за ручки-ушки.

- Олег, - попросила мужа Элька. – Закажи еще бутылочку водки.

- Да хватит, вон, еще вино есть, - возразила, было, Татьяна.

- Тань, с каких пор ты в союз трезвенников записалась? Каждый день, что ль, собираемся вместе? Давай, давай, Олег!

Выпили под горячее. И уже заговорили громче, не слушая друг друга. Женщины раскраснелись, у мужчин заблестели глаза. Чаше раздавался смех. Олег подсел к Володе, и мужчины, оказавшись вместе, заговорили о своих машинах, пошли анекдоты.

- Мил, как у тебя с работой? - спросила Татьяна. - Ничего не нашла?

- Где ж я ее найду? На дороге не валяется. Гербалайт продавать? Так это не работа.

- Знаешь, Мил, - жестко сказала Элька. – Ради ребенка, что хочешь продавать пойдешь. Иди работать кондуктором на троллейбус, пятьсот тысяч платят.

- Что ж ты не пойдешь? – огрызнулась Мила.

- Мне не надо. У меня мужик зарабатывает. А ты своего турнула. Вот теперь локти и кусай.

- Локти я кусать не буду, но и с алкашом жить не стану. И в кондукторы не пойду. Проживем как-нибудь.

- Жестокая ты, Элька. Уж если помочь не хочешь, так хоть не растравливай душу человеку. Я тоже на бобах сижу, так что ж и мне бросить больницу и в кондукторы за лишние сто тысяч идти? – возмутилась Даша.

- У тебя детей нет.

- У меня и мужика нет, - засмеялась Даша. – Мил! Вот дура-то склерозная. Забыла. Все думала, что я тебе должна сказать? В Зернобобовый институт требуется МНС. Ты же

биолог. Мне соседка, Наташка, сказала, - она аспирант в лаборатории биохимического анализа.

- Даш, - заволновалась Мила. – Что ж ты молчала?

- Говорю ж, склероз.

- Так уж, небось, взяли кого-нибудь? Когда ты разговаривала?

- Да не бойсь, подруга. Я Наташке про тебя рассказала, и попросила, чтобы место пока забили. Если тебя возьмут, с ней вместе работать будешь. Хорошая деваха. Тоже не замужем.

- А какая там зарплата, не знаешь?

- Честно, Мил, не знаю. У Наташки тысяч четыреста, но она зам. зав. лаборатории и работает уже года три. Ну, уж во всяком случае, больше, чем в твоём кружке. А потом, ты же девка умная, тебе главное зацепиться. И защититься там можно. К наукам ты способная, недаром школу с медалью закончила... Да и НИИ – не школа: сопли чужим дебилам вытирать.

- Я завтра съезжу. Утром отпрошусь и поеду. Спасибо тебе, Даш.

- Да ладно тебе. Благодарить потом будешь... Да, Мил, я у тебя сегодня переночую? Что-то мне сегодня неохота к себе тащиться.

- Что ты спрашиваешь? Конечно. Я и так все одна, да с Катькой. Поболтаем вволю. Чайку попьем, у меня варенье сливовое есть.

- Какой тебе чай, - засмеялась Даша. – Я и напилась, и наелась на неделю. Посмотри на мой живот. Как на седьмом месяце. – Она погладила обеими ладонями свой живот.

Мила с Элькой засмеялись.

Вместо магнитофона заиграл оркестр. Татьяна увела своего мужа танцевать. Тот нехотя покинул мужскую компанию, и они пошли на пяточок перед оркестром.

- Мил, вон видишь парня? На тебя глаза пялит, - Элька толкнула коленом Милу. Мила скосила глаза на столик справа. Там сидели два молодых человека и миловидная

девушка. Один, худощавый, действительно посматривал в их сторону.

- Вижу, смотрит. А почему на меня? Может, на тебя или на Дашку.

- Ага, щас. Это Вадим. Он давно на тебя глаз положил. И ко мне, и к Таньке пристаёт, просит с тобой познакомиться.

Мила еще раз осторожно покосилась в сторону Вадима. Элька сделала незаметный знак, и молодой человек поспешил подойти к ним, будто этого и ждал. Был он высок, худ, не широк в плечах, но приятен лицом, и как Мила заметила, застенчив, потому что, когда со всеми поздоровался и Элька представила его, густо покраснел.

- Можно вас пригласить на танец? – смущенно проговорил он, обращаясь к Миле.

По его растерянному лицу Мила поняла: он страшно боится, что ему откажут, но колебалась.

- Иди, иди! – прошипела Элька

- Иди, - подтолкнула ее Татьяна.

- Съест он тебя, что ли? – усмехнулась Даша.

Танцевали молча. Танец быстро закончился, и Вадим не успел придумать, что сказать, с чего начать разговор. Он проводил Милу к ее столику и попросил:

- Можно я вас еще приглашу?

Мила пожала плечами, и он истолковал это как согласие. Следующий танец он уже говорил ничего не значащие слова. Но Мила как-то в смысл их не вникала, а когда он попросил проводить ее домой, сказала, что живет рядом, тем более идет вместе с подружкой.

- Я знаю, где вы живете, - молвил Вадим. – Тогда, разрешите я вас с подружкой провожу.

- Провожайте, если вам так хочется! – разрешила Мила.

Из ресторана ушли без малого в двенадцать. Никак не могли расстаться, стояли у входа, договаривая какие-то последние, не досказанные слова, наконец, разошлись. До Ленинской шли вместе с Элькой и ее Олегом, потом разде-

лились и теперь уже шли втроем. Мила под руку с Дашей и Вадим сбоку от Милы.

Фонари освещали площадь и театр, но уже чуть подалее, у казино, был полумрак, и только вход освещался разноцветными гирляндами, да одинокая лампочка в стороне высвечивала круг у столба, на котором висела.

Вот здесь из полумрака появились вдруг трое не очень трезвых парней. «Будут грабить, - мелькнула в голове у Милы». У девушек от страха подкосились ноги. Вадим закрыл собой Милу с Дашей и стоял, ожидая, что предпримут парни.

- Что вам нужно? – спросил Вадим.

- Ща узнаешь, сука! – зло, сквозь зубы выдавил невысокий, коренастый ублюдок. Вадим успел перехватить и вывернуть его руку, в которой был нож. Нож звякнул об асфальт. Но возле Вадима уже стояли двое других. Мила с Дашей заорали не своими голосами. Но раньше, чем на Вадима навалились хулиганы, откуда-то взялся крепкий парень и в момент разбросал нападавших, так что один так и не встал, и когда его приятели, прихрамывая, разбегались, скрываясь в темноте, ворочался и постанывал, силясь подняться. То ли Вадим, заламывая, вывихнул ему руку, то ли их спаситель перестарался, нанеся удар ногой.

- Спасибо, Жека! – сказал Вадим. – Вовремя поспел.

- Ладно, чего там! – отмахнулся Жека.

И он исчез также внезапно, как и появился. Будто его и не было минуту назад.

К девушкам вернулся дар речи, и они сразу заговорили, словно плотину прорвало. И уже Вадим стал как-то ближе, и вроде они все знакомы уже давно.

- Это что, ваш телохранитель? – пошутила Мила.

- Почему? Друг. Мы всегда вместе.

- Холостой? – озорно блеснула глазами Даша.

- У него девушка есть.

- А, это они с вами за столиком сидели? – догадалась Мила.

- Они, - подтвердил Вадим.

- А что ж он ее бросил?

- Она в машине сидит.

Возле дверей Вадим спросил Милу:

- Когда мы увидимся?

- Не знаю, - ответила Мила.

Она действительно не знала, хочет ли она его увидеть еще. Он ей не очень понравился. Во-первых, мальчик совсем, а ей нравились более солидные мужчины; Андрей и то был старше ее на пять лет. Во-вторых, нескладный какой-то. Конечно, когда войдет в возраст, возмужает, может быть, и будет похож на мужчину. Хотя, не трус: вон как бандиту руку заломил. Если бы не этот случай, Мила, даже не колеблясь, отшила бы этого Вадима, но теперь ей неловко как-то было показаться неблагодарной, тем более грубой.

- Не знаю, звоните! – сказала Мила. – Телефон уже наверно знаете? – она самоуверенно усмехнулась.

- Конечно! – подтвердил Вадим. – Я вам завтра позвоню.

Он подождал, пока они поднимутся вверх по лестнице, и пошел назад. За домом возле сквера его ждал Женя с машиной.

Глава 4

Мила включила телевизор и пошла на кухню ставить чайник. Даша забралась с ногами на тахту и расслабленно сидела, поджав ноги под себя, переключая пультом каналы и натываясь на рекламу, которая навязчиво предлагала шампунь от перхоти, прокладки «Олвейз», сковородки «Тефаль» и уверяли, что «Тефаль» думает о нас». Рекламировали пояса для похудения, призывали отдохнуть в Турции, на Кипре, в Израиле, в Египте, в Греции и Андорре.

- Мил, - позвала Даша. – У тебя газета с программой есть? А то мне все реклама попадается. Сплошная виагра, да прокладки.

- Да задолбали, - согласилась Мила, подавая газету. – Детей и то этой рекламой заморочили. Папа недавно рассказал: он спросил своего ученика-шестиклассника: «What is the Russian for «always»¹?» И тот придурок, не задумываясь, выдал: «прокладки».

Даша засмеялась:

- Детям поменьше надо смотреть телевизор, - сквозь смех сказала Даша.

Она раскрыла газету и стала изучать программу.

- Мил, «Эммануэль» смотреть будем?

- Обалдела? Час времени. Чаю поьем и спать.

Даша полистала газету, наткнулась на объявления: «Эротический массаж. Эскорт-услуги. Круглосуточно. Лена».

- Мил, представляешь, совершенно в открытую предлагает себя и телефон дает. Сколько ж она берет за сеанс?

- Позвони, - усмехнулась Мила. – Жаба душит?

- А что? Наверно, за сеанс больше, чем врач, по крайней мере, за неделю получает.

- Ты не сможешь.

- Почему это?

- Мораль у тебя другая.

- Не смогу, - согласилась Даша. – Ой, а это уж вообще. Слушай, Мил: «Симпатичный парень 26/174 познакомится с мужчиной любого возраста для встреч на любой территории. Чистоплотность и тайну встреч гарантирую», а вот еще: «Молодой человек 22 лет познакомится с парнем для дружбы и более». А я думаю, куда женихи подевались? Оказывается, если не алкаш и не наркоман, то педик. Надо ж, теперь мужики с мужиками в открытую живут.

- Ну, уж прямо! Будто нормальных мало. Вокруг тебя столько мужиков увивается, а ты все перебираешь. Смотри, Дашка, одна останешься.

- Мил, ты знаешь, мне всякий не нужен.

- Все ждешь Фархата?

¹ Как перевести на русский слово «always»? «Always» - всегда (англ.)

- Уж лучше одной жить, чем выходить за кого попало,
 - Даша оставила вопрос Милы без ответа. – Ты вот вышла. И что? Только головную боль заработала. Три года псу под хвост.

- У меня ребенок есть. А это стоит любой головной боли.

- Не знаю. Ребенок без отца – это тоже, знаешь, не дело.

- Ничего, - Мила упрямо сдвинула брови. – Выращу.

- А чего ты вообще замуж ни свет ни заря выскочила? Залетела, что ли?

- Ничего я не залетела. Будто ты не знаешь?.. Это Машка залетела и замуж аж в десятом классе вышла, а я так...глядя на других. Уж на третьем курсе была.

- Боялась не успеть? - ехидно заметила Даша.

- Скорее из-за родителей. Надоели их занудства: «это нельзя», «как ты можешь?», «не красься», «не мажься», «не надевай»...Конечно, дурой была.

- Смотри, Мил: «Гадалка-ворожея. Духовное целительство. Снятие порчи, колдовства, венца безбрачия. Успех в семейной и личной жизни», или «По фото сниму порчу, сглаз. Помогу в семейных проблемах». Как раз для нас, Мил. И телефоны есть. Вон сколько их здесь. И колдуны и белая магия, и гадание на картах Таро.

- Дурь это все. Все эти колдуны по объявлениям – мошенники. Деньги из нас, дураков, выкачивают. Раньше хоть одни цыгане этим занимались, а теперь все, кому не лень.

Зазвонил телефон. Мила взяла трубку.

- Алло! А, это ты, Эль, Да, ничего. Сейчас чайку попьем и спать. Как мне Вадик? Да никак. Мальчик еще... Да, ты знаешь, на нас с Дашкой какая-то шпана напала. Мы думали, все, конец нам. Вадик у одного нож отнял, а какой-то его друг их всех уложил...Ну, это еще ни о чем не говорит. Может быть, на его месте так поступил бы каждый... - Мила засмеялась. – Ну и кто он? Отец генерал? Ничего себе. Генерал чего? Милиции? Обалдеть. А этот

Женя, правда что ли телохранитель?.. Ах, это шофер папы... И машина БМВ персональная папина?.. А чего мне сомневаться? Друзья, так друзья... Знаешь, Эль, если мне человек не по душе, то пусть у него папа хоть маршалом будет, мне наплевать...Ну, значит, дура... Ну, почему? Обещал позвонить. Может, и встречусь, все равно у меня никого нет сейчас...Дашка? Вон сидит. Сейчас передам. Даш, возьми трубку.

- Да... Ладно, Эль... Хорошо... Устрою. Я завтра позвоню.

Даша положила трубку:

- Просит брату больничный устроить.

- Опять Генка в разгул пошел. Вот паразит. Девки совсем голову малому заморочили, - отозвалась Мила.

- Да у него сейчас, вроде, постоянная.

- Да видела я ее. Нагла до предела. Да еще и дура непроходимая.

- Зато красивая, - хохотнула Даша.

- А еще блудливая...Да ну ее к черту. Генку, дурачка, жалко.

- Господи, что ж мужики лопухи такие! Столько хороших девок вокруг. Нет, надо обязательно вляпаться. Видно же, что стерва, и нужен он ей, пока тряпки покупает и по кабакам водит.

- За папины деньги, - вставила Мила.

- Да он, вроде, и сам в деле с Олегом Элькиным.

- Ага, в деле! Олег пашет, а Генка только числится и деньги проедает. Олег и терпит его из-за Элькиного отца, потому что, если бы не Андрей Николаевич, то и дела никакого не было. А там, знаешь, какие деньги крутятся?

- Да уж представляю. В Америке в тридцатых годах вся мафия расцвела на водке, да наркотиках.

- Даш, переключи ты эту Пугачиху. Достала попса. Одни и те же по всем каналам... Сколько живу, столько они с экрана не сходят. Вроде, после девяносто третьего года их потеснили с телевидения, а потом они опять вылезли.

- Ну, это ты, Мил, зря, - засмеялась Даша. - Это, по крайней мере, - попсовая классика. Тебя музыкальная школа испортила. Тебе же Шопена подавай. Но не всем же Шопена слушать.

- Конечно. Для этого нужны определенные усилия, для этого нужно учиться, а учиться всегда трудно. Проще сидеть с бессмысленным выражением лица и слушать бредятину, вроде, «Жениха хотела, вот и залетела». Попса, она попса и есть... Кстати, ты тоже слушаешь не Кобзона, а Микки Джаггера, «Deer Purple» и «Queen»...

На первом канале шло ток-шоу. Какая-то юная девица из новоиспеченных звезд учила телезрителя жить: «Я, как бы, думаю, что в семье должны быть свободные отношения. Если муж, как бы, ходит налево, или она тоже ходит, то это не значит, что они, как бы, не любят друг друга. А ревность, это, как бы, пережиток прошлого».

- Во как! – обалдело сказала Даша. - Вот соплячка!

- Да в Москве вообще все с ума посходили. В какой-то передаче Ерофеева спросили: «Если вы считаете, что мат вполне допустим в художественной литературе, и вам не стыдно за это, вы сможете прочесть вот этот ваш отрывок вслух при всех?»

- И что? – заинтересовалась Даша.

- Прочитал. На всю страну.

- Идиотизм!

- Идиотизм-то идиотизм. Но я думала, что Ерофеев умнее. Можно было и не озвучивать мат. Ведь чтение – это интимный процесс. И писатель пишет книгу для одного читателя, а не для аудиторного чтения. Так зачем же озвучивать то, что предназначено одному? А Ерофеев сдуру взял и прочитал. Его как лоха поймали на «слабо»... А ты знаешь, Даш, теперь в продаже есть даже словарь «Мата русского языка». Я у папы нечаянно нашла. Там утверждается, что мат – это фольклор, устное народное творчество. Вот ты знаешь, например, что такое «пошел на х...»?

- Да уж знаю, посылали, - засмеялась Даша.

- Ты неправильно знаешь, а словарь объясняет: это значит «отстань от меня и больше не приставай».

- Зачем твоему папе такой словарь? – спросила Даша.

- Так он же по образованию филолог, и сам что-то там пишет. У него полно всякой справочной литературы. У него и «Словарь воровского языка» есть, хотя он как-то сказал, что если такой словарь и нужен, то не для массового пользования, а для уголовного розыска или, на худой конец, для писателя детективных романов.

Даша переключила канал. По НТВ шла передача о трагически погибшей недавно принцессе Диане. «И это мировая скорбь. Трагическая судьба, трагическая смерть. И, кажется, пусть это кошунственно выглядит, закономерное завершение судьбы, потому что продолжение было бы затмением всего, что импонировало обывателю, и забвением, чего так хотела она, и что совершенно не нужно было этому жестокому миру».

- А только что один за другим ушли из жизни Леонов, Папанов, Окуджава, Юрий Никулин. Целое поколение любимых артистов, - сказала Мила.

Они еще немного посидели, тихие и растроганные, разве что только слез не хватало.

- Ладно, Даш, пойдем. Чай остыл. Времени почти два. Завтра не встанем.

После чая они уже в постелях переговаривались о каких-то пустяках и не заметили, как погрузились в глубокий без сновидений сон. Во сне их лица не были безмятежными, как бывают безмятежны у детей и людей беззаботных. По их лицам, даже во сне пробегала тень тревоги, которая сменялась просто озабоченным выражением, и это делало их лица суровыми и роднило со всем народом, населяющим постсоветское пространство. И именно это выражение, суровое и незащитное одновременно, выдавало в них тот тип людей, которых мир назвал «Homo sovieticus»...

Даша жила с родителями в живописном пригородном поселке «НИИ зернобобовых культур». В город регулярно ходили автобусы. Это был тип микрорайона, только здесь

не строили девятиэтажек, все было подчинено нуждам Института, и народ, который населял поселок, так или иначе, имел отношение к Институту. В самом НИИ работало около трехсот человек, а его опытные поля занимали десятки гектаров.

У них был собственный кирпичный дом с большим участком земли, хозпостройками, гаражом и глубоким погребом, обложенным камнем изнутри. Мама работала лаборантом в Институте, отец водил институтский автобус. Зарплаты им хватало и даже оставалось, но основной доход они получали с земли, недаром говорят: «Хочешь разбогатеть – занимайся торговлей, хочешь прокормиться – работай на земле». И они работали. Весной продавали капустную и помидорную рассаду, которую у них охотно покупали, в теплицах выращивали ранние огурчики, а осенью сдавали в магазин картошку. Свободные деньги хранили в «Сберегательной кассе», в той самой, где улыбающийся до ушей молодой красавец с плаката утверждал: «Накопил – машину купил». Вот на новую машину они и копили. Дашкин папа Василий Никифорович, мечтал о «Ниве». Его «Москвич» четвертой модели хоть и был, благодаря стараниям хозяина, вполне на ходу, но, конечно, эта машина ни в какое сравнение с «Нивой» не шла. И еще они с женой, Галиной Михайловной, хотели купить дочери однокомнатную квартиру в городе.

Все рухнуло с перестройкой. Пока молодые реформаторы грызлись за власть со старыми аппаратчиками, пока делили эту власть между собой, а потом решали, что будут строить, но уже все сломав, зубастая гидра инфляция сожрала все сбережения, уменьшив их тысячекратно и сделав народ нищим. И никто не был виноват, потому что виноватых искали по кругу. Получилось как у артиста Евдокимова: «Никто не виноват, а морда бита».

Плюнул Василий Никифорович в сердцах на ставшую бесполезной сберкнижку, обругал матерно и Горбачева и Ельцина, а с ними и всю «кодлу бессовестную», которая в Кремле сидит, и поклялся никогда ни за кого больше не

голосовать и ни на какие масляные посулы не покупаться... Зарплата плелась за инфляцией как немощная старуха, иногда останавливаясь, не поспевая за ней. В результате, зарплаты на жизнь хватать не стало. Опять выручала матушка-земля. Но теперь Василий Никифорович стал хранить свои кровные рубли в банке, в своей, стеклянной, решив, что это будет надежнее. Это он так думал. А «они там» думали иначе, устроив день, который вошел в историю экономики России как «черный вторник». 12 октября 1994 года рубль «рухнул», и за один доллар стали давать четыре тысячи рублей вместо двух тысяч восьмисот. Тут же поднялись цены на все импортные товары, а под шумок - и на российские. Черномырдин прервал свой отдых на Черноморском побережье и примчался в Москву. Ельцин заявил, что это сговор коммерческих банков с коммунистами, но в любом случае виноват Председатель Центробанка господин Геращенко. Оппозиционная Ельцину Дума отказалась утвердить документ об отстранения непотопляемого Геращенко. Тогда Президент нашел другого козла отпущения – министра финансов Дубинина. Явлинский сказал, что специалист такого уровня как Геращенко не может не нести ответственности за финансовое состояние в стране. Как это, руководитель Центробанка не знает, на что рассчитывать рублю сегодня, на что завтра. В подобной ситуации в цивилизованных странах руководители высшего ранга подают в отставку. Геращенко сказал; «По-давать в отставку? Не вижу оснований» и укатил в Америку на празднование годовщины открытия Российского банка в США. Егор Гайдар выразился предельно ясно: «Кто-то нажил в один день десятки миллиардов, а потеряли, естественно, опять рядовые граждане».

Предположения о целенаправленной диверсии коммунистов не подтвердились.

Правительство от этой «операции» в накладе не осталось и быстро успокоилось, забыв про «виноватых»... А доллару уготовано было, скорее всего, и дальше дорожать, прежде всего, потому, что, как сказал Алексей Николаевич,

«в России нет объективных причин для стабилизации собственной валюты. Необходимое условие стабилизации – устойчивое развитие экономики, чего у нас нет. С чем мы нас и поздравляем».

Василий Никифорович, ругаясь на чем свет стоит, и, обзывая Ельцина, Геращенко, а заодно и Думу со всеми ее правыми и левыми, последними словами, поддавшись всеобщей панике, понес менять оставшиеся рубли на доллары, сам не веря в здравый смысл этой затеи. Галина Михайловна плакала и отговаривала мужа от этой затеи, справедливо полагая, что в нашей стране рассчитывать на какую-то логику бесполезно, «они» что-нибудь обязательно придумают такое, что завтра потеряются и доллары. В хитромудрии им равных нет...

Даша помнила весь этот кошмар, когда родители теряли разум и хватались за голову, не понимая, что происходит, что делать и как в этих условиях выживать. Немного утешало то, что и другие, их знакомые, живут в таком же перевернутом состоянии. Учиться в институте стало трудно и противно. Появились мальчики и девочки, которые приезжали на лекции в дорогих иномарках, не очень обременяли себя учебой и сдавали зачеты и экзамены за мзду. Впрочем, и в институт они поступали за деньги. Преподаватели, даже самые принципиальные, загнанные в угол нищенской зарплатой и снижением их статуса преподавателя ВУЗа до статуса дворника, когда ученая степень вызывает иронические усмешки, а величина зарплаты сочувственное покачивание головой, дрогнули при виде долларовых знаков, которые им беззастенчиво стали предлагать наглые отпрыски нуворишей.

Даша и другие, кому надеяться в жизни было не на кого, старались, зубрили и учились прилично. На таких преподаватели рассчитывали и делали ставку, как на будущих специалистов, и с ужасом думали о пациентах, которые когда-нибудь, не дай Бог, попадут к горе-студентам, которым дорогу к высшему образованию открыл папин толстый кошелек. К чести сказать, среди преподавателей

почти не было вымогателей: они видели разницу между богатыми оболтусами и нормальными, пришедшими за знаниями, студентами, и Даша закончила свой медицинский, правда, не с красным дипломом, но вполне прилично, и стала врачом-дерматологом. Теперь она благодарила судьбу за то, что с первого раза не поступила в Первый медицинский. Большой вопрос, смогла бы она в это полугодное лихое время проучиться шесть лет в Москве. До них доходили слухи о распространении наркомании и проституции в московских ВУЗах. Хотя студенты тоже разными бывают. Оно и в Воронеже были девочки, которые приторговывали собой, кто от нужды, кто просто удовольствия ради, бывало, и «травку» покуривали, хотя это уже была блажь более обеспеченных. И все же провинция оставалась менее падкой на нововведения, а сексуальная революция не приобрела в ней всеобщего размаха и поголовного разгула похоти.

Дом был в двух часах езды от места учебы, и Даша привозила из дома продукты: картошку, варенья, соленья и даже тушенку, которую отец делал из крольчатины. Сначала Даша жила в общежитии, потом Ленка уговорила ее переехать к ней в комнату, которую ей сняла мама у какой-то своей старой знакомой. На двоих это вышло не так дорого, но с подругой жить действительно оказалось удобнее. Продукты и у нее, и у Лены были из дома. Их привозила Ленкина мама или отец Даши, иногда они ездили домой сами. С парнями они дружили в основном из своей группы. На праздники уезжали домой, дни рождения отмечали у девочек в общежитии. Мальчиками ни Даша, ни Лена не увлекались, хотя те время от времени надоедали им своими ухаживаниями. Все время поглощала учеба...

Но коварный Амур уже затаился и только ждал случая, чтобы поразить Дашино сердце своей неотразимой стрелой.

Глава 5

Виталий Юрьевич всегда с неохотой вспоминал историю с РДС, в результате которой он лишился не только машины, но и тех сбережений, о которых люди говорят, что они «на черный день».

Легковую машину «ИЖ-комби» Виталий Юрьевич в свое время купил с рук. Причем, сначала он был согласен на «Запорожец». Как говорила Ольга Алексеевна, «по Сеньке и шапка», имея в виду их капитал. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Когда они купили дачку, вернее, четыре кирпичные стены с мансардой, но без потолка и пола, Виталий Юрьевич, поездив туда сезон в переполненном автобусе, после чего приходилось еще шагать три километра с рюкзаком за спиной, загорелся идеей купить мопеды: для себя и для Ольги Алексеевны. Хотел сделать сюрприз и, прикатив их вдвоем с рабочим, которому дал на бутылку, к дому, сиял как полная луна. Ольга Алексеевна повела себя совершенно неожиданно.

- А ты думал, я от твоих затей приду в восторг? – сказала она мужу. – Я промолчала, когда ты дачу покупал. Сарай - не сарай и домом не назовешь. Ты помнишь, сколько сил нужно было положить, чтобы достроить эту твою хибару? И денег... Ладно, я смирилась. Теперь эта твоя новая дурь, мопеды... Во-первых, я на эту твою тархтелку, хоть озолоти, не сяду. Во-вторых, где ты их собираешься держать?

- В лоджии, - бодро ответил Виталий Юрьевич. – Места много не займут.

Ольга Алексеевна с недоверием посмотрела на мужа:

- А как ты их в лоджию затащишь?

- Подумаешь, проблема, - беззаботно пожал плечами Виталий Юрьевич.

В лоджию он мопеды затащил, но оптимизма у него после этого поубавилось. Мопеды были значительно тяжелее обычных велосипедов, а колеса только с виду были похожи на велосипедные, и если по дороге катились хорошо,

то по ступенькам взбираться отказывались. Виталий Юрьевич с трудом затащил один за другим мопеды в лоджию, и его дыхание походило на хрип загнанной лошади. «Слава тебе, Господи, что ты поселил нас на второй этаж, а не на девятый», - мысленно вознес хвалу Виталий Юрьевич, вытирая пот с лица.

- Не хочешь ездить на мопеде, сам буду ездить, когда нужно будет что-то тяжелое тащить, - неуверенно сказал Виталий Юрьевич и с трудом один мопед продал за цену меньшую, чем купил.

Второй мопед Виталий Юрьевич продал после своей первой и последней поездки на дачу.

Поездку эту он наметил на день рождения жены. Ему хотелось явиться домой с охапкой тюльпанов, которые росли на даче в избытке. Они лезли из земли с мощной силой дикой травы и в мае радовали глаз, затмевая собой культурное огородное пространство с первыми всходами лука, редиса и другой ранней зелени. Рано утром, съев наскоро овсяной каши и выпив чашку чая, Виталий Юрьевич потащил свой мопед во двор.

- Хочу попробовать, - сказал он Ольге Алексеевне. - Немного прокачусь. Заводить-то я уже его заводил, а ездить еще не пробовал.

Ольга Алексеевна отмахнулась от него как от назойливой мухи: мол, чем бы дитя ни тешилось, и пошла на кухню готовить праздничный ужин к вечеру. Вслед ему крикнула:

- Недолго. Мне надо будет помочь, а то мы с Милой не управимся.

Мопед завелся быстро, с третьего раза, но когда Виталий Юрьевич сел в седло и стал прибавлять газ, мотор заглох. Так он заводился и глох всякий раз, стоило на него сесть и крутануть ручку газа. Затарахтел мопед только под горку. Виталий Юрьевич прибавил газу и покатил по улице, испытывая при этом невыразимый восторг, который знаком всякому, впервые севшему за руль самоходного устройства.

Счастье Виталия Юрьевича кончилось на первом подъеме, которых было в избытке на шоссе, ведущего к даче. Мотор глох, и в гору Виталий Юрьевич тащил его своим ходом. Под уклон мопед заводился, и дальше, по ровной дороге, шел бойко, но на подъеме глох. Последний крутой подъем после мостика через неширокую быструю речушку перед самой дачей совсем выбил Виталия Юрьевича из сил. Зато, съехав с горки, он пролетел птицей до своей калитки, и сам заглушил мотор.

Виталий Юрьевич вдохнул полной грудью чистый загородный воздух, так что даже немного закружилась голова. Тишину нарушали лишь голоса дачников, и не было сплошного городского гула от тысяч движущихся машин, и не было сплошной гари от выхлопных газов, бензина, запаха от невыделанных шкур с мясокомбината, гари от сгорающего угля с ТЭЦ.

Деловито жужжали пчелы, перекликались птицы. Начала было куковать кукушка, но тут же умолкла: то ли ее спугнул кто-то, а, может быть, ей еще рано было куковать; завела свое однообразное «витя-витя-витя» славка.

Вдруг запел соловей. Он рассыпался трелью, потом защелкал, затрещал не хуже кастаньет в руках опытного музыканта, замолкал и начинал снова, иногда подражая какой-то птице.

Эта серенькая неброская птичка всегда приводила Виталия Юрьевича в восторг, и он думал о том, что это совершенство природы не иначе как последняя точка в божьем промысле того дня, когда Бог населял Землю.

А еще Виталий Юрьевич отмечал: как только начинали петь соловьи, все птицы умолкали, будто отдавали дань совершенству.

Пахло сиренью, мятой, травой и речкой. Молодая зелень радовала глаз нежным прозрачным цветом, который бывает только весной. Все вокруг благоухало и цвело, поражая силой, с которой пробудилась жизнь, казавшаяся мертвой после зимы.

Виталий Юрьевич ощутил прилив сил, и его утомительное дорожное путешествие показалось вдруг смешным и незначительным. Он зашел в дом и с удовольствием отметил, что дом совсем неплох. Несмотря на некоторую бестолковость, свойственную людям творческого склада, руки у него были мастеровые, и шло это, вероятно, от деда: тот мог и дом построить, и мебель смастерить. За прошлое лето Виталий Юрьевич настелил пол внизу, на первом этаже и в мансарде, подшил потолки, да еще заложил фундамент, собираясь расширить дом под кухню и веранду, а над верандой сама просилась лоджия с выходом из спальни, которую они с Таисией Ивановной уже устроили в мансарде, обшив ее деревом. Иногда Виталию Юрьевичу помогали за выпивку и небольшие деньги деревенские мужики: с ними его свел случай в сельмаге, когда он добавил им недостающие деньги на водку. Мужики оказались хоть и пьющими, но незлобивыми и рукастыми.

И это уже была дача. Хотя в России дачей называли любой кусок земли с сарайчиком для лопат и грабель, где сажают картошку, огурцы, морковь и лук. Виталий Юрьевич вспомнил, как однажды какая-то французская делегация, каких в их городе много бывает, так как город тем знаменит, что в нем родились, жили и работали многие выдающиеся писатели и общественные деятели, а уж проездом кто только ни останавливался, включая Пушкина. Так вот, французы никак не могли взять в толк, что это за шалашы стоят на квадратиках земли, словно заплатки на русских самодельных одеялах. Французам вежливо объяснили, что это загородные зоны отдыха городского населения. «Русские виллы?» - спросили французы. «Не совсем так, - смутились наши. - Это подсобные хозяйства, где трудовой народ выращивает для себя овощи и фрукты». «А почему это делает трудовой народ из города? Разве не выгоднее овощи и фрукты выращивать на фермах трудовому народу из села?» «Нашему трудовому народу из города доставляет удовольствие выращивать экологически чистые продукты самим, своими руками», - нашлись наши. «Ваши

люди есть очень здоровые, - сделали вывод французы, - если у них хватает сил работать на производстве и еще выращивать овощи». «Они не есть очень здоровые, они просто хотят есть», - зло подумал наш гид. На вопрос, почему они строят такие маленькие домики, больше похожие на шалаши, а не большие, раз это еще и зоны отдыха, наш гид ничего не ответил. Не мог же он раскрыть государственную тайну, что существует норма для строительства загородных домиков, утвержденная правительством Советского Союза, по которой запрещалось строить дом более чем пять на пять метров. Поэтому более состоятельные и находчивые строили дома вверх со вторым этажом, а то и с мансардой вместо третьего. Эти дома-теремки вызывали зависть у соседей, а хозяев называли презрительно «буржуями»...

Помня о том, что назад придется возвращаться опять на мопеде, Виталий Юрьевич с сожалением закрыл на ключ свой домик и стал срезать тюльпаны. Тюльпаны он связал и положил на багажник, прижав их пружинной сеткой.

Завести свой мопед Виталий Юрьевич, как ни старался, не смог. Он хотел уже оставить его на даче и как-нибудь уехать автобусом, но на его счастье приехал на своем «Москвиче» сосед. Виталий Юрьевич, жалуясь, стал возбужденно рассказывать, как он ехал на своем мопеде и как тот глох ни с того, ни с сего. Сосед осмотрел машину, попробовал завести, что-то крутил, потом с разгону завел, проехал сам и сказал:

- Мопед – говно! Как не умели делать, так и не научились. У меня был, двухскоростной. Тот получше, но тоже говно. Так что ты, Юрьич, копи лучше на машину. Это будет надежней»

Сосед поддержал мопед с севшим в седло Виталием Юрьевичем, пробежал, толкая его, несколько метров, и, когда мопед затарахтел, помахал вслед рукой. Но этого Виталий Юрьевич уже не видел.

Теперь все повторилось в обратной последовательности: там, где в сторону дачи был спуск, в сторону дома шел подъем, и Виталий Юрьевич опять тащил мопед в гору, упираясь ногами в неровный асфальт и тяжело пыхтя.

В городе, когда до дома оставалось рукой подать, мопед по закону подлости катился как по маслу, ни разу не чихнув. Ольга Алексеевна выскочила навстречу:

- Где ты был? Мы с Милой все переволновались. Уж не знали, что и думать. Разве так можно? Гости собрались... Господи, ну и видок у тебя.

Виталий Юрьевич кисло улыбнулся. Руки его были в масле, одна штанина спортивных брюк порвана. Дрожащими от усталого напряжения руками, он поднял пружинный держатель багажника, взял тюльпаны, вернее то, что осталось от них в дорожной тряске, и вручил жене.

- Горе ты мое! – засмеялась Ольга Алексеевна. – На дачу ездил. Спасибо. Она поцеловала мужа в щеку. – Пойдем. Тебе надо умыться.

Виталий Юрьевич втащил свою машину на лестничную площадку. Сил у него не осталось даже на то, чтобы вкатить ее в лоджию, и мопед ставил на место его друг, профессор Алексей Николаевич...

Мопед был продан за смешную цену, и Виталий Юрьевич, уже вкусивший сладкую прелесть движения с помощью бензинового двигателя, стал изучать объявления в газете о продаже автомобилей. Он искал «Запорожец». Но на глаза как-то попал «Москвич ИЖ-комби» по цене не намного выше стоимости «Запорожца», и Виталий Юрьевич пошел с Ольгой Алексеевной смотреть автомобиль. Когда он увидел машину, она показалась ему верхом совершенства. Пятидверный автомобиль небесного цвета, вместительный, что твоя квартира. У Виталия Юрьевича екнуло сердце: так захотелось ему эту машину. Именно эту и никакую другую. Но беда была в том, что на «его» «ИЖ-комби» уже были покупатели. Двое молодых мужчин возились под капотом, что-то там щупали и тихо переговаривались. Виталий Юрьевич слышал слова, от которых при-

ятно замирало сердце: маслопровод, зажигание, генератор, гидропривод, аккумулятор. Он надеялся, что опередившим его покупателям что-нибудь не понравится, и они откажутся от машины, но они объявили, что покупают ее. Тогда Виталий Юрьевич, еще на что-то надеясь, дал хозяину номер своего телефона и всю следующую неделю напрасно ждал звонка.

Сосед по даче сказал ему:

- Юрьич, а чего ты машину в газете ищешь? Сейчас на Щепном базаре полно машин на продажу. Выбери, какую хочешь. На любой вкус и деньги. Это не то, что в старое время.

В одно из ближайших воскресений Виталий Юрьевич отправился с Ольгой Алексеевной на автомобильный рынок. И действительно, каких только автомашин здесь не было. От «Побед» и «Эмок» до иномарок, которых, правда, стояло всего штуки три.

- Как все изменилось, - подумал Виталий Юрьевич. – Ещё всего каких-то три-четыре года назад о том, чтобы вот так запросто купить машину, нельзя было и мечтать. А тут, вон сколько, были бы деньги.

И вдруг он встал как вкопанный. Его взгляд споткнулся о синий «ИЖ-комби». Это была та самая машина, которую у него, можно сказать, из-под носа «увели». И продавали машину те же двое мужиков, которые неделю назад купили ее. И как Ольга Алексеевна ни уговаривала мужа походить по рынку и посмотреть другие «Москвичи», которых было пруд пруди, и которые стоили не дороже, Виталий Юрьевич уперся бараном в свой синий, цвета неба, «ИЖ», и оттащить его было уже невозможно...

Машину загнали в гараж, приобретенный к тому времени за ссуду, взятую в банке через завод под сравнительно низкий процент, те же мужики.

Пока Виталий Юрьевич учился от предприятия на бесплатных курсах автолюбителей, он каждый день ходил к своей машине в гараж как на работу. Он садился на место водителя и блаженно по часу сидел, представляя, как по-

едет по улицам города, включая то левый, то правый повороты, иногда нажимая на сигнал, предупреждая нерадивых пешеходов, лезущих под колеса. Он открывал капот и долго смотрел внутрь, но, будучи человеком гуманитарным, ничего не понимал в хитроумном устройстве, что, однако, не мешало его счастью, и он был преисполнен гордости от того, что обладал этим мощным красавцем. Когда на курсах стали учить практическому вождению, он в первый раз попробовал завести свой «ИЖ-Комби», но как Виталий Юрьевич ни старался, тщетно – машина не заводилась, и это напоминало ему мопед, с которым он в свое время изрядно намучился. Слесарь из опытного производства предприятия, где работал Виталий Юрьевич, осмотрел его «Москвич», покачал головой и сказал с укором:

- Умные люди, которые сами не разбираются в технике, прежде чем купить машину, советуются со специалистом. Что же вы, Виталий Юрьевич, шли делать такую покупку и не взяли с собой механика?

Виталий Юрьевич виновато развел руками.

- Вам продали kota в мешке. Здесь не только механику нужно поработать, но и слесарю. Во-первых, машина прошла, меньше чем за четыре года, семьдесят пять тысяч километров. И видно, хозяин ее не особенно жалел. Аккумулятор свое отработал, нужно менять, свечи зажигания купить новые. На свечи денег не жалеете, как и на моторное масло: покупайте дорогое. Замок зажигания тоже требует замены. Коробку передач просто необходимо перебрать...

Виталий Юрьевич понуро слушал специалиста, и лицо его скисало на глазах.

- Сколько отдали за нее?

- Двести тысяч, - глухо вымолвил Виталий Юрьевич.

- Сто пятьдесят ей красная цена, - безжалостно определил слесарь истинную цену авто, отчего Виталий Юрьевич сник окончательно и угрюмо смотрел на свои семьдесят пять лошадей, спрятанных под одним капотом.

- А вы, Федор, не могли бы привести машину в порядок? – с робкой надеждой попросил Виталий Юрьевич.

- Не знаю, - задумался Федор. – Мне своей нужно заняться, все руки не доходят. Потом у меня стоит битый «Жигуленок» одного начальника. Надо отрихтовать и закрасить. Ну, это, правда, пустяки: пару дней работы... Не знаю.

- Пожалуйста, Федор, я заплачу, сколько скажете.

- А вы знаете, на сколько это потянет? – Федор строго посмотрел на Виталия Юрьевича. – Если все полностью, со слесарными работами, с переборкой коробки?

Виталий Юрьевич, молча, смотрел на Федора, покорно ожидая приговора.

- Тридцать тысяч, - вынес Федор вердикт после долгой паузы.

- Я согласен. Хорошо, - поспешил согласиться Виталий Юрьевич.

- Плюс все детали, которые я укажу, - добавил Федор.

- Да, конечно. Само собой, - закивал головой Виталий Юрьевич.

Ольга Алексеевна, когда узнала, во сколько обойдется ремонт машины, потеряла дар речи, и лицо ее пошло красными пятнами. Но она не кричала, не топала ногами и не закатывала истерики.

- Господи! Что ж ты такой бестолковый! Тебя дурят на ровном месте, и ничему тебя, дурака, так и не научили. Эти мужики нашу машину за сто семьдесят тысяч купили, снимали, видно, все рабочее, а потом тебе за двести тысяч всучили. Да за эти деньги можно было такую машину купить!.. Говорила, давай походим, посмотрим. Нет, ухватился за эту развалюху, как дурак за писаную торбу... Господи! – воскликнула Ольга Алексеевна. – О чем я говорю? Месяца не прошло, как тебя с долларами надули, а теперь с этим.

- Ну, с долларами никто не застрахован, - стал оправдываться Виталий Юрьевич. – Они ж, эти мошенники, почище Акопьяна.

Промах с долларами случился с Виталием Юрьевичем, когда он пошел менять их на рубли. Они с женой все свои сбережения, как многие, после того как сберкнижки в одночасье превратились в пустые фантики, не доверяя сберкассам, держали в долларах и вещах. Весь угол их зала занимали дефицитные импортный двухкамерный холодильник, нераспакованный цветной телевизор, кухонный комбайн и музыкальный центр. Это и был основной их капитал, на который они собирались купить машину. Время от времени им приходилось менять доллары на рубли, потому что индексация пенсий не поспевала за инфляцией и денег на жизнь катастрофически не хватало.

У обменного пункта Виталия Юрьевича остановил меняла в кожаной куртке и бейсболке. Здесь всегда крутились бойкие ребята, которые меняли доллары и скупали золото.

- Отец, доллары нужны?

- Нет, я хочу обменять доллары на рубли, - доверчиво пошел на сближение Виталий Юрьевич.

- Да пожалуйста! Я даю больше, чем в обменном пункте. Покажи-ка, они у тебя не фальшивые?

- Как можно? – обиделся Виталий Юрьевич и полез в карман за долларами, но благоразумно показал только одну из двух стодолларовых купюр. Меняла стал зачем-то тереть бумажку, потом стал складывать ее и все как-то отворачивался от Виталия Юрьевича. Тот забеспокоился, чувствуя неладное, и потребовал вернуть назад свои сто долларов. Малый, бормоча что-то вроде того, что деньги нужно тщательно проверять, вернул хозяину его купюру. Виталий Юрьевич ругал себя за то, что вместо честного обмена в официальном пункте, связывается с проходимцами. Обман раскрылся, когда в обменном пункте он получил вместо сорока тысяч рублей за двести долларов всего двадцать две тысячи за сто и десять долларов. Мошенник успел подменить одну купюру в сто долларов на один доллар.

Ольга Алексеевна поохала, поругала мужа и на том успокоилась. А что, в конце концов, было возмущаться? Они оба были, если объясняться языком жуликов, «лохами», и один случай научить их не мог, потому что для них уже готовилась где-то другая, еще более хитрая хитрость. Изобретательность мошенников не знала предела.

У самой Ольги Алексеевны таскали из сумки кошелек, ее грабили цыгане, дурили нищие. Как-то в магазине к ней подошла бабулька, божий одуванчик, и попросила плаксиво:

- Дочка, на хлебушек не хватает, подай бабушке. Есть очень хочется.

Ольга Алексеевна, страдая от сочувствия, подала десять рублей.

- Что ты, доченька, хлебушек-то тридцать стоит, а у меня-то ни копеечки.

И Ольга Алексеевна безоговорочно дала бабульке тридцать рублей, устыдившись своей черствости. А через полчаса зашла в кафе на той же улице, чтобы купить бутылку минеральной воды, и увидела свою «голодную» бабульку, которая восседала за круглым столиком и уплетала пирожные с кофе, надо полагать, за деньги таких же сердобольных и жалостливых как Ольга Алексеевна...

Машина – это было здорово. Они ездили на дачу и больше не таскали на своем горбу и в сумке на колесах кабачки, которые у них росли особенно буйно, чего не скажешь о других культурах, Одна беда: невозможно было предсказать, как поведет их автомобиль в следующую минуту. Он, например, мог не въехать на ту не очень крутую горку, которая венчала последний спуск перед дачей; она могла не завестись утром, когда они оставались ночевать в своем дачном домике, и тогда Виталий Юрьевич открывал капот, без всякого толку смотрел на провода и шланги и очень приблизительно представлял, для чего они и куда ведут. Все, что он мог, это вывернуть и почистить свечи, и это иногда помогало: машина, почихав немного, заводилась. Чаше злополучную машину заводили с буксира, бла-

го, на дачах кто-нибудь да проезжал на своей машине. Однажды машина вдруг заглохла на перекрестке перед светофором. Машину сердобольные прохожие помогли выкатить к тротуару. Виталию Юрьевичу казалось, что над ним смеются, и ему было очень неловко. Вот также как-то на курсах вождения во время практических занятий он растерялся, не смог совершить поворот на перекрестке и встал. Инструктор матерился, потому что из проезжавших мимо автомобилей высовывались улыбающиеся физиономии и отпускали шутки в адрес и ученика, и инструктора, а из КАМАЗа показалась мордастая голова и пробасила: «Привет чайникам!»

Проблем не было, если сосед по даче оказывался на своем участке в одно время с Виталием Юрьевичем. Тогда он быстро разбирался в неполадках и заводил машину, но при этом говорил:

- Ну, Юрьич, ты и коня себе купил. Это скорее кляча какая-то. И советовал:

- Да продай ты ее к лещему.

И Виталий Юрьевич решился. Инфляция как хороший стайер, не только не снижала темпа на дистанции, но и ускорялась, достигнув совершенно ненормального уровня.

Виталий Юрьевич вел дневник, в котором использовал наиболее яркие публикации из газет. Дневник этот отражал все важнейшие политические события, судьбоносные для будущего России в тот период времени, когда формировалось демократическое государство с его уродливой экономикой и криминальными структурами. Но это было не главным. Сухие политические факты интересовали Виталия Юрьевича постольку-поскольку. В своем дневнике он пытался рассказать о простых людях, живущих в новых условиях далеко от Москвы, показать особенность характера русского человека, раскрыть загадку его души и таланта. Когда-нибудь, когда улягутся страсти, Россия успокоится и наступит стабильность, он собирался использовать свой дневник, как основу для книги. У него даже сложилось условное название книги: «Политический дневник.

Записки провинциала». Цифры, которыми располагал Виталий Юрьевич, были красноречивы.

Если сравнивать с тем временем, когда колбаса стоила два рубля двадцать копеек, то цены к 1994 году увеличились на отдельные виды продуктов питания, например, на мясо в 1700 раз, на хлеб в 1000 раз, а стоимость потребительской корзины из 19 наименований важнейших продуктов в расчете на месяц составила в 1994 году 32,5 тысяч рублей (кстати, в США потребительская корзина рассчитывалась из 300 видов наименований). Доллар в начале 1993 года стоил 720 рублей, в июне уже 1040, а в январе 1994 года – 1540 рублей. Пенсии за это время увеличились на 300%, зарплаты на 290%. Цены скакали не по месяцам, а по неделям. 30% населения не дотягивали до прожиточного уровня, 50% еле сводили концы с концами... Война в Чечне продолжалась.

В это время банки и сберкассы выплачивали по вкладам до 100% годовых. Финансово-инвестиционные компании типа РДС, МММ, ХОПЕР и другие выплачивали до 500% годовых от вкладов и успешно противостояли инфляции.

- Оля, - сказал Виталий Юрьевич жене. – Если мы продадим машину и положим деньги в банк, то наш вклад через год удвоится.

- А если инфляция будет еще выше, то вдвое уменьшится, - возразила Ольга Алексеевна.

- Почему? Банки же тоже будут повышать проценты годовых ставок... Во всяком случае, деньги мы не потеряем. А там добавим и, может быть, приличную машину купим.

Ольга Алексеевна не стала спорить, только пожалала плечами.

Глава 6

Вадик позвонил Миле на следующий день и пригласил в ресторан. Мила чуть поколебалась и согласилась.

Настроение было приподнятое. С утра она съездила в Институт зернобобовых, нашла «Лабораторию биохимиче-

ского анализа», где работала Наташа, о которой говорила Даша. Наташа встретила Милу приветливо, будто давнюю знакомую, и сразу повела к своему начальнику. Начальник, Петр Никодимович, пожилой мужчина с добродушным круглым лицом, посмотрел на Милу сквозь толстые стекла очков, и Мила поняла, что ему что-то в ней не понравилось.

- Какая у вас специальность по диплому? – спросил Петр Никодимович.

- У меня биологический факультет, - ответила Мила.

- По специальности работали?

- Нет, - смутилась Мила и покраснела до ушей.

Петр Никодимович мягко улыбнулся:

- Ничего страшного, - успокоил он. – Не боги горшки обжигают. Важно, чтобы вы задержались у нас не на один день. А то ваша предшественница проработала здесь ровно один месяц. Конечно, можно маникюр испортить, работа у нас не для белоручек.

- И Мила поняла, что в ней так насторожило начальника лаборатории. Она успела отметить, что женщины в лаборатории одеты просто. Наташа тоже была в простой черной юбке миди, неброской голубой шерстяной кофточке и туфлях на низком каблуке. Но все ей шло. Вырез кофточки и забранные вверх волосы эффектно открывали шею. Некоторую некрасивость лица компенсировала гордая посадка головы и мягкие черты, а высокий рост позволял ей оставаться стройной даже в обуви на низком каблуке. Мила была одета модно, хотя строго и пристойно. Туфли на шпильке, черный брючный костюм, под пиджаком белая шелковая блузка; из украшений только золотая цепочка и недорогой под золото браслет, на пальце простой золотой перстенок с аметистом. Но ладная фигурка и короткая стрижка темных волос на хорошенькой головке гармонично вписывались в этот не очень-то и затейливый наряд, делали Милу привлекательной, и обманчиво казалось, что такая девушка способна только празднично проводить время.

- Я работы не боюсь! – поспешила сказать Мила, досадуя на себя за то, что не сообразила одеться попроще, и уж, по крайней мере, не надевать туфли на шпильках.

- Будем надеяться, - готов был поверить Петр Никодимович и сказал:

- Ну, если зарплата вас устраивает, пишите заявление, заполняйте анкету, все как положено...Наташа вам все расскажет.

- Про зарплату мне сказали. Но мне хотелось бы узнать... - Мила замялась.

- Да-да! – подбодрил ее Петр Никодимович.

- В вашем институте у меня будет возможность вести какую-нибудь научную тему?

- Вы имеете в виду тему для диссертации? – уточнил Петр Никодимович.

Мила кивнула.

- Несомненно. Вы идете на должность МНС. То есть, вы по определению должны заниматься научной работой. Возьмете тему, будете ее вести. У нас все при Институте: и аспирантура и защита. Не смотрите, что мы сейчас бедные, и зарплаты у нас, по сути, нищенские. Сейчас все вверх ногами. Однако, институт наш и в Европе знают. Специалисты у нас знатные. Шесть докторов, пятнадцать кандидатов. Вот Наташа, молодец, у нас в этом году защищается. И с публикациями проблем нет: статьи мы публикуем и у себя, и в других научных журналах.

И Мила пошла писать заявление о приеме на работу в НИИ.

Дома Мила перекусила, обрадовала родителей, сообщив им по телефону о своей новой работе, и поехала в Дом творчества школьника. Здесь ее и застал звонок Вадика.

В восемь часов он ждал Милу у ее подъезда. Она не сразу сообразила, что он может заехать за ней на машине и, выйдя из дома, конечно, чуть опоздав, поискала глазами и недоуменно посмотрела по сторонам. И тут же увидела, что Вадик выходит из черной иномарки с тремя красными розами в руках. «Тыщ на тридцать», - с удовольствием от-

метила Мила и, неспеша, чтобы видели соседи, села в машину. Эмоции переполняли ее. Сегодня так все удачно складывается. И новая, пусть с не очень большой зарплатой, но интересная работа. И шикарная машина, и ресторан. Но тут же Мила одернула себя. Привычка относиться к себе иронично и с легким скептицизмом к окружающему заставила ее усмехнуться: «Подумаешь, важность. Тоже мне, «лягушонка в коробчонке». Надулась как индюк. А завтра опять к разбитому корыту». Однако это не испортило ее настроения, и она еще раз отметила: «Господи, как мало нужно человеку для счастья! Ведь на самом деле счастье – это просто. Разве не счастье, что ты живешь на белом свете? И разве не счастье проснуться утром от яркого лучика солнца, которое начинает заполнять комнату, ты жмуришься от яркого света и уже торопишься встать, чтобы не пропустить что-то важное или куда-то не успеть, и тебя переполняет радость бытия. Папа всегда говорит, что человек должен иметь денег ровно столько, чтобы о них не думать. Это хорошо и даже идеально, потому что «с милым рай в шалаше» - это все же фольклор, упрощенный до минимума, поэтому и поговорку эту народ приземлил до ехидно-практичного «с милым рай в шалаше, если милый атташе». Мила улыбнулась про себя. Все же счастье – это внутреннее состояние каждого. Как говорил Козьма Прутков: «Хочешь быть счастливым – будь им». И Мила, когда становилось совсем невмоготу от накопившихся обид, от безденежья, проводила аутогенную тренировку, внушая себе: «Я молодая, красивая, у меня чудесный, здоровый ребенок – вот оно, мое счастье. Я все могу. Я всего добьюсь. У меня же и голова и руки на месте. Все у меня будет, и все будет хорошо». И ей действительно становилось легче, хотя помогало не всегда. Тогда она утыкалась лицом в подушку и давала волю слезам...

В небольшом уютном ресторанчике на окраине города было пусто. Они сидели за столиком в углу, тихо лилась из магнитофона музыка. Миниатюрные динамики висели на противоположенных стенах, создавая стереозвук. Мила

посмотрела меню, цены повергли ее в шок, и она поспешила сказать Вадику, что полагается на его вкус. От коньяка она отказалась. Вадик заказал себе сто граммов коньяка и бутылку сухого «Каберне». На закуску им принесли салат из крабов и хорошо прожаренные антрекоты. Мила с удовольствием уплетала и то и другое. Она с детства любила мясо и рыбу. Что бы она ни ела, сыта была только, если съедала что-нибудь мясное. Бабушка говорила: «Ты у нас мясная девочка», а мама поддразнивала: «Ты, когда мясо видишь, рычать начинаешь». Объяснение этому Мила нашла в одном медицинском журнале, который взяла у Ленки. В журнале приводилась таблица питания по группам крови, и оказалось, что организму с ее группой крови требуется пища, богатая животными белками. Из таблицы она также поняла, почему не любит апельсины и мандарины, а на клубнику у нее вообще аллергия. Зато ей показаны интенсивные физические нагрузки. «То есть, у меня на роду написано пахать всю жизнь», - с улыбкой заключила тогда Мила. Эту таблицу Мила показала маминной знакомой, тете Свете. Та перешла на вегетарианскую диету, полностью отказавшись от мяса, но через некоторое время стала чувствовать недомогание, у нее кружилась голова, на теле появилась сыпь, появилась общая слабость, а потом она стала терять сознание, и врачи долго не могли поставить диагноз. С таблицей тетя Света пошла к врачу-диетологу, и та подтвердила, что вегетарианство ей противопоказано. Она расстроилась, потому что, если честно, то вегетарианкой она стала исключительно из материальных соображений. В конце концов, ей пришлось плюнуть на эту дурацкую диету, и через месяц у нее исчезли все признаки недомогания...

Вадим был немногословен. Он курил хорошие сигареты, с обожанием смотрел на Милу и молчал. Мила понимала, что он стесняется, но это ей в людях нравилось.

- Вы живете одна? - спросил Вадим и смутился.

- С дочерью. Иногда я оставляю ее у родителей.

- Я хотел сказать, вы живете отдельно от родителей? – поправился Вадим.

- Да, бабушка оставила мне однокомнатную квартиру, - пояснила Мила. – А почему вы спросили? Отдельно от родителей - это плохо?

- Нет, что вы! Просто это больше по-европейски, чем по-русски. У нас дети часто живут с родителями даже после того, как женятся. А вот в Англии, например, идея жить под одной крышей нескольким поколениям считается совершенно несовместимой с канонами частной жизни.

- Вы были в Англии? – спросила Мила.

- Я учился в английской школе два года. Не выдержал, удрал. Меня высекли, но я сказал, что лучше пусть убьют, назад не поеду.

- Ну и как?

- Отстали, - засмеялся Вадим, показывая крепкие, но неровные зубы.

- А что, так плохо в Англии было? – поинтересовалась Мила.

- Да чужое все. Люди другие. Все манерное, фальшивое, не наше. Ну, не по мне это, в общем. Души что-ли нет... Вот, бабушки. Вы дочь отвели к родителям, и они будут нянчиться с ней сколько угодно долго, причем, с удовольствием. И это для нас нормально. А английские бабушки могут очень любить своих внуков и с удовольствием будут угощать их по субботам и воскресеньям, они даже возьмут их к себе на пару недель во время отпуска родителей. Но они никогда не согласятся быть для них постоянными няньками.

- А американские бабушки и дедушки, я читала в газете, нанимаются к своим детям смотреть за внуками за деньги, - вставила Мила.

- Видите? Нам их не понять... У нас существует какая-то связь поколений, а у них наоборот, разрыв между поколениями. И это даже одобряется... Вообще, англичане народ одинокий. Но даже там, где, вроде бы, много людей,

все равно каждый из них одинок духовно. Например, в школе.

- Это можно объяснить, - отозвалась Мила. - В Англии все имущество и даже титул переходит по наследству только к старшему сыну. А остальные братья и сестры не получают ничего и должны устраивать свою судьбу сами. Англичане стремятся обеспечить детям хороший старт в жизни и выталкивают их из дома, как только почувствуют, что дети могут жить самостоятельно. Отсюда и разрыв семейных связей.

- Откуда вы это знаете? - удивился Вадим.

- Да просто читала книгу журналиста Овчинникова, по-моему, «Корни». Я вообще считаю, что русские воспитывают бездельников и трутней, потакая подачками до седых волос. Ему за сорок, а он все у мамы «саночек».

- Это камешек в мой огород? - криво усмехнулся Вадик.

- Нет, что вы! - смутилась Мила. - Я просто констатирую факт

- Да нет, не извиняйтесь. Даже если и про меня. Мы - другая страна, и у нас другой... - Вадик запнулся в поисках нужного слова

- Менталитет, - подсказала Мила.

- Да, менталитет, - подхватил Вадим новомодное слово. - Нам поодиночке трудно выживать. У нас проблема с жильем, то есть «квартирный вопрос». Опять же, маленькие зарплаты у молодых специалистов. Вот мы все и держимся за родителей, так же как они держались за своих. Что касается меня, то, поверьте, особенно завидовать нечему.

- Да не имела я вас в виду! - сделала протестующий жест рукой Мила.

- Верю! - улыбнулся Вадим. - Только, если вам интересно, я немного расскажу о себе. Может быть, это изменит расхожее мнение о генеральских детях... - Вадик немного замаялся, как бы подыскивая слова, и заговорил спокойно и связно. - Дети военных - это особая категория.

Они привыкают к перемене мест, но это не значит, что им просто расставаться с друзьями, которых они уже успели приобрести, и со школой, к которой успели привыкнуть. Каждый переезд - это стресс. У меня, может быть, в этом отношении сложилось все более благополучно, потому что дед по материнской линии был министром внутренних дел Молдавии в звании генерал-полковника. Мы, конечно, тоже ездили, но, сами понимаете, рука деда направляла отца, тоже милиционера, в правильное русло... Отец служил в престижных местах, учился в академии, быстро стал полковником, занялся наукой, защитился, потом генеральный штаб, а потом присвоение генеральского звания и назначение сюда. Кстати, не нужно считать, что отец добился всего только благодаря моему деду. Отец - человек честолюбивый и способный. И с дедом у них отношения были далеко не теплые. Дед был против брака моей мамы с отцом, и его предвзятость к моему отцу так и ушла с ним в могилу... И дед, и отец - люди по-военному дисциплинированные и строгие. Меня держали с детства в ежовых рукавицах. Даже мать не осмеливалась меня баловать. Меня и в английскую школу определили, чтобы воспитать аскетическую стойкость будущего военного. Помните, как Штольца отец выпихнул из родного дома в жизнь? Без слезинки, без сантиментов, с полным сознанием правоты своего решения. Вот точно так же и меня. Тогда я поклялся, что никогда не стану военным. В девять лет я еще не мог послушаться, но мне хватило двух лет английской бursы с лихвой. А потом все зашаталось. Умер дед. Между отцом и матерью, словно, черная кошка пробежала.

- Или тень деда, - тихо вставила Мила. Она внимательно слушала Вадима, и ей было его жалко.

- Может быть и тень деда, - согласился Вадим. - В общем, мама с отцом сюда не поехала, а я остался с ней. Вскоре она вышла замуж за своего старого институтского друга. Он врач-психиатр, профессор... А я попрос и переехал к отцу. Здесь я поступил в техникум, а потом уже в институт.

- А почему не сразу в институт? – поинтересовалась Мила.

- Видите ли, после молдавской школы мне трудно было сразу в институт. Да и потом я решил поступать в юридический, а юристу неплохо иметь экономическое образование. Я же в техникуме учился на экономическом отделении... Вот и все, - заключил Вадим. – Я вас не утомил?

- Да что вы, Вадик. Спасибо за то, что доверились мне, - мягко сказала Мила. – А ваш папа женился? – чуть помолчав, спросила она.

- Нет, мы с ним два холостяка, - улыбнулся Вадим.

- Вам нужна хорошая девушка..., - начала, было, Мила, но Вадим ее перебил.

- Мне не нужна хорошая или плохая девушка. Мне нравитесь вы, - неожиданно сказал Вадим, и это было похоже на объяснение.

- Вам со мной будет не интересно, вы намного моложе. И потом, у меня ребенок, - Мила старалась быть убедительной.

- Во-первых, все это не имеет никакого значения, во-вторых, вы не настолько моложе, чтобы это принимать во внимание.

Мила не стала продолжать дальше разговор на эту скользкую тему. Она открыто улыбнулась, обнажив бисерно мелкие зубы. Как говорит Дашка: «Хищные, как у пираньи».

- Давайте лучше выпьем. Раз уж мы говорили про Англию, то вы должны знать, что там возведена в культ легкая беседа. Это, по мнению англичан, способствует приятному расслаблению ума, а у нас с вами получается серьезный разговор.

Они выпили вина. Потом пили кофе и ели мороженое, а когда собрались уходить, Вадим достал из внутреннего кармана пиджака телефон, похожий на электронные игры, которые делали на папином заводе. «Мобильный телефон», - сообразила Мила. Эти телефоны только начали входить в обиход граждан новой России. Вадим набрал

цифровой номер и сказал кому-то, что они минут через пятнадцать выходят. «Наверно, Жене», - подумала Мила, и верно, когда они вышли из ресторана, у входа их ждал Жена с машиной. По дороге они остановились у круглосуточного магазинчика.

- Я на минуточку, - сказал Вадим.

- Ой, мне нужно хлеба купить, - вспомнила Мила.

Они купили хлеб, потом пошли в кондитерский отдел, где Вадим взял плитку шоколада «Вдохновение» и килограмм мандаринов.

- Это вам с Катей, - Вадим протянул пакет Миле. Мила покраснела и стала отказываться. Ей было неловко. Одно дело ресторан, когда она могла пойти или отказаться, другое – еда в подарок, даже если это шоколад и мандарины. И вообще, заботиться о дочери – это ее дело, и она делить это право с посторонним человеком не собиралась.

- Вадик, спасибо, но я это не возьму. У нас все есть – твердо отказалась Мила.

- Вадим немного растерялся и настаивать не стал, но когда они подъехали к дому и остановились, сказал:

- Мила, честное слово, я не хотел вас обидеть. Хотя я не вижу ничего в этом предосудительного... И что мне теперь со всем этим делать? Теперь вы ставите меня в неловкое положение, - было видно, что Вадим искренне расстроен. Мила колебалась.

- Хорошо, - наконец решила она. – В мои планы обижать вас тоже не входило. Давайте ваши мандарины. Только пусть это будет в последний раз.

- Обещаю, - вздохнул Вадим с облегчением.

Не успела Мила переступить порог своей квартиры, как раздался телефонный звонок.

- Где тебя носит? – послышался Элькин голос. – Весь вечер звоню.

- В ресторане была, - засмеялась Мила.

- Да ну? С Вадиком? – догадалась Элька. – Ну и что, что? В ее голосе было нетерпеливое любопытство.

- Да ничего! Выпили вина, посидели.

- И все? – Элька была разочарована.

- Ну, хоть целовались? – с надеждой спросила Элька.

- Что я, больная? Сразу вот так, - обиделась Мила.

- Ну, о чем хоть говорили-то? – голос Эльки потускнел.

- Да так, всякое.

- Ну, а вообще, как он тебе?

- Да знаешь, Эль, мне его жалко. Хороший, умный мальчик. Из хорошей семьи, воспитанный...

- Еще бы! – перебила Элька. – Ты знаешь, его сам Брежнев маленького на руках держал. Дед чуть не маршалом был.

- Странная ты, Эль! Ну причем тут дед? Какая разница, кто был тот, кто другой? Я про Вадика говорю.

- И я про него, - не смутилась Элька. – А чегой-то тебе его жалко? У него, слава Богу, дом – полное счастье. Через год окончит институт, папа на любую престижную работу определит.

- Не сомневаюсь! – ответила Мила. – Может быть, у него и все есть, только нет главного.

- Чего это? – удивилась Элька.

- Нормальной семьи. Мать где-то там, отец – один, здесь. Парень вроде как сам по себе. Ни любви, ни ласки.

- Вот ты и дай ему эту любовь и ласку, - засмеялась Элька.

- Да нет у меня к нему ничего, кроме жалости, - разозлилась Мила. – Ну не воспринимаю я его всерьез.

- Ну и дура ж ты, Милка! Такой парень! Да тебе полгорода уже завидует, а ты нос воротит. Не хочу даже с тобой разговаривать...

В трубке несколько секунд сопел и пыхтел Элькин голос, потом она сказала просительно:

- Ну, ты хоть не спеши. Не пори горячку. Сама говоришь, парня жалко. Да и все равно у тебя другого-то сейчас нет.

- Обещаю, - весело сказала Мила.

- То-то, - похвалила Элька. – Уж, по-крайней мере, с Вадиком не стыдно на людях показаться. Это не твой бывший, у которого все на публику. В магазин пойдет - деньгами трясет, шумит, всех на уши поставит.

- Ладно, Эль! Уже поздно, завтра договорим.

Мила не любила, когда говорили об Андрее, тем более плохо, что было, то прошло. Как говорит отец: «De mortuis aut bene, aut nihil¹».

Мила умылась, почистила зубы, поставила будильник на семь, добралась до подушки, и как в бездну провалился в глубокий сон.

Глава 7

Машину они продали за два миллиона рублей, что приблизительно соответствовало двумстам тысячам тех денег, за которые они ее покупали. Наиболее привлекательным Виталию Юрьевичу показался банк Менатеп, хотя у него в голове как-то сразу возникла ассоциация с «Бутеноп» из Козьмы Пруtkова:

Марш вперед! Ура Россия!
 Лишь амбиция была б!
 Брали форты не такие
 Бутеноп и Глазенап!

Название было на слуху, да и само помещение банка вызывало доверие. Кругом мрамор, золотом блестит медь начищенных дверных ручек, дорогая офисная мебель, компьютеры на столах банковских работников – все солидно, в отличие от сберкасс, куда Виталий Юрьевич деньги категорически нести не хотел. Сберкасса для него была прожорливым чудовищем с ненасытной пастью. В эту пасть уже провалились сбережения покойной матери Виталия Юрьевича: шесть тысяч, которые она копила полжизни, откладывая помалу и отказывая себе в необходимом. Это были деньги «на черный день», на похороны, на

¹ О мертвых или хорошо или ничего (лат).

старость. Шесть тысяч по тем временам – это без малого двухкомнатная кооперативная квартира или новая машина. Одну тысячу, правда, Виталию Юрьевичу государство позволило получить на похороны. Но эта тысяча уже была по стоимости совсем никакая и, чтобы похоронить мать, ему пришлось добавить еще две тысячи.

В банке их встретили обходительно, вежливо, убедительно ответили на все вопросы, и выходило, что банк сверхнадежен, уставной капитал – выше некуда, а проценты по вкладам неуклонно повышаются, так что никакая инфляция вкладчикам не страшна.

Продолжай атаку смело,
Хоть тебе и пуля в лоб –
Посмотри, как лезут в дело
Глазенап и Бутенюп.

Виталию Юрьевичу выписали сберегательную книжку со счетом на два миллиона рублей.

Домой они с Ольгой Алексеевной шли пешком. Опять была весна, и опять пахло сиренью, и молодая зелень радовала глаз. Стоял тот теплый майский день, когда не хочется забиваться в душную квартиру и тянет на воздух – в парк или просто погулять по улицам. Настроение у Виталия Юрьевича было приподнятое: и оттого, что погода стояла хорошая, и оттого, что деньги, наконец, пристроили в надежное место.

- Смотри! – Виталий Юрьевич тихонько толкнул локтем Ольгу Алексеевну.

Через дорогу шел цыган в пиджаке и брюках, заправленных в заляпанные грязью сапоги, на голове сидела набекрень зимняя пыжиковая шапка; из-под пиджака выглядывала красная шелковая рубаша. За цыганом семенила молодая цыганка в шикарном норковом полушубке и в стоптанных так, что ноги разъезжались в разные стороны, туфлях. Цыган, словно почувствовав внимание к себе, повел головой в их сторону, рот приоткрылся в белозубой улыбке, черные роскошные усы, лихо закрученные в ниточку, приподнялись вместе с губой. Цыганка поспешала

за размашистым шагом своего мужчины, и смоляные косы мотались из стороны в сторону. Машины притормаживали, пропуская их, и раздраженно сигналили.

- Вот беззаботный народ, - засмеялась Ольга Алексеевна.

- Да ты посмотри, сколько в них жизни и достоинства, - живо отозвался Виталий Юрьевич. - Сапоги грязные, а он – барон, и все остальное трын-трава. А у нас вечные проблемы.

- Почему ты думаешь, что у них нет проблем?

- Ну, свои проблемы, конечно, и у них есть. Но они живут с природой в большей гармонии, чем мы, а поэтому, наверно, более счастливы, чем мы.

- Счастье – понятие относительное. Кто более счастлив, кто менее, - трудно объяснить.

- Ты права. Только я вслед за Гербертом Спенсером сказал бы, что это понятие не относительное, а разнообразное. Его слова: «Во все времена, у всех народов, у всех классов иначе понимали счастье. Если сравнить воздушные замки крестьянина и философа, то архитектура окажется разной». Что-то вроде этого...

- Да разница небольшая, - сказала Ольга Алексеевна. – Иван с первого этажа любит свою корявенькую Вальку и по-настоящему с ней счастлив. Попробуй кто скажи ему, что она уродина, - морду набьет.

- То есть, «у хорошего мужа и чулында – жена», - засмеялся Виталий Юрьевич. – А ты знаешь, среди простых людей больше счастливых, чем среди богатых. Лишние деньги – от лукавого... И вообще, все духовные проявления человека идут от сердца, а не от ума.

У белого кирпичного двухэтажного здания, за металлическим решетчатым забором толпилась кучка людей.

- Что за демонстрация? – поинтересовался Виталий Юрьевич.

- Так это РДС, - ответила Ольга Алексеевна.

- Что за РДС такой?

- «Русский Дом селенга»

- Селлинга? Продажи, что-ли? У нас все теперь на иностранный манер. И что же они продают?

- Да ничего они не продают, - хмыкнула Таисия Ивановна. – Это финансово-инвестиционная компания. Говорят, они дают по вкладам 500 процентов, больше, чем любой банк.

- Этого не может быть, - не поверил Виталий Юрьевич. - А если это так, значит что-то нечисто.

- Не знаю. Говорят, - пожала плечами Ольга Алексеевна...

На следующий день Ольга Алексеевна пришла домой возбужденная и, захлебываясь от избытка чувств, затараторила:

- Ты знаешь, Виталик, я сегодня встретила Анну Петровну. Помнишь, экономист из «Отдела технической подготовки производства»? Так вот, она чуть больше полугода назад вложила в РДС двести тысяч, а недавно получила больше шестисот тысяч. И это только проценты. А те, свои двести тысяч, еще оставила.

- Врет твоя Анна Петровна, - безапелляционно отрезал Виталий Юрьевич.

- Да она мне книжку показала. У них не так как в сберкассе или в банке, они увеличивают ежедневно взнос на пять рублей на каждую вложенную тысячу. А это даже больше, чем 500 процентов в год.

- Интересно, как это они умудряются выплачивать такие деньги? Если это пирамида, то есть последующие получают деньги предыдущих, то это афера. И в таком случае государство должно было прикрыть эту лавочку.

Виталий Юрьевич недоумевал. Если какая-то РДС умудряется платить такие высокие проценты, то почему так мало платят банки?

- Виталий, давай семьсот тысяч положим в РДС, - предложила Ольга Алексеевна.

- Так это все наши деньги, - попытался возразить Виталий Юрьевич. – А если какая-нибудь афера? Тогда у нас

вообще ничего в запасе не останется. Те, что в банк положили, – не в счет, это на машину.

- Давай на месяц положим, а потом снимем с процентами. РДС уже почти два года работает, а уж за месяц-то ничего не случится.

Слова жены звучали убедительно. Но Виталий Юрьевич колебался. С одной стороны, РДС – не сберкасса, не банк. Это какая-то новая структура. Так ведь и сама экономика в стране другая, рыночная. А это значит, возможны другие, отличные от социалистической плановой экономики, формы. С другой стороны, если РДС два года существует, значит, на законных основаниях... И Виталий Юрьевич сдался.

- Ну, давай, согласился он. - Только надо все получше разузнать.

Операционный зал, где оформлялись договора с РДС, не шел ни в какое сравнение с банком «Менатеп», но все выглядело пристойно: тоже современная мебель, компьютеры, кресла для клиентов, ожидающих своей очереди. Из проспекта с девизами «С РДС – в новую жизнь» и «С нами надежно и спокойно» Виталий Юрьевич узнал, что РДС – это крупнейшая финансово-инвестиционная компания России, что «Русский Дом селенга» действует уже два года на российском финансовом рынке, что по всей стране открыты сотни филиалов дочерних компаний РДС. Сеть РДС охватывала Украину, Казахстан, Киргизию. В проспекте давались адреса многочисленных филиалов РДС в Орле, Брянске, Курске, Смоленске и в других городах. Процентные ставки за два года выросли со 103 процентов до 517. На стене висела таблица роста вкладов по дням из расчета ежедневного увеличения каждой вложенной тысячи на пять рублей. И получалось, что уже через месяц их семьсот тысяч принесут им 116855 рублей, а через четыре месяца взнос почти удвоится.

- За счет чего же обеспечивается такая большая процентная ставка? – наконец, задал вопрос, который в первую очередь беспокоил его, Виталий Юрьевич.

- Всё очень просто, - деловито объяснил оператор. – Мы вкладываем ваши деньги в самые прибыльные предприятия не только в нашей стране, но и за рубежом. Наша компания накопила не только огромный капитал, но и ценнейший опыт ведения финансовой политики. Самые опытные специалисты рассматривают все выгодные варианты для вложения средств и разрабатывают планы развития компании.

«Почему же государство не делает этого?», - подумал Виталий Юрьевич, но ответ был более чем убедительный, и они решились. Ольге Алексеевне выписали «Операционную книжку текущего селенга», предварительно заключив с ней двухсторонний договор. Документы тоже выглядели солидно.

Через пару месяцев Виталий Юрьевич зашел в банк «Менатеп», чтобы посмотреть, на сколько увеличились процентные ставки, но с удивлением узнал, что они снизились до семидесяти процентов. Домой Виталий Юрьевич пришел расстроенный и зло прокомментировал ситуацию.

- Что это за банк, если у них не хватает ума заставить капитал работать. РДС может, МММ может, а банк «Менатеп» не может.

- Может эти деньги тоже в РДС положить, - осторожно предложила Ольга Алексеевна. – Смотри, у нас вместо семисот тысяч уже больше миллиона лежит.

Виталий Юрьевич целый день думал, нервно ходил по залу из угла в угол, а вечером позвонил Алексею Николаевичу:

- Алеш, ты про РДС слышал?

- Слышал, слышал, - добродушно отозвался басом Алексей Николаевич на другом конце провода. – Каждый день по радио жужжат.

- И что ты думаешь о них?

- А ничего не думаю. Такие проценты дают, что страшно становится.

- Да то-то и оно... Но ты скажи, деньги им можно доверять?

- А я откуда знаю? – удивился Алексей Николаевич. – Люди несут. И что самое удивительное, последнее продают, машины, даже квартиры, и несут.

- Ты же профессор! – не отставал Виталий Юрьевич. – Ты же должен ориентироваться в этих делах.

- Я советский профессор, к тому же больше историк, чем экономист. Ты что, забыл? – усмехнулся Алексей Николаевич. – Тем более что сейчас почему-то все вверх ногами ходят, а головы у многих, как сказал один мой коллега, между ног... Ты понимаешь, Виталик, существование в государстве таких структур как РДС, МММ, Хопер – ненормально. Огромные денежные потоки плывут мимо государственных сбербанков и работают на частные компании. Это параллельные структуры, подрывающие финансовую систему государства. И я удивляюсь, что они уже два года функционируют.

- Так они налоги какие платят! - возразил Виталий Юрьевич.

- Налоги – это само собой. Но это мелочь по сравнению с теми деньгами, которыми владеет любая МММ.

- Так можно что-то положить в тот же РДС? – не отставал Виталий Юрьевич.

- Положить-то можно. Моя Верка положила пятьсот тысяч. Она ждет, когда набежит миллион, а я жду, когда государство все же прикроет эти шараги.

- Ну, если два года не прикрывают, то уж полгода-то еще РДС продержится? – сказал Виталий Юрьевич, убеждая больше себя, чем своего приятеля.

- Кто знает? Может и год продержатся. Я ж не знаю, что там на уме у Герашенко, тем более у министра финансов Дубинина.

На том разговор и закончился. Ночью Виталий Юрьевич ворочался с боку на бок, все решал задачу с десятью неизвестными, есть у него в запасе несколько месяцев, чтобы удвоить свои миллионы или нет.

Утром он пошел в банк, снял все свои сбережения и отнес в РДС.

А через два месяца, в июле 1994 года, власть вдруг мощью Минфина, ГКАП¹ и ГНИ² по сигналу Черномырдина обрушилась на МММ. Пошли многочисленные публикации, в которых основателя компании Мавроди назвали профессиональным мошенником, который уже давно перекачал все деньги акционеров за рубеж. Мавроди огрызнулся: «А куда же тогда смотрела налоговая полиция до сих пор? И о какой пирамиде может идти речь, если на прибыль по одной только организации начислено 50 миллиардов рублей налога. У пирамиды прибыли быть не может». Народ повалил забирать свои деньги. Паника росла как снежная лавина, усугублялась тем, что наличных на оплату сразу всем не хватало, и привела, в конце концов, к полному краху финансовой компании. Компания была обречена.

Вскоре неприятности обрушились и на РДС. Причем, творилось что-то непонятное. В Астраханской области налоговая полиция вскрыла денежное хранилище РДС, а зам начальника полиции заявил: «Это деньги государственные!» Речь шла о сотнях миллиардов рублей. Сотрудники той же полиции сами состояли вкладчиками РДС, но успели расторгнуть свои договора и забрать деньги вместе с премиями. Следом были вскрыты двери денежного хранилища РДС в Нижнем Новгороде и вывезена вся наличность. То же повторилось и в Томске, и повсеместно. А в Иркутске силами ОМОН и налоговой полиции был арестован самолет компании «РДС-авиа» с инкассаторами, которые сопровождали девять миллиардов рублей.

Вслед за этим последовал президентский указ «О защите интересов инвесторов», который предписывал РДС и другим компаниям, осуществляющим операции по привлечению свободных денежных средств, «привести свою деятельность до 1 января 1995 года в соответствии с настоящим указом и обеспечить безусловное выполнение взятых на себя обязательств перед клиентами». Однако уже было

¹ ГКАП – Государств. Комитет Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур.

² Государственная налоговая инспекция.

ясно, что «выполнить свои обязательства перед клиентами» ни РДС, ни кому другому не дадут. Это противоречило бы интересам государства.

Таким образом, палка одним концом ударила по инвестиционным компаниям, а другим опять по населению, среди которого значительную часть составляли малоимущие, пенсионеры и инвалиды, которые хотели поправить свое бедственное положение. Народ, обманутый государством, не вернувшим ему его вклады в госбанках до 1991 года, был обманут им в очередной раз. Власть молча взирала на то, как народ несет деньги мимо государственных учреждений, которым не верил, брала огромные налоги с МММов и РДСов, пользовалась заемами, а чиновники сами вкладывали огромные суммы в финансовые инвестиционные компании, но при этом лучше, чем простой народ ориентировались в ситуации и вовремя и в первую очередь смогли забрать свои деньги, утроив и даже удесятерив свои капиталы, а потом ударили так, что щепки полетели. Только щепками этими были люди. Один МММ имел 46 миллионов акционеров...

Виталий Юрьевич слег. У него поднялось давление, чего раньше не бывало, болела голова. Всю неделю держалась температура. Он был раздавлен. Ольга Алексеевна старалась лишний раз не лезть к нему с разговорами и молча ухаживала за ним: готовила чай с малиной, давала таблетки папаверина и цитрамона, да тяжело вздыхала, а он был благодарен ей и вспоминал слова Экклезиаста: «Двоим быть лучше, чем одному. Если упадешь, другой поднимет».

На второй день болезни забежала Лена, подруга дочери.

- Ой, Леночка! – обрадовалась Ольга Алексеевна. - Сам Бог тебя послал.

- Здравствуйте, тетя Оль! Где тут у нас больной? – бодро сказала Лена.

- А я не хотела тебя беспокоить.

- Как вам не стыдно, тетя Оля! – обиделась Лена. – Я же к вам с первого класса домой, как к себе ходила, даже подъезды путала. Чтоб я таких слов больше не слышала, - нарочито строго добавила Лена. Она сбросила туфли и прошла в спальню, где лежал Виталий Юрьевич.

- Здравствуйте, дядя Вить! Когда заболели? – спросила Лена, садясь на стул, услужливо подставленный Ольгой Алексеевной.

- Здравствуй, дочка! – буркнул Виталий Юрьевич.

- Второй день сегодня, - ответила за мужа Ольга Алексеевна.

- Вот вчера и нужно было позвонить мне, а то мне Мила звонит.

- Да у тебя своих забот хватает, а тут мы еще будем надоедать.

- Ой, тетя Оля, - укоризненно покачала головой Лена. – Что болит, дядя Виталий?

- Давление, температура, - зачастила Ольга Алексеевна. – Голова болит.

- Сейчас послушаем, померяем давление.

Мила достала тонометр. Виталий Юрьевич безропотно дал себя послушать, послушно дышал и не дышал.

- Ну, - сказала Лена. - Давление, кстати, невысокое. – Сейчас голова болит?

- Болит. Вчера вечером и ночью сильно болела. К утру еле уснул.

- Давление часто повышается?

- Да нет, как-то Бог миловал.

- Что-нибудь принимали?

- Я ему цитрамон вчера дала, - ответила за мужа Ольга Алексеевна.

- Ну, ничего страшного нет. Я сейчас укольчик сделаю: папаверин и димедрольчик. Станет полегче. После димедрола захотите спать, поспите. И постарайтесь не волноваться. А это в аптеке купите. Настойка пустырника и папаверин в таблетках, если у вас кончится.

Лена выписала два рецепта и оставила на прикроватной тумбочке.

- Как у тебя самой-то дела? – спросила в прихожей Ольга Алексеевна. – С больными трудно, небось?

- Да я привыкла. Конечно, устаю. Полторы ставки, ночные дежурства. А ставка врача, как и учителя... Да сами, тетя Оль, знаете. Особо не разгонишься. Ладно, я побежала. Завтра зайду. Да, тетя Оля, совсем забыла. Моей маме позвоните, она чего-то хотела.

Последние слова донеслись уже из тамбура, когда Ольга Алексеевна закрывала двери.

В том, что они лишились всех своих денег, Виталий Юрьевич винил только себя. Ведь сомневался же он, чувствовал, что здесь пахнет какой-то авантюрой. Да и не в его принципе было пользоваться «халявой», в какой бы упаковке она ни была преподнесена.

Выздоровление сменилось депрессией. Виталий Юрьевич целый день сидел в кресле, тупо уставившись в телевизор, или молча ходил по комнате, сдвинув брови к переносице, отчего походил на ночную птицу филина.

Ольга Алексеевна не выдержала и позвонила Алексею Николаевичу, который должен был вернуться с какой-то конференции из Москвы. Тот пришел вечером с бутылкой водки. Ольга Алексеевна было возразила, но Алексей Николаевич прижал палец к губам и весело подмигнул. Ольга Алексеевна махнула рукой и пошла на кухню за закуской. Она поставила на стол маринованные огурчики, нарезала сальца из морозилки, и оно розоватыми пластиками с темными мясными прожилками аппетитно лежало в тарелке.

- Сейчас разогрею картошку, - сказала Ольга Алексеевна и оставила друзей вдвоем.

- Зря ты раскис, - добродушно сказал Алексей Николаевич, после того как они выпили водки. – Вот этого я от тебя никак не ожидал.

- Ничего себе, зря. Почти два миллиона псу под хвост. Можно сказать подарил. Только кому – не знаю.

- Нехорошо, обидно! Но не смертельно. У моей Верки тоже миллион накрылся, - беззаботно засмеялся Алексей Николаевич.

- Ты же говорил, пятьсот тысяч, - напомнил Виталий Юрьевич.

- А проценты? С процентами уже около миллиона набезало. Так Верка моя уже их мысленно своими кровными считала. Я говорю, снимай, Вер, снимай, пока не поздно. Нет, говорит, еще месяц подожду. Вот и дождалась.

- Алеш, но ведь кто знал, что вот так вдруг. Такие деньги! – Ольга Алексеевна молитвенно сложила руки на груди.

- Вот-вот. Жадность нас и подводит. Ну, как говорится, снявши голову, по волосам не плачут.

- Factum est factum, - вяло произнес Виталий Юрьевич.

- Во-во. Что сделано, то сделано. Пусть тебя утешит то, что ты не один такой. Знаешь, сколько людей последнее потеряли? У нас в институте лаборантка трехкомнатную квартиру обменяла на однокомнатную, а разницу вложила в МММ, хотела дочери с зятем отдельную квартиру и машину купить. Теперь молодые живут у его родителей в двухкомнатной квартире, а лаборантка наша в психушку попала. Вот это трагедия. А у тебя так – неприятность. Уж если Бог не дал счастья быть полным дураком, то придется крутиться, терять и начинать все сначала... И побрейся, смотреть тошно.

- Говорят, сейчас небольшая небритость в моде, - пошутил Виталий Юрьевич.

- Ага, если ты молодой миллионер, а на тебе безукоризненный фрак, а не кроссовки и мятый пиджак.

Глава 8

Виталий Юрьевич написал свои пять страниц рукописного текста, откинулся на спинку кресла и потянулся, расслабляя затекшие члены, потом встал, включил телевизор и с отрешенным видом смотрел на экран, все еще оста-

ваясь во власти той реальности, в которой жили герои его романа. На экране извивались в танце полуобнаженные юные дивы, а юноша с множеством тонких косичек с вплетенными в них разноцветными лентами, долбил что-то монотонным речитативом, приплясывая, жестикулируя и все время тыча указательным пальцем прямо в него, Виталия Юрьевича. И также безразлично он смотрел на Шуфутинского, который пел «Душа болит, а сердце плачет», а позади него плавно поворачивались то в одну, то в другую сторону и синхронно работали руками три одинаковые как близнецы барышни – бэк-вокал... Иногда Виталий Юрьевич чувствовал себя каким-то посторонним в этом мире, и тогда на все смотрел как бы из другого измерения. И тогда ему странно было видеть, как человек кривляется на сцене, изображая что-то, что Виталию Юрьевичу казалось совершенно бессмысленным, и он не понимал, зачем это? Вот пение. Человек ведь, по существу, орет, только старается делать это красиво. В Брянских деревнях до сих пор говорят не «спеть», а «скричать»: «Мань, давай скричим песню». Однажды Виталий Юрьевич на каком-то гастрольном концерте, с коими в их город зачастили алчущие звезды, и куда его затащила Ольга Алексеевна, едва сдержался, чтобы не расхохотаться, и Ольга Алексеевна даже больно толкнула его в бок, а он подумал, не спятил ли он уже с ума. Но нет, все его поведение оставалось разумным, и искусство, которое он считал настоящим, он воспринимал адекватно. Просто ему казалось, что эта оголтелая свора, которая вдруг вылезла на телеэкраны, – побирушки, только подают им несоизмеримо больше, чем на паперти. Это был бизнес, шоу-бизнес.

Когда-то театр и эстрада были чем-то прикладным, второстепенным. До 1861 года на подмостки сцены вообще выходили в основном крепостные, да и после актерство считалось занятием низким. И в советское время профессия артиста была хотя и уважаемой, но малооплачиваемой, приравниваемой к забитой категории бухгалтеров. Известно письмо руководства МХАТа к Сталину, где оно жало-

вались на низкие ставки артистов. Актеры получали семьсот дореформенных рублей, заслуженные – тысячу двести, и только титаны сцены типа Станиславского или Немировича-Данченко – по две тысячи рублей¹. С другой стороны, для государства – это надстройка: артисты ничего не производят и служат для увеселения деловой части населения. В новое время быть артистом стало престижно, и денежно. Молодежь напропалую двинула в шоу-бизнес. Совершенная звукозаписывающая техника позволила компенсировать отсутствие голоса и таланта. Сбитый с толку народ вместо «Я вас любил, любовь еще, быть может, в моей душе угасла не совсем», вдруг запел «Муси-пуси, я боюси» и «Я твой тазик». Благо, цензура была упразднена. Пошлость, словно дикорастущий плющ, опутала культуру и быт. Менее развлекательные программы были задвинуты на ночное время, и молодые, агрессивные теледеятели стали играть на низменных чувствах людей, пробуждая в них звериную жестокость, убивая жалость и сострадание, и подменяя истинное, то, что в человеке издревле считалось ценным, суррогатом эковских понятий, компенсируя свой дьявольский труд миллионами за рекламу, которая стала неотъемлемой частью всего телевидения и составила существенную его часть. Блатная субкультура становилась культурой. И самое печальное в том, что все это проповедует интеллигенция, получившая свободу, и предавшая свой народ.

Есть такая категория людей, которая не привыкла думать и не хочет думать, но хочет жрать, и жрать хорошо. Этим людям не знакомо понятие чести, они не имеют совести, для них чужое как свое, они не знают чувства сострадания, они могут изнасиловать, избить женщину, походя оскорбить, нахамить, они плюют на закон, не утруждая себя пониманием того, что, пренебрегая законом, они ввергают страну в хаос. Кто-то назвал их «быдлом», а кто-то оскорбился, считая, что выражение это больше подхо-

¹ После денежной реформы 1961 г. – соответственно, семьдесят, сто двадцать и двести рублей.

дит для скота, но все мы – часть животного мира, и если кто-то из нас стоит на таком примитивном уровне, то и понятие «быдло» для нас в самый раз... Это «быдло обывательское». А есть еще «быдло гламурное», которое не лучше обывательского и отличается от него только тем, что оно состоятельное, но от него больше зла, потому что оно публично и имеет доступ к массовой публике через телевидение...

Литературный язык, язык Тургенева и Чехова, стал мешать. Дума заговорила на «фене». Академик Лихачев, один из последних столпов культуры и русского литературного языка, образец ученого и гражданина, пример для Виталия Юрьевича, молчал...

- Виталий, - прервала раздумья Виталия Юрьевича голос жены. – К тебе Алексей Николаевич.

- Зови! – Виталий Юрьевич без сожаления нажал на кнопку пульта и выключил телевизор, где шел концерт в честь Дня независимости России.

- Привет, Леш, садись! – мрачно сказал Виталий Юрьевич, пожимая руку другу.

- Так я и принес, - весело откликнулся Алексей Николаевич, ставя на журнальный столик бутылку «Экстры».

- Ну, зачем? – сморщился Виталий Юрьевич. – Что, у меня бутылки водки не найдется?

- Ничего, твою в следующий раз выпьем, - заверил Алексей Николаевич. - А ты чего такой кислый сидишь?

- Да так. Вот академика Лихачева вспомнил. Сделал для России больше всего депутатского корпуса вместе взятого, заслужил вечную память всех культурных русских, хранитель и бессменный директор «Эрмитажа» оказался ненужным... Ты знаешь, сколько Лихачев получает? Шестьдесят пять долларов.

В голосе Виталия Юрьевича была и ирония, и горечь.

- Твои сведения немного устарели, - возразил Алексей Николаевич. – Теперь Российский академик имеет пенсион в 300 долларов. Для Европы – это, конечно, ничего, а для нас, на фоне общей нищеты это вполне осязаемо.

В зал вошла Ольга Алексеевна и поставила на журнальный столик рюмки, тарелку с маринованными огурцами, целую разогретую картошку и немного нарезанной дольками колбасы.

- Больше ничего, что-ли, нет? – недовольно сказал Виталий Юрьевич.

- Могу кильку дать, - усмехнулась Ольга Алексеевна.

- Только не кильку, - наотрез отказался Алексей Николаевич. – Он ее есть не умеет. Отрезает хвосты, потом голову, потом начинает чистить внутренности, да еще пытается счистить чешую, которой нет. Без слез смотреть на это невозможно. У нас в институте тоже одна преподавательница за обедом берет хлеб двумя пальцами и объедает его вокруг, оставляя ту часть, которую держала, потому что боится микробов.

- Совершенно разные вещи, - обиделся Виталий Юрьевич.

- Но из того же ряда, - засмеялся Алексей Николаевич.

- Ну, тогда хватит с вас! – не обращая внимания на мужа, сказала Ольга Алексеевна. – Вечером Мила придет, тогда и поешь.

- Алексей, а что Вера? – повернулась к Алексею Николаевичу Ольга Алексеевна. – Пришли бы вместе, посидели. Что вам, мужикам, за удовольствие? Сели вдвоем, выпили и пошли мировые проблемы решать.

- Так приходите к нам вечером. Вера, кстати, привет передавала и звала.

Нет, Алеш, спасибо за приглашение. Вечером Мила заскочить обещала. С ней, да с внучкой побудем.

Таисия Ивановна ушла на кухню. Виталий Юрьевич разлил водку по рюмкам. Мужчины выпили и молча захрустели маринованными огурцами.

- Так вот, про академиков, - заговорил Алексей Николаевич. – Недавно Академия наук избирала новых членков и академиков. Это мне рассказывал один мой бывший докторант из Москвы. Избрание носило в этот раз крайне нервный характер. Вот как раз в связи с тем, что по новому

указу академик будет получать теперь 300 долларов. С одной стороны, и лицо нужно сохранить, и мимо денег не пролететь. Конечно, не всем удавалось спрятать эмоции... Говорят, за некоторых было стыдно.

- Ну, слава Богу, хоть академикам что-то подкинули. – Виталий Юрьевич скривил губы в иронической усмешке. – Теперь бы еще народных артистов вспомнить... Как-то показали квартиру Юматова. Убогость. Беднее некуда. А просить – гордость не позволяет. Где-то я прочитал, что Николай Гриценко из Вахтанговского в больнице таскал из холодильника чужую еду. Хотя, правда, был он уже в преклонном возрасте и никого не узнавал.

- А на всех пирог не испечешь. Из каких шишей давать, если годовой бюджет России меньше годового бюджета одного Нью-Йорка. - резонно возразил Алексей Николаевич. – А что ты за артистов так ратуешь? Ты же вроде их не очень жалуешь.

- Отнюдь, - возразил Виталий Юрьевич. – Это я халтуру не жалую... Мы с тобой – рядовые граждане или, как нас теперь придумала называть власть, – электорат, а я говорю о людях, которые являются цветом нации, авангардом интеллигенции.

- Ну, допустим, и это не секрет, что интеллигенцию в России никогда не любили, а при советской власти особенно. Ленин, если ты помнишь, называл интеллигенцию «говном».

- Это он называл так интеллигенцию как прослойку, то есть абстрактную массу, за конформизм. Сам-то он был, несомненно, интеллигентом, как и многие из его окружения.

- Во-первых, то, что Ленин принимал за конформизм – элементарное великое терпение, что, как известно, является нашей национальной чертой. Во-вторых, что это за «прослойка» такая? Если на то пошло, то в мире нет понятия «интеллигенция». «Интеллигент» есть, и это в переводе с английского просто «умный, образованный». А слово

«интеллигенция» вообще не имеет перевода и считается понятием чисто русским.

- Английскому меня учишь? – усмехнулся Виталий Юрьевич.

- Ладно, ладно! Не учу. Куда мне до тебя? – добродушно откликнулся Алексей Николаевич. – Но некоторые английские слова я знаю?.. Если я говорю «интеллигенция», я имею в виду отдельных людей – интеллигентов.

В карих глазах Алексея Николаевича горел огонек. Он находил особое удовольствие в споре с Виталием Юрьевичем. Виталий Юрьевич быстро заводился и бросался в спор как в омут, с головой. Он был начитан, в его голове вмещалось огромное множество сведений из разных областей знаний, он увлекался древнегреческой культурой, мифологией, языками, парапсихологией и мог читать наизусть целые страницы из классической литературы, но все это было как-то неорганизованно, несистематизированно, не разложено по полочкам, а сумбурно свалено в кучу в его мозговой кладовой. И Алексею Николаевичу, имеющему широкие познания только в своей истории и политэкономии, но обладающему твердой логикой и ясным мышлением, подчиненным этой логике, удавалось всякий раз склонить друга к своей точке зрения, облекая мысль в более точные понятия, и, таким образом, делая спор рациональным.

- Здравсте! – пропел Виталий Юрьевич. – Ты почитай Андрея Битова. Он очень хорошо определяет понятие «интеллигенция».

- И что же такое интеллигенция в его понятии? – со снисходительной улыбкой спросил Алексей Николаевич.

- Изволь. Во-первых, это гораздо больше и реже, чем образованность. - это поведенческая культура. Интеллигентным человеком может быть и крестьянин, и ремесленник. Тот же академик Лихачев говорил, что интеллигентом невозможно прикинуться. Прикинуться можно умным, щедрым. А интеллигентом нет. Лихачева, например, даже когда он ходил в арестантской робе, выдавали глаза.

- Ну вот, ты говоришь об интеллигентах, о людях, которых можно найти в любой среде, - упрямо возразил Алексей Николаевич. – В компьютерном мире «интеллигентностью» считается способность машины к обучению, к самосовершенствованию. Это, пожалуй, точнее всего отражает мое восприятие. Не механически научиться, а изменить себя на основе знания, опыта, изменить манеру поведения. Вот и все. И нет никаких прослоек, которые пытаются создать искусственно, как и само понятие...

- Это что-то мудреное, - вяло сказал Виталий Юрьевич. – Я понимаю, как понимаю. А в том, что ты говоришь, без поллитры не разберешься. Давай-ка лучше выпьем.

Виталий Юрьевич налил в рюмки водки.

Они выпили. Алексей Николаевич нюхнул ломтик черного хлеба и отправил в рот кружок колбасы. Прожевал и сказал:

- Знаешь, где-то я прочитал, что есть много форм зависимости и рабства в таких привлекательных вещах как любовь, дружба, творчество... И пьянство – одно из них.

- А жить в России и не пить почти невозможно. Только для большинства пьющих это становится проблемой, - тотчас отозвался Виталий Юрьевич.

- Это потому, что у нас пьют не для удовольствия, а для соответствия, - Алексей Николаевич поднял назидательно вилку с надкусанным огурцом.

- Соответствия чему?

- Теме наших разговоров, которые не о погоде и блюдах, а непременно о мировых проблемах, как говорит твоя Ольга Алексеевна. Мы, как альпинисты, знаем, что это опасно, и не можем толком объяснить, зачем нам это нужно.

- Это ты точно сказал, - согласился Виталий Юрьевич. – В связи с этим я опять упомяну Андрея Битова. Про водку. Битов рассказывает, как он однажды распил бутылку с работягой в полтора центнера весом, который перевозил его мебель. Выпив столь небольшое количество спиртного, он распался буквально на глазах. На следующий день Би-

тову довелось выпивать с хрупкой поэтессой. Они выпили гораздо больше, а она оставалась трезвой, и ум ее был ясным – будто и не пила! Когда Битов рассказал ей о работяге, с которым недавно выпивал, она сказала томно: «Но ведь это не я, Андрюша. Это дух мой пьет».

Алексей Николаевич от души рассмеялся, вытер подушечками пальцев слезы на глазах и уже серьезно сказал:

- Да, дух - великая сила. В критических ситуациях на войне, в застенках, в ГУЛАГах именно интеллигентов не могли сломить. А вот тот же работяга, «гегемон», ломался моментально.

Они выпили еще по рюмке, закусили оставшейся колбасой и сидели, расслабленно откинувшись на мягкие спинки кресел, совсем не пьяные, но подобревшие, довольные и счастливые в своей многолетней дружбе.

Они познакомились в Университете, где Виталий учился на ин`язе, а Алексей на историческом факультете. Свел их преподаватель, молодой кандидат филологических наук Игорь Владимирович с необычной фамилией Зыцерь. И ростом и статью Игорь Владимирович походил на Маяковского, любил его стихи и замечательно их читал. Только лицом Игорь Владимирович не вышел. Мясистый нос, глаза-буравчики, оттопыренные уши и по-негритянски вывернутые губы. Но эта некрасивость пропадала, когда Зыцерь начинал говорить. Говорил он образно и интересно. Язык его украшали точные метафоры и меткие сравнения. Через минуту-другую общения с ним никто уже не замечал его оттопыренных ушей и мясистого носа. Студентки писали на столах «Люблю Зыцерья». А он на свою беду полюбил одну из тех, которой был безразличен. Эта безответная любовь, в конце концов, привела к тому, что он перевелся в Тбилисский университет, с которым вел переписку, и где была возможность вплотную заняться изучением культуры и письменности, предмета его увлечения – басков. Сначала Виталий Юрьевич изредка переписывался с Игорем Владимировичем, потом переписка как-то сама собой сошла на нет, и лишь через много лет ему на глаза попалась большая

статья о докторе филологических наук Зыцере в одном журнале, где о нем писали как о крупнейшем специалисте в области баскской культуры. Больше Виталий Юрьевич об этом замечательном человеке ничего не слышал.

Зыцерь преподавал у них языковедение и латынь, знал языки, но его любовью был испанский. Он вел факультатив испанского языка, а еще организовал драмкружок, и сам играл в студенческих спектаклях. Виталий и Алексей ходили на факультатив испанского языка и в драмкружок.

Как-то Виталий показал учителю свои литературные опыты. Один рассказ Игорю Владимировичу особенно понравился, и он долго носился с ним, делал правки, что-то с разрешения Виталия переделывал. В конце концов, Виталий свой рассказ сам едва узнал. И расстроился, потому что это был уже не его рассказ. Ему вспомнилась история с Бабелем, которого он любил. Конечно, меньше, чем Гоголя, но все же ставил его несоизмеримо выше Катаева или Федина... Однажды к Бабелю пришел безвестный автор и принес рассказ. Рассказ был плох, но он был о лошадях. А известно, что лошади – давняя, всепоглощающая страсть Бабеля. И Бабель буквально с помощью нескольких мазков сделал из посредственного рассказа шедевр. Рассказ расцвел и заиграл всеми красками радуги. А в этом и есть талант мастера, увидеть и высветить то, что недоступно взгляду посредственности. Вот такой посредственностью вдруг почувствовал себя Виталий. Тем не менее, Зыцерь настоятельно советовал Виталию серьезно заняться литературой: «В вас есть та индивидуальность, которая позволяет надеяться, что из вас может получиться писатель самобытный, ни на кого не похожий». Он тогда добавил: «Вам нужно жить в большом городе»...

Виталий незаметно подружился и сошелся близко с Алексеем, их часто видели вместе и уже удивлялись, когда встречали порознь. А Зыцерь с ностальгической тоской рассказывал о Питере, о своих необыкновенных друзьях в ЛГУ, где он учился, об институте Герцена, куда они ходили в знаменитый клуб, где директором работал легендар-

ный армянин Охаян, который был знаком еще с Маяковским и со всей литературной богемной элитой тех времен и про которого студенты говорили без злобы: «Всегда небрит и вечно пьян директор клуба Охаян». И Виталий, снабженный письмами Зыщера, которыми он, к слову сказать, так и не воспользовался, к друзьям, сел в поезд и укатил в далекий и манящий город Питер...

Питер дал ему много. Виталий обогатился духовно, познакомился с интересными людьми, посещал музеи, ходил в оперу, но в творческом плане его ждала неудача. Хотя это было закономерно. То, что он писал, было посредственно. Да, его хвалили, но он сам видел, что его рассказы, - это только опыты, в них нет той силы, изящества и мастерства, которые отличают настоящую литературу от графоманства. Это потом, значительно позже, он почувствует, что у него стала выходить та проза, которой можно не стыдиться. Вот тогда он поймет, как ему не хватает этого котла большого города, где «варится» большая литература. В конце концов, ему просто не хватало поддержки и совета учителя, мастера... И он писал в стол, веря, что его час еще придет. А то, что он не печатается сейчас, сию минуту, его особенно не тяготило: он никогда не относился к литературе, как к средству заработка, он писал, потому что не писать не мог, и знал: то, что он пишет, это уже литература.

Разочарованный, он вернулся в свой родной город. С Алексеем они на какое-то время разошлись. Его друг после университета поступил в аспирантуру в Москве, защитился, некоторое время преподавал в Московском областном пединституте, женился на иногородней студентке, но с жильем в Москве у него не сложилось, и он тоже вернулся в их родной город и стал преподавать в университете, который сам окончил. К сорока годам Алексей защитил докторскую и стал профессором.

Они опять стали встречаться, изредка перезванивались, и было снова разошлись, но судьба еще раз свела их, поселив на одну улицу и в один дом. Теперь они стали ви-

даться часто, а жены их бегали друг к другу за рецептами и доверяли друг другу свои женские тайны...

- Алеш, послушай, - оживился вдруг Виталий Юрьевич, распрямляясь в кресле. – Вчера по телевизору шел концерт. Пел Борис Моисеев. Я как-то все время думал, что он танцует, а он вдруг запел. Но это ладно, сейчас все поют. А вот пел он не что-нибудь, а «Гоп-стоп». И это бы еще ничего. Но пел он с ансамблем Александрова. А они в военной форме и в фуражках. Представляешь, армия, как грянет вслед за мужиком сомнительной ориентации: «Гоп-стоп, ты отказала в ласке мне...»

- Маразм! – фыркнул Алексей Николаевич.

- Скорее пошлость, причем, откровенная, - подтвердил Виталий Юрьевич. - Если бы Шопенгауэр услышал это, он бы никогда не сказал, что высшим из искусств является музыка... Мы становимся бездуховными. Интернет заменил книгу, а телевидение пропагандирует жестокость и насилие. Молодежь боится реальности и ищет спасения в наркотиках, водке, сексе. Женщины не хотят рожать, а мужики не хотят брать ответственность за семью. Матери бросают своих новорожденных детей, что всегда считалось верхом безнравственности и грехом... Общество деградирует.

- Конечно, деградирует, - согласился Алексей Николаевич. – Только, позволь заметить, что деградировать оно начало ровно двенадцать тысяч лет назад, когда были изобретены копье и лук со стрелами. Эти, еще примитивные, орудия убийства закрепили тенденцию убывания милосердия.

- Ну, это голая философия, – запротестовал Виталий Юрьевич

- Почему философия, да еще и голая?

- Потому что и сегодня, несмотря на негатив, еще достаточно милосердных людей, которые склонны сострадать и помогать слабым. Более того, в библейских заповедях именно такой тип человека дан как идеальный.

- А я и не говорю о том, что милосердия нет. Мы же говорим о деградации... Это только кажется, что мы стремительно развиваемся. А если смотреть на историю человечества как на историю войн, со временем все более жесточких, - налицо деградация. Раньше от всех негативных тенденций, происходящих в мире, нас прикрывал «железный занавес». Занавес подняли, и на нас обрушилось все негативное, что было в капиталистическом мире. Мы сейчас похожи на человека, который спал, проснулся через двести лет и не может понять, что происходит. В связи с этим, наше поколение, может быть, лучше видит ту опасность, которая грозит миру. Технический прогресс одновременно с духовным регрессом превращает нас в цивилизацию психороботов, которые, в конце концов, уничтожат друг друга.

- Ну, мы с тобой уже говорили об этом, - напомнил Виталий Юрьевич.

- Да, говорили, - согласился Алексей Николаевич. - А ты знаешь, существует любопытная теория эволюции, по которой выходит, что со времен кроманьонца вместе с полукилограммами мозга мы потеряли сердоболие, сострадание, милосердие... Я тебе дам почитать одну интересную книжицу. Ты же интересуешься всякого рода параявлениями?

- То есть, выходит, что «усыхание» человеческого мозга свидетельствует об этической деградации «homo sapiens»? – пропустил последние слова друга мимо ушей Виталий Юрьевич. - И с чем же чем это связано?

- С мутациями. Представь себе, что в сообществе палеоантропов, отличавшихся массовыми телепатическими способностями, рождались отдельные особи с атрофированной системой телепатии. Они не могли свободно обмениваться мыслями с сородичами, как все другие. Мутантам, лишенным телепатических способностей, приходилось развивать особое свойство гортани для извлечения членораздельных звуков и особый аппарат мышления, который мы называем логическим.

- Выходит, что развитие человеческой речи, - не достижение наших предков, а своего рода уродство?

- Так ведь бессловесный обмен гораздо продуктивнее речи. Ты же сам выражал сожаление по поводу утери способности к телепатии... В этом случае, невозможна ложь, все, волей-неволей, правдивы, исключено насилие, потому что эмоциональный отклик на состояние другого человека не допускает убийство равного себе, ведь тогда пришлось бы тот час убить самого себя. Говорящие мутанты с развитым логическим сознанием оказались лишены этих человеческих слабостей. Поэтому научились убивать.

- Значит, предки человека, не умевшие разговаривать, но свободно читавшие мысли друг друга, не воевали за территории и даже не охотились?

- Насчет охоты не знаю, но то, что мы эволюционно не хищники, видно из того, что у нас, как и у человекоподобных обезьян, на пальцах ногти, а не когти.

- Это же вступает в противоречие с теорией Дарвина.

- Совершенно верно. Дарвин рассматривал современного человека, как результат эволюции, и считал его «венцом творения». Автор же новой теории пришел к выводу, что палеоантроп духовно гораздо развитее современного человека, и последнее время идет вовсе не эволюция, а деградация человека.

- Но в теории этой есть что-то несерьезно-легкомысленное. Это похоже на то, как Задорнов выводит этимологию слов, и от этого веет дилетантством и полным пренебрежением к законам исторического развития языка, то есть языкознания.

- Да это все только гипотеза, одна из многих, - заключил Алексей Николаевич.

- Такая же, впрочем, как и теория Дарвина, - сказал Виталий Юрьевич.

Дверь в зал открылась и вошла Ольга Алексеевна. Фартик ее был перепачкан мукой, лицо раздумянилось от жаркой духовки.

- Мужчины, вы собираетесь сегодня расходиться? Леш, только что звонила Вера. Она тебе задаст. Сказал на часок, а прошло три. Вас не разгони, вы и до утра просидите.

- Всё, всё, расходимся. – Алексей Николаевич поднял руки, показывая, что сдаётся. – Ухожу. А то Верка домой не пустит, - пошутил Алексей Николаевич. Он встал и пошел к выходу. На столе осталась недопитая бутылка водки.

- Кстати, - уже у порога сказал Алексей Николаевич, обращаясь к Виталию Юрьевичу. – Ни в одной стране интеллигенты не натворили так много бед, как в России. Они раскачали лодку в XIX веке.

- Зато лучшие представители интеллигенции сделали для России много, - не остался в долгу Виталий Юрьевич.

- Леш! – Ольга Алексеевна укоризненно посмотрела на Алексея Николаевича.

- Всё, всё, - Алексей Николаев прижал руки к груди. - Оль, надумаете, ждем. Тогда, если что, позвоните, - напомнил Алексей Николаевич.

- Да я уж Вере сказала. Сегодня никуда не пойдем. Давайте в следующий раз.

На том и расстались.

Глава 9

Автобус был переполнен и те полчаса, которые они ехали на дачу, им приходилось стоять, тесно прижавшись друг к другу. Рюкзак и сумка на колесах лежали в ногах и мешали менять позу. Время от времени Виталий Юрьевич перемещал тяжесть тела с одной ноги на другую, менял руки, держась за ручку кресла, у которого они стояли, и считал минуты, которые медленно текли, наглядно подтверждая теорию относительности. В летний сезон они с Ольгой Алексеевной старались уехать ближе к вечеру, когда дачный народ уже возвращался в город, и автобусы в сторону дач шли полупустыми. Но сегодня им нужно было

зайти к своим деревенским знакомым с утра, чтобы застать их трезвыми, пока похмелька не переросла в новый запой.

Автобус, наконец, вкатился в деревню и остановился у сельмага. Народ вывалил наружу и, растянувшись цепочкой, потопал по лужам, скользя по грязи. Виталий Юрьевич с Ольгой Алексеевной пошли назад по шоссе к жилью своих знакомых.

Два дома стояли рядом на отшибе. Небольшой домик Николая со стенами, обитыми фанерой, и с крышей в заплатах толи, стоял почти вплотную к изгороди, составленной из спинок железных кроватей, листов ржавого железа, металлических пластинок, выброшенных в металлолом после отштампованных из них форм, и каких-то еще железяк, попавших под руку.

Они открыли калитку, подняв ее и отведя в сторону, потому что калитка не висела на петлях, а стояла на земле, прикрученная к столбу проволокой, и столкнулись лицом к лицу с Татьяной, сожительницей Николая.

- Юрьич! – обрадовалась Татьяна. – Ольга Алексеевна!

И зашептала, испуганно оглядываясь на двери:

- Колька совсем рехнулся. Неделю пьет без продыху. Хоть бы вы ему, Юрьич, сказали. Вас он послушается. Буянит, дерется. Вон, в стекло кастрюлей запустил.

Действительно, одно окно было заткнуто подушкой, и она пузом торчала из створки. Они зашли в дом.

- Здорово, Юрьич! – осклабился в улыбке Николай, показывая щербатый рот. – А я думаю, зайдет или нет. А ты зашел, значит. Молодец.

- Николай уже успел похмелиться и находился в добром расположении духа. Подбородок его был стесан, нос разбит, а нижняя губа припухла.

- Где это тебя угораздило? – сочувственно спросил Виталий Юрьевич.

- Да ерунда, землю пахал! – хохотнул Николай.

- Ночью в уборную пьяный вставал. Так от кровати до дверей летел, - выдала Татьяна.

- Цыц! Поговори у меня! Ну-ка, сгинь с глаз! – прикрикнул Николай, и Татьяна, что-то ворча невнятно, скрылась в комнате. – Садись, Юрьич. Ольга Алексеевна.

Николай сидел на разбитом топчане, застеленном тряпьем. Это было подобие кухни, потому что напротив топчана стояла печь с двумя конфорками, а у самых дверей – колченогий стол, застеленный рваной клеенкой. С обшарпанных стен свисали клочья обоев. На полу валялись окурки. Кроме кухни со спальным местом была еще одна, сравнительно большая комната, где располагалась допотопная полутораспальная железная кровать, стоял засаленный диван, два стула и черно-белый ламповый телевизор «Рекорд», который, как ни странно, еще работал.

- Чего надо сделать, Юрьич? Ты говори. Для тебя сделаю... Только, если по земле. Ты знаешь. А если по железкам, то к Юрке, - с пьяным задором, стараясь быть внушительным, пообещал Николай.

- По земле, Коль! Надо поставить столбы для изгороди. А то лежат в сарае уже года три, ржавеют. Да как бы ни поворовали. И одну соточку вскопать нужно.

- Сделаем, Юрьич! Но не сегодня. Сегодня не могу. Сегодня я еще гуляю.

- А ты всю неделю гуляешь! – высунулась из комнаты Татьяна. – Я его уже боюсь, Юрьич. Он ночью просыпается и, если самогонки не осталось, кричит, скрипит зубами и бьется об пол. Лихует!

- Брысь, отсюда! Смойся с глаз, сказал, - снова цыкнул на Татьяну Николай. - Сама жрешь не меньше моего.

- Во, дурак, - возмутилась Татьяна. – Я выпью, так знаю свою меру, а ночью, тебя, бесстыдника, караулю, чтоб не сдох.

Татьяна опять скрылась в комнате.

- Ты, Николай, все же как-нибудь с этим делом полегче, - счел необходимым заметить Виталий Юрьевич. - Ну, хоть перерыв делай, что-ли, если совсем без этого не можешь... Так ведь и помрешь, не заметишь.

- И помру, - серьезно сказал Николай. – У нас в деревне каждый год от водки помирают... А кому я нужен, Юрьич? Я же сирота горькая. Вот Танька только и жалеет, - на глазах Николая появилась пьяная слеза. Он немного помолчал, жалея себя, и вдруг весело заключил. – Да и Таньке я на хер не нужен.

Ольга Алексеевна смущенно опустила глаза.

- Здесь, Юрьич, скажу тебе, по пьяни чего только не бывает. В марте, шоссейка уже подсохла, Сенька, бабки Тони сын, на той стороне дороги живет, ты у нее в прошлом году молоко покупал. Так вот, Сенька и Толян, этого ты не знаешь, он из Грачевки, выпили и заспорили, кто первый свернет на мотоцикле. Ночью разъехались и на встречу друг другу на всей скорости.

- И что же? – нервно спросила Ольга Алексеевна и, предугадывая ответ, покрылась, как от озноба, мурашками.

- Никто не свернул, - довольно заключил Николай. – Лоб в лоб, и оба насмерть.

- Господи, что ж мы за дураки такие? – покачала головой Ольга Алексеевна.

- То-то, я смотрю, на столбе венок висит, - вспомнил Виталий Юрьевич. – Молодые ребята-то?

- Да и одному и другому в армию идти... А Ваську, Юрьич, помнишь? Мы с ним тебе помогли фундамент заливать.

- Помню, конечно, помню, - кивнул Виталий Юрьевич.

- Помер зимой. Не проснулся.

- Он же с тобой где-то одного возраста, - сказал Виталий Юрьевич.

- Моложе на год.

- Вот видишь, Николай. Сам понимаешь все. Останавливайся, выходи из этого. Давай-ка завтра приходи с утра. Мы сегодня с ночевкой. Ольга Алексеевна обед приготовит.

- Приду, о чем разговор? Завтра, как штык. Только, Юрьич, - Николай замялся. - Это. У тебя нет ничего с собой?

- С собой нет. На даче есть, - развел руками Виталий Юрьевич.

- Ну, тогда, Юрьич, дай две тыщи рублей. Завтра расчитаемся.

- Коля, - попробовала направить мужика на путь истинный Ольга Алексеевна. - Ты сейчас опять заведешься, а завтра голова болеть будет, похмеляться начнешь.

- Похмелюсь я обязательно, - заверил Николай. - Без этого я работать не смогу. Но вы, Ольга Алексеевна, будьте спокойны. Я завтра все вам сделаю.

Виталий Юрьевич вынул из кармана деньги и дал Николаю две тысячи рублей.

- Коля, ты помнишь, какой ты был, когда из армии вернулся? Мы тогда с тобой познакомились. Здоровый, красивый.

- Это после Чечни? - усмехнулся Николай. - Эх, Юрьич, нашел, что вспомнить. Это как в школе учили: «дела давно минувших дней»

Лицо Николая стало серьезным, и он посмотрел на Виталия Юрьевича неожиданно трезвым взглядом.

- А пошли они все на ...

И он грязно выругался так, что Ольга Алексеевна от неожиданности вздрогнула и покраснела. И было в этом мате такое безнадежное отчаяние и правда, которой он заклеил кого-то, кого считал виноватым во всей своей пропащей жизни, что ни Виталий Юрьевич, ни Ольга Алексеевна не осмелились сделать какое-либо замечание своему деревенскому приятелю, считая это бестактным со своей стороны.

За калитку их проводила Татьяна.

- Не знаешь, Юрка дома? - спросил Виталий Юрьевич.

- Был дома, сейчас не знаю, - пожала плечами Татьяна.

- А где ваша Тоня? – спросила про Татьянину дочку Ольга Алексеевна.

- А в городе, - беззаботно махнула рукой Татьяна. – К какому-то чечену прибилась. С ним живет.

- Так ей же еще пятнадцати нет, - удивилась Ольга Алексеевна.

- Пятнадцать уже есть, - возразила Татьяна. – А пусть живут. Хоть в городе, А здесь что?

Ольга Алексеевна недоуменно пожала плечами.

- Ладно, Тонь, сказала она, - приходи завтра с Николаем. Пообедаем вместе.

- Спасибочки, приду, - рот Татьяны растянулся в довольной улыбке. Она любила приходить к ним на дачу, когда для Николая была там работа, но ей всегда требовалось отдельное приглашение, и она стеснялась и ждала, когда они сами скажут, чтобы приходили вместе.

- Зачем ты дал Кольке денег? Это похоже на то, что ты спаиваешь человека, - стала упрекать мужа Ольга Алексеевна, когда они шли к дому соседа Николая Юрки.

- Брось, Оль. Мы их почти пять лет знаем. Ему нужно выпить, и он выпьет, дам я ему денег или нет. Отработает. А то будет по деревне лазить.

Юркин дом с крышей, покрытой шифером, выглядел солидно, стоял на высоком фундаменте, но больше походил на странную крепость, потому что стены возводились из заливного бетона, а, кроме того, хозяин каждый год что-то подстраивал то с одной стороны, то с другой; и выходов и входов у Юрки было несколько, как у крота, и вели они из жилой части дома во все сараи, в гараж, где стоял старенький мотоцикл, купленный как металлолом, восстановленный своими руками для сына, и в мастерскую с верстаком и разными инструментами вплоть до сварочного аппарата. Двор отгорожен был невысокой метровой анодированной сеткой, ворота и калитка сварены из толстого пятидесятимиллиметрового уголка. Во дворе стояла сварная же теплица без стекол, и торчали два высоченных столба с перекладиной для качелей. Ограда уходила вниз холма, на

котором стоял дом, и от холма никакой пользы не было, просто хозяин пометил себе ту территорию, на которую лег глаз. С таким же успехом он мог бы отмерить и в десять раз больше, если бы хватило сетки. Земли вокруг лежало немерено, с лугами, речкой, посадками, рощами. Здесь каждый имел участок под огород не меньше гектара, а хочешь, бери два, да только, кому они нужны, если не обрабатываешь.

Вид с холма открывался невероятно красивый. В какую сторону ни глянь – картина, которая так и просится на холст. Внизу – заливной луг, по которому вьется проселочная дорога, и мосток через узенькую речушку. Дорога вела в соседнюю деревню, Грачевку, расположенную на небольшой возвышенности. Из Грачевки, особенно в ранние утренние часы, доносился собачий лай, мычание коров, звякание ведер и голоса сельчан, перекликающихся друг с другом. Справа синел в дымке лесок, где грибов и ягод было невидимо. Для горожанина – рай земной, но все это привычно и обыденно для сельского жителя. И он прозябает в этой красоте.

Юрка сидел в яме, которую выкопал рядом с домом под погреб. Яма уже была залита бетоном и вела, естественно, в дом, и это превращало погреб в катакомбы или обширное убежище на случай атомной войны. Рядом лежали бетонные плиты для перекрытия. Увидев Виталия Юрьевича, Юрка вылез из ямы. Тощее, но жилистое и гибкое тело Юрки украшали наколки, отчего голое до пояса тело отливало синевой. Здесь была и русалка с женскими грудями и рыбьим хвостом, и орел, несущий жертву в виде голой женщины, и могила с крестом, и... черт знает, что еще. Юрка когда-то сидел. За что, Виталий Юрьевич не спрашивал, а Юрка не любил об этом вспоминать. Раз только, когда зашел разговор о тюрьме, от которой у нас, как и от сумы, нельзя зарекаться, он поморщился и сказал, что сидел недолго и по глупости. Больше этой темы они не касались.

- Пойдем в дом, Виталий Юрьевич, - позвал Юрка.

Дома у Юрки с прошлого года ничего не изменилось. На кухне стоял тот же старый прямоугольный стол под вытертой клеенкой, две табуретки у стола, и два облезлых кресла с деревянными ручками. Стены были выложены самодельным кафелем с золотым тиснением по синему фону... Юрка за многое брался, многое умел, но все затеи его оканчивались ничем. Он быстро охладевал к очередной затее, уходил в запой, выходил из него с новой идеей и со страстью принимался за ее осуществление, пока опять не терпел крах. Так было с кафелем, который он задумал продавать в деревне, так получилось с кроликами, идеей разведения которых он увлек председателя, и тот под идею выделил ему деньги на сетку для клеток и на корм. Из крольчатины Юрка собирался делать тушёнку, для которой уже стал собирать пол-литровые стеклянные банки и купил тысячу металлических крышек за счет колхоза. Кролики через полгода отчего-то передохли, и Юрка бросил это дело, а председатель после этого не то, что здороваться, на порог сельсовета перестал его пускать.

- Подожди, Виталий Юрьевич, сейчас чифирчику сварю. Я ж неделю уже не пью, а без чифира, ты знаешь, не могу.

Юрка достал пачку чая, высыпал ее в литровую эмалированную кружку, залил водой и поставил на газ.

- У Кольки были? – спросил Юрка.

- Заходили, - ответил Виталий Юрьевич.

- Пьяный? – поинтересовался Юрка.

- Пьет, - неохотно пояснил Виталий Юрьевич. - Татьяна говорит, неделю.

- Да какая неделя? Кабы не месяц! – сообщил Юрка. – Точно дом пропьют.

- Какой дом? – удивилась Ольга Алексеевна.

- Так у Таньки дом в Грачевке. Они этот дом продают.

- А как же Татьяна дочь? Они же не имеют права. Ущемляется право ребенка.

- Какой ребенок! – засмеялся Юрка. – Ее здесь, в деревне уже все мужики, прошу прощения, Ольга Алексеев-

на, переимели. И в город уезжала, по несколько дней домой не показывалась. Теперь, говорят, с каким-то чучмедком снохалась, с ним, вроде, живет. А он на базаре фруктами торгует.

- Ну, все равно. Мало что случится? Ей жить-то где-то надо, - пожалела девочку Ольга Алексеевна.

- Да Колька вроде все устроил, прописал Таньку с Тонькой и все что нужно оформил,... Пропьют дом, как пить дать. Это они еще деньги не получили. Дай только деньги в руки попадут, - уверенно сказал Юрка.

- А ты как? – поинтересовался Виталий Юрьевич. - Где домочадцы? Жена на работе?

- Ушла от меня Алка, подлюга. С дочкой к матери ушла. А мы с Пашкой вдвоем хозяйничаем. Я последний раз, когда запил, побил ее. Мне давно говорили, что она к мужику одному ходит. Да это, хрен с ней, пусть ходит. Только на посмешище зачем выставлять? Вся деревня знает... Я пошел к тому, знаю я его. Так, мол, и так, ты чего к моей бабе лезешь? А ты, говорит, пропилил свою бабу. Я ему в рыло, а они с брательником меня и отму..., прошу прощения, отходили... Ну, это я пьяный был. Теперь трезвый пойду. Меня в деревне знают. Когда я трезвый, меня трое не осият. Я как угорь, меня не зацепишь. А один на один еще никто не одолел.

- Брось, не связывайся, - посоветовал Виталий Юрьевич. – Ты тоже виноват... Этим жену не вернешь.

- Да я и возвращать не хочу. Мало что ли баб в деревне? Девки молодые сами лезут... А только не срами! – упрямо стоял на своем Юрка. – А мужика я уделаю. Он меня попомнит.

- Ну и сядешь! – попытался вразумить Юрку Виталий Юрьевич.

- Не сяду. Моя правда.

- Да какая ж правда, если ты пьешь? – возмутилась Ольга Алексеевна.

- Я пить пью, а дело знаю. Это Колька не просыхает. А я напился, утром встал, и мне похмеляться не надо.

Только чифиру выпью и пошел... А насчет пьянки. Зимой мы поспорили с Кузьмичом, его дом стоит за Колькиным, у шоссе. Сам-то он малопьющий. А его жена и говорит: «Юр, ты пьешь, как лошадь, ты дня без водки не проживешь». Тут я взвился: «спорим, говорю, что раньше твой Кузьмич выпьет, чем я». Тут Кузьмич обиделся: я, мол, могу вообще не пить. И поспорили мы на пять тыщ на полгода. Кто первый выпьет, тот проиграл.

- Кто ж проиграл? – смеясь, спросила Ольга Алексеевна.

- А никто. Три месяца не пили. Ни я, ни Кузьмич. Мне что? Я чифирчику заварю и нормально. Выпить, конечно, тянуло, но не так уж, чтоб не вмоготу. Потом Кузьмич говорит: «Юр, может, ну ее совсем с этим спором. Праздник скоро. Все пьют, а мы как дураки ходим». Ну, мы с ним, не дожидаясь праздника, и долбанули. В общем, нажрались - лучше некуда... Однако, Виталий Юрьич, хоть я и выпиваю, в работе никого не подвел. Если обещал – сделаю.

- Это ты, конечно, молодец, - похвалил Виталий Юрьевич. – Но, согласишься, от трезвого тебя твоя Алка не ушла бы. А ведь у вас дочь – невеста.

- Ладно, Виталий Юрьевич, разберемся. – Юрка криво усмехнулся. – Ты скажи, что тебе надо сделать?

- Да заштукатурить бы стены внутри. Так все сделано, а стены голые.

- Если сказать честно, не люблю я это дело. Занудство, а не работа. Особенно окна и двери обходить. А у тебя их там полно. Вот сварить бы чего, или крышу покрыть – это мне в кайф. А штукатурка, копка – запаadlo.

- Юра, на тебя только и надежда, - лъстиво заговорила Ольга Алексеевна. – Ты скажи, сколько?

- Столько у вас не будет. В городе за квадратный метр по пять тыщ берут.

- Я буду помогать, - пообещал Виталий Юрьевич.

- Да чем ты, Виталий Юрьевич, поможешь, - скептически усмехнулся Юрка.

- Ну, раствор мешать, подавать.

- Ладно, - отмахнулся Юрка. – Не надо мне ничего мешать. Возьмусь, потому как люди хорошие. Бесплатно, конечно, не могу: с калыма и живу, но за сто тыщ сделаю. Только, чтоб пока работаю, был чай для чифира. Листовой, а не труха. Теперь, выпить, но не много, перед обедом. Ну, и, само собой, хавка, поесть, то есть.

Ударили по рукам, договорились о сроке и распрощались...

На другой день Колька появился ни свет, ни заря. Они спали, когда с улицы раздался его пропитый, хриплый голос:

- Хозяин! Есть дома кто?

- Минуточку, сейчас выйду! – подал голос Виталий Юрьевич и стал торопливо одеваться.

- Что-то ты рано, - сказал он Кольке, открывая калитку, которую на ночь запирали на задвижку.

- Да я в пять часов проснулся. Не могу спать и все, - пожаловался Колька и, понизив голос, зашептал:

- Юрьич, ты говорил, у тебя на даче есть. Похмели. Трясет всего. Вчера после тебя чего-то расчувствовался, выпил сначала чуть, а потом не заметил, как нажрался.

- Виталий Юрьевич провел Кольку на кухню, достал полулитровую бутылку самогона, который он специально для дачи покупал у соседки, что обходилось дешевле, чем водка, и поставил на стол. Потом поставил на стол соленые огурцы, сало, хлеб и вчерашнюю картошку, сваренную в мундире.

- Не, Юрьич, убирай, - замахал руками Колька. – С утра ничего не лезет. Я потом. Вот разве что соленый огурчик.

Колька налил две трети граненого стакана самогона, залпом выпил, передернулся по-собачьи, завел глаза под потолок, нюхнул, а потом откусил огурец. С минуту он сидел, прислушиваясь к себе, и заговорил, и голос его уже был почти нормальный.

- Все, прячь, - показал он на водку. – Теперь, если только в обед. Ты давай мне лопату. Где у тебя что? Трубы, цемент.

- А что ж Татьяна не пришла? – поинтересовалась Ольга Алексеевна. Она уже оделась, причесалась и спустилась к мужчинам.

- Так это я в самую рань, не спится. А она позже подойдет. Здравствуйте, Ольга Алексеевна, - запоздало поздоровался Колька.

До двенадцати часов Николай с помощью бура поставил все столбы и даже вбил их кувалдой в землю, выровняв так, что они стояли свечками. Осталось только засыпать лунки щебенкой и залить раствором цемента.

Ольга Алексеевна уже возились с Татьяной с обедом.

За обедом Виталий Юрьевич спросил:

- Коль, это правда, что вы с Татьяной дом продаете?

- Юрка сказал? – поднял голову Колька.

- А что, это секрет какой? – уклонился от ответа Виталий Юрьевич.

- Да какой секрет? – отозвалась Татьяна. – Зачем нам на два дома жить? Мы продадим один. Мой же на отшибе, в Грачевке. Чем два плохих, лучше один хороший сделать. Этот деревянный обложим кирпичом, покроем шифером. Потом заведем хозяйство: курей, поросеночка купим. Глядишь, и заживем по-человечески.

- Ну, если так, то разумно. Лишь бы деньги на пустое не разошлись, - поддержал Виталий Юрьевич и деликатно добавил: - Проесть-то все можно.

- Как можно, Юрьич! – Николай обиженно захлопал глазами.

- А как же дочка? – повернулась к Татьяне Ольга Алексеевна. – Сейчас она пока в городе, а в случае чего... ведь мало что может случиться.

- Я ей свой дом отписал, - важно сказал Николай. – Помру, все ее будет.

Помолчали. Татьяна сосредоточенно и аккуратно, подставляя под ложку хлеб, хлебала суп из пакетов. Нико-

лай без аппетита, даже с некоторой брезгливостью, выпил стакан самогона, съел несколько ложек супа, оставил тарелку и пошел во двор курить.

- Коль, поешь, - попыталась остановить его Ольга Алексеевна. – Откуда силе братья, если ты не ешь ничего?

- Сейчас, Ольга Алексеевна, только покурю, - пообещал Николай.

- Коль – спросил Виталий Юрьевич, когда тот вернулся за стол. – Вот ты воевал в Чечне...

- Не воевал... я служил в Чечне, но нас вывели оттуда в 1991 году... хотя накушался я там по горло, - криво усмехнулся Николай.

- Ну, все равно. Раз там служил, значит, не понаслышке знаешь ситуацию... Мне интересно знать твое мнение. Ты слышал, что опять в Чечне делается? Похищают журналистов. Уже после войны, накануне выборов нового президента Чечни, там были убиты шесть женщин, представительниц Международного Красного Креста. А теперь, после того как президентом стал Масхадов, обстановка стала еще хуже.

- Давить их надо, как крыс – вот и все мое мнение, - глаза Николая зло сверкнули и сузились.

- Так что же, новая война в Чечне?

- Значит война, - согласился Николай. – Юрьич, сплошное предательство. Оставили в Чечне оружие, которое досталось «за здорово живешь» чеченским мужикам. А когда я служил в Краснодаре, у нас, помню, солдата вые... - Николай покосился в сторону Таисии Ивановны, - простите, вздрючили за шесть не расстрелянных на стрельбище патронов, которые нашли у него в тумбочке... А зачем наших отозвали, когда мы их загнали в горы? Да тогда бы и конец войне. А уж если мы схлестнулись в этой Чечне с бандитами, то нужно было оставаться там до конца и отомстить. Ты знаешь, Юрьич, что они делали, гады, с нашими в 1991 году? Видел бы ты, как они резали наших солдат и как издевались над русскими. Говорили: «Русские, не уезжайте: нам нужны рабы».

- Так я знаю, что и наши с мирным населением не церемонились, - возразил Виталий Юрьевич.

- Так это мирное население по ночам нам в спины падало.

- А ты знаешь, что одна русская, жена чеченца, сказала? «Не можем мы выдавать наших, даже если они воюют. Здесь так не принято». Может быть, мы просто не знаем или не хотим знать их обычаи, их культуру, и пытаемся решить все вопросы с позиции силы?

- Это все только умные слова, - криво усмехнулся Николай. - Чечня – это Россия. А раз Россия – сидите и не рыпайтесь.

- Вот я про то и говорю. Ты считаешь чеченцев злыми, они, мол, относятся плохо к русским. Только мы не помним, как Сталин в 1944 году одним махом выселил чеченцев с их родной земли.

- При Сталине чеченцы сидели бы тихо как мыши, - буркнул Николай себе под нос. - А теперь они обнаглели... Налей-ка мне, Юрьич, еще чуток, да я пойду столбы доделаю...

Уже вечерело, когда Виталий Юрьевич с Ольгой Алексеевной собрались домой. Они пошли не по дороге, а по берегу, вдоль речки. По берегам стеной стояли ракиты. Стволами они кланялись речке, касаясь ветками воды. В этой неширокой быстрой речушке водилась всякая рыба вплоть до щук, и рыбаки с удочками в любое время дня стояли в воде в своих глубоководных до бедер сапогах. До мосточка - справа, а после него - слева тянулись дачки, и Виталий Юрьевич с женой любили рассматривать домики, которые до одного знали, сравнивали их со своим домом и радовались или удивлялись, если какой-то домик приобретал новое очертание, когда в него добавлялась новая деталь вроде веранды или трубы, что означало появление в доме камина или печки. Восторг Ольги Алексеевны вызывали вновь посаженные цветы, и она тут же давала себе слово посадить у себя такие же.

- А сколько лет Татьяне? – спросила вдруг Ольга Алексеевна.

- Не знаю, - пожал плечами Виталий Юрьевич. Знаю, что она на десять лет старше Николая. А ему где-то двадцать семь. А что?

- Если так, то ей под сорок. А выглядит на все шестьдесят, - удивилась Ольга Алексеевна.

- Да! Если вас рядом поставить, ты ей фору дашь, - довольно заключил Виталий Юрьевич.

- Велика гордость, ровняться с несчастной, которая всю жизнь в навозе, да в земле ковыряется, чтобы добыть пропитание.

- И водку, которую пьет вместе с мужиком. А ему, дураку, нет чтобы девку хорошую найти, он берет выпивоху, да еще с ребенком, который ему безразличен. Парочка – баран да ярочка.

- Какой ты злой! – укорила Ольга Алексеевна. – Это их беда и их крест.

- Я не злой. Мне обидно за хорошего мужика. Ты помнишь его в первый год, когда он нам на даче помогал? Тогда он после армии шофером в совхозе на газике работал, да еще и подрабатывал. Приятно было смотреть. Ладный, загорелый. Кто ему мешал жениться, обустроиться? Ведь любая девка за него с радостью пошла бы.

- Значит, не сложилось. Война людей ломает. Он же, в сущности, совершенно беспомощен, – вздохнула Ольга Алексеевна, жалея Кольку. – Знаешь что? – сказала она. – Давай им отдадим твои черные туфли. Ты их все равно не носишь. У вас же примерно один размер... И курточка твоя. Она тебе уже мала... А я отдам Татьяне кофту синюю, она мне не идет. И туфли на каблуках. Я на каблуках теперь не ношу.

- Пропьют, - вяло возразил Виталий Юрьевич. – Сколько ты уже давала им разной одежды, вплоть до одеяла, а я что-то ничего ни у Кольки, ни у Таньки не видел.

Перейдя мостик, они, чтобы сократить путь, пошли по тропинке между деревенскими домами и наткнулись на

компанию из трех деревенских мужиков, которые расположились на лужайке за изгородью одного из домов и пили то ли водку, то ли самогон. Чуть поодаль, у самого забора, лежала навзничь баба. Мухи ползали по ее лицу, и она делала неловкие движения рукой, пытаясь согнать их. Возле мужиков валялись две пустые поллитры, а пили они из одного стакана, который ходил по кругу: один из мужиков держал стакан с налитым до половины самогоном, а двое других молча ждали, пока тот выпьет.

Виталий Юрьевич и Ольга Алексеевна тихо прошли мимо. Мужики даже не взглянули в их сторону.

Дальше они шли молча. Только раз Ольга Алексеевна схватила его за руку и восторженно прошептала:

- Смотри!

На черной пашне краснели брошенные кем-то гладиолусы. Это было красиво и одновременно страшно: это была какая-то могильная красота.

Глава 10

Вечером, когда Мила уже собиралась укладывать спать Катьку, позвонила Даша.

- Мил, что делать? Фархат приезжает, - голос ее был взволнован и дрожал. – Он сейчас в Москве.

- Ты откуда звонишь-то? – спросила Мила, зная, что родители настороженно, если не сказать больше, относятся к арабскому другу дочери.

- Откуда, откуда? Из дома.

- А как же родители?

- Да не слышат они. На кухне они, холодец разбирают. Я дверь закрыла.

- Ну, и чего ты испугалась?

- Да неожиданно как-то, как снег на голову. Я думала, - все, кончилась любовь. И вот, на тебе!

- Да не дергайся ты! Встретитесь. Поговорите. Все само собой рассосется, в ту или другую сторону, - пыталась успокоить подругу Мила.

- А где встречаться-то? В гостиницу к нему я не пойду. Подумают, что шлюха какая-нибудь. Это ж не Москва, здесь все на виду.

- Да кому мы нужны, господи? – искренне возразила Мила.

- Ну, ты скажешь, Мил. Да у меня пациентов полгорода, - возмутилась Даша.

- Ладно! Когда, говоришь, приезжает? – спросила Мила.

- Да завтра утром. Сначала в гостиницу. Как устроится, позвонит. Я ему свой рабочий телефон дала.

- На сколько дней приезжает?

- На три дня. Потом у него какие-то дела в Москве, а потом опять в свой Тунис.

- Я с Катькой на три дня к родителям перейду, - решила Мила.

- Ой, Мил! Спасибо тебе. Чтоб я без тебя делала? Ты настоящая подруга! – задохнулась от восторга Даша.

- Пользуйся моей добротой, - добродушно засмеялась Мила.

- А я тебя не стесню? – с запоздалой вежливостью спросила Даша.

- Не бери в голову! Родители рады без памяти будут, что я с Катькой у них поживу. Они еще больше были бы рады, если бы я к ним вообще перешла, - засмеялась Мила.

Фархат учился на международном факультете медицинского образования. На этом факультете учились студенты из многих африканских стран: Камеруна, Судана, Туниса и других. Факультет недавно открылся, и сюда охотно потянулись молодые люди из «развивающихся» стран, пользуясь возможностью получить недорогое, по европейским меркам, образование. К тому же русские в мире были известны своим гостеприимством и добродушием. И преподаватели, и русские студенты охотно приняли африканцев, помогали им освоить русский язык и привыкнуть к особенностям нового уклада жизни. Впоследствии далекая заснеженная Россия стала для некоторых вто-

рой родиной, они обзавелись семьями и остались здесь навсегда. Особенно иностранным студентам помогали кураторы интернациональных групп. В числе таких кураторов оказалась и Даша. Так она и познакомилась с Фархатом, арабом из Туниса.

У Фархата была смуглая обветренная кожа, черные прямые волосы и голубые глаза. Был он высок, хорошо сложен, немногословен и застенчив. Первое время Фархат очень скучал по родным и рассказывал Даше о своей стране, о своих близких и родном городе Сфаксе, который стоял на побережье Средиземного моря, и его население составляло немногим более 100 тысяч человек. В конце XIX века Тунис был французской колонией. В начале XX века в Тунисе появилась национальная буржуазия, к которой принадлежал и отец, и дед Фархата. В 1920 году в Тунисе появилась компартия, и дед Фархата стал одним из ее лидеров. Компартия не просуществовала и двадцати лет и была запрещена французским правительством. Когда Тунис оккупировала гитлеровская Германия, деда Фархата расстреляли в числе других видных деятелей компартии. Немцев изгнали англо-французские войска. А потом, в течение нескольких лет, вплоть до 1955 года, Тунис переживал голод.

Отец Фархата коммунистом не был, он владел двумя небольшими магазинчиками, и семья считалась зажиточной, но от своего отца он унаследовал любовь к России.

Среди местных жителей, особенно в южной части Туниса, где жили берберы¹, бушевали такие заболевания как туберкулез, трахома и анкилостомоз. Люди болели, а на одного врача приходилось почти 5000 человек, то есть на 3600 тысяч жителей приходилось всего не более 700 врачей. Это повлияло на выбор профессии Фархата, а в какой стране учиться вопрос был решен, естественно, в пользу России.

¹ Берберы – племена нумидийцев, которых арабы и называли берберами.

Даше нравился Фархат, а Фархат без нее уже не мог ступить и шага. Все «Дашья, Дашья». С ее помощью он очень быстро научился говорить по-русски, и смешно выговаривал слова. Ее имя у него звучало как «Дашья», и это у него выходило нежно. Фархат стал ее первым мужчиной. Он относился к их связи серьезно и строил планы своей дальнейшей жизни только с ней. Он заверял Дашу, что его родители будут ей рады и что в Тунисе их ждет счастливая и обеспеченная жизнь. Она верила Фархату. Но когда Даша заикнулась родителям о том, что она собирается выйти замуж за араба, те устроили дочери скандал. Мать плакала, а отец обозвал шлюхой. Больше всего его выводило из себя то, что будущий внук у него может быть арапчонком. «Только черномазого нам в доме не хватало», - брызгал слюной отец. И это притом, что оголтелыми расистами ни отец, ни мать отнюдь не были. Они хорошо относились к китайцам, которые учились в их городе, да и кавказцы, украинцы или узбеки, которые осели здесь после развала СССР, не вызывали у них неприязни. Когда скинхеды из РНЕ¹ забили насмерть девушку-бурятку Дариму или когда избили семиклассников, брата и сестру Магомаевых, Дашины родители возмущались вместе со всеми и ругали органы городской власти за бездействие и попустительство. В общем, к национальности, разрезу глаз или цвету волос они не имели никаких «претензий». До тех пор, пока дело не коснулось их семьи. Стереотип «совка» не позволил им подняться над собой. Девоч, которые рожали от черных, обсуждал весь город. А те, которые вышли замуж и уехали со своими «обезьянами» в Африку, по слухам, жили как рабыни, и рады были бы вернуться, да их насильно держат и не пускают. И этого родители Даши тоже боялись. И как бы Даша ни убеждала их, объясняя, что Тунис давно уже цивилизованная страна, что главные города там не отличаются от других европейских городов, убедить родителей она не смогла.

¹ РНЕ – «Русское национальное единство», националистическая организация.

Фархату о своем разговоре с родителями Даша, конечно же, не говорила, сказала только, что родители не хотят, чтобы она уезжала из России в чужую страну. Когда Даша окончила институт, она вернулась в свой родной город, а Фархату оставалось учиться еще год. В течение этого года они встречались. Раза два она ездила к нему в Воронеж, несколько раз он приезжал к ней, останавливался в гостинице, но свидания их проходили где-нибудь в другом месте. Даша изворачивалась, снимала квартиру и платила при этом за месяц, хотя они с Фархатом оставались там от силы дня три. Еще выручали девчонки: Мила уходила к родителям, или Элька давала ключи от дачи. Подругам Фархат нравился, а Элька шипела:

- Дура! Что ты раздумываешь? Выходи за него, пока зовет. Обеспечен, хорош собой. Настоящий мужик, не то, что наша шантрапа. Опять же, Средиземное море. В январе 12 градусов. Рай.

Дашу подобные разговоры выводили из равновесия. Она нервничала, думала, перебирала всякие варианты, в конце концов, ничего не могла решить и плакала. Фархат настаивал на том, чтобы Даша познакомила его со своими родителями, и не понимал, почему она под всякими предложениями отказывает ему в этом.

После института Фархат уехал на родину. Даша провожала его в Москве. Он улетел, но сказал, что через год приедет за ней. За год она получила от него всего два письма. Письма были теплые, с заверениями любви, но расстояние притупляло чувства, и Даша как-то вяло реагировала на горячие заверения Фархата. Время было вытеснило Фархата из сердца, и Даше уже стало казаться, что и любви никакой не было, а было простое увлечение молодой девушки, душа которой открылась для высокого чувства, и, окажись рядом с ней кто-то другой, она потянулась бы к нему так же, как к Фархату. Но вот звонок из Москвы, и голос Фархата всколыхнул в ней прежние чувства. Полыхнули жаром щеки, учащенно забилося сердце, и она поняла, что любит его и ждет.

Весь день Даша находилась в состоянии нетерпеливого ожидания, и все делала как во сне: принимала больных, заполняла медицинские карты, выписывала рецепты. Время, казалось, остановилось, и она едва дождалась конца своей смены. Уже из дома Даша позвонила Миле.

Вечером следующего дня они втроем сидели у Милы дома за столом, уставленном деликатесами, которые ни Мила, ни Даша в обыденной жизни позволить себе не могли. Фархат притащил полную сумку продуктов. Здесь были и копчености вроде сервелата, и куры, и фрукты: виноград, груши, гранаты и хорошее вино. Фархат глаз не сводил с Даши, а та краснела как школьница и опускала глаза. «Прямо в лучших традициях мусульманского мира. Только чадры не хватает», - с улыбкой подумала Мила, и поймала себя на мысли, что невольно завидует подруге. Она здесь была лишняя, и, выпив с Фархатом и Дашей вина, чуть посидела, неторопливо пробуя от всего обилия стола, и заспешила уходить. Даша уже в коридоре запихнула ей в сумку гроздь винограда, две груши и плитку шоколада для Катьки. Мила чмокнула подругу в щеку, попрощалась с Фархатом и ушла, шепнув Даше, что чистое белье в нижнем ящике шифоньера.

- Что ты решила? – спросил Фархат, когда они остались одни.

- Не знаю, Фархат, я боюсь, - тихо ответила Даша.

- Чего ты боишься? Ты не любишь меня?

- Люблю, Фархат, люблю! – страстно возразила Даша.

- Тогда, что тебе мешает быть со мной? Я говорил своим родителям о тебе... Твоя фотокарточка стоит у меня на столе. Ты моей маме понравилась, и родители согласны, чтобы я тебя привел в наш дом.

- Фархат, - разрыдалась вдруг Даша. - Я не знаю, что мне делать. Я тебя люблю, но мои родители не хотят, чтобы я выходила за тебя замуж.

- Почему? Я для тебя неподходящая партия?

- Нет, Фархат, они не хотят, чтобы я выходила замуж за человека другой национальности.

- Они у тебя расисты?

- Нет, что ты. Просто они люди традиционных убеждений... и они боятся за меня. У нас в городе тоже учатся иностранцы, среди них много темнокожих из Африки, и девушки, которые выходили за них замуж и уезжали с ними, попадали чуть не в рабство. Они оказывались в таких условиях, что не чаяли, как оттуда выбраться.

- Тунис – не Конго и не Уганда или Заир, а арабы – не африканцы. У нас в столице – половина европейцев. У нас богатая культура. В Тунисе живут французы, итальянцы, евреи.

- Не обижайся, Фархат, - нежно прижалась к Фархату Даша, беря его под руку. – Я уеду с тобой. Но я не хочу обижать родителей. Они меня воспитали, дали образование. Они тоже любят меня. Я хочу еще с ними поговорить. И если они не дадут согласие на наш брак, я уеду с тобой.

- Мне очень обидно, - сказал Фархат, глядя руку Даша. – Они не видели меня и не хотят даже поговорить со мной.

- Я сделаю все, чтобы убедить их, Фархат.

- Ладно, любимая, давай сегодня забудем обо всем. Пусть наша встреча будет безоблачной и счастливой, а там, что Аллах даст. Положимся на него...

На третий день, когда Фархат уже собирался уезжать, Даша ждала его звонка. Он должен был позвонить ей утром. Но прошло утро, и заканчивалась вторая половина дня, а Фархат не звонил. Даша изнывала от неясного предчувствия. И только в конце рабочего дня, когда она уже собиралась уходить, раздался звонок. Даша вздрогнула и не сразу сняла трубку. Ей почему-то стало страшно.

- Мне Короткову Дарью Васильевну, - услышала Даша незнакомый женский голос.

- Я Короткова, - глухо произнесла Даша и почувствовала, как сильнее забилося вдруг сердце.

- Я звоню из больницы скорой помощи по просьбе господина Фархата Хафида. Только вы не пугайтесь. С ним

все нормально. Так, ушибы, сотрясение мозга. Он в сознании, только ему пока нельзя вставать.

- А что случилось?.. Почему? А вы кто? – мысли Даши стали вдруг путаться, и она почувствовала, как поплыла стена с плакатом «Раннее выявление заболевания – успех лечения!», и поспешила сесть.

- Я дежурная медсестра. Я не знаю толком, что случилось, похоже, его избили. Да вы не волнуйтесь. У нас бывает и хуже. Он сейчас вне опасности.

Даша с трудом воспринимала слова, которые звучали потусторонне.

- В каком отделении он лежит? – язык плохо слушался.

- Неврологическое отделение. Восьмая палата.

До Даши дошло, что это отделение, где работает Ленка, и она глухо сказала:

- Девушка, извините, пожалуйста, вы не могли бы пригласить Елену Николаевну? Скажите, Даша Короткова просит. Я тоже врач. Мы подруги.

- Ой, я вас помню, - обрадовался голос на другом конце провода. – Только у Елены Николаевны сегодня отгул после ночного дежурства.

- Спасибо! – Даша повесила трубку. Она огорчилась, что Ленки нет в больнице, но не стала звонить ей домой, сняла с вешалки, куда уже успела повесить, собираясь домой, свой белый халат, свернула его, сунула в сумку и бросилась в больницу к Фархату.

Глава 11

Посетители сновали по отделениям, как им вздумается, в повседневной обуви, без халатов. Они мешали нормальной работе медперсонала, и днем, когда врачи были на месте, их гоняли: гоняли в дверь, а они лезли в окно. В конце концов, врачи и медсестры махнули на все рукой, и перестали обращать внимание на посетителей, которые в

любое время шастали по палатам. Медицину накрыла волна всеобщего пофигизма.

Фархат лежал навзничь с закрытыми глазами на узкой кровати на тоненьком ватном матрасе у окна. В обшарпанной палате с облупившейся синей масляной краской на стенах стояло еще пять кроватей. Кто-то лежал, кто-то, судя по разобраннным постелям, гулял где-то по коридорам. Даша взяла стул, стоявший возле дверей и села в изголовье кровати Фархата. Был он бледен. Один глаз заплыл лилово-синим подтеком, на распухших губах запеклась кровь. Фархат открыл глаза. Увидев Дашу, он вымученно улыбнулся и сделал попытку приподняться.

- Лежи, лежи! – мягко сказала Даша, нашла его руку, и он ответ сжал ее ладонь.

- Кто тебя, Фархат? Спросила Даша

- Ваши расисты, - нахмурился Фархат.

- Скинхеды? – уточнила Даша.

- Говорят, что так, - согласился Фархат.

- За что?

- За что убивают расисты? Ни за что. За то, что у меня другой цвет лица.

- Где это случилось? – Даша хотела знать все.

- Я хотел купить цветы. Мне сказали, что лучше сходить на рынок. Здесь же близко. В сквере ко мне подошли четверо молодых здоровых парней. Из рукавов они вытащили короткие дубинки. Один сказал: «Ну что, черномазый? Дома не сидится? В Россию потянуло? Из-за вас, жинов, русскому человеку жизни не стало». Я сказал, что я не еврей и не черномазый, а араб» «Какая разница? Не еврей, так «азер». Россия - для русских» Ты знаешь, Даша, я почувствовал такую злость, что весь мой страх растворился в ней. Я дрался с ними и больше всего боялся упасть. Но четверо молодых здоровых и натренированных подонков не оставили мне никаких шансов. Когда я упал, они стали бить меня ногами. Я закрывал лицо, но мне доставалось по голове. А потом я ничего не помню. Очнулся уже в маши-

не скорой помощи. Фархат устало закрыл глаза и с минуты молчал. Потом сказал:

- Знаешь, мимо проходили люди, и никто из мужчин не остановился, не говоря уже о том, чтобы вмешаться. Только какая-то женщина закричала и стала звать милицию. Дальше я уже ничего не помню.

- Надо заявить в милицию, - решила Даша. - Эти скинхеды обнаглели. А власть, похоже, глаза закрывает. Среди бела дня людей убивают, а куда милиция смотрит, непонятно.

- Даша, - Фархат словно пропустил ее слова мимо ушей. - Я дам тебе телефон. Сообщи в мое посольство. Я завтра с утра должен быть в Москве. Меня будут искать. Расскажи им все.

- Не беспокойся, милый, я все сделаю, как скажешь.

Даша всхлипнула и полезла в сумку за платком.

- Ну-ну! Все хорошо. Я ведь жив, - стал Фархат успокаивать Дашу.

- Голова болит? - заботливо спросила Даша.

- Немного. Когда поднимаю голову или поворачиваюсь, ребра болят - дышать трудно... Ничего, до свадьбы заживет - попытался шутить Фархат.

- Фархатик, я теперь тебя никуда не отпущу, - голос Даши дрогнул, и она еле удержалась, чтобы не зареветь.

- Я завтра утром приду. Отпрошусь с работы и приду. Что тебе принести? Чего ты хочешь?

- Если только соку. А так ничего не надо... Деньги и документы, слава Аллаху, целы. Возьми в тумбочке. Там доллары. И возьми визитку с телефоном посольства.

Деньги Даша не взяла, нашла визитку, тисненную золотом, поцеловала Фархата и пошла искать дежурного врача. Врач, полный, с виду добродушный мужчина средних лет, сидел в ординаторской, пил чай и смотрел телевизор. Раньше Даша, когда ей случалось приходиться в больницу к Лене, его не видела.

- Здравствуйте, - поздоровалась Даша. – Я знакомая Фархата Хафида, араба, которого привезли с сотрясением мозга.

- Да, - врач оторвался от телевизора и внимательно посмотрел на Дашу. – И что же вы хотите?

- Простите, как вас зовут? А то как-то неудобно. Я разговариваю, не зная вашего имени.

- Семен Моисеевич, - назвал себя дежурный врач. – Больной не тяжелый, хотя недельки три ему придется полежать. Ребра срастутся, синяки и ссадины скоро пройдут. Если бы не сотрясение, можно было бы через пару недель выписывать. А так еще полежит.

- Семен Моисеевич, там проветрить бы палату нужно. Я попробовала, окно не открывается.

- Правильно, не открывается. А как оно откроется, если забито?

- Зачем забито? – удивилась Даша.

- Так сигают со второго этажа.

- Как это «сигают»? – у Даши даже глаза округлились.

- А весной один больной сиганул. К нему дружки пришли пьяные. Он под капельницей лежал. Они ему говорят: «Брось придуриваться. Там кореша заждались, а ты тут с трубкой какой-то лежишь». Отсоединили капельницу. Сестра вовремя заметила. Дружков этих вытурили, дверь в отделение на ключ закрыли, а больной оделся и в окно. Некоторые больные держат одежду в палате. Здесь всех, которые ходячие, отпускают на субботу и воскресенье домой. Ну, помыться, то, да се.

И что больной? – поинтересовалась Даша.

- Руку сломал. А мог бы и голову. Привезли-то его с синдромом сильного алкогольного опьянения. А чуть отошел, водкой поманили, он бы и с пятого этажа сиганул. Ну и отправили его в травматологию. Нам-то он зачем?

- Так, что ж теперь противогазы надевать? – возмутилась Даша. – Воздух спертый, как в солдатской казарме.

- Зачем? На это фрамуга есть.

- Так до нее не долезешь. Стремянку нужно ставить.

- А веревка?

- Да нет там веревки никакой.

- Да? – в свой черед удивился Семен Моисеевич. – Я и не обратил внимания. – Надо сестре-хозяйке завтра сказать... Так чем я могу быть полезен? – повторил вопрос Семен Моисеевич.

- Семен Моисеевич, Фархат Хафид – иностранец. В наш город он приехал всего на пару дней, и вот видите, что случилось? Завтра он должен был быть в Москве. Его будут ждать. Сегодня я, кстати, буду звонить в их посольство.

- И что? – насторожился Семен Моисеевич.

- А то, что его можно было бы поместить в более приличные условия, а не в палату на шесть человек.

- А чем это ваш Фархат лучше других? – вдруг обиделся Семен Моисеевич.

- Может быть и не лучше, но он все же иностранец и наш гость. К тому же, он ваш коллега, врач. В Москву приехал за медицинским оборудованием для своей клиники.

- Прошли те времена, когда мы перед иностранцами стелились. Для них все условия: гостиницы, кондиционер, икра. «Добро пожаловать, ваша иностранная значимость!» А мы, как хотим. Вот пусть посмотрит, как нашему человеку жить и болеть приходится!

- Так теперь, что? «Россия – для русских?», «Бей черномазых?»

- Только не надо, а? Вот этого не надо! Тоже мне, нациста нашли... В больницах ни ваты, ни бинтов, ни медикаментов. Шприцы с иглками кипятим для многократного использования. Вот и пусть иностранный врач на своей шкуре испытает наше житье.

- Даша решила не продолжать бессмысленный разговор и повернулась, чтобы уйти.

- Я не могу решить этот вопрос сам, - догнал ее голос Семена Моисеевича. – Завтра утром придет зав отделени-

ем, и я ему доложу. Лично в мои планы не входит обижать вашего араба.

Попрошавшись, Даша было ушла, но вспомнила, и уже в дверях обернулась:

- Семен Моисеевич, у него в тумбочке доллары и заграничный паспорт. Вы бы положили куда-нибудь в сейф. А то, мало ли что? Я смотрю, у вас в отделе проходной двор.

- Ну, знаете! – вспыхнул Семен Моисеевич. – Это вы главврачу скажите. Лечащий врач копейки получает. Нянечек не хватает, потому что за такие деньги никто в няньки идти не хочет. Да кто вы такая? – возмутился Семен Моисеевич. – Ходят здесь, указывают.

Но Даша уже шла по коридору. Напряжение, в котором она находилась последние несколько часов, вдруг отпустило ее, и она теперь чувствовала только усталость и пустоту в душе. Она вспомнила, что сегодня не обедала, все ждала звонка. Потом она вспомнила свой разговор с Семеном Моисеевичем, и ей стало стыдно за то, что свое раздражение она вылила на рядового врача, своего коллегу, который меньше всего был виноват в том, что творилось в больнице. Ее больница ничем не отличалась от этой и многих других. Поликлиники и больницы являли собой жалкое зрелище. Облупленные стены, подтеки на потолках, разбитые тумбочки и убогие кровати, которые покупались раз и навсегда. Туалеты – это вообще особый разговор. Как говорила Лена: «Нашим больным после выписки можно давать разряд по акробатике». Мало влезть с ногами на унитаз, еще нужно удержаться на его тонких стенках. В некоторых туалетах стали прикреплять к стенам что-то вроде поручней, чтобы больному легче было балансировать. «Господи, да у нас почему-то все общественные туалеты приспособлены именно к ногам, а не к тому месту, которое и должно размещаться на унитазе», - усмехнулась Даша. И где это видано, чтобы больной приходил в больницу со своими бинтами, шприцами, а его родственники бегали по аптекам в поисках лекарств, которые назначал

лечащий врач! И кому нужна тогда эта наша хваленая бесплатная медицина? А зарплата? Больные обижаются, что врачи не всегда внимательны к пациентам, обвиняют в равнодушии и отступлении от клятвы Гиппократова. А врач получает 280 тысяч рублей. И это при прожиточном минимуме в четыреста тысяч, на которые тоже невозможно прожить.

С этими невеселыми мыслями Даша ехала домой. Пока она шла от автобусной остановки, все придумывала, как сказать родителям про Фархата, но неожиданно для себя все выложила прямо с порога. Сказала, что его избил какая-то шпана, что он лежит в больнице и что она любит его и собирается за него замуж. Родители выслушали дочь молча, только отец ошарашено хлопал глазами, а мать всхлипнула, зажала рот рукой-горсточкой и ушла на кухню.

- Сильно избили? – спросил, наконец, отец.

- Сильно. Сотрясение мозга, ребра сломаны.

- Ну, хоть в сознании?

- В сознании. Говорят, ничего опасного для жизни нет, но полежать придется.

- Ах, подонки! Что ж это за мразь такая? Как же можно живого человека просто так взять и избить. Человек, можно сказать, с дружественным визитом к нам приехал. Что про нас люди скажут?

Василий Никифорович нервно курил папиросу, делая глубокие затяжки, и табачный дым шел из носа и изо рта, как пар из ноздрей рабочей лошади в морозную погоду.

- А что про нас скажут? – зло выкрикнула Даша. – Все и так знают, что у нас человека убить, что муху прихлопнуть. И убивают за просто так. А ты говоришь, избить. Вспомни, как в гостинице «Шипка» пятерых охранников застрелили. А в баре «Фея»? В директора двадцать пуль выпустили! Будто человеку одной мало. Ну, это, допустим, их бандитские разборки. А Полукарову с десятилетним ребенком за что? Матери нанесли четырнадцать ранений в область сердца, а у мальчика – двадцать семь колотых ран.

Я видела их трупы... Это же садисты, изуверы. Их тоже убили скинхеды... Но убитые-то русские, которые не имели ни капли еврейской, кавказской или африканской крови. Значит им все равно, кого убивать. Фархату просто повезло, что остался жив...

- Ты не расстраивайся, дочка. Жив твой Фарад, и слава Богу! Значит обойдется.

- Фархат, - поправила Даша.

- Ну, Фархат, - согласился Василий Никифорович.

- Идите ужинать, - голова Галина Михайловна просунулась в дверь.

Они сели за стол, и только теперь Даша поняла, как она голодна. Ужинали, молча, иногда перекидываясь незначительными словами. После ужина Даша позвонила Лене.

- Не беспокойся, я все сделаю! – пообещала Лена, когда Даша рассказала ей про Фархата. – Я его возьму в свою палату.

Потом Даша набрала код Москвы и номер телефона посольства, который дал ей Фархат...

Утром, за завтраком Василий Никифорович вдруг спросил:

- Дочка, в какой больнице твой араб лежит?

- Зачем тебе? – насторожилась Даша.

- А мы к нему сегодня в больницу пойдем, - объявила мать.

- Зачем? – испугалась Даша.

- Как это, зачем? – у Василия Никифоровича приподнялись брови. – Человек в чужом городе, один. Ни родных, ни близких. Лежит покалеченный. Мы что, не люди? Это тогда получится, что мы не лучше тех, которые его били.

- Мы ему бульончика куриного сварим. Ему сейчас бульон хорошо. Да блинчиков напеку, горяченьких, - с удовольствием проговорила Галина Михайловна, и лицо ее источала елей.

- Щеки Даши покрылись румянцем, и она, скороговоркой объяснив родителям, как найти Фархата, поспешила выйти из-за стола.

Глава 12

Мила уже месяц встречалась с Вадимом, но приглашение провести выходные на их даче застали ее врасплох. Они ели мороженое в кафе после вечернего киносеанса.

- Тебе фильм понравился? - спросила Мила.

- Да так! – пожал плечами Вадик. – Ширпотреб.

- Ну, с этим я не спорю, - согласилась Мила, слизывая с ложечки мороженое. – Тогда, что тебе не понравилось?

- Ну, например, не к месту много едят...и не к месту много секса. И это не несет смысловой нагрузки. И секс, и еда как бы сами по себе... Я заметил, что это какая-то новая мода в современном кино. Вроде как, если этого нет, то как у Станиславского: «Не верю!» Получается, в этом и есть высшая форма реализма. И едят-то похабно. Рот набьют и разговаривают. Как-то показывали сохранившиеся кадры вручения Нобелевской премии Бунину. Показали его за столом. Он за все время не притронулся к еде, а диктор пояснил: «Бунин не ест, потому что считает, что в кадре это будет смотреться неэстетично». Можно, конечно, сказать, что это глупость или что время было другое, более утонченное. А я скажу, ничего подобного, хамы, конечно, были всегда, а сейчас их просто больше, и их много в искусстве.

- Ну, это, скорее, относится к режиссеру, низкая культура которого и порождает безвкусицу. Только ты, Вадик, утрируешь ситуацию и, как бы, эстетствуешь вслед за Буниным. Жизнь чуть грубее и проще. Общеизвестный факт, что некоторые племена считали процесс принятия пищи занятием индивидуальным, обрядом, который нужно от чужих глаз скрывать, потому что в это время могут напустить порчу. Но ведь это не значит, что мы тоже должны стыдливо закрываться и прятать лицо, когда едим.

- Прятать лицо не нужно, но и выпячивать это как очень значимое действие, тоже ни к чему, - упрямо возразил Вадик. – Эротика, тем более, к месту – это красиво. А тупой секс, единственно для того, чтобы привлечь зрителя – это пошло...Еда и секс – это вещи интимные, да и визуально малопривлекательные. Дикари это понимали...

Из кафе они шли окружными путями и болтали о всякой всячине. А возле дома, проведив Милу до подъезда, Вадик неожиданно сказал:

- Отец приглашает тебя с Катей на выходные на дачу. Я за тобой заеду.

Это было неожиданно, и Мила даже не сразу сообразила, что на это сказать. Вадим ушел, а она растерянно смотрела ему вслед и не могла понять, что это значило, хорошо это или плохо, и нужно ли принимать это предложение. Но субботы Мила ждала с нетерпением, и когда Вадим позвонил ей утром, она уже не сомневалась: пойдет, потому что ей этого хотелось...

По городу они ехали в потоке машин, пропуская пешеходов на перекрестках и тормозя перед многочисленными светофорами, но чуть не наехали на бабульку с сумками, которая ринулась вдруг наперерез машине через дорогу. Женя нажал на тормоза, шины противно заскрежетали, и в салоне запахло жженой резиной. Милу качнуло вперед, и она едва успела удержаться руками за переднее сидение, предохраняя Катькин лоб от удара.

- Ты что, бабка, совсем рехнулась? – высовываясь из окна, заорал на бабку Женя.

Бабулька зло огрызнулась, но даже не повернула головы в сторону машины и рысью закончила свой рискованный забег на противоположном тротуаре.

- Вот народ! – покачал головой Женя.

- В Минске народ дисциплинированнее, - сказал Вадим. – Я ни разу не видел, чтобы кто-то переходил дорогу вне перехода.

- То же самое в Риге, - согласилась Мила. – У нас после девятого класса была поездка в Ленинград, Ригу и Са-

ласпилс. В Риге пешеходы стоят у светофора и ждут, пока загорится зеленый свет, даже если ни одной машины нет ни справа, ни слева.

- Ну, это уже тупость, - усмехнулся Женя. – Чего стоять и ждать, если машин нет, и дорога свободна?

- Вот-вот! Это наша логика. Мы ждать не можем. Нам надо быстрее, - сказала Мила с иронией... Самое смешное в том, что мы, экономя эти пустые секунды, теряем часы в пустой болтовне или в бессмысленном времяпровождении.

- Это точно, - согласился Вадим. – А что это за Саласпилс такой? – спросил он неожиданно.

- При чем тут Саласпилс? – не поняла Мила.- Ну, ты сказала «Саласпилс». Вы ездили в Ригу и Саласпилс.

- А-а! – дошло до Милы. – Это город, под которым фашисты построили детский концлагерь. У меня даже проспект есть с автографом бывшего узника, - похвасталась Мила.

- Вот странно, - сказал Женя. – Наши в Латвии концлагерей не строили, а они сквозь пальцы смотрят на шествия своих нацистов и негативно воспринимают все, что связано с советской армией, которая их освободила.

- От чего? – усмехнулась Мила.

- От фашизма – вот от чего.

- То-то они теперь всем, кто воевал на стороне Германии, платят пенсии, как ветеранам войны, - сказал Вадим. - И кто тогда для них освободитель?

- А для латышей, что Советская Армия, что фашистская - без разницы, - пояснила Мила. – Папин друг, профессор истории, говорит, что для латышей мы более оккупанты, чем фашисты.

- Это почему? – удивился Женя.

- Наверно потому, - отозвался Вадим, - что мы ввели в 1940 году войска в Латвию в результате пакта Молотова-Риббентропа, насильно навязав советскую власть, а немцы их от этой власти освободили, принеся свою, фашистскую, которая не лучше.

- Я в истории не разбираюсь, - сказала Мила. – Но, похоже, здесь намешано всего. Папин друг приводил статистику, из которой видно, что советской властью из Латвии было выселено и отправлено в Сибирь около 60 тысяч ни в чем неповинных жителей, а их дома занимались советскими переселенцами из России. А теперь латвийское правительство возвращает собственность соотечественникам, выселяя русских.

- Это называется реституция. И все возвращается на круги своя, - изрек Вадим.

Они выехали за город и понеслись по шоссе с ветерком. Стрелка спидометра плавно двигалась от восьмидесяти к девяноста, ста десяти и остановилась на ста двадцати километрах. Машина мягко покачивалась на неровностях дороги, и Мила чувствовала себя комфортно на упругих мягких сидениях БМВ. Минут через пятнадцать они свернули на узкую проселочную дорогу, проехали лесочком и, наконец, остановились у ворот КПП. Из будки вышел солдат с двумя лычками на погонах, увидел Женю за рулем, поздоровался с ним, кивнул Вадиму и пошел поднимать шлагбаум.

Они медленно ехали по асфальтовой дороге, и Мила успевала рассмотреть домики, которые располагались слева и справа от дороги. Это был даже не дачный поселок, а скорее дачный городок с асфальтовыми дорожками, кортами, столовой, магазином и даже гостиницей для высокопоставленных гостей губернатора. Но сами дачные домики не произвели на Милу особого впечатления. Это были довольно скромные одноэтажные, хотя и добротные, постройки.

Отец Вадима оказался полным, среднего роста мужчиной, с брюшком и округлым лицом. «Ни за что бы не поверила, что это генерал», - подумала Мила. – «А Вадик совсем не похож на отца», - отметила она.

Встретил генерал Милу радушно.

- Леонид Васильевич, - представился он, протягивая Миле руку, и тут же склонился над Катей. – А чья это та-

кая красивая девочка? – голос его потеплел, в глазах появились живые огоньки.

- Мамина, - твердо ответила Катя.

- А как зовут эту мамину дочку?

- Катя, - без тени смущения ответила девочка, и видно было, что дядя ей понравился.

Напряжение, которое не оставляло Милу, пока они ехали к поселку, как-то незаметно отпустило ее. Она представляла отца Вадика суровым мужчиной с командным голосом, а он оказался простым, вполне симпатичным и домашним человеком в синем шерстяном спортивном костюме, который совершенно ему не шел, так что Мила даже почувствовала некоторое разочарование, но умные глаза и внимательный, насквозь пронизывающий взгляд выдавали в нем человека непростого и властного.

Домик внутри оказался неожиданно просторным: обшая комната или зал, хорошо, даже, на взгляд Милы, роскошно обставленный: два кресла, диван, полированный стол с шестью стульями с высокими спинками, импортным телевизором и стереомузыкой. На стенах висело несколько хороших картин. Две небольшие спальни с добротными деревянными кроватями и прикроватными тумбочками. Встроенные шкафы для одежды и белья удобно расположились по одну сторону коридора рядом с душевой. Кухня, оборудованная по городскому типу, с импортной газовой плитой и гарнитуром из натурального дерева, не испортила бы интерьер любой городской квартиры.

- Чувствуйте себя здесь хозяйкой, - просто сказал Леонид Васильевич. - А если вы с Катериной накормите двух холостых мужчин хорошим обедом, они возражать не будут. Холодильник и кухня в вашем полном распоряжении.

Генерал говорил шутливо, и Мила охотно подхватила этот тон:

- Разве можно оставить голодными двух мужчин, если от них зависит в прямом смысле наша безопасность.

- Ну, пока вашу безопасность обеспечивает только один из них, другой еще на распутье, - с улыбкой возразил Леонид Васильевич.

- Почему это на распутье? – деланно обиделся Вадим.
– Я без пяти минут офицер милиции.

- Ты без пяти минут будущий офицер милиции. А каким ты будешь стражем правопорядка, время покажет, - генерал хлопнул сына по плечу.

Холодильник был забит до отказа: мясо, колбаса, зелень, сыр, а также виноград, яблоки, бананы и даже мороженное. На полочках в холодильнике вместе с майонезом, кетчупом и горчицей стояла бутылка водки «Посольская» и две бутылки сухого вина. «А в зале, в серванте стоит коньяк и крепленое вино», - вспомнила Мила. «Стратегический запас», - решила она, потому что знала, что и отец, и сын пьют не много.

Мила особенно не ломала голову над приготовлением обеда. «Нужно быть полной дурой, чтобы с такими продуктами не накрыть приличный стол», - подумала Мила и, засучив рукава, принялась за работу. Она достала из морозилки курицу и поставила размораживать. Затем взяла кусок любовой свинины, которая лежала незамороженной в холодильнике, и стала резать ее на ломтики в палец толщиной для шницелей. Пока оттаивала курица, Мила почистила картошку, залила ее водой и поставила на плиту, не зажигая огня. Это можно сделать минут за сорок до обеда. Потом она отбила свинину, посолила, поперчила и оставила полежать. Говядину можно было бы подержать в уксусе, но свинина хороша и так. Мила посмотрела, не забыла ли чего, и пошла спрашивать, на сколько планировать обед. В любом случае у нее оставалось время, чтобы все успеть приготовить.

Вадима она нашла на теннисном корте. Он играл с какой-то миловидной блондинкой. За игрой наблюдали загорелый молодой человек и две девушки. Мила подошла и стала следить за игрой. Блондинка играла хорошо. Она профессионально подавала с подбросом мяча и легко при-

нимала подачи Вадима. Вадим проиграл сет и гейм и подошел к Миле.

- Познакомьтесь, моя девушка, - представил Вадим Милу своим друзьям и назвал всех поименно.

- Ты в теннис играешь? – спросила блондинка, назвавшая себя Алей.

- Наверно, не очень хорошо, давно не играла, – поскромничала Мила. Она до восьмого класса занималась теннисом, даже успела выполнить третий разряд и чуть не дотянула до второго. Но с тех пор играла только по случаю. Корты стали платными, стоили дорого. Теннис вдруг стал привилегированным видом спорта, а с тех пор, как президентом стал любитель тенниса, – престижным. На теннисные корты вышли не только люди президентского окружения, но и многие из тех, состояние и положение которых позволяло платить за это дорогостоящее предприятие.

Первый сет Мила проиграла с небольшим счетом.

- Молодец, - похвалила Аля. – Где училась?

- Да так, - соврала Мила, - везде понемножку.

Второй сет она уже вела, и за нее стали болеть и девушки, наблюдавшие за игрой, и молодой человек, Стасик, и, конечно, Вадим.

Мила, ободренная зрителями, почувствовала игру, и у нее теперь все получалось: и подачи, и приемы мяча, и обводки. А когда она, отбив очередной мяч, вышла к сетке и изящно срезала мяч почти под сетку, зрители зааплодировали. Аля, красная от досады, расстроено стукнула ракеткой о бетон корта, но заставила себя улыбнуться, хотя улыбка вышла натянутой.

- Молодец. Только не надо прибедняться. Небось, все время тренируешься.

Мила не стала оправдываться и просто развела руками: извини, мол, так получилось.

- Давай еще пару сетов, попросила Аля.

- Вечером, - весело ответил за Милу Вадим. – Сейчас некогда.

- Ну, ты даешь! – сверкая влюбленными глазами, сказал Вадим. – Как ты ее сделала! Альку здесь никто не обыгрывает, а ты ее на обе лопатки положила.- Она теперь от злости две ночи спать не будет.

- А где Катя? – спросила, наконец, Мила.

Они с отцом по гостям ходят. Катюха стишки читает, поет песни и без умолку говорит. Ее уже весь дачный поселок знает. Вот что такое популярность. Батя балдеет, а ее наперебой к себе соседи зазывают.

Мила засмеялась.

- Им бы всем недельку с этим ребенком посидеть. От Катюхиных «почему», «зачем» и «как» голова к концу дня соображать перестает... А кто эта Аля? Чем она занимается?

- Дочь ректора технического университета. Учится там же на последнем курсе.

- А тот парень с девушками?

- У Стасика отец зав промышленным отделом областной администрации, а он учится со мной в юридическом. Девушки – Алькины подруги. Одна, которая черненькая, Ира, работает где-то в ОВИРе после института, а мать у нее что-то вроде главной по торговле. Другую я не знаю.

Миле стало как-то вдруг неуютно от собственной незначительности, и она поспешила сменить тему.

- Ладно, спроси отца, во сколько обед подавать?

- Спроси сама. Вон они идут с Катей по аллее.

Катя держала генерала за руку и вела себя с ним как со старым знакомым. Она что-то говорила, а он совершенно серьезно слушал и отвечал. Лицо его выражало полное удовольствие, и по всему было видно, что из генерала уже можно было вить веревки. Катя увидела Милу и со всех ног бросилась к ней.

- Ой, мамочка, я так хорошо стишки рассказывала, что мне все хлопали и конфетами угощали. А Федор Степанович как подбросил меня, мне даже от этого щекотно стало, и сказал: «Какая чудесная девочка!». И даже поцеловал меня.

- Кто этот Федор Степанович? – повернулась Мила к Леониду Васильевичу, хотя уже догадывалась, что это тот самый, о ком она подумала.

- Губернатор, - подтвердил Вадим и спросил отца: - А что, разве он не в Москве?

- Как видишь, нет, - ответил Леонид Васильевич.

- Пап, Мила спрашивает, во сколько обед подавать?

- Да, Леонид Васильевич, - спохватилась Мила. – Что-бы я успела.

- Ну, еще совсем рано. А часика через два, полтора – в самый раз.

- А я бы и сейчас не прочь, - заявил Вадим.

- А ты иди чего-нибудь перехвати, если такой голодный, - сжалилась Мила.

- Ни в коем случае, - протестующе поднял руки Леонид Васильевич. – Все на волейбольную площадку. Ты, Вадик, собирай своих приятелей, а мы, старики, сразимся с вами. Наши уже там... Хорошая еда вдвойне хороша, если ты по-настоящему голоден. Это почти так же, как стакан холодной воды, когда хочешь пить. И чем сильнее жажда, тем желаннее и вкуснее вода. Помните, как у Джека Лондона «В Мартине Идене», поэт, желая почувствовать истинный вкус воды, три дня мучил себя жаждой, чтобы потом насладиться стаканом простой воды. Все надо стараться делать с удовольствием. В том числе и есть.

- Точно, - согласилась Мила. – Слышал, Вадик? Нагуливай аппетит дальше. В час – за стол. Только без опозданий, иначе все остынет.

- Есть без опозданий, - отозвался Леонид Васильевич. – Мы – люди военные, и привыкли подчиняться. А вы сегодня наш главнокомандующий.

В час сели за стол. Стол выглядел основательно и аппетитно. Вареное куриное мясо, разрезанное на части и украшенное зеленью, лежало на блюде. Соус к мясу стоял за неимением соусницы в салатнице, и от него исходил легкий запах чеснока, который умопомрачительно смешивался и дополнял запах мяса, куриного бульона, зелени и кар-

тошки спылу. Свиные шницеля, отбитые и обжаренные в кляре, только что не шипели на блюде, лаская глаз и усиливая аппетит зажаристыми корочками панировки. Целая картошка лежала прямо на большой тарелке, и от нее шел пар. Кроме того, на столе стоял фруктовый салат из бананов, мандаринов, яблок и киви, залитый сладким йогуртом, нарезанная тонкими дольками копченая колбаса и сыр.

- Стол царский, - не удержался от похвалы Леонид Васильевич. – Под такую закуску грех не выпить по рюмочке. – Вадик, достань из холодильника. И бутылку сухого прихвати. Там еще минеральная вода. Тащи все сюда.

Мила разлила по тарелкам лапшу.

- У вас получился на редкость прозрачный бульон, - похвалил Милу Леонид Васильевич.

- Это дело нехитрое. Просто нужно хорошо промыть мясо и варить на слабом огне, - объяснила Мила. – Сложность в другом. Как получить и вкусный бульон, и вкусное мясо?

- Как?

- Практически невозможно... Чтобы было вкусное мясо, нужно класть его в кипяток. Если хочешь, чтобы был вкусным бульон, нужно положить его в холодную воду.

- Дилемма! – усмехнулся Леонид Васильевич. – И по какому же из двух путей пошли вы?

- По третьему, - весело сказала Мила.

- Значит, есть еще и третий. Это как?

- А я положила большую курицу в сравнительно небольшую кастрюлю. Как говорится, кашу маслом не испортишь.

- Гениально! – расхохотался Леонид Васильевич.- Мила, вам налить сухого или водки?

- Немного водки, - чуть поколебавшись, ответила Мила.

- Ну и молодец, по-нашему, - опять похвалил генерал. – Разрешите, я за вами поухаживаю.

Вадим тоже налил себе водки. За лапшой последовала отварная курица под соусом с отварной картошкой.

- Вы, Мила, просто мастерица. Кто вас учил готовить?

- Мама, бабушка. Ничего сложного. Я думаю, было бы желание, а премудрость не велика, - скромно опустила глаза Мила, а внутренне расплылась от похвалы, поминая добрым словом мать и бабушку.

- А соус как будто с этой курицей родился. Это вы из чего его делали?

- Это обычный чесночный соус к мясу. Здесь сливочное масло, мука, бульон, уксус, чеснок. Все в определенной пропорции варится на слабом огне, - объяснила Мила. - Это рецепт румынской кухни, но румыны отварную курицу подают с подливой из чеснока, толченого с солью. Это называется «муждей». А вот к жаркому, к шницелям я бы добавила в этот соус еще граммов сто грибов и горчицу. Только я грибов не нашла. Поэтому не обессудьте, шницеля будем есть с чесночным соусом.

- У вас просто обширные познания в кулинарии, - отметил генерал. Он разомлел, его довольное лицо покраснелось. Ему явно по душе прищлась Мила, и теперь ему хотелось одного, чтобы ей понравился ее сын так же, как она ему.

Под водочку попробовали и шницеля. Мила переживала свой триумф, снисходительно принимала комплименты и по поводу шницелей, и по поводу фруктового салата, который с удовольствием уплетали все.

Леонид Васильевич сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел ословевшими глазами на Милу, Вадима и Катю, которую мать с трудом заставила съесть полтарелки лапши, зато от фруктового салата ее впору было оттаскивать. Мила ощущала почти физически расположение генерала, и гордость отзывалась в ней словами кота Матроскина: «Я еще и на машинке могу, и вышивать». Мила поймала себя на мысли, что генерал ей как мужчина больше нравится, чем Вадим, и невольно прыснула от смеха. «Это генетическое, - мелькнула в голове. - Мама тоже всегда нравились мужчины в возрасте. И папа старше мамы на девять лет».

- Ты чего? – не понял Вадим и тоже засмеялся.

Давно уже Мила не чувствовала себя так хорошо. Ей было покойно, словно ангел прошел по душе босиком. И отодвинулись куда-то заботы повседневной жизни.

Вечером они сидели перед телевизором. На экране мелькали кулаки, проливалась кровь и полыхали страсти. Чак Норрис учил плохих парней, как правильно жить по-американски. Фильм смотрели вполглаза. Пошла реклама. «Покупайте компьютеры Джи Ви Ди. Надежно, выгодно, удобно. Звоните прямо сейчас, и вы получите бонус».

- Джи Ви Ди – это круто, - согласился с рекламой Вадим. – Пап, давай купим.

- Зачем тебе? – вяло возразил Леонид Васильевич. – У тебя есть... Ну, вот скажи, ты стал счастливее от того, что у тебя появился компьютер, и ты гуляешь по интернету? Не уход ли это от жизни, ее проблем, бегство в виртуальный мир? Это ведь иллюзия жизни.

- Ну почему? – не согласился Вадим. – Сейчас я получаю обширную и быструю информацию. Я быстрее обучаюсь, узнаю много нового. С интернетом мне стал ближе и понятнее мир. Я ощущаю стал его частью.

Леонид Васильевич поморщился, как от зубной боли.

- А вы хотели, чтобы мы вечно за железным занавесом сидели? – с задором молодого нигилиста пошел в атаку Вадим. - Правильно, советская власть с интернетом несовместима. Интернет открыл нам не только мир, но и глаза. Ты как-то вспоминал слова Андропова, который объяснил суть железного занавеса: «Советская власть не удержится, если страна не останется закрытой».

- Наши отцы и деды искренне хотели построить счастливое общество. Поверь, коммунизм – это очень притягательная идея, и она вправе существовать. Недаром передовые капиталистические страны не постеснялись взять все лучшее, что было у нас. У них для этого хватило ума. Конечно, то общество было во многом несовершенно, и нужна была перестройка экономической системы, но не ломки всего. И, поверь мне, мы еще не раз с сожалением

вспомним то хорошее, что было в той нашей жизни. Еще неизвестно, что и в какой форме принесет нам капитализм.

- Хуже не будет, - убежденно возразил Вадим. – Довольно мы жили двуличной жизнью: говорили одно, думали другое, а делали третье.

- Вадик, - Леонид Васильевич протестующе поднял руки. – Может быть, в какой-то части жизнь действительно была лицемерной и двуличной, но лозунги были правильными, и вся идеология была направлена на улучшение нравственного состояния человека в обществе. Кстати, несмотря на то, что мы были страной атеистического мировоззрения, отвергающего религию, нашей идеологии созвучны были Евангельские заповеди, которые устанавливали правовые и этические нормы семейного и гражданского быта: почитание родителей, неприкосновенность жизни, семья, половая нравственность. Наши женщины были чисты и целомудренны. Известен факт, что когда немецкие врачи осмотрели девушек в возрасте от 16 до 19 лет, угоняемых в Германию во время войны, то были поражены тем, что 90% из них оказались невинными. Это ли не свидетельство высочайшей нравственности русских? Не спорю, многое было абсурдным, нелепым и уродливым, но все это можно и нужно было поправить. И это возможно мог бы сделать тот Андропов, которого ты, Вадим, упомянул.

- Как поправить? Система загнивала, и ее необходимо было взрывать, а не менять.

- Максимализм простителен юношам, но он недопустим в политике. Когда я слышу «взрывать», «ломать», «разрушать», - мне становится страшно. Сперанский¹ в царствование Александра I, будучи уверенным, например, в пагубности крепостничества, предупреждал, однако, против его мгновенного уничтожения, опасаясь взрыва. Все должно делаться постепенно, а не одним махом. Раз, и в дамки – не получится. Радикальная ломка всего и вся, как и революция, сопровождается трагедией простых людей. Лично я никогда не сомневался в том, что самая эффектив-

¹ Сперанский Михаил Михайлович (1772 – 1839) – выдающийся государственный деятель.

ная экономика – рыночная. Но я также не сомневаюсь, что капитализм по-американски – не самая лучшая политическая система. Может быть, нужно было передать в частные руки всю легкую промышленность, разрешить частное предпринимательство, но оставить основополагающие отрасли промышленности, такие как транспорт, добывающие отрасли, тяжелую промышленность в руках государства.

- Пап, а чего ж ты тогда ГКЧП не поддержал

- Потому что ГКЧП – это очевидная авантюра. Они хотели реставрировать то, что реставрации не подлежало. Два раза в одну воду войти нельзя.

- А зачем из КПСС вышел? Не модно? – голос Вадима прозвучал ехидно.

- Меньше всего меня волновало, модно или не модно. Меня не устраивала сегодняшняя программа КПСС. Время их ничему не научило. Они не признали ошибки, которые допустила партия. Являясь правопреемниками партийной системы советского государства, они просто обязаны были покаяться и попросить у народа прощения за репрессии, за массовые расстрелы и за многое другое, что легло позорным пятном на всех коммунистов.

А тогда, как ты относишься к Ельцину? – спросил Вадим, глядя отцу в глаза.

- А вот этого я тебе не скажу, - усмехнулся Леонид Васильевич. – Что-то меня сморило. Пойду, часок почитаю на сон грядущий и спать. А вы сидите.

Леонид Васильевич встал с кресла и пошел в спальню. Катя клевала носом, сидя у матери на коленях, и Мила вскоре отнесла ее в отведенную им комнату и уложила на свою кровать.

Глава 13

В больницу Даша смогла вырваться только к концу рабочего дня. Заменить ее было некем, отменить прием она не могла и работала весь перерыв, выкраивая этот час, чтобы уйти пораньше.

В отделении Даша сначала нашла Лену. Лена сидела в ординаторской и заполняла медицинские карты. Кроме нее в ординаторской сидела пожилая врачиха в очках и Семен Моисеевич, с которым она чуть повздорила накануне. Врачиха в очках кивнула, не поворачивая головы в сторону Даши, а Семен Моисеевич доброжелательно закивал головой: «Здрате, здрате». При этом лицо его расплылось в доброжелательной улыбке.

- Ну и переполоху наделал твой Фархат, - затараторила Лена, когда они вышли в коридор. - Из администрации приходили, главврач приходила, из милиции приходили. И сейчас какой-то майор сидит, правда, не из милиции.

- Как он? - спросила Даша, пропуская Ленкину скороговорку мимо ушей.

- Нормально. Ничего страшного. Через пару недель выпишем. Его взял к себе зав отделением, но ты не беспокойся, я к нему тоже захожу...Ладно, Даш, я пойду, а то вон шеф ходит злой. Звони.

И Лена скрылась в ординаторской.

Фархата перевели в другую палату. Здесь условия были получше. Кроме него в палате лежал еще один больной, хотя палата была рассчитана на три места. Третья кровать, заправленная чистым бельем, пустовала. В углу, у дверей, стоял однокамерный холодильник «Зил», марка, популярная лет десять назад. Тогда за этими холодильниками народ выстаивал огромные очереди, и приобрести его можно было только по предварительной записи. «Господи, за чем мы только не стояли! - подумала Даша. - За коврами, за гарнитурами, за стенками, за сапогами». Даша помнила, как тогда еще живая бабушка, раз в месяц вставала в пять часов утра и ехала к универмагу, чтобы отметить свою очередь на ковер. Она очень хотела, чтобы у ее внучки над кроватью висел ковер. Тот, кто проспал или прозевал день учета, безжалостно вычеркивался из списка, потому что список велся и оглашался активистами из самой очереди, и чем больше «записантов» не являлось в назначенный день переклички, тем ближе очередь приближалась к заветной

цели. Активист выкрикивал в толпу фамилию, и если происходила небольшая заминка, потому что «записант» не услышал свою фамилию или ее искажил активист, толпа дружно орала: «Вычеркивай, нету!»

Палата выглядела уютно. Здесь было все чисто и опрятно. И новые вафельные полотенца на спинках кроватей, и белое белье, а не серое, как в других палатах, хотя и обезображенное черным больничным штампом. Даша невольно бросила взгляд на окно. На фрамуге висела добротная веревка, за которую смело можно было тянуть, чтобы фрамуга открылась. «Некрасиво, но надежно. Уж эта точно не оборвется, - усмехнулась Даша».

Фархат лежал с открытыми глазами, лицо его было оживленно, и Даше показалось, что через смуглую кожу его лица проступает подобие румянца. При виде Даши Фархат заулыбался. У кровати больного сидел лысоватый майор.

- Вы к господину Хафиду? – увидев, что Даша замялась, сказал майор. – Проходите, я уже закончил и ухожу.

Он закрыл блокнот, положил его в карман кителя и встал. У дверей он обернулся, словно вспомнил, и попросил.

- Вы потом зайдите, если вас не затруднит, в кабинет зав отделением. Буквально на минуточку.

- Что он хотел? – обеспокоенно спросила Даша, когда майор вышел.

- Да так, ничего. Интересовался, какие у меня дела в России, по какому вопросу я приехал сюда. Так, ерунда всякая.

- И что ты сказал?

- Сказал, что приехал повидаться со своим институтским товарищем. Он спросил, кто этот товарищ. Я сказал. Но это ведь не секрет? – вдруг забеспокоился Фархат. – Я тебя подвел? У тебя могут быть из-за меня неприятности? Я знаю. У нас в Тунисе тоже есть такая служба. Они следят за благонадежностью граждан и ловят шпионов.

- Успокойся, Фархат. Это раньше у меня действительно могли быть неприятности. Но у нас произошли большие перемены. Сейчас мы уже другая страна. Лучше скажи, как ты себя чувствуешь?

- Спасибо. Уже хорошо. Я даже немного сидеть могу. И я счастлив, Даша. Я познакомился с твоими родителями. Они очень хорошие люди, Даша. Они принесли мне, я забыл, как это называется, ваши тонкие лепешки.

- Блины.

- Да, блины. Даша, теперь ты выйдешь за меня замуж?

- Да, Фархат.

Фархат сиял. С заплаканным глазом и распухшими губами, растянутыми в подобии улыбки, он казался беспомощным, и Даша чувствовала больше, чем когда-либо, и понимала, что любит этого человека, и в душе ее теплом разливалась нежность...

Когда Даша постучалась и вошла в кабинет зав отделением, тот поспешил выйти.

- Присаживайтесь, - показал на кресло майор. Он чувствовал здесь себя хозяином. - Вас ведь зовут Дарья Васильевна? - уточнил майор, когда Даша опустилась в удобное мягкое кресло. - А с господином Фархатом Хафидом вы учились в Воронежском медицинском институте?

Даша кивком подтвердила его слова.

- А какие у вас отношения с господином Хафидом? Он ведь именно к вам приехал?

- А почему это вас интересует? - вспыхнула Даша. - Мои отношения с кем бы то ни было никого не касаются.

- Нас все интересует, - строго заметил Майор. - Впрочем, вы можете не отвечать. Мы догадываемся.

Даша промолчала. Но в душе поднималось раздражение против этого лысеющего человека с холодными глазами. Разговор был больше похож на допрос.

- Мы ничего не имеем против ваших отношений, но из-за этого иностранноподданного возникли проблемы. В эту неприятную историю втянуты местные власти, об этой

истории стало известно нашему посольству... В посольство чужой страны звонили вы?

- Об избиении нашего зарубежного гостя в нашем городе сообщила я по просьбе пострадавшего, - с вызовом отрезала Даша, подаваясь вперед и сильнее сжимая кистями рук подлокотники кресла.

- В таких случаях советуются с органами, - невозмутимо сказал майор.

- В таких случаях советуются с родителями, - в тон ему ответила Даша.

- Так вы что, собираетесь за него замуж? – в голосе майора чувствовалась ирония.

- А вот это уже вообще не ваше дело, - Даша все больше злилась.

- И конечно уедете с ним в Тунис? – майор никак не реагировал на раздражительный тон Даши.

- Если выйду замуж, то конечно уеду, - прямо ответила Даша. – А что?

- Да ничего особенного. Просто все это может иметь для вас нежелательные последствия. Для дальнейшей карьеры, например. Мало как обернется! Многие уезжают и возвращаются.

- Это вы мне угрожаете? - тихо спросила Даша.

- Да что вы? Избави Бог! Я по-отечески предостерегаю вас от необдуманного поступка. Тем более что поступок ваш непатриотичен. Покидать Родину, когда в ней происходят такие коренные перемены! Очень непатриотично. Такая женщина достойна лучшего. Что, у нас своих мужчин мало? И чем наши хуже? Нет, вам иностранца подавай, хоть зачуханного, но иностранца.

- Ну, знаете! - Даша задохнулась от возмущения. – Я не хочу больше с вами разговаривать. Если есть вопросы по существу, задавайте. А это черт знает, что такое!

- А у меня нет к вам вопросов. А поговорить с вами и пробудить в вас чувство уважения к Родине я обязан не только по долгу службы, но и как патриот своей страны.

- Я свободна? – Даша встала.

- Конечно. Идите. Но подумайте еще раз над тем, что я сказал.

«Ничего не изменилось!» - подумала Даша. Но она ошибалась. Изменилось многое. И этот разговор с майором не имел для нее никаких последствий. А еще лет десять назад все могло иметь совершенно другой, может быть, даже трагический, поворот...

Дома у Даши с родителями состоялся разговор, который носил спокойный, даже какой-то деловой характер.

- Дочка! Ты его любишь? – спросила мать.

- Да, люблю, мама! – Даша уже не испытывала никакой неловкости от этого вопроса, может быть, потому, что решение ее стало твердым, и она решила все для себя.

- И что ты решила?

- Я выхожу за него замуж.

Воцарилось молчание, во время которого отец сосредоточенно курил, а мать теребила край передника.

- Выходи, дочка! – тихо сказала мать, и видно было, что ей тяжело даются эти слова. – Он, по всему виду, хороший человек. А ты что молчишь? – повернулась Галина Михайловна к мужу. Скажи что-нибудь.

- Препятствовать не стану. Выходи, коль любишь. Это главное... И уезжай, хуже не будет. А здесь, видно, счастья нет. Видишь, что твориться стало? Зверь и то нападает, когда есть хочет, а чтоб человек человека за просто так убивал!.. Это уже Армагеддон какой-то...

- Ладно, отец! Раскаркался! И труднее были времена – выжили. Бог даст, и сейчас не пропадем. А ты уезжай, дочка. Бери своего араба и уезжай! Только нас не забывай. - Галина Михайловна всхлипнула. Даша не выдержала, наконец, и, бросившись к матери, дала волю слезам.

Василий Никифорович смотрел на них исподлобья и, сдвинув брови, молчал, не пытаясь останавливать. Он понимал, что после их бабьих слез, наступит облегчение и покой.

Глава 14

Милу тяготила работа, и она, приходя на службу, словно отбывала трудовую повинность. В принципе, работать было можно. Ее хорошо приняли, и она как-то сразу вписалась в коллектив, подружилась с Наташей. И с Петром Никодимовичем не было никаких проблем. За его внешней строгостью скрывался совершенно добродушный человек, который органически не умел отказывать, и у него ежедневно гуляло пол-лаборатории: у одного вдруг начала болеть голова, у другого оставался один дома ребенок, третьему нужно было, ну просто неотложно, съездить в город для оформления какого-то документа. И так бесконечно.

Но вся деятельность научного сотрудника лаборатории все же предполагала работу на земле, а у Милы, сугубо городского человека, душа к земле не лежала, и привыкнуть к этому она не могла. Она и на дачу с родителями ездила только тогда, когда деваться было некуда и отказаться было невозможно. Ей отвели небольшой участок, где она проводила опыты по селекции гороха. Миле пришлось обзавестись резиновыми сапогами и сменной одеждой, которая стала ее рабочей униформой и хранилась в нижнем ящике ее письменного стола. Правда, у нее сразу обозначилась тема для будущей диссертации, но это Милу уже никак не радовало. Она могла поговорить с Вадимом об устройстве на какую-нибудь приличную работу, ведь у генерала наверняка были обширные связи. Но Мила не могла переступить через себя: ей было стыдно говорить на эту тему с Вадимом и тем более с его отцом. Она боялась, что они могут подумать, что ею движет одна корысть. И вообще, ей казалось неприличным напрягать чужих людей своими «шкурными» проблемами. Но Вадим совершенно неожиданно сам затронул эту тему.

- Мила, а ты не хочешь сменить работу? - спросил он вдруг Милу. - Каждый день едешь в такую даль. Тем бо-

лее, ты сама говоришь, что сельское хозяйство – не твое призвание и что в земле ты возиться не любишь.

Когда Вадим спрашивал о ее работе, она не скрывала, что ее работа ей не нравится, но она не ныла и не жаловалась, и ни на что не намекала. И вот теперь он предлагал ей помощь.

- Давно хочу, - не стала жеманиться Мила. – Оказалось, что из меня селекционер, как из козы огородный сторож. А на что менять то?

- А это ты сама скажи. Где бы ты хотела работать? Я с отцом говорил об этом. Он сказал, чтобы я спросил у тебя.

- Вадик! – Мила не верила собственному счастью. – Хорошо бы в какой-нибудь институт. Вообще, я всегда мечтала о преподавательской работе.

- Посмотрим, - сказал Вадим.

Буквально через день Миле позвонил сам Леонид Васильевич. Это было так неожиданно, что Мила растерялась. Из головы вылетело отчество генерала, и она сказала в трубку: «Здрате».

- Здравствуйте, Мила. По вашему вопросу. Завтра в удобное для вас время зайдите к ректору в экономический институт и в технический университет, тоже к ректору. Там договоритесь. Вам что-нибудь предложат. Если что-то не так, свяжитесь со мной через Вадика. Извините, у меня через пять минут совещание. До свидания.

Мила тянуть не стала. Она отпросилась у шефа и прямо с утра помчалась в технический университет. В приемной ей почти не пришлось ждать. Она назвала себя, секретарь доложила ректору, и тот ее сразу принял. Ректор, высокий, еще не старый мужчина с темной шевелюрой и едва намечающимися залысинами, вел себя с Милой более чем приветливо. Он спросил, как здоровье Леонида Васильевича, улыбался и разговаривал с ней, как с ровней, инстинктивно определив ей место в своем кругу.

- У вас какая специальность по диплому? – наконец поинтересовался Ректор.

- Я педагог. Заканчивала химико-биологический факультет, - сказала Мила, но у меня нет практического навыка работы по специальности.

-Это дело поправимое, - успокоил ректор. – Я могу вам предложить место заведующей химическим кабинетом.

- Мила замялась, и ректор быстро вставил:

- Ничего страшного. Вы там быстро освоитесь.

- Да нет, я не боюсь. Просто я хотела бы попробовать себя на преподавательской работе. Вот если бы мне хотя бы несколько часов химии или биологии.

- Вы знаете, Людмила...

- Витальевна, - подсказала Мила.

- Вы знаете, Людмила Витальевна, сейчас я ничего не могу обещать. Ну, может быть, со следующего учебного года.

Миле показалось, что ректор расстроился оттого, что вынужден отказать ей в ее просьбе. Она поблагодарила, одарив его открытой улыбкой, которая, она знала, была неотразимо привлекательной, и обещала подумать.

- В любом случае, о своем решении, какое бы оно ни было, сообщить мне, - сердечно прощаясь, попросил ректор. – Телефон у вас есть...

Он проводил Милу до дверей.

- Большой привет от меня Леониду Васильевичу.

Экономический институт выглядел поскромнее. Размещался он в старом, еще довоенной постройки, но хорошо отремонтированном, с фасадом, одетым в мрамор, трехэтажном здании, которое располагалось в живописном месте недалеко от речки, хотя и находилось почти в центре.

«Вот бы здесь повезло. И от дома рукой подать», - подумала Мила, входя в вестибюль института.

Ректорат размещался на втором этаже. В холле на стенах в два ряда висели картины. Освещение было тусклым, но картины привлекли внимание Милы, и она задержалась чуть, разглядывая пейзажи и натюрморты, которые

ей очень понравились. Милу поразили почему-то две вещи: вода и виноград. И то и другое были прозрачными и от того совершенно натуральными. Ее всегда восхищал Айвазовский именно за такую прозрачность воды на море. И здесь Мила отметила эту же прозрачность. Она подошла ближе к одной из картин и прочитала на бумажной табличке: «Шанев В.С.» И ей вдруг захотелось посмотреть на этого Шанева В.С. «Черте что в голову лезет», - подумала Мила.

Ректор института встретил Милу так же приветливо, как и его коллега из технического университета.

- Голубцов Иван Прокопьевич, - представился Миле уже пожилой, можно даже сказать старый человек, с редкими седыми волосами, усталыми глазами и скупыми, экономными движениями, повторив имя и фамилию, которые Мила прочитала на табличке.

Иван Прокопьевич тоже справился о здоровье генерала, не преминув отметить, какой необыкновенный человек Леонид Васильевич, и как он его уважает. После реверансов в сторону генерала, Иван Прокопьевич порасспрашивал Милу о ее родителях, и она понимала, что он исподволь подбирается к главному, что его интересовало: кем она все же приходится генералу и с какого боку находится относительно него. Но Мила совершенно не хотела выворачиваться наизнанку, тем более прямо Иван Прокопьевич ее об этом не спрашивал, а все остальное его, видно, удовлетворяло, и он неожиданно для Милы, когда она уже, было, поставила крест на работе в этом институте, вдруг предложил с елейной улыбкой:

- Милочка, вас устроит должность старшего методиста?

Мила удивленно подняла на него глаза, а он добавил:

- Естественно, с гарантией перевода на преподавательскую работу. Сначала мы дадим вам несколько часов, а с начала учебного года переведем на полную ставку.

От радости у Милы кровь застучала в висках, и она едва удержалась, чтобы не подскочить на месте.

- Я согласна, - к своему неудовольствию поспешно сказала она.

Зарплата оказалась меньше, чем ей предложили в техническом университете, но больше, чем в «зернобобовых». Но это было то, чего она хотела.

В приемной она не удержалась и спросила секретаря:

- А чьи это картины висят в холле?

- А это выставка Владимира Сергеевича, - охотно объяснила секретарь.

- А кто такой этот Владимир Сергеевич?

- Как кто? – искренне удивилась секретарь.- Владимир Сергеевич – это Владимир Сергеевич. Преподаватель, кандидат экономических наук.

«Будто я должна знать всех их кандидатов наук», - фыркнула про себя Мила.

В Институте зернобобовых к ее уходу отнеслись по-разному. Кто-то смотрел на нее с нескрываемой усмешкой: мол, белоручка, побоялась пальчики маникюренные землей испачкать; кто-то с пониманием. Наташа откровенно расстроилась, но отговаривать не стала, только взяла слово, что Мила будет ей звонить, и что они будут видеться, а Петр Никодимович долго вертел в руках заявление, вздыхал, а потом посмотрел на Милу в упор.

- Это ваше окончательное решение? – спросил Петр Никодимович, а в глазах его было сожаление.

- Мила ничего не ответила, только пожалала плечами.

- Я понимаю, конечно, маленькая зарплата, а работа, бывает, я бы сказал, не только лабораторная. Но ведь и на любом другом месте работать придется. А у вас здесь открывается перспектива. И потом, не все же вы будете сидеть на этой зарплате. Уже и сейчас намечается прибавка. А? – с надеждой посмотрел на Милу Петр Никодимович.

- Петр Никодимович, миленький, - растрогалась Мила. – На новом месте у меня зарплата будет не намного больше. И не в работе дело. Я уже вам говорила, что работы не боюсь. Но не мое это. Ну, не мое! Я тоже ко всем

здесь успела привыкнуть, и я благодарна вам за все... Но, не уговаривайте меня, я уже все решила.

- Ну, ладно, - вздохнул Петр Никодимович, подписывая заявление. – Держи, и будь, дочка, счастлива... Хотя я на тебя сильно рассчитывал.

И, странное дело, она уже не ощущала той радости, которую должна была ощущать, получив работу, о которой и думать еще два дня назад не мечтала. И, бегая с обходным листом по институту, Мила ловила себя на мысли, что ей жаль оставлять лабораторию, а вместе с этим и какую-то маленькую частицу себя...

Через неделю она уже сидела в деканате естественных наук экономического института и правила расписание занятий. В новом расписании напротив предмета «концепция естествознания» стояла ее фамилия: преподаватель Анохина Л.В. В деканат все время кто-то входил, но Мила, поглощенная своей работой, не обращала ни на кого внимания. Она ушла с головой в расчерченный на квадраты лист и подняла глаза, когда услышала насмешливый голос:

- А вы наш новый методист.

Возле стола стоял молодой мужчина среднего роста, широкий в плечах с круглым добрым лицом. Глаза его излучали ту теплоту, которая располагает к доверию, но в глубине его голубых глаз прятались еще и лукавые искорки, и легкая насмешка. Цвет глаз менялся, и из голубых его глаза вдруг становились темными, почти черными. Или это показалось Миле. А, впрочем, это могла быть просто игра света. Мила ничего не ответила, просто кивнула.

- Я – Владимир Сергеевич, - назвал себя мужчина, и Мила, теперь уже с любопытством исподволь стала разглядывать преподавателя, о котором секретарь ректора в первый день Милиного посещения института сказала: «Владимир Сергеевич – это Владимир Сергеевич»

- Могу я попросить вас о небольшом одолжении? – теперь глаза его стали серьезными и сразу потемнели.

- Слушаю, - Мила хотела улыбнуться своей неотразимой широкой улыбкой, но у нее почему-то улыбнулисьсь

только уголки губ. Ей сразу понравился Владимир Сергеевич, и она инстинктивно почувствовала, что тоже симпатична ему.

- Перенесите мне, пожалуйста, вечерние лекции с пятницы и субботы на утро, а взамен на вечер поставьте любые другие дни. Мне это очень нужно.

- Конечно, Владимир Сергеевич, я сделаю, как вы просите, только расписание будет утверждать декан, а потом ректор, - предупредила Мила, стараясь придать голосу как можно больше мягкости.

- Здесь не беспокойтесь, с деканом я улажу, - открыто улыбнулся, показывая хорошие зубы, Владимир Сергеевич, и глаза его стали светлеть, превращаясь в голубые.

- А вы что заканчивали, если не секрет? - просто спросил Владимир Сергеевич.

- Не секрет, - засмеялась Мила. - Химико-биологический факультет.

- Значит, коллеги, - обрадовался Владимир Сергеевич. - По первой специальности я тоже химик. Я даже успел защититься по химии, но меня взяла в плен экономика. Я закончил экономический факультет, сейчас готовлю докторскую, а пока еще числюсь на этой кафедре. Так что, теперь будем видеться часто. Кстати, я вас познакомлю с одним нашим преподавателем. Если подружитесь, а я уверен, что подружитесь, он как никто другой сможет помочь вам в научной работе. Вы же собираетесь заниматься научной работой?

- Вообще-то, конечно, собираюсь. Только я еще об этом не могу говорить так вот сразу. Я ведь всего работаю третий день. И потом, я еще только методист.

- Ну, ваши амбиции легко угадываются хотя бы потому, что вы уже включены в учебный процесс, как преподаватель почасовик. Я уверен, что долго в методистах вы не задержитесь.

В глазах Владимира Сергеевича запрыгали лукавинки, которые Мила разглядела в первую минуту знакомства. Она почувствовала себя неловко оттого, что ее выворачи-

вают наизнанку, озвучивая тайное, о котором она предпочитала не говорить вслух, и уж, конечно, не делиться с кем-то во всеуслышание. Она покраснела и попыталась снова уткнуться в свое расписание, но он понял ее смущение и поспешил откланяться.

- Ну, не буду вам мешать. Очень рад нашему знакомству. - Он одарил Милу открытой улыбкой, смешно подмигнул и энергичной походкой вышел из деканата. В деканате больше никого не было, и Мила поняла, что разговор их остался между ними, и уверовала внутренним озарением, что Владимир Сергеевич никогда бы не коснулся и не заговорил о ее тайных помыслах, если бы здесь присутствовал еще хотя бы один человек. Мила улыбнулась, ей стало покойно, и она почувствовала себя уверенно от того, что приобрела, а в этом у нее не было сомнения, надежного покровителя в лице симпатичного преподавателя Шанева Владимира Сергеевича. «Жаль только, что этот симпатичный преподаватель не знает, что он моя защита и покровитель», - усмехнулась Мила.

Миле как методисту чаще приходилось сидеть в деканате, но иногда она все же заскакивала в преподавательскую, потому что это все же была ее кафедра. Она быстро освоилась на факультете, познакомилась со всеми преподавателями и чувствовала себя уверенно, ей было комфортно и, казалось, что она работает здесь давно, и она уже вспоминала о зернобобовом институте, как о недоразумении в ее жизни. Еще больше сблизил ее с коллективом праздник, который раньше именовался праздником великой Октябрьской Революции, а теперь Днем согласия и примирения. Какого согласия и с чем примирения, для Милы оставалось тайной за семью печатями, но, так или иначе, праздник был, и красное число в календаре оставалось. Накануне к Миле подошла пожилая преподаватель химии Инна Васильевна Степина и с улыбкой спросила:

- Людмила Витальевна, а вы собираетесь у нас прописываться?

Сначала Мила не поняла и растерялась, но, сообразив, что «прописываться», это значит выставить угощение «для своих» и официально быть принятой в коллектив, закивала головой:

- Да, конечно, – и соврала: - Я уже думала, только не знаю как.

- А вот послезавтра мы собираемся в преподавательской немного отметить, заодно и вас пропишем.

Мила побежала к Семенычу, с которым ее познакомил Владимир Сергеевич. Ивана Семеновича все звали просто Семенычем. И это ему шло. Он был «Семеныч». К нему тянулись, к нему шли за советом, ему поверяли тайны, и он был чем-то вроде попа на кафедре, мог слушать, сострадать и принимать на себя проблемы своих коллег. Однажды Мила оказалась нечаянным свидетелем одной сцены. Она тихо сидела в углу кабинета химии и читала конспект лекций, которые ей дал Семеныч. В кабинет вошла преподавательница, под села к Семенычу и стала жаловаться на сына, что он отбил от рук, стал выпивать, в дом приводит каких-то сомнительных приятелей, не ночует. Как бы до беды не дошло. Семеныч сокрушенно качал головой, тяжело вздыхал, успокаивал мать, говоря, что, может быть, она все преувеличивает: парень молодой, а современная молодежь живет по-другому, не так как их поколение.

- И давно у него это началось? – спросил все же Семеныч.

- Да как Борис Евгеньич из семьи ушел, так и поехало. В конце концов, Семеныч обещал поговорить с ее сыном и выяснить, что там у него происходит:

- Только не надо в уныние впадать раньше времени. Ты, Нина Степановна, знаешь, что уныние - грех. Веньку твоего я знаю с тех пор, как он в школу пошел. Поговорю с ним по-отцовски. А Бог заповедовал почитать отца и мать.

Преподавательница ушла, а Семеныч все вздыхал и качал головой. Вошел Владимир Сергеевич и, заметив, что Семеныч расстроен, спросил:

- Семеныч, опять чужие заботы покоя не дают?

- Да вот понимаешь, беда у Нины Степановны какая. Сын от рук отбился совсем. Как отец их бросил, так все кувыркром идет. Венька ее, ты же его тоже знаешь, попить стал, дома не ночует.

- Печально. Нину Степановну жалко, конечно. С парнем, я думаю, нужно поговорить. Только, Семеныч, тебе себя не жалко?

- Не понимаю, - поднял удивленные глаза Семеныч. - Объясни.

- На тебя совершенно бессовестно валят все свои проблемы. Ты же - приемник отрицательной энергии. Понятно, что людям свойственно, хотя они часто делают это неосознанно, разделить свою беду с кем-то еще. Таким образом, они освобождаются от разрушающего их груза.

- Володя, насчет «совершенно бессовестным образом» ты не прав. Ты же сам говоришь, что людям свойственно делиться своими бедами. Но ведь они делятся и своими радостями. В Евангелии сказано: «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Христос учит принимать чужое горе как свое.

- Но ты же не Христос.

- В каждом из нас живет Христос.

- Хороший ты человек, Семеныч, - искренне сказал Владимир Сергеевич. - Только и о себе не забывай. Помогать нужно тому, кто достоин помощи, а то на себя души не хватит.

- А ты можешь определить, кто достоин, а кто не достоин? Тебе не кажется, что в этом есть корысть? Это вроде как на базаре мясо выбирать, свежее, несвежее. Иногда «недостойный» может оказаться более достойным, чем «достойный». Судить людей просто. Мы часто делаем то, за что нас можно осудить, потому что все мы несовершенны. Но среди людей больше тех, кто старается совершать хорошие поступки... А про душу, в Евангелии сказано: «кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее».

- Ну, изначально никто не хочет быть сволочью, - согласился Владимир Сергеевич. – Только люди сами не знают, что им нужно...

В этом был весь Семеныч. Для него естественным было сочувствовать и сопереживать, и он меньше всего думал о какой-то разрушительной силе отрицательной энергии, действующей на него.

Мила чувствовала себя неловко оттого, что стала невольным свидетелем разговора, который ее не касался, хотя ничего особенного в этом разговоре не было. Тем не менее, она не стала выдавать себя и сидела тихо, дожидаясь пока Владимир Сергеевич выйдет, и вздохнула с облегчением, когда через некоторое время кабинет покинул и Семеныч...

- Семеныч, - обратилась к Ивану Семеновичу Мила. – Инна Васильевна сказала, что я должна прописаться. Послезавтра праздник. А что мне нужно приносить?

- А, вот в чем дело, - засмеялся Семеныч. – Не бери в голову, это она так, для порядка. Все уже сбросились. С тебя не стали брать деньги, потому что ты новенькая, и к тебе еще не привыкли. Спеки какой-нибудь пирог, купи бутылочку вина. Оно и ладно, и достаточно будет.

Семеныч посмотрел на Милу своими добрыми карими глазами, приобнял за плечи и добавил:

- Все хорошо, дочка. Ты здесь ко двору. Тебя уже без прописки приняли.

В порыве благодарности Мила поцеловала Семеныча в щеку и веселая побежала к себе в деканат.

- Вот коза! – покачал головой Семеныч и с теплой улыбкой посмотрел ей вслед.

Глава 15

Ко дню примирения Мила спекла пражский торт. Торт не требовал больших затрат: банка сгущенки, пачка маргарина (конечно, лучше бы сливочное масло, но, как говорится, по доходам и расходу), стакан муки, да немного

молока; ну, само собой, стакан сахара. А получалось очень вкусно. Мила, как посоветовал Семеныч, купила бутылку не очень дорогого муската, подумала и в кондитерском отделе взяла небольшую коробку «Ассорти».

В преподавательской собрались часам к пяти. Женщины быстро накрыли стол. Нарезали вареную колбасу, открыли консервы «Ставрида в томате» и «Частик в томатном соусе». Кто-то принес банку соленых огурцов, кто-то вареной целой картошки и вареные яйца. Быстренько сделали салат «Оливье», без которого, как известно, в России ни один праздник не обходится. Поставили водку, три бутылки сухого вина и водрузили в центр Милин «Пражский торт».

Выпили за праздник. Когда закусили, встал Владимир Сергеевич и сказал:

- Праздников у нас много, а вот новых сотрудников мы принимаем не так уж часто. Я предлагаю выпить за нашего нового товарища Людмилу Витальевну. Давайте пожелаем ей успехов в ее работе на нашей кафедре.

- За вас, Милочка, - поднял стаканчик с водкой Семеныч. - Искренне желаю вам счастья в наше непростое время, и оставайтесь всегда такой же искренней и доброй, какой вы нам показались за то недолгое время, которое у нас работаете.

К Миле потянулись стаканы, она со всеми чокалась, лицо ее покраснелось; и от дружеского участия, и от теплых слов в ее адрес, она растрогалась, и слезы выступили на глазах.

За столом понемногу выпивали, ели и вели неспешные разговоры. Все было чинно и не так шумно, как в Милиной компании, где каждый спешил высказаться, не соглашался, перебивал, и часто внимание привлекалось не аргументом, а голосом. Но и здесь простой разговор быстро перешел в привычное русло обсуждения политических и экономических проблем. Это были проблемы насущные, они касались всех и каждого и обсуждались везде и всеми, не оставляя равнодушных. Говорили об инфляции, о том,

что цены растут, а зарплаты не поспевают за ценами, и преподавателям жить становится все труднее.

- Что ж вы хотите? – заметила химичка Алла Давыдовна. – За три года все продукты питания подорожали в пять раз. А рыба теперь стоит столько же, сколько и мясо.

- Ну, вы забыли, как после девяностого года, буквально за три года цены выросли в две-три тысячи раз. Ничего, выжили. Как говорится, Бог не выдаст – свинья не съест.

- Вы, Семеныч, - вечный и неисправимый оптимист, - усмехнулась Инна Васильевна.

- А знаете, - сказал Владимир Сергеевич. – У диссидента Владимира Буковского спросили как-то про жизненную выносливость советского человека, и он ответил, что по привычке к стрессам и перегрузкам советский человек даст несколько очков вперед западному, разнеженному своим комфортным существованием?.. Вот Америка – страна удобная, богатая, жизнь в ней, по нашим представлениям, беспроблемная. Люди там не привыкли к стрессам... Но если все-таки доведется им заболеть, то они совершенно не знают, как свой недуг преодолевать... У соседа собака сдохла – он уже вынужден к психоаналитику идти, потому что у него нервный срыв... И это понятно: ведь, чтобы развиваться, необходимо сопротивление, которого он не имел... В этом отношении более выносливы англичане, потому что живут в более неудобных условиях и, вроде нас, сами создают себе трудности.

- Это как же? – удивился Семеныч.

- Да вот, например, после войны в их экономике, когда был силен социалистический элемент, многое было национализировано, и все, что было национализировано, работало из рук вон плохо. И только с приходом к власти Тэтчер стало что-то меняться. То, что она денационализировала, стало, наконец, работать нормально, а то, что не смогла, по-прежнему работает «через пень колоду». По сей день денационализированный железнодорожный транспорт работает в Англии примерно так же, как в России в гражданскую войну. Кстати, это еще раз говорит о том, что

для любого государства главное - нормальная экономика. Экономика же по социалистическому принципу – нигде не работает.

- Что нам ваши англичане? Вы, Владимир Сергеевич, лучше скажите, сколько русскому человеку еще терпеть?.. Всю жизнь впроголодь. Всю жизнь ишачили, и всю жизнь терпели. То война, то послевоенная разруха, то объявили «развитой социализм». Что за «развитой», почему «развитой»? Теперь перестройка. И все обещают, что скоро будет лучше. – Пожилая лаборантка Мария Григорьевна с усталым лицом и жилистыми руками рабочей налила себе в стаканчик водки и выпила, не дожидаясь общего тоста.

- Господи! Хрущев уже и коммунизм объявлял, а сидели без хлеба, - безнадежно манула рукой Алла Давыдовна.

- Мария Григорьевна, золотце мое, - мягко сказал Семеныч. – Ну, не может такого быть, чтобы мы не стали жить достойнее. Россия, богатая недрами, умами и несравненным культурным наследием страна, должна снова родиться.

- Как птица Феникс из пепла, - с иронией добавил Владимир Сергеевич.

- Как птица Феникс, - серьезно повторил Семеныч.

- Семеныч, - горячо возразил Владимир Сергеевич. – Эта богатая страна как торговала сырьем, так и торгует, как жила все семьдесят лет Советской власти за счет нефти и газа, так и продолжает жить. Кокорев, стоявший у истоков создания нефтяной промышленности в России, в отличие от нас, продавал не сырую нефть, а только продукт высокой очистки – керосин, который превосходил по качеству все западные аналоги, и доказывал, что, пока страна вывозит, например, хлеб зерном, а не мукой, будет оставаться сырьевым придатком Европы. Мы и развалились-то не в последнюю очередь оттого, что жили за счет нефти, а когда мировые цены на нефть опустили, то тут-то нам «кирдык» и пришел.

- Я не знаю, из-за нефти или нет, страну, в конце концов, разваливали люди, которые находились у власти, - со страстностью пассионарии заговорила Инна Васильевна. - Я вижу, что творится сейчас, и сравниваю с тем, что было. Наша страна не была криминальной и мафиозной, мы имели самодостаточную культуру, мы были самой читающей, хотя и не самой сытой, страной. И мы едва ли не сознательно вдруг лишились этих ценностей.

- В искусстве преобладал надуманный «социалистический реализм», образование чаще всего не имело практического применения, а самой читающей страной мы были только потому, что нас насильно заставляли читать «Правду», «Известия», «Труд» и, выходявшие миллионными тиражами, литературные опыты товарища Брежнева и других марксистов-ленинистов, - с сарказмом возразил Владимир Сергеевич.

- Да, было. Но наша литература и искусство и были такими высокими потому, что следовали настоящим идеалам, воспевали настоящую, а не суррогатную любовь. И часто то, что запрещалось у нас в реальной жизни, поощрялось в искусстве и литературе.

- Вы это, Инна Васильевна, к чему? Что, очень хорошая власть была? – усмехнулся Владимир Сергеевич.

- А сейчас хорошая? - в голосе Инны Васильевны была насмешка. – Не капитализм, не социализм. Одним словом, бардак.

- Мрачно, - сказал Владимир Сергеевич.

- Мрачно, - согласилась Инна Васильевна. – Ни в одной другой стране, ни в какой другой исторический период такого, чтобы свободным людям не платили за их труд, не было. А вот у нас не платят.

- Как говорится, наши недостатки являются продолжением нашей зарплаты, - засмеялся Владимир Сергеевич. - На эту тему есть анекдот: «Рабам давали еды и одежды ровно столько, сколько им хватало для того, чтобы они могли продолжать работать. Ничего существенного в

принципах формирования зарплаты с тех пор не изменилось».

Все засмеялись. Только Мария Григорьевна оставалась серьезной.

- Народ звереет, - сказала она сердито.

- Народ - ладно, - подала голос молодая преподаватель биологии Татьяна Вдадиславовна, не принимавшая участия в разговоре. Она слушала и, пока другие говорили, налегала на конфеты «Ассорти». - А вот дикий случай. На асбестовой фабрике в Свердловской области произошло «куриное побоище», в котором участвовало с обеих сторон около ста тысяч кур. Мирные несушки насмерть забили около сорока тысяч своих сородичей. По мнению специалистов, причина побоища до обидного банальна: нехватка кормов для всего поголовья.

- Как видно, с голодухи звереют не только четвероногие и двуногие, но и мирные птицы, - сделала вывод Мария Григорьевна.

- Ну, это не дикость. Это естественный отбор. Природа есть природа, - сказал Семеныч. - А вот я читал недавно, как в той же Свердловской области драка двух псов закончилась побоищем людей – вот это дикость. А началось все с того, что оскорбленный владелец одной из собак ударил хозяйку второй. Остальные сельчане не остались в стороне. Дралась вся деревня. Про собак, конечно, и думать забыли.

Владимир Сергеевич долил водку в стаканчик Семеныча, в свой, налил сухого вина женщинам, сидевшим рядом, и передал бутылку на дальний край стола.

- Зло витает вокруг, - грустно сказал Семеныч после того, как все выпили. - Льется кровь, а природа реагирует катаклизмами... А, может быть, мстит? Что это, божья кара за наши грехи? А может быть, предупреждение?.. Может быть, это, как землетрясение выравнивает пустоту, так и зло в смутное время выплескивается наружу для того, чтобы больше не проявляться, и, может быть, на месте этой злобы взойдет добро?

- Семеныч, - усмехнулся Владимир Сергеевич, - это ты цитируешь кармический закон, который позволяет разрубить туго затянувшийся гордиев узел людских отношений периодическими катастрофами, после которых, очищенное в огне страдания человечество, начинает новую счастливую жизнь.

- Я не знаю, что говорит кармический закон, но зло не должно оставаться безнаказанным, иначе оно будет расти, пока не распространится до катастрофических размеров. Вот тогда очищение достанется нам дорогой ценой. Только я верю, что добро обязательно восторжествует.

- Понятия добра и зла относительно и меняются вместе с развитием человека, - не преминул заметить Владимир Сергеевич. – Нет абсолютно злых и абсолютно добрых поступков. Каждый добрый поступок может принести кому-нибудь вред и каждый злой – кому-нибудь пользу. Все зависит от точки зрения и от степени умственного и нравственного развития человека.

- И все же зло есть зло, как бы его не преподносили. Но добро всегда зло перевесит.

- Действительно, вы, Семеныч, неисправимый оптимист, - засмеялась Алла Давыдовна. – Еще неизвестно, что нам готовит новый миллениум. Кроме России в мире тоже достаточно зла. Только известно: где тонко, там и рвется. Стоило придти хаосу, как пошло засилие «детьми Кашпировского», разгул шаманства, колдовства, шарлатанства и мистики. Люди стали верить колдунам и экстрасенсам больше, чем врачам. Психоз разрастается, и по стране кочуют, как говорит журналист Орлов, «сапожники и пирожники, побросавшие на произвол судьбы свои колодки и печи».

- И все же, давайте верить в хорошее, - убежденно и немного пафосно сказал Семеныч.- Потому что без этой веры жизнь потеряет смысл. Еще Иисус сказал: «если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас».

- А еще Иисус сказал: «...кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет». То есть, богатые будут богатеть, а бедные станут еще беднее, – с иронией встала Мария Григорьевна.

- Мария Григорьевна, золотце моё! Не это имел в виду Иисус Христос. Если вы внимательнее прочитаете Евангелие, то обратите внимание на слова, которые следуют дальше. Христос говорил о том, что некоторым дан ум и разум, и они преуспеют, а кому не дано, то ему хоть кол на голове теши, ничего не добьется, потому что «не дано». Это притча о сеятеле, который сеял на разную почву и «иное семя упало на добрую землю и принесло плод: одно во стократ, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать»...

- Да, - заметил Владимир Сергеевич. - Даже в Евангелии говорится о том, что люди рождаются с разными способностями и имеют разный потенциал. А потому и награждаться должны по заслугам. А Советская власть всех уравнила: что учитель, что уборщица.

- А что, уборщица – не человек? – обиделась вдруг Мария Григорьевна.

- А никто этого права у нее и не отнимает, - отрезал Владимир Сергеевич. – Только ровнять академиков с дворниками, по меньшей мере, не разумно.

- Что ж, теперь опять разделять всех по сословиям, как в царской России?

- Не знаю. Но в старой России хамского отношения к врачу или учителю тот же дворник позволить себе не мог.

- Ну, это уже вопрос общей культуры, - встала слово Инна Васильевна.

- Которая усилиями Советской власти в бозе почила, - усмехнулся Владимир Сергеевич.

- Видно, правда, что на России лежит проклятие! – сказала Мария Григорьевна. Она заметно захмелела и сидела отстраненно, будто сама по себе, поставив локти на край стола и подперев голову руками.

- Нет, - тотчас отозвался Семеныч. – Это Россия, как Христос, принимает боль на себя и этим спасает мир...

Сидели долго и разошлись поздно. Приближение зимы давало себя знать. Уже в шесть смеркалось, в семь темнело, а в девять – наступала ночь непроглядная.

- Мила, я вас провожу! – неожиданно вызвался Владимир Сергеевич. Причем, он не спрашивал, а сказал так, будто это вопрос решенный.

Мила ничего не ответила, только пожала плечами, но это не было ей неприятно.

- А вы, я смотрю, не торопитесь домой, - заметила Мила.

- А мне не к кому торопиться.

- Как это, не к кому? – удивилась Мила.

- Была жена, но мы год назад развелись.

Мила почувствовала, как жаром полыхнуло ее лицо, и поймала себя на мысли, что рада этому, но одернула себя, устыдившись этой радости.

- Жена с ребенком уехала к родителям. Она москвичка.

- А как же квартира?

- Я выплатил ей полстоимости, а вещи она забрала, которые хотела, всё, кроме книг и компьютера: без этого я не могу работать. Теперь она хочет, чтобы я свою «девятку» продал. Продавать жалко, но мне обещала одолжить денег сестра. Она работает на Севере в банковской сфере. Для нее это деньги небольшие, так что в том, чтобы подождать, проблем нет. А я постепенно все выплачу.

- По дочери скучаете? – посочувствовала Мила.

- Скучаю, - просто ответил Владимир Сергеевич. – Но она приезжала ко мне на каникулы.

- Сколько ей?

- Двенадцать.

- Моей шесть. Скоро в школу... А почему вы развелись?

Мила понимала, что переступает некую запретную черту и становится нетактичной, но не могла пересилить свое заинтересованное любопытство. Но Владимир Сергеевич охотно ответил.

Она хорошая женщина. Просто у нас не сложилось. Беда вся в том, что она меня любит, а я нет. Мы прожили, слава богу, двенадцать лет. Я жил ради дочери, но дальше так продолжаться не могло. Тем более, что в наших отношениях присутствовал некий обман. То есть, наш брак был вынужденным, так как она уже ждала от меня ребенка и сказала об этом, когда изменить уже ничего было нельзя.

Они шли некоторое время молча. Потом Мила спросила:

- А вы учились где-нибудь живописи? Мне понравились ваши картины.

- В детстве, в «Доме пионеров», в кружке рисования. Но в основном я сам. Я самостоятельно изучал анатомию, посещал выставки, галереи, копировал... В общем, учился.

- А почему вы не стали профессиональным художником? – поинтересовалась Мила. - У вас талант.

Да, знаете, как-то не решился. Честно говоря, боялся, что большого художника из меня не получится, а маленьким быть не хотелось. Но это моя отдушина, которая приносит удовольствие и отвлекает от повседневных проблем. Сейчас давно не пишу. Докторская диссертация... да и краски дорогие. У меня, правда, есть в запасе немного, но я берегу для чего-нибудь значительного.

- А мне почему-то кажется, что из вас вышел бы замечательный художник.

- Ну, это вы мне льстите. Я человек прагматичный и привык оценивать вещи трезво. Но все равно спасибо.

- Это, наверно, счастье, когда занимаешься любимым делом. У вас же и работа любимая?

- Ну, понятие счастья – вещь абстрактная. Вот есть такой биотехнолог, Обласов. Он составляет технологию жизни, при соблюдении которой гарантирует любому счастливую жизнь.

- Как это? – оживилась Мила.

- Ну, если вам интересно... Обласов считает, что вышел на новое концептуальное устройство мира, выведя его физико-математическую формулу. Он даже попросил жену

выбить эту формулу на его могильном камне после его смерти.

- И в чем же суть этой формулы?

Обласов попытался дать новое толкование времени-пространству, обращаясь к замкнутости времени. Он пришел к выводу, что катастрофическая или счастливая модель семейных, производственных и других жизненных структур зависит от верной организации наших биосистем.

- Не понятно? – посмотрел на Милу Владимир Сергеевич.

Мила пожала плечами.

- Эволюционное биосистемное устройство мира базируется на принципе структурной ассиметрии. А силы плодотворной совместимости всегда превосходят потенциал насилия, благодаря чему природа обладает абсолютным свойством неуничтожаемости. Это почти то же, что сказал сегодня Семеныч, когда говорил о зле, которое выплескивается наружу в смутное время, может быть, чтобы больше в таком количестве не появляться, и на месте концентрации этой злобы всходит добро.

- И вы серьезно верите в это? – Мила с надеждой посмотрела на Владимира Сергеевича, потому что она тоже сама хотела верить в то, что добро сильнее зла и всегда ждала подтверждения этого, чтобы не терять надежду.

- Убежден! – твердо сказал Владимир Сергеевич. – Все мировое сообщество оказалось на краю пропасти, и произошел всплеск мировой энергии. Отсюда летающие тела, развал тоталитарных режимов и так далее. Но природа, пусть это будет ноосфера, космический мозг, Бог, как хотите, сама себя спасает, подавая нам знаки, рождая чудовищ и чудеса... Короче, биопотенциал любой живой системы подключен к биопотенциалу природы, и в период максимальной совместимости – налицо максимальная плодотворность. Вот вам формула счастья по Обласову, - Владимир Сергеевич улыбнулся. – Остается только разобраться, что это? Очередное шарлатанство в эпоху неустойчивых отношений, катаклизмов и экономических потрясе-

ний? Или истина, от которой мы в очередной раз отмахиваемся?

- Туманно и неопределенно. Формула есть, а кругом полно несчастных, - скептически произнесла Мила.

- А вы, Мила, счастливы?

Вопрос прозвучал неожиданно и застал Милу врасплох. Она не знала, как ответить. Нельзя сказать, что она несчастлива. У нее дочь, живы родители, своя квартира. И с работой вроде все складывается. Но счастлива ли она? Мужа нет, денег нет.

- Не знаю, - искренне ответила Мила. – Как-то не думала об этом.

За разговором Мила не заметила, как они дошли до ее подъезда. Она посчитала неудобным задерживаться дольше, поблагодарила Владимира Сергеевича за то, что он проводил ее до дома, и стояла, ожидая, когда он уйдет первым.

- Ну, тогда, до завтра! – с видимым сожалением попрощался Владимир Сергеевич и размашисто зашагал через двор в сторону казино, фасад которого играл световой рекламой, подмигивая и зазывая прохожих испытать призрачное счастье. Мила проводила его взглядом. Она ждала, что он обернется, но он скрылся за углом, так и не повернув головы.

Дома было прохладно. Мила потрогала батареи – они еле грели. Она включила газ и поставила чайник: есть хотелось, хотелось пить. Катюха гостила у родителей. Мила села на диван. Тикали старинные настенные часы, оставшиеся от бабушки и деда, и только подчеркивали непривычную тишину. И Мила вдруг почувствовала тоску, которая поднималась почему-то из живота и заполняла все ее существо. Ей захотелось, чтобы кто-то был рядом, а перед глазами возникал образ Владимира Сергеевича, и она поймала себя на мысли, что не может не думать о нем, более того, думать о нем ей приятно. Ей нравился его немногословный глухой голос, его уверенная, хорошо построенная речь,

его неторопливая, но уверенная походка. И глаза, меняющие цвет, умные, всепонимающие, ироничные и добрые.

Миле захотелось немедленно кому-то позвонить. Эльке она звонить не стала. Сейчас начнется: Вадик, да Вадик. «Ну, как у вас? Уже целовались?» «Да никак!» - зло подумала Мила и набрала Ленкин телефон. Подошла Тамара Федоровна:

- А она сегодня на дежурстве. Звони в больницу... Как ты там? Замуж не вышла.

- Нет, - засмеялась Мила, - не вышла...

Мила набрала номер ординаторской и сразу попала на Ленку.

- Ты куда делась? – обрадовалась Лена. – Я весь вечер звоню. Вообще перестали видеться. Мне с тобой поговорить надо.

- Лен, я, кажется, влюбилась, - без предисловий выпалила Мила.

- В Вадика, что-ли? – удивилась Лена.

- Да в том-то и дело, что нет. В преподавателя. Он кандидат, скоро докторскую защищает.

- Ух ты! А он?

- Не знаю.

- А как же Вадик?

- Тоже не знаю.

И Мила вдруг разрыдалась. Все ее напряжение вдруг вылилось в эти неизвестно откуда взявшиеся слезы.

- Ну, видно, ты и вправду втюрилась, - поставила диагноз Лена, когда Мила чуть успокоилась. – Давай-ка мы завтра с тобой встретимся и все обсудим.

Глава 16

- Кто это тебя провожал вчера? – спросил Вадим, стараясь быть безразличным.

- Уже доложили? Ты что, шпионишь за мной? – разлилась Мила.

- Зачем мне? Просто случайно тебя видел Женька. Он как раз проезжал по Октябрьской, ехал за отцом в училище.

- Ну, не одной же мне было идти ночью домой. Сам помнишь, как на нас возле казино напали. Мы отмечали День независимости и мое поступление на работу.

- А кто провожал? – не унимался Вадим.

- Да какая разница? Просто один преподаватель. Ты что, ревнуешь?

- Вот еще, - буркнул Вадим. – Чегой-то мне ревновать?..

Было воскресенье. Вадим сидел в ее кухне на диванчике, а она пекла блины.

- Мил, моя мама приехала, - неожиданно сказал Вадим. - Она хочет познакомиться с тобой.

- Специально что-ли приехала? – растерялась Мила.

- Нет, не специально. Я, понятное дело, ей о тебе писал, и она писала, что хотела бы с тобой познакомиться. Но дело в том, что она с новым мужем уезжает в Израиль. Когда теперь увидимся! Они уже продали квартиру во Львове. Мать отправила мне сюда контейнер с крутой мебелью и кое-какие вещи.

- Да подожди ты с мебелью. Скажи лучше, когда твоя мать собирается встретиться со мной? И где? У меня что-ли?

- А ты против? У меня еще своей квартиры нет. Вот сдадут дом, тогда будет. Да ты не бери в голову. Продукты завтра Женька закинет. Но ты не особенно старайся. Не есть же она придет. Так, чайку, да по мелочи что-нибудь.

- Ну, ты меня, Вадик, убил? - никак не могла прийти в себя Мила. – А когда хоть она придет?

- А как скажешь. Хоть завтра.

- Нет, днем я работаю. Завтра я ничего не успею. Давай послезавтра, вечером.

- Хорошо, я скажу. Только не позже, потому что в среду мать улетает.

- Ладно, Вадик, ты иди. Если твоя мать придет послезавтра, надо спечь что-нибудь к чаю. Иди, я буду ставить тесто на коржи.

Вадим было запросился посидеть, сказал, что мешать не будет, но Мила без разговоров выпроводила его. Он ушел недовольный, но Милу это нисколько не расстроило, ей было не до сантиментов. Она достала муку, пачку маргарина, слава богу, в литровой кружке еще оставалось молоко, и стала замешивать тесто. И вдруг поймала себя на мысли, что ей совершенно все безразлично: и Вадим, и его ухаживания, и это совершенно ненужное ей знакомство с его матерью. Она подумала о Леониде Васильевиче. Как он оттаял, когда водил за руку Катюшку по дачному поселку, и каким домашним он был за столом, который накрыла Мила, приготовив обед, который так ему понравился. Генерал будто панцирь сбросил вместе с мундиром, шутил, смотрел влюбленными глазами на Милу, и глаза его выражали простое человеческое счастье. И Мила невольно почувствовала неприязнь к матери. Уйти от такого мужика, оставить сына и сделать несчастными и одного, и другого. Ради чего? Ради призрачной любви к какому-то профессору-еврею. «Господи, да какая любовь может быть в сорок пять лет? – с иронией подумала Мила.

Она разделила тесто на шесть равных частей, скатала в колобки и поставила в холодильник. «Завтра выпекать коржи и сварю крем. И будет у меня «Наполеон», мой фирменный торт – пальчики оближешь, - похвалила себя Мила.- Не забыть бы граммов триста сливочного масла на крем купить».

Днем на работу позвонил Женя и спросил, когда она будет дома, чтобы завезти продукты.

- Часов в шесть буду, - пообещала Мила. Она уже давно не отказывалась от продуктов. В первый раз, когда Женька вот так привез ей палку копченой колбасы, ананас, виноград, банку растворимого кофе и кусок ветчины с полкило, Мила отказалась взять это наотрез и все отпрати-

ла назад. Женька уехал, но через час позвонил Леонид Васильевич и сухо сказал:

- Мила, это затея моя, и Вадик, если вы это имеете в виду, - не причем. В, конце концов, мне это ничего не стоит, а у вас дочь, и ей нужно полноценное питание. Короче, не дурите. Сейчас приедет Женя. Если не возьмете, наша дружба врозь. Все.

Приехал Женька с тем же пакетом, только кроме всего перечисленного, в пакете лежала коробка конфет «Ассорти». С тех пор время от времени Леонид Васильевич забрасывал ей то фрукты, то немного буженины, то палку колбасы, а то и пару килограммов свежего парного мяса. «Где только достает!» – смеялась Мила.

На этот раз Женя приехал вместе с Вадимом. Они оставили хозяйственную сумку и, как Мила не уговаривала их остаться на чай, скоро ушли.

«Целый гастроном, - отметила Мила, укладывая в холодильник продукты. Здесь были курица, по палке вареной и копченой колбасы, шмат копченой грудинки, а также яблоки, груши, виноград, штук пять киви, которые Мила только раз покупала Катьке, попробовала сама, и ей этот чужеземный фрукт не понравился. Кроме того, Мила обнаружила в сумке баночку красной икры и бутылку коньяка. Казалось бы, радуйся! Но у Милы на душе скреблись кошки, и было муторно. Как-то вдруг засосало в желудке и даже немного затошнило от мелькнувшей мысли о том, что она совершает что-то постыдное, принимая эти пакеты и сумки, пусть не от Вадима, а от его отца, осознавая при этом, что Вадима не любит. И впервые подумала о том, о чем она ни разу не задумалась раньше: а если не любит, то ведь и замуж за него не пойдет. И поймала себя на мысли, что раньше она почему-то не задавала себе этого вопроса. А что же изменилось? И словно в ответ на этот вопрос в ее воображении возник образ Владимира Сергеевича, его глубокие умные глаза, в которых, как в омуте, утонуть можно, и она словно услышала его мягкий, немного глухой голос.

Мила долго сидела на табуретке в кухне, положив сцепленные в пальцах руки не колени, и глядела бессмысленно в одну точку, куда-то на выключатель, вмонтированный в кафель. Потом встала и заторможено, с медлительностью зомби, открыла холодильник, достала тесто и стала раскатывать на коржи.

В среду Мила отпрасилась с работы пораньше, чтобы успеть подготовиться к вечеру. Она накрыла стол, потом приняла ванну. Оделась скромно, памятуя, что главное в туалете прическа и обувь, но и ноги скрывать не стала. Зачем скрывать то, что у тебя в полном порядке? Поэтому юбку Мила надела мини, сверху серую шерстяную кофточку с глубоким вырезом, который подчеркивал шею, визуально удлинняя ее. Из украшений она надела простенькую золотую цепочку с небольшим кулоном в виде сердечка и перстенок с рубином, который носила всегда. Короткая прическа не требовала большого ухода, и у Милы проблем с волосами никогда не возникало, достаточно было помыть голову и высушить феном. Наконец, она надела туфли на шпильках, покрутилась перед зеркалом, осталась довольной и села перед телевизором ждать гостей.

Вадим с матерью пришли после семи часов. Женщина не понравилась Миле сразу и бесповоротно. Едва назвав себя, она бесцеремонно оглядела Милу с ног до головы. «Как цыган лошадь, - усмехнулась про себя Мила. – Только что зубы не проверила». Потом она стала осматривать квартиру и делала это с нескрываемой брезгливостью. Милу это покорило. У нее в доме было не так уж плохо: чисто и уютно. И обставлена квартира пусть небогато, но все, что нужно, было. Заглянув в ванную с туалетом, Юлия Максимовна (так она представилась Миле) скривила губы и заметила:

- Да вам, Милочка, срочно ремонт нужно делать.

И это «милочка» прозвучало как-то двусмысленно и не воспринималось как обращение по имени, с этим «милочка» хозяйки разговаривают со своими работницами.

Мила промолчала, пропуская совет мимо ушей, и пригласила Вадима с матерью к столу.

Юлия Максимовна выглядела прекрасно. Холеное лицо еще хранило былую красоту и на нем явно не проступало ни одной морщинки. Ей можно было дать не больше тридцати, если бы не полнота, которая уже обозначила второй подбородок и теперь отвоевывала свои сантиметры у талии, и если бы не брезгливо опущенные уголки губ, которые вместе с потухшим взглядом все же невольно обозначал истинный возраст. Зато одета Юлия Максимовна была безукоризненно, начиная с дорогой норковой шубы и кончая стильными красными сапожками на шпильке – все было модно, и все, как отметила Мила про себя, из бутика. Элегантный черный костюм с миди-юбкой, чуть открывающей часть колена. «Уж если не от Кордена, Риччи или Сен-Лорана, то от кого-нибудь типа Зайцева, точно». Милу это, однако, несколько не смутило. «Зато я молода и стройна как кипарис на южном побережье, а этого никакими деньгами не купишь», - злорадно подумала Мила.

Они выпили. И Вадим, и Юлия Максимовна пили коньяк, а Мила налила себе полбокала сухого вина, которое на всякий случай прикупила к присланному Леонидом Васильевичем коньяку. За столом весь разговор сводился к допросу, который учинила Миле Юлия Максимовна.

- Милочка, вы ведь уже были замужем? А почему вы развелись?

- Мама, - Вадим с укором посмотрел на мать.

- А что здесь такого? Это что, тайна?

- А я из этого и не делаю секрета, - пожала плечами

Мила. – Вышла замуж – любила, разлюбила – развелась.

- Как это у вас просто?

- У меня?

- Ну, я имею в виду вообще современную молодежь. Захотели, вышли замуж, захотели, развелись.

- Но вы вот тоже развелись с мужем, - дерзко сказала Мила.

- Ну, это совсем другое дело, - смутилась Юлия Максимова. - У нас - это отдельная история. И потом, у нас уже сын взрослый.

Она обиженно замолчала. Воцарилась тишина. Мила взяла с тарелки бутерброд с икрой и жевала, раздавливая зубами икринки, которые вкусно лопались во рту. Юлия Максимова допила свой коньяк и закусила лимоном, а Вадим сидел как пень, опустив руки под стол, беспокойно хлопал глазами и изредка исподлобья поглядывал на Милу.

- Вадик из очень приличной семьи, - сказала, наконец, Юлия Максимова.

- Я тоже, - буркнула Мила. Она уже успокоилась, и ей совершенно стало безразлично, что будет говорить или думать о ней эта самовлюбленная мамочка.

- А кто у вас родители? - прямо спросила Юлия Максимова.

- Инженеры. Папа был начальником отдела на заводе, мама - ведущий инженер-патентовед.

- Это, конечно, хорошо, - снисходительно покивала Юлия Максимова. - У Вадика папа генерал, доктор юридических наук, а дед был министром внутренних дел Молдавии. А вы знаете, что маленького Вадика сам Леонид Ильич на руках держал?

Глаза Юлии Максимовны горели, она захлебнулась от этих приятных воспоминаний.

«Да, видно, жили барами, а сейчас их потрянуло крепко, если она в Израиль намьлилась», - подумала Мила, и в этой ее мысли уже не было зла, скорее жалость.

- Мама! Прекрати! При чем здесь это? - Лицо Вадима покрылось красными пятнами. Он чувствовал неловкость от бесцеремонности, с которой мать вела себя с Милой.

- Постой, сынок, я мать. Я должна все сказать. Ведь вы же собираетесь за Вадика замуж? - она вцепилась взглядом в Милино лицо, все ее существо протестовало против этого.

- Мама?

- Что, мама? – она строго посмотрела на сына и снова повернулась к Миле. – Так?

- Нет, не так! С чего вы взяли, что я собираюсь за вашего сына замуж? – Мила с иронией смотрела на Юлию Максимовну и улыбалась.

- Как? – Юлия Максимовна даже растерялась. Этого она не ожидала.

- Да вот так! Если я выйду замуж, то только по любви. И уж мне точно не важно, кто будет его отец, а тем более дед, - со страстью выпалила Мила.

- А вы что ж, Вадика не любите?

- Да, он мне нравится, но любить...пока нет, - уклончиво сказала Мила.

Вадик покраснел, а Юлия Максимовна хлопала глазами и обескуражено смотрела на Вадима. После этого разговор как-то не клеился. Юлия Максимовна, казалось, потеряла к Миле всякий интерес, больше не задавала никаких вопросов и хотела уже встать из-за стола, но Мила буквально упростила ее попробовать ее фирменный торт, и они выпили по чашке чая с «Наполеоном», который буквально таял во рту, и который Юлия Максимовна, отбросив гонор в сторону, скупой похвалила.

- А вы, Милочка, мастерица. Я так не умею. Что, и обед можете? И котлеты?

- Могу, - улыбнулась Мила.

- Где ж вы этому научились?

- У бабушки, у мамы.

- Похвально, похвально! – снисходительно одобрила Юлия Максимовна.

Вадим подал матери шубу, они оделись и, уже уходя, Юлия Максимовна сказала примирительно:

- Вы, Милочка, простите, если что не так. А знаете, я совсем не против ваших отношений с Вадиком. Но, поймите, я мать, и мне хочется, чтобы мой сын был счастлив.

Они вышли, и Мила закрыла дверь и вздохнула с облегчением, но тут раздался звонок. Это вернулась Юлия Максимовна. Она тихо, словно извиняясь, сказала:

- Там Вадик машину ждет, а я хотела вас спросить. Скажите, Милочка, - голос ее перешел почти на шепот. - А что, вы действительно Вадика не любите?

Мила неопределенно пожала плечами

- Что, совсем-совсем?.. Он очень хороший мальчик. В нем столько искренности.

Мила чувствовала себя неловко, и ей стало жалко Юлию Максимовну, которая в своем стремлении защитить сына пошла на унижение, сбросив личину неприступной высокомерности. Она ушла, расстроенная, унося с собой обиду за своего мальчика.

Мила мыла посуду и думала: «Вот и хорошо. Вот все сразу и решилось. Все стало на место, и нет больше этой двусмысленности в ее отношениях с Вадимом, хотя, если бы не его мать, она сама ему бы вот так вот прямо не сказала, что не любит, потому что в какой-то момент ей казалось, что он ей уже не безразличен, и в глубине души теплилась искорка, которая могла разгореться и дать импульс более глубокому чувству. И все же, если посмотреть правде в глаза, это было не то чувство, которого она ждала, и о котором грезила. Ей было грустно, будто она потеряла что-то дорогое сердцу, и это больше уже не вернется, но она сохранит благодарность Вадиму, который подарил ей несколько месяцев романтических отношений, и понимала, что это уже в прошлом. Вот так у нее было на выпускном вечере в школе, когда она вдруг с тоской осознала, что эти годы уже никогда не вернуться, и останется лишь альбом, который будет иногда напоминать о школьных друзьях, любимых учителях и золотом беззаботном времени...

По дороге Юлия Максимовна накинулась на Вадика, словно он был в чем-то виноват. И непонятно было, то ли она пытается защитить и оградить его от «опрометчивой» связи, то ли успокоить и утешить.

- Вот видишь, Вадик, она тебя не любит. Зачем тогда спрашивается, столько времени голову морочить?.. Она просто использует тебя в каких-то своих корыстных целях... Конечно, генеральский сын, из такой семьи.

- Мама, перестань! Лучше помолчи. Ты сделала свое дело.

- Это что я такого сделала? В чем ты меня упрекаешь?.. В том, что я поставила ее на место?

- Ты обидела ее. Ты разговаривала с ней таким оскорбительным тоном, что она по-другому и ответить не могла. Я думаю, что ее слова не были искренними.

- Я извинилась. Но это ничего не меняет. Она тебе не пара. Она плебейка. И потом, зачем тебе чужой ребенок?

- А причем здесь ребенок? И чем может помешать ребенок? Это наш российский менталитет. Вот ты будешь жить в Германии и увидишь, что у них совершенно другое отношение к этому вопросу. Там женятся и на трех и на четырех детях, а в семью берут брошенных детей из России и нередко даунов. А здесь ребенок у женщины, которая мне нравится.

- Мы, сынок, пока в России, а не в Германии. Там пять детей не помеха, потому что родителям не нужно думать, как прокормить их. А физически неполноценных детей берут не от человеколюбия, а от жира. Хобби у них такое.

- Мам, ну что ты несешь? Мне стыдно за тебя, ей богу.

- С каких это пор ты мать начал стыдиться? – обиженно поджала губы Юлия Максимовна.

- Не передергивай! Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

- Мало того, что у нее ребенок, - гнула свое Юлия Максимовна. – Она старше тебя на целых два года.

- Жена Маркса старше мужа была на 20 лет, а Пугачева старше Киркорова на 18 лет.

- Маркс уже, слава богу, не живет. Он сделал свое дело, да так, что мы до сих пор расхлебать не можем. А Пугачева – мне не пример. Это публика из шоу-бизнеса, а там все не как у нормальных людей. Как говорится, еще не вечер.

- Я, мать, тебя не узнаю. Раньше ты не была такой злой, - упрекнул мать Вадим.

- Раньше в стране порядок был и в семье был порядок. А теперь вот уезжаем. Из своей страны гонят.

- Да кто тебя гонит? Оставайся, не уезжай. А насчет порядка, это наша семья в порядке была, а многим этот порядок веревкой на шее висел.

- А ты знаешь, как мы теперь живем? Да профессорской зарплаты Дмитрия Моисеевича нам на неделю не хватало. Хорошо, у него кое-какие ценности от родителей оставались. Я свои изумрудные серьги вынуждена была продать, потому что деньги, которые мы в банке держали, превратились в пустой звук.

- Ладно, мам. Ты сама от отца ушла. Чего ж теперь жалеть?

- А я, сынок, и не жалею. Я свой выбор сделала сознательно. Я знаю, что в другой стране у нас будет все в порядке. Мне за Россию обидно и на бардак на весь этот больно смотреть.

- Мам, дай и мне свой выбор сделать самому.

Юлия Максимовна какое-то время молчала. Едва слышен был тихий рокот двигателя, да мягкий шорох шин. В салоне было тепло и уютно.

- Ладно, - сказала Юлия Максимовна. - Какой я теперь тебе советчик? Ты сам уже взрослый. Об одном прошу, не спеши. Как говорится, семь раз отмерь. Вокруг девушек пруд пруди, и за тебя любая пойдет.

- Ну, я завтра в ЗАГС бежать не собираюсь, - успокоил мать Вадим.

Глава 17

- Виталий, - сказал Алексей Николаевич, когда они сидели у него в кабинете с Виталием Юрьевичем за бутылкой водки, отмечая со всей страной день кириллицы или праздник русской письменности. Они помянули просветителей славян святых Кирилла и Мефодия, причем поспорили, когда Алексей Николаевич вспомнил Байера, упомянутого Татищевым, который утверждал, что славяне до XV века не писали свою историю, а некоторые историки до

сих пор считают, что мы до Владимира вообще не имели письменности, так как Нестор писал летопись через 150 лет после Владимира. Виталия Юрьевича это возмутило, и он стал доказывать, что кириллица могла быть известна россиянам еще до Владимира и доказательством тому являются книги для богослужения, которые нужны были первым христианам, и можно найти источники, из которых ясно, что наша церковь тогда уже пользовалась переводом Библии, сделанным теми же Кириллом и Мефодием. Разговор незаметно перешел на историю, когда Виталий Юрьевич коснулся темы падения нравственности, а Алексей Николаевич заметил, что параллели кризисного состояния современного общества нужно искать в событиях прошлого.

- Виталий, - сказал Алексей Николаевич. - Настоящее не может существовать без связи с прошлым. История развивается по спирали, и все повторяется в той или иной форме. К сожалению, история нас не всегда учит, иначе мы не совершали бы снова и снова те же ошибки, которые совершали наши предки. Мы часто слепы и не видим аналогий, которые возникают, стоит лишь внимательнее прислушаться к тому, что нам говорят летописи и документы древних лет... В XI веке Россия не уступала в развитии европейским державам. Наше государство имело законы, торговлю, многочисленное войско, флот, гражданскую свободу. А что стало несчастьем для России? Междоусобные войны, которые в течение пяти веков задерживали ее культурное развитие. Князья больше заботились о своем личном благополучии, а не об общем благе. Они захватывали земли, присваивали себе дань, которая собиралась для татар. Тогда Европа стремилась к просвещению, а мы стояли на месте. К XIII веку мы уже отставали от Запада, а нашествие Батыея еще больше отбросили Россию назад. В Европе улучшались нравы, чтилась учтивость и обходительность, а России было не до этого, она изо всех сил пыталась устоять перед татаро-монголами и выжить. А ведь еще было и Смутное время, и польско-шведская интервен-

ция, и войны, и бунты и революции. Известно, что после польской интервенции бедность России была настолько ужасающей, что сопровождавшие царя Михаила Алексеевича, первого Романова, призванного на престол, служилые люди шли в Москву пешком, потому что не могли купить лошадей: казна была пуста...

- Эти азы, Алексей, ты оставь для своих студентов, - перебил Виталий Юрьевич. - Я и так знаю, что мы – мученики. Ты мне лучше объясни, почему у нас процветает воровство, почему коррупция приняла такой страшный размах? Люди теряют человеческий облик. Сейчас убить человека проще, чем «Отче наш» прочитать. Нищих и беспризорных стало больше, чем во времена Дзержинского. И это притом, что президент и его команда ходят в церковь, отстаивают службу. Только, кажется, они не видят или не хотят видеть, что делается в стране... Мы ездим за границу, а ведем себя там, как дикари. Мы же изгой в ряду цивилизованных стран. Почему мы стали такими?

- А почему стали? Мы всегда были такими? – возразил Алексей Николаевич. – Ведь генетически мы мало изменились. Ты литературу знаешь лучше меня и, наверно, помнишь, что писал Белинский о России. Он писал, что Россия представляет собой ужасное зрелище, где торгуют людьми, и что в ней нет не только гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского характера...

- «А есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей», - закончил цитату Виталий Юрьевич. – Это «Выбранные места из переписки с друзьями».

- Точно. И похоже, не так ли?.. А что касается того, что мы изгой, то мы никогда Европе были не нужны. Это мы мним себя Европой, все оглядываемся на Запад, и пытаемся слепо переносить западную культуру в русскую среду. Но не надо забывать, что мы больше Азия, чем Европа. Хотя Екатерина II как-то и заявила, что «Россия есть европейское государство», иностранные путешественники

свидетельствуют о другом. Сегюр¹, например, посетивший Россию в Екатерининские времена, в своих записках писал, что когда он видел горожанок и крестьянок в кичках с бурами, в богатых поясах, в кольцах и серьгах, то думал, что попал на какой-то азиатский праздник. Сегюр также говорил, что в Петербурге можно было встретить просвещение и варварство, следы X и XVIII веков, Азию и Европу, скифов и европейцев, блестящее дворянство и невежественную толпу. Недаром же Наполеон сказал как-то: «Поскреби любого русского и из него вылезет татарин». А одежда купцов, извозчиков, слуг и мужиков напоминала скифов, даков, роксолан и готов, которые были когда-то грозными для Рима...

Алексей Николаевич замолчал, полагая, что дал исчерпывающий ответ, который вполне объясняет нашу поведенческую культуру, но Виталию Юрьевичу этого было недостаточно.

- Ну, это только особый взгляд на некоторые вещи, и с тобой можно соглашаться или не соглашаться, - сказал Виталий Юрьевич. - Но это не объясняет, почему мы такие?

- Для того чтобы осознать, какие мы есть и почему такими стали, нужно знать, какими мы были, - витиевато ответил Алексей Николаевич. - Давай-ка лучше выпьем, - предложил он, разливая водку по рюмкам.

- И какими же мы, по твоему, были? - вернулся к своему вопросу Виталий Юрьевич, после того как они выпили и съели по бутерброду из черного хлеба с маслом и селедкой. - Вот в языческие времена древним славянам неведомы были ни лукавство, ни злость, они довольствовались малым. Летописи отмечают редкое гостеприимство славян, а двери домов не запирались. Это можно найти и у Карамзина и у Соловьева. А славяне и славянки отличались целомудрием - не в пример сегодняшнему дню.

- Ну да, - согласился Алексей Николаевич. - Лаврентьевская летопись говорит: «...поляне свои обычаи имуть

¹ Сегюр, Луи Филипп (1753-1830), граф, фр. дипломат.

краток и тих, и стыденье ко снохам своим и сестрам...и к родителям своим, к свекровем и к деверям велико стыденье имеху, брачные обычаи имаху», то есть заключали браки.

- Всю Лаврентьевскую летопись наизусть помнишь? – усмехнулся Виталий Юрьевич.

- Всю не всю, но кое-что помню. На то я и профессор, - отмахнулся Алексей Николаевич. – Только ты говоришь о полянах. Но если поляне обладали какой-то культурой, то древляне, например, имели дикие обычаи. Летопись говорит, что они «живаху звериным образом, скотски, убиваху друг друга...и брака у них не бываше, но умыкают девиц...», то есть браки им были не знакомы, они просто похищали девушек. Такие же обычаи существовали у северян, родимичей, вятичей, которые, как и древляне, жили в лесах, как звери, сквернословили в присутствии родных и жили в безбрачии, то есть без обрядов. У тебя же есть моя книжица «Русь и ее самодержцы»? Почитай.

- Да читал я, Алексей, твою книгу, помню. Ты пишешь, что когда мы пригласили к себе править варягов и подчинились варяжским князьям, мы сохраняли свободу, важные вопросы решали на общем собрании, вече, а нравы того времени отличались простотой; правосудие основывалось на совести и обычаях племени, и мы заслужили славу честных людей в мирных переговорах и были добродушны настолько, что византийские императоры обманывали русских при любом удобном случае.

- Да, это так. Но славяне отличались также и жестокостью, которую отмечали летописцы, - заметил Алексей Николаевич. – Был, например, такой обычай, по которому дети могли умертвить родителей ввиду их старости и болезней. Хотя скажу в оправдание славян, что это была языческая Русь, и наши далекие предки освобождались от родителей, которые были тягостью для семьи и общества. Соловьев по этому поводу говорит, что такое поведение, приводящее нас в ужас, было обусловлено своеобразным понятием о сострадании, а не варварской жестокости. Пре-

обладала практическая сторона: слабый считался несчастным человеком и умертвить его было естественным актом сострадания.

- Алексей, но ты же сам пишешь, что это больше относилось к племенам западным, воинственным, которые не имели права оставлять слабых и увечных, не способных воевать, и что такие обычаи не отмечались у восточных славян, которые обходились с престарелыми и слабыми родственниками более человечно, а дети славилась своим почтением к родителям и заботились о них при жизни. И потом, жестокость российские славяне проявляли только в походах, а дома отличались добродушием, с пленными обходились дружелюбно, давали им возможность выкупить себя и вернуться домой или остаться жить с ними в качестве вольных людей.

- Действительно, - согласился Алексей Николаевич. – Своей нравственностью языческие славяне производили на чужеземцев хорошее впечатление, и простота их нравов выгодно отличалась от испорченных нравов других, более образованных народов, но с тех мы сильно деградировали. Мы изменились.

- Да ты же сам сказал, что мы мало изменились, - возмутился Виталий Юрьевич. - Так мы изменились или нет?

- Не лови меня на слове. Я сказал, что мы генетически мало изменились. Но кроме генетической наследственности существует целый ряд других факторов, которые влияют на развитие общества. Геродот¹, например, после посещения земель севернее Черного моря писал, что племена, которые живут в этой стране, ведут тот образ жизни, который им диктует природа. Историк Соловьев, соглашаясь с Геродотом, говорил, что замечание это верно и через несколько веков, и что ход событий постоянно подчиняется природным условиям. А, кроме того, нравственное состояние общества зависит и от экономических отношений, и от законов, и от судов, а также от форм управления госу-

¹ Геродот (ок. 485 – 425 до н.э.) – «отец истории», грек. Написал историю греко-персидских войн.

дарством. Нравственность также связана с философией, политикой, идеологией, религией и т.д. Вот смотри, какая трансформация. Когда в начале XIII века Угедей послал своего племянника Батю с трехсоттысячным войском покорять северные земли от Каспийского моря, он решил судьбу России на два с лишним столетия. Послы Орды и баскаки творили произвол в России и относились к нам как к слугам, с презрением. Русский народ унижался, и это заставляло людей хитрить, обманывать татар, а, обманывая татар, мы научились обманывать друг друга. Откупаясь от татар деньгами, мы становились корыстолюбивыми, забыли о гордости, перестали обращать внимание на обиды, у нас притупилось чувство стыда. Законом стала сила. Процветали грабежи и воровство. Дмитрию Донскому пришлось даже установить смертную казнь, которая до того времени была неизвестна древним россиянам. И если раньше можно было удержать людей от воровства денежным штрафом, то в XIV веке воров нужно было вешать. Татары ввели у нас чуждые для россиян телесные наказания: за кражу клеймили, за проступок перед государством секли кнутом. Злоба, страх и ненависть сильно изменили наши нравы. Кстати, с падения нравственности и начинается разрушение государства. Главной причиной падения Римской империи стало падение нравов и деморализация основного устоя государственности – семьи.

- Постой, постой. Но власть татаро-монгол не могла сильно повлиять на нашу культуру. По крайней мере, так считает Карамзин. Я знаю, что русские называли татарские обычаи погаными, и нам всегда были более близки византийские христианские обычаи.

- Видишь, как ты хорошо знаешь историю, - улыбнулся Алексей Николаевич.

- С кем поведешься, - хмыкнул Виталий Юрьевич.

- Все верно. Только Карамзин еще говорил, что время монголо-татарской власти на Руси «унизило самое человечество в наших пределах и на несколько веков оставило глубокие, неизгладимые следы, окрашенные кровью и сле-

зами многих поколений»... И все же, не надо все валить на татар. Считается, например, что у татар мы научились угнетать женщин, торговать людьми, терпеть холопское унижение, брать взятки. Однако все это уже присутствовало у россиян и до татар. Вот тебе и генетика. Да и вообще, как ты верно заметил, кочующий народ не смог бы серьезно повлиять на нашу культуру и на наш быт. Историк Забелин¹ говорил, например, что и варяжское вторжение, если дословно, «распустилось в нашем быту, как капля в море, почти не оставив следа» и что «сила нашего быта так велика, что и реформы Петра оказались во многом совершенно бессильными».

- Значит, если мы генетически остаемся неизменно прежними, то определенные мировоззрения, нравственные понятия, привычки, вкусы зависят от условий жизни и прививаются на всем историческом пути? Так?

- Совершенно верно. И потому в событиях прошлого можно найти параллели кризисного состояния современного общества. И в прежние века мы можем найти примеры диких нравов, которые проявляются и в наш просвещенный век. Де Кюстин², который посетил Россию в начале XIX века, писал о жестоких нравах русских. Он рассказывал, как какой-то курьер или лакей адъютанта императора стащил с облучка молодого кучера и избивал его в кровь. Прохожие совершенно не обращали на это никакого внимания, а один из товарищей кучера, поивший недалеко лошадей, даже по знаку егеря подбежал и держал его лошадь, пока тот производил экзекуцию. Избить среди бела дня на глазах у сотен прохожих человека до смерти без суда и следствия было в порядке вещей. А в цивилизованных странах в это время гражданина от произвола охраняло все общество. Иностранцы отмечали у нас и жестокость в обращении с животными. Обессиленных лошадей бросали издыхать, оставляя без помощи, а в Европе уже действовал закон против жестокого обращения с животными. А если

¹ Забелин, И.Г. (1820-1908), русский историк и этнограф.

² Кюстин, Адольф (1790-1815), маркиз, фр. писатель.

говорить о нравственности того времени, то можно вспомнить рассказ де Кюстина об истории, которая случилась в монастыре и от того кажется еще более безнравственной. Один молодой человек тайно прожил в женском монастыре целый месяц среди монахинь. В конце концов, монахиням он надоел, и они, желая отделаться от него и боясь огласки, убили его, разрезали на куски и бросили в колодец. Труп потом нашли... Олеарий¹ писал о нравах и быте россиян XVII века и тоже говорил о невоздержанности, грубости, пьянстве и безнравственном поведении русских.

- Читал я, Алексей и де Кюстина, и Олеария. Если ты цитируешь их по книгам «Россия глазами иностранцев», то там Олеарий с восторгом говорит еще и о простоте нравов и обычаях москвитян того времени. И вообще иностранцев поражало своеобразие русской культуры и веротерпимость, которой не мог похвастаться Запад, а мадам де Сталь² не нашла ничего дикого в нашем народе. Она говорила, что русские извозчики не проходили мимо женщины, чтобы не поклониться ей, и что русские необычайно гостеприимны.

- Да я не спорю. Мы же с тобой не о том говорим, плохой мы народ или хороший. Мы пытаемся разобраться, почему мы такие? Правильно? Кстати, де Сталь тоже сравнивала русских с людьми Востока, т.е. с азиатами... Людей, Виталий, легко распустить. Вот дали нам волю, и все пороки человеческие полезли из нас, как тараканы из щелей.

- Да уж полезли. Славяне умертвляли стариков из милосердия, а сейчас внук убивает бабушку за то, что не пускает гулять до двенадцати, а дочь мать за то, что модные сапоги не купила; молодые отнимают пенсии у стариков, чтобы купить на нее водку и наркотики, – с горечью сказал Виталий Юрьевич.

- И все же, Виталий, при всем уважении к русским де Сталь говорила о кражах и о лжи, которая идет рука об руку с воровством, как об обычном явлении в России, и отно-

¹ Олеарий, Адам (1591-1671) - , путешественник. Описал путешествие в Россию

² Сталь, Анна-Луиза Жермен де (1766-1817) – фр. писательница

сила это на счет невежества, которое ослабляет нравственные принципы.

- Зато твой Олеарий, видно, забыл о том, что жители Западной Европы тоже страдали многими из тех пороков, которые приписывались нам. А разве не де Сталь сказала, что в русском народе есть что-то исполинское и обычными мерами его измерить нельзя, и что русский народ способен совершать великие подвиги? В нас всегда живет душа, которая полна загадок.

- Ну, да. Героизм вместо нормальной повседневной работы. А тебе не кажется, что в этой твоей гордости за русского больше тоски по его былой силе, которая осталась в прошлом?.. И потом. Оставь ты этот заезженный и до дыр затертый миф про загадочную русскую душу. Ничего в этой душе загадочного давно уже ни для кого нет. Есть поведенческая культура, которую не понимает Европа и которая приводит европейцев в недоумение. Мы можем называть себя неординарными, особенными, иронизировать по поводу французов, немцев или американцев, но если посмотреть, как говорится, незамыленным глазом и снять этот вековой налет ложной самооценки, то картина получится нелицеприятная. Мы ленивы, бездеятельны и апатичны, мы не способны справиться с жизненными трудностями, мы теряемся в простейших ситуациях, не можем противостоять обстоятельствам и не находим ничего лучшего, как утопить свою несостоятельность в водке. И вообще, есть у нас, русских, такая особенность: загнать своей бестолковостью себя в угол, а потом героически из него выбираться. Где-то я недавно прочитал, что мы страшны верой в предков, хотя, то ли из-за смешения кровей, то ли так звезды расположились, каждый из нас сам является предсказателем, но мы свой талант спрятали за вуалью пьянства, воровства, ненависти... Зато нами легко управлять.

- Ну, это ты перехватил, - неуверенно возразил Виталий Юрьевич. Он не ожидал такого поворота и даже растерялся.

- А ты возрази! Нашего человека в Европе бояться. Он вести себя там не умеет. Нам же ничего не стоит плюнуть себе под ноги, нахамить... А вообще в этом мире ничего не меняется. Как говорил Наполеон, география – это приговор. Меняется социальный строй, а название государства остается. Ну, был СССР, сейчас РФ, а нас как ненавидели и боялись, так ненавидят и боятся до сих пор.

- Может быть, - неохотно согласился Виталий Юрьевич. – Но нас можно понять. Теперь каждый школьник знает, как выметали из России всех тех, кого принято называть цветом нации. Один «Философский пароход» с высланными в 1922 году из России чего стоит! А это были те люди, которые как раз и являлись носителями культуры. И если говорить плакатным языком, они были умом, честью и совестью России.

- Ну, насчет ума мы можем быть спокойны, - подхватил Алексей Николаевич. – У нас на тысячу уехавших умных появилось две тысячи не менее умных. Если б мы только свой ум не пропивали! Сейчас из России тоже бегут. И это самые активные наши соотечественники, которым неуютно в родной России. И их никто не удерживает, потому что те, кто мог бы удержать, то есть политическая элита и госчиновники сами скоро уедут из России, а пока они приумножают воровством свой капитал, вывозят его за рубеж, а вслед за капиталом покидают Россию их дети, жены, родственники. Им Россия не нужна, и их уже давно с сегодняшней Россией ничего не связывает. Народ же безмолвствует. И мы по-прежнему унижены, забиты, одурочены и сбиты с толку, как и раньше.

Алексей Николаевич помолчал, словно собираясь с мыслями и уже спокойно, размеренным лекторским тоном продолжал:

- Население России сокращается почти на миллион человек в год. При нашей инертности мы можем раствориться в других национальностях. Восток медленно, но планомерно захватывают китайцы; возникающие тут и там мигрантские общины начинают быстро расти и завоевы-

вают ключевые посты в бизнесе и власти. То есть, осуществляется «ползучий захват». В Москве мигранты чувствуют себя не гостями, а хозяевами. Русские подростки, объединенные в РНЕ и другие националистические организации, выступают против «иностранцев» с Кавказа и Востока, протестуя против их засилия. Хотя наивно думать, что с помощью избиения их по темным подворотням, удастся справиться с растущей армией мигрантов. В ответ эта армия выставляет своих «боевиков», еще более отможенных.

- А я думаю, что не так все страшно. Ты как историк лучше меня знаешь, сколько раз Россия на краю пропасти стояла, и ничего, вставала, возрождалась. Уж если мы не растворились за 250 лет татарского нашествия, то малочисленные кавказские или другие группы тем более не смогут оказать какого-то серьезного влияния на нашу культуру. Это укус комара.

- Если комар не малярийный. Кстати, китайцев сейчас больше, чем в XIII веке было татар.

- Ну не может великая страна вдруг взять и исчезнуть. *Post nubila sol*¹, как говорили латиняне.

- Да нет уже великой страны. Ты тоже вспомни, что в веках гибели и империи и исчезали целые цивилизации. Не забывай, что наступает XXI век. Современный транспорт упростил передвижение людей по земному шару; информация, благодаря телевидению, стала доступной в любом уголке земли, а интернет соединил расы и континенты, еще более сблизив людей. Если раньше слова Киплинга «Восток - это Восток, а Запад – это Запад и никогда им не сойтись» звучала как аксиома, то есть считалась истиной, то теперь мы видим, как Восток активно и быстро проникает на Запад, неся свою культуру, обычаи и религию, и если пока представители неблагополучного Ближнего Востока растворяются в культуре благополучного Запада, то это до поры, до времени. Фанатичный и агрессивный мусульман-

¹ После туч – солнце (лат).

ский мир настроен решительно и жестко. И уж поверь мне, Виталий, в новом веке мир изменится кардинально... А ты говоришь, Россия. Великой ей уже не стать, тем более, что она сама в одночасье развалилась. Времена империй прошли.

- Но мы богаты, - не сдавался Виталий Юрьевич. – Богаты нефтью, газом, золотом, алмазами. Неужели мы не станем жить так, как живут люди в благополучных европейских государствах!.. Придет новый президент...

- Да, Россия богата, - перебил Алексей Николаевич. - Иностранцев всегда поражало наше природное изобилие. Недаром немецкий дипломат Герберштейн отмечал, что «подобного богатства нет в Европе». Но изобилие, которое окружало нас на протяжении всех веков, сослужило нам плохую службу, наложив отпечаток на наше поведение и образ жизни. Мы привыкли получать, не затрачивая усилий. Отсюда и лень, и бесшабашность, и безалаберность... Нефть, в конце концов, кончится; президент хоть новый, хоть старый, а пока будет из той же «советской оперы»... из той же категории и власть, а народ – советский, хотя нам и говорят, что с развалом СССР «советский человек» кончился. В России нет, и в обозримом будущем не будет политика, который вдохновил бы нацию. Говоря правильные слова о реформах, демократии, рынке и новой России, политики, как кто-то писал в одной статье, на самом деле все еще латают советскую одежду. Мы надолго застряли между несостоятельным социализмом и блатным капитализмом. И мы до сих пор не можем понять, чем стал для нас развал СССР? Величайшей трагедией века или избавлением от коммунистической нелепости. У нас же все смешалось как в доме Облонских: Карл Маркс и мумия Ленина, Лимонов и Ходорковский с Япончиком, Туркменбаши с Лукашенко, и лезущие изо всех дыр Кашпировские и Гробовые. Все в куче. Где герой, где злодей?.. Кстати, Европа тоже уже не такая благополучная, какой она нам иногда кажется.

- Что же нам и гордиться нечем? – вяло возразил Виталий Юрьевич.

- А вот по большому счету – нечем! Резко отрубил Алексей Николаевич. - Если у тебя спросить, чем ты гордишься, ты наверняка начнешь приводить примеры из истории или из советского прошлого. А действительно, чем гордиться? Тем, что мы, богатая страна с нищим населением, торгующая сырьем? Или тем, что я, профессор, получаю за свой труд копейки и хожу в потертом костюме? А ты знаешь, что на вопрос социологов из фонда общественного мнения «Какое чувство возникает у вас в отношении нашей страны?», сорок процентов ответили: «стыд», а российский флаг, гимн и герб в качестве символов новой России воспринимают лишь семь процентов.

На Западе основной патриотизм всегда заключался в собственном доме, семье, свободе, достойной жизни, а не в «безымянной высоте». Вместо того чтобы бороться с бедностью и воровством, нас опять потчуют лозунгом типа «Россия – наше отечество» и «Москва – город герой». Ни в Англии, ни в Америке никому даже в голову не придет вывесить на улицах растяжки типа «Великобритания – наша великая Родина»...

Алексей Николаевич замолчал. Молчал и Виталий Юрьевич. Он сидел насупившись. Ему было больно и обидно за себя и за Россию, которую он любил искренне, и другой родины никогда для себя не хотел. Он ей всегда гордился и находил веские аргументы в защиту величия своей страны. Но сейчас он не мог возражать, потому что возражать было просто нечем. Это его мучило, и он страдал. Ему вдруг стало нехорошо. Тошнота подступила к горлу, и он стал сглатывать заполнившую рот слюну, потом налил из графинчика в бокал водку и выпил, с трудом протолкнув обжигающую жидкость в желудок. Поперхнулся, поставил пустой бокал на журнальный столик и сказал: «*Ibi bene, ubi patria*¹».

¹ Там хорошо, где родина (лат).

Алексей Николаевич исподлобья смотрел на друга и в голову лезли слова про гоголевскую тройку, только на вопрос «Куда же ты теперь несешься, русская тройка?» - опять не было ответа.

Глава 18

Новость, которую сообщила Лена, была ошеломляюще неожиданной. Она выходила замуж. Мила искренне порадовалась за Ленку, но все произошло как-то неожиданно скоро. Ведь они с Ревазом и знакомы-то были всего месяц. Из всех подруг только она, да Даша ходили незамужними, и уже мать Лены Тамара Федоровна стала опасаться, что та вообще останется в девках, и ворчала, изводя дочь:

- Все подруги замуж повыходили, детей нарожали, одна ты перстом сидишь. Вокруг тебя мужиков полно, а ты все принца ждешь.

- Mam, хватит уже! – огрызалась Лена. За кого попало я выходить не собираюсь. Лучше одна буду. Внука тебе надо, так я рожу.

- Ты что мелешь? – пугалась Тамара Федоровна. – В роду такого не было, чтоб в грехе рожать.

Она поджимала губы и уходила на кухню, где громче обычного принималась грохать кастрюлями. А через какое-то время начиналось все сначала:

- Вон посмотри, Ольга Алексеевна с Катей гуляет. Такая девочка прелестная. Уже в школу осенью пойдет. А ты все ждешь чего-то. Смотри, дождешься, пока все отвернуться от тебя. И мать помрет. Будешь одна горе мыкать.

- Mam, опять ты за свое? – сердилась Лена. – Ну, Катя, ну, хорошая девочка. А что хорошего-то? Без отца.

- Да, не повезло девке, - соглашалась мать. – Но хоть дочка – радость.

- А я так не хочу. Насмотрелась. Кто рано замуж выскочил – все уже поразвелись. Вон Машка Трофимова из нашего класса и трех лет не прожила.

- Маша? Трофимова? Развелась? – ахнула Тамара Федоровна.

- Опомнилась. Год назад. А ты знаешь, что сейчас по статистике на три брака один развод, то есть каждый третий разводится. Ну, и на что оно такое счастье?

- Господи, воля твоя! Что творится! – сокрушенно качала головой Тамара Федоровна и снова уходила на кухню.

Но с некоторых пор Тамара Федоровна стала замечать перемены, которые происходили с дочерью. Вроде все то же: по-прежнему уважительная, покладистая и вежливая – грубого слова не скажет, и вообще, сначала подумает, потом сделает. Да у нее все с детства серьезно и обстоятельно. А только вот чаще стала улыбаться, а когда убирается или моет посуду, напевает что-то себе под нос тихонько. Да и вообще, вся светится, будто внутри нее лампочку стовсечовую зажгли. Да и с работы раньше приходила усталая и прежде посидит, потом идет ужинать, а сейчас одежду долой, в ванну, потом на кухню, и все весело, будто и не отработала смену в больнице. И, наконец, Лена открылась:

- Mam, я хотела тебе давно сказать, но как-то боялась, что это не очень серьезно... За мной ухаживает один молодой человек. Мы с ним встречаемся. Ну, то есть, он меня встречает, провожает, правда не до дома, потому что я не хочу, чтобы нас соседи видели вместе.

- Так это цветы от него значит. А я, дура, по простоте своей думала, что это от больных.

- От него, мам, Завтра мы идем к его родителям. Так что я приду поздно. Я говорю, чтобы ты не волновалась.

- Ой, дочка, да как же это? Я ж догадаться должна была. Ведь вижу, что с тобой не так что-то.

- Да так все со мной, мама. Так! – Лена со смехом обняла мать за шею и прижалась к ней.

- Что хоть за человек? Кто он?

- Он тоже врач, и он... хороший человек.

- Как же вы познакомились?

- В больнице.

- Он что, работает в вашей больнице?

- Да нет. Его отец лежал с микроинсультом в моей палате. А Реваз...

- Его зовут Реваз? – уточнила Тамара Федоровна. – Он не русский?

- Он армянин. Mam, а это важно? Какая разница, армянин, грузин? Важно, что он мне нравится.

- Тамара Федоровна пожала плечами.

- Ну вот, - продолжала Лена. – Реваз каждый день приходил к отцу в больницу.

- И как же он тебя высмотрел? – полюбопытствовала Тамара Федоровна.

- Ой, смешно, мам, - Лена засмеялась. – Меня сначала высмотрел отец, потом я видела, как ко мне приглядывается мать.

- Так ты и с матерью уже познакомилась? То есть, его родители в курсе ваших отношений, - подвела итог Тамара Федоровна.

- Не только в курсе. Они-то меня и сосватали.

- Как это? – удивилась Тамара Федоровна.

- Ну вот, я и рассказываю. В первый день Григор Аракелович, отец Реваза, позвал меня: «Девушка, можно вас на минуточку». Я сказала: «Я вам не девушка, я врач и зовут меня Елена Дмитриевна». Видела б ты, как он смутился. А на следующий день то же самое Реваз: «Девушка, можно вас на минуточку». Я опять: «Я вам не девушка, я врач. А зовут меня Елена Дмитриевна». Потом я все время ощущала на себе его взгляд и видела, как он на меня смотрит, не разглядывает, а просто смотрит, вроде глаз не может оторвать. Потом стал носить цветы. Приходит к отцу, но прежде найдет меня и отдаст цветы. Сначала мне было неловко. От врачей как-то неудобно, и сестры перемигивались. Я после его цветов полдня краснела, да еще он сидит в палате и чуть что: «Елена Дмитриевна, Елена Дмитриевна». Семен Моисеевич за меня заступался: «Не обращайтесь, - говорит, - Елена Дмитриевна, ни на кого внимания. Разве вы не заслуживаете цветов. Кому же их дарить, если не вам?» Через неделю Реваз дождался, когда я заканчиваю работу,

и пошел провожать. А как-то он проговорился, что родители ему все уши прожужжали, расхваливая меня, а мать все повторяла: «Вот бы тебе, Ревазик, такую жену, а мне такую невестку»

- А матери ни слова, - с запоздалой обидой сказала Тамара Федоровна. - Не думала, что ты такая скрытная.

- Не обижайся, мам. Я же знаю, что выдать меня замуж – твоя «идея фикс». Сейчас бы началось: «Ну что? Ну как?»

- Вот видишь, как ты о матери думаешь? Мать у тебя прямо дура набитая выходит, - запричитала Тамара Федоровна.

- Да не дура, мам. Но зачем я тебя стала бы волновать, если сама была не уверена, что это серьезно?

- Так что, у вас уже все решилось? – напряглась Тамара Федоровна.

- Мам, завтра мы ужинаем у его родителей, а потом он придет просить моей руки.

- О-ох! – только и могла вымолвить Тамара Федоровна, и теперь ее уже полностью захватила мысль о предстоящей встрече с избранником дочери и, вероятно, с будущим зятем, и она уже думала, как его встретить, и что приготовить, что спечь, чем расположить и порадовать скорого гостя, и тревожилась немного, как все это будет.

Мила, как близкая подруга, с самого начала была в курсе сердечных дел Лены и Реваза, и весь процесс их отношений развивался, можно сказать, на ее глазах. Подруге можно рассказать то, что не сразу расскажешь матери, и Мила знала раньше то, что Тамаре Федоровне узнать еще предстояло. С Ревазом Лена познакомила Милу еще на распутье своих отношений с ним, когда Лена даже еще не рассматривала Реваза, как серьезного кандидата в мужа. А когда у них все сладилось, они зашли к ней в гости с цветами, вином и фруктами. Реваз Миле понравился. Это был уже не молодой человек, но сложившийся мужчина. Высокий, худощавый, с матовым, потерявшим в наших северных широтах смуглость, лицом, с черными глазами и

красивой седой прядью в черных волосах. Но что-то трогательно-мальчишеское в нем оставалось, и это сразу располагало к нему.

Они сидели втроем за журнальным столиком: Реваз с Леной на диване, Мила в кресле напротив. Попивали вино и тихо беседовали. Тогда Мила узнала в полной мере о настоящей трагедии армян. Она, конечно, что-то помнила о турецком иге, а из газет - о Карабахе, но все это воспринималось совсем по-другому, когда звучало из уст армянина.

О том, что армянская культура является одной из самых древних культур мира и восходит к VI веку до н. э., Мила знала, как и то, что когда-то союз армянских племен занимал территорию государства Урарту, которое к тому времени распалось. Тогда персы завоевали Армению и присоединили ее к Персии. Но Реваз с гордостью рассказывал о борьбе армян за свою независимость и о великих победах армянского народа. Например, в 1727 году повстанцы с Давидом-Бекком разбили турок, и тогда же армяне Карабаха тоже одержали победу над туркам. Он говорил им с Леной о том, что армянская литература восходит к V веку, хотя литература на армянском языке существовала еще раньше, просто с принятием христианства она была уничтожена как языческая и до нас не дошла, и о том, что позже, в XIX веке, церковники пытались воскресить вымерший древний литературный язык, но против этого выступил просветитель Хачатур Абовян, может быть потому что все его произведения, включая первый в истории армянской культуры роман, были написаны на новоармянском языке – ашхарбар.

- Это что же, армяне раньше русских приняли христианство?

- Значительно, - подтвердил Реваз. – Армяне приняли христианство в IV веке, а Русь в конце X века. Да ведь тогда и русского государства еще не было... Можно долго перечислять имена выдающихся армянских писателей, художников, поэтов, начиная с создателя армянской пись-

менности Месропа Маштоца, но они вам, скорее всего, ничего не скажут.

- Почему? Я знаю Гуманяна, вашего народного поэта. Знаю Исаакяна и Чаренца.

- Вы меня сразили наповал, - Реваз живо повернулся к Миле. – Немногие русские могут назвать хотя бы одного армянского писателя, разве что специалисты. Откуда вы знаете эти имена?

- У моего папы в библиотеке стоят их книги.

- Папа интересуется армянской литературой?

- Он сам пишет. А это у него после того, как он познакомился с современным армянским поэтом Шмавоном Торосяном. Они вместе отдыхали в Сочи, а потом переписывались. У папы даже есть книга стихов Торосяна с его автографом.

- Я уже заочно уважаю вашего папу. И вы читали Исаакяна и Чаренца? – поинтересовался Реваз.

- Да, кое-что читала.

- И кто вам больше понравился?

- Мне интереснее Чаренц.

- Вы знаете, может быть, вы и правы. Наверное, Чаренц больше созвучен вашему темпераменту. Исаакян более академичен. У Чаренца же в крови есть какое-то авантюристическое зерно. Он мечется, он романтичен, но в нем живет и бунтарь. Но Чаренц мало прожил. Конечно, Исаакян с его долголетием успел больше. Исаакян – это глыба, он шире образован, стабилен, но вряд ли талантливее Егеше Чаренца.

- Вы хорошо знаете свою литературу, - похвалила Мила.

- Это моя родина. И хотя мы вынуждены были уехать оттуда, мы любим Армению и скучаем по ней.

- А я помню, у нас давно шел фильм «Давид Сосунский», - вставила Лена, ревниво слушавшая разговор Реваза с Милой.

- Это эпос. Народное творчество. «Сасунци Давид», о борьбе армян против арабского ига в VIII-X веках. Страш-

нее было турецкое иго. В XVII веке война между Турцией и Персией на территории Армении сопровождалась резней и выселением армян. Целые области оказывались без людей. Армяне просили о помощи Западную Европу, хотя все надежды связывали с Россией. В 1736 году шах Надир признал самостоятельной большую часть Карабаха. Только после присоединения к России Грузии в 1801 году началось освобождение армян от персидского владычества, а еще через полвека - от турок. Самые же трагические события армяне пережили во время Первой мировой войны. Турки при участии немецких союзников провели массовое, почти поголовное, истребление западных армян. Турки получили секретное распоряжение об уничтожении и выселении в Аравийские пустыни мирных армян. Поголового уничтожения избежали лишь жители одной области, которые смогли защититься. За два года турки вырезали около миллиона армян и столько же угнали в пустыни, где многие погибли или разбрелись в разные страны как беженцы. Более 300 тысяч армян спаслись в России.

- Да, армянам досталось, - сочувственно сказала Мила. – Но сейчас Армения – свободное самостоятельное государство, которое вышло из состава СССР.

- А лучше б не выходила, - отозвался Реваз. – Та вражда, которая сошла на нет за годы существования Армении, как союзной республики, когда велась на каждом шагу пропаганда равенства национальных образований, сейчас как накипь выплыла на поверхность. И опять армян притесняют в Карабахе и в Азербайджане.

- А вы, Реваз, давно покинули Армению? – спросила Мила.

- В последнее время мы жили не в Армении. Мы жили в Азербайджане, в Баку. До развала СССР не было такого антагонизма между армянами и азербайджанцами. Мы жили спокойно, и никто не тыкал в тебя пальцем, потому что ты армянин. Но сейчас там жить стало невозможно. Мы уехали в Москву со статусом «беженцев». Но в Москве нам скоро дали понять, что мы чужие. Мы оказались там

«лицами кавказской национальности». Меня останавливали по нескольку раз в день, чтобы проверить документы. Это, в конце концов, стало невыносимым, и мы перебрались сюда, в ваш город. Могли бы остановиться в Курске, Брянске, но нам понравился ваш город. И знаете, то ли потому, что это тихая провинция, то ли потому что на севере посветлела моя кожа, но здесь меня не останавливают с требованием показать документы. Здесь я смог устроиться на работу как врач и открыть свое дело.

- Ну, насчет тихой провинции это вы, Реваз, заблуждаетесь. Волна расизма и нацизма докатилась и до нас. Лена вам не рассказывала про нашу подругу? Ее жениха, араба, избил подростки из РНЕ. А китайцы, которые учатся в наших вузах, ходят группами, потому что поодиночке ходить небезопасно.

- Знаете, надоело нам все это. Проблема на проблеме... Вы не представляете еще, с каким чиновничьим произволом нам пришлось столкнуться и в Москве, и здесь! Поэтому мы решили, что нам лучше будет в Америке. Мы еще в Москве подали заявку в консульский отдел о желании иммигрировать в США. Мы оформили все документы на получение действительной визы. Сейчас ждем.

- А у вас кто-нибудь есть в Америке? – поинтересовалась Мила.

- Армяне разбросаны по всему миру. В Америке большая армянская диаспора. У нас есть родственники, а еще раньше туда уехала сестра отца, моя тетка.

- Ну, это хорошо, что вы едете не на пустое место, - сказала Мила. - А как же Лена?

- А Лена, как декабристка, за мужем, - засмеялась Лена.

- Надеюсь! – улыбнулся Реваз.

- А как с визой? Ей же тоже ждать визы несколько лет придется.

- Ну, если мы получим визу, я думаю, жене с мужем выехать будет проще.

- Ладно, Мил, мы уже с Ревазом у тебя засиделись, - сказала Лена, вставая с дивана. – Ты моим свидетелем на свадьбе будешь?

- Ты еще спрашиваешь. Конечно, буду.

У дверей Мила спросила:

- А Тамара Федоровна знает, что ты с Ревазом в Америку уедешь?

- Нет. И, честно говоря, не знаю, как скажу ей об этом. Это будет истерика. Она о внуке мечтает и уверена, что я всё буду при ней, а она при внуках.

Когда Тамара Федоровна узнала, что Реваз с семьей ждет разрешения на постоянное жительство в Америке, и Лена, выйдя за него замуж, уедет с ним, она чуть не тронулась умом, впала в прострацию, все у нее валялось из рук, и она даже расколотила пару тарелок и сахарницу. Но потом рассудила, что, во-первых, это будет не сегодня и не завтра, во-вторых, Реваз уверил ее, что если она захочет, более того, его родители настаивают на этом, она может уехать с ними, в-третьих, теперь на носу XXI век и перелететь океан, – все равно что доехать поездом до Санкт-Петербурга, какие-то несколько часов и – Америка. А как-то Лена прямо спросила мать:

- Мам, а что мы видели в жизни? Мы что, здесь в шампанском купались? Ты вспомни, как отказывала себе во всем, чтобы я доучилась в институте. А сейчас? У тебя мизерная пенсия, а у меня нищенская зарплата. Кому мы здесь нужны?

- Леночка, дочка, я никогда не слышала, чтобы ты говорила о материальном. Ведь не в хлебе же едином счастье!

- Ты не слышала, потому что я не говорила об этом. Но это не значит, что я об этом не думала. Посмотри, как стали жить чиновники и как живут врачи и учителя... Да, не в одном хлебе счастье, но жить и все время думать, где достать этот кусок хлеба, чтобы не остаться голодным, - это страшно. И я уеду из этой страны, где человек был и остается рабом, какие бы лозунги и слова не звучали с вы-

соких кремлевских трибун, без сожаления. Я хочу посмотреть на свободных людей не на словах, а на деле.

- Что ты говоришь? – испугалась Татьяна Федоровна. – Я тебя этому не учила. Это же твоя родина. Как же ты можешь так рассуждать? Это не твои слова, это слова твоего Реваза.

- Мама, я говорю не про родину, а про систему. При той системе жили как в концлагере и сейчас не лучше. Там у власти стояли маразматики, а сейчас у власти президент-алкоголик. И это, мам, надолго. Говорят, Советская власть семьдесят лет делала из людей идиотов. А вот уже больше десяти лет с начала перестройки прошло. Лучше стало? И так же семьдесят лет пройдет. Как были проблемой «дураки и дороги», так и остались. Только теперь говорят так: «В России остается проблема дураков и дорог, потому что первые занимаются вторым».

- О-ох, дочка! – только и могла вымолвить Тамара Федоровна и заплакала.

- Мам, - Лена села рядом с матерью и обняла ее обеими руками. – Ты хочешь, чтобы я была счастлива?

- Что ты говоришь глупости? Какая мать не хочет счастья своему ребенку!

- Тогда, дай мне самой решать. Я люблю Реваза и поеду за ним хоть в Америку, хоть на Калыму. И тебя мы не бросим. Все образуется.

Глава 19

В семье Михеевых разразился скандал. Виновником скандала был Генка, брат Эльки. Вернее даже не он, а дама его сердца, с которой он жил уже почти год, что было для него своеобразным рекордом. После того, как Генка развелся с женой, прожив с ней два года и не прижив детей, он, ошалев от свободы, стал менять девок, как перчатки. Девки ему попадались разгульные и стервозные, пустышки. Бывшей жене, про которую Андрей Николаевич и мать Раиса Петровна ничего плохого сказать не могли, и винули

в разводе сына, Андрей Николаевич устроил однокомнатную квартиру, а сыну двухкомнатную в элитном доме. Деньги Генка не считал. Водочный бизнес приносил хороший доход. И хотя Генка в этом бизнесе был звеном не важным, что-то вроде пристяжной лошадки, его доля составляла сумму значительную. В общем, хватало и на женщин и на рестораны. Бизнес же держался на Элькином муже, Олеге. Он оказался мужиком цепким, дело вел грамотно и жестко. Элька с Олегом поженились, когда Олег учился на последнем курсе Высшего военного училища связи. Говорили, что Элька увела Олега у Ленки, хотя дело было не совсем так, да и, в конце концов, нельзя увести того, кто увестись не хочет. Андрей Николаевич долго присматривался к Олегу, решил, что парень серьезный, не дурак, правда, неказист, но это в деле не главное. И Андрей Николаевич сделал на него ставку. Страна, хотя и дикими скачками, как сбившаяся с темпа лошадь на скачках, но двигалась в сторону рынка и к «капиталистическому благополучию». Грех было, обладая такими возможностями, не воспользоваться ими и не взять деньги, которые буквально сами просились в руки. Зерно и все перерабатывающие отрасли были в руках Андрея Николаевича. Сам он по своему положению государственного чиновника коммерцией заниматься не мог. Для того ему и нужен был свой человек, который смог бы с его помощью раскрутить и взять на себя семейный бизнес. На сыне Андрей Николаевич сразу поставил крест. Тот рос шалопаем. Добрый, в общем-то, парень, но пофигист и бездельник. Зато в зяте Андрей Николаевич не ошибся, и бизнес их набирал силу и процветал.

В элитном месте, отведенном властью под загородное строительство, где словно грибы стали расти трех и даже четырехэтажные причудливые виллы с бассейнами, саунами и кирпичными двухметровыми заборами, появился и двухэтажный, скромный, если сравнивать с некоторыми соседними строениями, но роскошный внутри, дом, где было однако все то же, что и в этих строениях. Цокольный

этаж вмещал и бассейн, и сауну и, бог весть, что еще. Еще был вместительный гараж на две машины и сад с огородом, на котором стояла теплица такого размера, что землю там пахал мини-трактор. Теплица – это уже затея Раисы Петровны. Она родилась и выросла при земле, землю любила, и образование имела агрономическое. Земля у них поэтому была всегда: и когда они жили в районе, и когда у них был собственный дом, и когда Андрея Николаевича перевели сюда, в область, начальником облсельхозтехники, они сразу взяли десять соток земли и построили дачу.

Олег охладел к Эльке быстро. Как-то незаметно пролетел романтический период влюбленности, медовый месяц плавно перетек в будни. А потом бизнес захватил Олега всецело, потекли деньги, и он почувствовал их хруст в руках и узнал их чудодейственную силу в обществе. Вдруг проснулась дремавшая в нем алчность, и появился вдруг азарт накопления. И он, конечно, при участии тестя, уже владел не одной, а тремя мельницами. Деньги давали возможность отдыхать так, как ему хотелось. И он отдыхал в саунах, в казино и на океанском побережье. Сначала он ездил отдыхать вместе с Элькой, потом стали ездить поодиночке, благо, они могли позволить себе слетать куда-нибудь в Анталию или Шри-Ланку на недельку, позагорать и появиться в родном городе среди зимы с лицом, покрытым легким шоколадным загаром. Элька Олега не ревновала. После института она закончила какую-то престижную банковскую школу за доллары, и теперь работала в хорошем банке в отделе валютных операций, где получала немислимую, если сравнивать с учительской или докторской, зарплату, воспитывала сына, ровесника Милиной Катерине, ходила по бутикам, где с удовольствием тратила деньги, встречалась с подругами и походы мужа в сауны воспринимала спокойно, даже равнодушно.

Генка, в отличие от Олега, к семейному бизнесу относился прохладно. В нем начисто отсутствовал Олегов азарт, он не отличался жадностью и на деньги смотрел просто: если они есть – их нужно тратить. Своим дамам

Генка дарил золотые украшения, всячески баловал, водил в казино и рестораны и расставался с ними легко и без скандалов. Девушки были, как правило, в их кругу известные «тусовщицы» и как-то естественно перетекали из одних рук в другие. Последняя подруга, однако, вцепилась в Генку мертвой хваткой. Она въехала в его квартиру и безапелляционно стала вести себя как хозяйка. Кроме золотых цепочек и перстней, она покупала себе дорогое белье, сапоги, туфли, а на свой день рождения выпросила шубу. Генка безропотно пошел с ней в магазин мехов, и она сама выбрала себе норку.

Звали новую Генкину спутницу Лариса. Раисе Петровне она сразу не понравилась. Лариса отличалась утонченной красотой и отличной фигурой, но была редкой неряхой и хамкой. Из семьи она происходила из самой что ни на есть простой: мать – заводская рабочая, а отец сантехник какого-то ЖЭУ. Сама Лариса кроме средней школы и профессионального училища, где училась на парикмахера, другого образования не имела. После ПТУ она пристроилась в престижный салон, где сразу оказалась на виду. Салон – что проходной двор, с той лишь разницей, что ходили сюда люди не бедные. На Ларису с ее броской внешностью обращали внимание приличные молодые люди, приглашали то в казино, то в ресторан. Отличаясь неразборчивостью, она легко знакомилась, не отказывалась от приглашений и быстро стала своей в кругу богатой молодежи. Ларисе нравилась эта ресторанно-бездельная жизнь. Она беспечно ходила по рукам, пока не попала к Генке. Была Лариса похотлива и совершенно бесстыдна. Генку это иногда коробило, но, обладая характером мягким, он терпеливо сносил это. Ко всему прочему, Бог, дав Ларисе красивую головку, забыл вложить в нее мозги. Она не отличалась умом, но отличалась несдержанностью на язык, а в подпитии распоясывалась и вела себя хуже пьяного извозчика, и усмирить ее стоило большого труда. После нескольких рюмок коньяка Ларису тянуло на подвиги, ее невозможно было удержать на месте, и она начинала ходить

между столиками, у кого-то просила закурить, пыталась флиртовать с незнакомыми, и те, в конце концов, не выдерживали и просили Генку успокоить свою даму.

До Андрея Николаевича стали доходить слухи о том, что Лариса ведет себя в общественных местах неподобающим образом. Над ней смеются и показывают на нее пальцем, а все знают, что она девушка сына Михеева. Андрей Николаевич имел серьезный разговор с сыном и предупредил: «Если я еще раз услышу о выходках твоей сучки, сам вышвырну ее вон. А ты у меня будешь сидеть как миленький под замком. Так что, делай выводы».

У Андрея Николаевича была репутация человека твердого и порядочного. В принципе он таким и был. Не подличал, до прямых взяток не опускался, а главное, к простому народу был внимателен, если мог помочь – помогал, и люди о нем говорили, как о правильном мужике. И репутацию эту Андрей Николаевич ревностно берег.

На какое-то время Лариска притихла, но буйная ее натура взяла свое; не прошло и недели, как она, выпив как-то в ресторане чуть больше положенного ей по норме, пошла куролесить. Генка попытался утихомирить ее, но из этого ничего не вышло. До следующей рюмки она сидела тихо, но, выпив, опять пошла по столикам. Генка попробовал увести ее из ресторана, но Лариска уперлась, обозвала его козлом и сказала, что никуда отсюда не пойдет. Генка плюнул и ушел один.

Домой Лариска пришла поздно ночью, пьяная, не шумела, сразу легла спать и мгновенно уснула.

На следующий день разразился скандал. Накануне, то есть в тот вечер, когда Генка ушел, оставив Лариску в ресторане, она загремела в милицию, которую вызвал официант по просьбе посетителей. Она сопротивлялась и кричала, что всех посадит. В отделении Лариска заявила, что она жена сына Михеева, и что Михеев теперь с них всех снимает погоны. Дежурный офицер связался со своим начальником РОВД, тот в свою очередь позвонил Михееву. Андрей Николаевич поблагодарил за звонок, попросил ду-

ру отпустить и пообещал, что сам со всем этим разберется. Лариску не только отпустили, но и ввиду ее нетрезвого состояния, отвезли домой. Ее пьяное самолюбие было удовлетворено, она снисходительно улыбалась и перед домом, когда выходила из машины, кокетливо бросила милиционерам: «Чао, мальчишки!». Она не знала, что ее ждет завтра.

Ярость Андрея Николаевича была громоподобной. В этой ярости был стыд и зло на Генку, который своими неразборчивыми связями подставляет отца, делая его посмешищем.

Утром Андрей Николаевич позвонил Генке. Спросил:

- Твоя дура дома?

- Да. А что случилось, пап? – насторожился Генка. По тону отца он понял, что надвигается гроза.

- Я сейчас приеду, - отрезал Андрей Николаевич и положил трубку...

- Ларис, ты ничего не натворила? – догадался Генка.

Лариса только что подрала глаза. Опухшее лицо и мешки под глазами выдавали бурное застолье. Она вспомнила, что вчера была в милиции, но не помнила, за что, что там наплела, ужаснулась и сказала:

- Не знаю, может, и натворила.- Она накинула халат на голое тело и пошла в ванную.

Отец задержался и приехал через час. Не раздеваясь, он прошел в зал и бросил:

- Позови свою шлюху!

Но Лариса уже сама входила в комнату. Она навела марафет и выглядела вполне прилично.

- Здравствуйте! – буркнула Лариса, понимая, что Генкин отец прикатил так вдруг недаром.

- Вот что, дрянь, собирай свои шмотки, и через пятнадцать минут, чтобы духу твоего здесь не было! – гаркнул Андрей Николаевич.

- А что я такого сделала? – начала, было, Лариска.

- Быстро, я сказал! – процедил сквозь зубы Андрей Николаевич. Глаза его метали молнии, желваки ходили по

скулам тонкого аскетического лица. Лариса нарочито медленно повернулась и пошла в спальню.

- Да что случилось-то? – тихо спросил Генка.

- Что случилось? – прошипел Андрей Николаевич. – Ты не знаешь, что случилось?.. Эта гадина треплет мое имя, пользуясь им по делу и без дела. Мне давно докладывали про ее выходки. И я тебя предупреждал. Но всякому терпению приходит конец. Вчера ее пьяную забрали в милицию за дебош в ресторане, и там она от моего имени грозилась пересажать всю милицию. Мне ночью звонил начальник РОВД. – Андрей Николаевич грохнул кулаком по столу. – Я никому не позволю трепать мое имя.

Из спальни с чемоданом вышла Лариса. Она сняла с вешалки шубу.

- Надеюсь, шубу я могу взять? – с вызовом сказала она, надевая шубу. Андрей Николаевич промолчал, а Генка пожал плечами и про себя отметил: «Про золотые цапки, которые на ней, не спросила, а это тянет на побольше, чем шуба».

- А с тобой мы поговорим дома, - пообещал отец, когда Лариса вышла, хлопнув дверью. – И вообще, давай-ка делом занимайся, а по бабам все, хватит.

Андрей Николаевич ушел, оставив Генку размышлять над превратностями судьбы. Зная крутой нрав родителя, он понял, что веселая жизнь кончилась. Если отец сказал «хватит», значит так и будет. Что касается Лариски, он был рад, что так все разрешилось. Она надоела ему до чертиков, но у него самого не хватило бы характера избавиться от нее. А тут случай помог.

Вечером вся семья за исключением Олькиного Олега, который, как всегда, был в делах или в бане, собрались в зале и сидели перед телевизором. Ждали Андрея Николаевича и без него за ужин не садились. Домашние уже знали про инцидент с Лариской и с тревогой ждали бури.

- Тебе говорили про Лариску, - язвительно напомнила Элька брату. – Она же стерва и «б», пробы ставить некуда.

- Вы все одинаковы, - беззлобно отмахнулся Генка. – Лучше за своим Олегом смотри.

- Гена, как тебе не стыдно! Ты что такое говоришь-то? – возмутилась Раиса Петровна.

- Нет, мам, пусть говорит, - вспыхнула Элька. – Я с кем зря по ресторанам не шастаю. А Олег за себя и за тебя, паразита, пашет. А ты только развлекаешься.

- Да ладно, - пошел на попятную Генка. – Успокойся. Сама первая лезешь.

- Вот сейчас тебя отец и успокоит. Он тебя уже предупредил. А теперь на себя пеняй.

Раздался мелодичный птичий пересвист электрического звонка. Раиса Петровна поспешила к двери.

Генка настороженно прислушивался к тому, как отец раздевался, потом мыл руки в ванной, и готовился к серьезной взбучке. Но, к его удивлению, все закончилось небольшой нотацией. Отец пришел в приподнятом настроении, а за столом вдруг попросил:

- Раиса! Неси коньяк!

Раиса Петровна удивленно посмотрела на мужа. В доме почти не пили. Только по торжественным датам и то чисто символически.

- Повод стоит того, - многозначительно улыбаясь, сказал Андрей Николаевич.

- Ну, и что за повод такой? – спросила Раиса Петровна, ставя бутылку на стол.

Элька нагнулась к Генке и прошептала:

- Везет дуракам. Кажется, пронесло, радуйся.

- Меня утвердили на должность первого замминистра сельского хозяйства.

Слова Андрея Николаевича прозвучали громом среди ясного неба. Элька поперхнулась. Звякнула вилка с кружком колбасы, которую опустил на тарелку Генка. И наступила тишина.

- Как? Так сразу? – первой отозвалась Раиса Петровна.

- Ну, почему сразу? Со мной предварительно беседовали в Москве еще месяц назад. Ты же знаешь.

- Ну, это было давно. Да и как-то все неопределенно. Я вообще восприняла это как шутку. Ты же и спросил как бы в шутку: «А что, если мне предложат стать замминистра?» Я думала, что это так, разговоры.

- Поэтому я к этому вопросу и не возвращался. Действительно, могли же и не утвердить. Главное, я узнал твое мнение. Ты тогда сказала: «Значит буду женой замминистра». Вот теперь ты стала женой замминистра.

- Значит, мы теперь будем жить в Москве? – Элька ушам своим не верила.

Генка сидел с открытым ртом и обалдело смотрел то на отца, то на мать.

- Само собой разумеется, - подтвердил Андрей Николаевич.

- И когда? – спросила Раиса Петровна.

- Наверно, скоро. Вот сдам дела. Кстати, сегодня я был у Василия Степановича. Он, естественно, в курсе дела. Сказал, что жаль отпускать, хотя еще раньше одобрил мою кандидатуру.

- А как с домом? А квартира? – Раиса Петровна, видно, еще не вполне осознавала значительность происшедшего.

- О чем ты говоришь? - засмеялся Андрей Николаевич. – Неужели ты думаешь, у первого замминистра в Москве будет хуже квартира, чем эта? Уверяю тебя, не хуже. В центре и с консьержкой. И загородная вилла. Ты что, думаешь, я не провентилировал этот вопрос?.. Дом продаем. Я уже дал команду. Ты, Рая, едешь со мной. Пока обустроимся на новой квартире, проживем в гостинице. Нам бронируют «Люкс» в «России». Эля с Игорьком переедут позже.

- А я? – напомнил о себе Генка. – Я с вами или как?

- А с тобой я еще не решил, - усмехнулся Андрей Николаевич. – Ты скажи спасибо, что обстоятельства сложи-

лись так, что некогда мне с тебя штаны снимать и ремнем драть.

- А за что, пап? Я у тебя что, алкаш или наркоман какой, как некоторые? – с обидой сказал Генка.

- Еще чего! Тогда бы ты здесь уже не сидел. Я бы тебя своими руками придушил.

- О, господи, Андрей, - взмолилась сердобольная Раиса. – Ты что это так про своего ребенка говоришь?

- А ничего. Как говорится, каков вопрос, таков ответ.

- А что, мало у нас пьяниц и наркоманов? – не унился Генка. – Вон, у военкома Стас за день успевает три раза напиться и проспаться, а у Павла Сергеевича Ванька второй раз в наркодиспансере лежит.

- Правильно. Поэтому военком так и останется до конца жизни полковником, а Павел Сергеевич как был пять лет назад зав. отделом, так им и остался. И ты мне на других не кивай. Будь сам достойным человеком. Пора, мой милый, и за ум братья. А то, распустился в конец. Плейбой. Как бабочка порхаешь по жизни... И вот что! Выбирай друзей. Теперь уже до шлюх докатился. Уважающие себя девушки не шатаются по кабакам и не напиваются до скотского состояния. Я на твои выходки сквозь пальцы смотрел, пока дело не дошло до того, что твоя мерзавка стала мое имя порочить...Авторитет завоевать трудно, он создается по крупицам годами, а рушится разом, в одночасье. И такой вот подарочек мне преподносит мой любимый сыночек. – А ты, Раиса, что, не видела, с кем твой сын связался? Все потакала, - повернулся к жене Андрей Николаевич. – Я сутками занят. Ты знаешь, как я загружен. А благополучие в семье на тебе лежит. Это твоя ответственность.

- Во-первых, я тоже работаю, во-вторых, Геннадий, слава богу, достаточно взрослый и самостоятельный человек. Ведь это ты устроил ему отдельную квартиру.

- Ну, во-первых, ты и работаешь полдня, чтобы, во-вторых, заниматься семьей.

- А ты тоже не снимай с себя ответственности за семью, - обиделась Раиса Петровна. – Я своих вырастила. Теперь мое дело Эле помочь с Игорьком. Уроков задают пропасть. Где ж ей одной справиться!

- Ладно, - примирительно сказал Андрей Николаевич. – Я все сказал. Надеюсь, Генка все понял. А в Москве тем более нужно быть разборчивым в выборе друзей. Там проходимцев много, а с сыном замминистра свести знакомство захотят многие. Я хочу, чтобы мой сын оказался благоразумным.

- А как же бизнес? – спросил Генка.

- Можно подумать, что от тебя много толку было, - усмехнулся Андрей Николаевич. – Олег здесь без тебя управится, еще и рад будет, что ты у него под ногами не путаешься.

- Ну, уж, пап, ты меня совсем за придурка держишь. Да, я не особо рьяно занимался делом, потому что у меня не лежит к нему душа. Не мое это. Это Олег может. Небось, предки у него или кулаками или купцами были. А мне нужно простое, нормальное дело. Я программист, компьютерщик. Я этому учился.

- Я вижу, - согласился отец. – Поэтому и говорю, пусть Олег занимается бизнесом, у него хватит своих помощников. Твои акции обеспечат тебе достаточный доход. А с работой решим... Все. Давайте выпьем за мое назначение и за благосостояние нашей семьи.

Андрей Николаевич поднял рюмку. Все потянулись к нему, чтобы чокнуться. Выпили и с удовольствием здоровых и самодостаточных людей, нагулявших за день аппетит, принялись за еду, которой в обилии было на столе. Здесь были голубцы в соусе, искусно приготовленные хозяйкой, и буженина, дразнящая розовыми свежими ломтиками: и семга с помидорным отливом, и темная твердокопченая колбаса с вкрапленными точечками сала, и красная, кетовая икорка: а кроме крупных в два кулака яблок, заморские фрукты, типа киви и авокадо, увенчанные королем экзотических фруктов – ананасом, раскинувшим свои

пальмовые листочки над вазой. Шоколадный торт к чаю стоял отдельно на открытой барной стойке.

Семья сидела за столом, а потом допоздна говорили, строя планы жития на новом месте в новом, более высоком для себя статусе.

Глава 20

Деноминацию рубля провели спешно так, что народ опомниться не успел. Люди с нескрываемой иронией приняли заявление правительства о том, что деноминация рубля никак не скажется на росте цен, и что переход на тысячекратное уменьшение стоимости денег никак не отразится на жизни народа. Но правительству уже устойчиво не верили, как Немцов к этому ни призывал. Говорилось одно, а делалось почему-то все для достижения обратного эффекта. Народ опять потерял свои сбережения. Многие просто не успели за те дни, что были отпущены правительством, обменять старые деньги на новые. К тому же был введен лимит на сумму, больше которой гражданин не имел права на обмен. Правительство в очередной раз встрясло деньги из населения. Причем, правительственные чиновники – а люди богатые через этих чиновников, – зная о деноминации, смогли заблаговременно привести свои денежные дела в порядок и пристроить свои капиталы. Цены округлились в сторону увеличения и тут же начали расти.

Как бы то ни было, Мила теперь получала вместо 550 тысяч пятьсот пятьдесят рублей и теперь ее деньги уместались в аккуратный кошелек, который пришлось купить по этому случаю. Зарплата, которую получала Мила, опять не дотягивала до прожиточного минимума и составляла чуть больше 25 долларов, если считать по новому курсу. Согласно «потребительской корзине», по которой рассчитывался прожиточный минимум, семья из трех человек могла купить холодильник один раз и навсегда, банное полотенце раз в 23 года, пару сапог и туфель должна была

носить 5 лет, а женские колготки разрешено было обновлять после 4 месяцев носки. Когда Мила внимательно изучила таблицу, приведенную в газете, ее взяла оторопь.

Тем не менее, согласно официальным источникам, жизнь потихоньку налаживалась. Заговорили даже о стабильности. Если верить статистике, инфляция к лету составляла не более 0,5 % в месяц.

Как-то в последний день рабочей недели Мила уложила Катюшку спать, посидела чуть возле нее, пока она ни уснула, потом вымыла посуду и прилегла на диван с томиком Агаты Кристи. Но читала она рассеянно. Буквы начинали вдруг расплываться, и она возвращалась со строчки на строчку, пытаясь вникнуть в текст. Ее мысли навязчиво возвращали ее к Владимиру Сергеевичу, и она почему-то ждала его звонка.

А Владимир Сергеевич просматривал газеты, которые нагоняли тоску и заставляли думать о странной и переменчивой судьбе России, которую опять трясет как ветхий дом во время землетрясения. Президент считает интеллигенцию России своим соратником. Но нигде не прозвучало со стороны интеллигенции, что Президент – ее соратник. Интеллигенция дистанцировалась от власти и скорее стояла в оппозиции к власти и уж, конечно, не была ее опорой. И все явственнее звучала мысль и становилась аксиомой, не требующей доказательств, о том, что это правительство – безнравственно. Этому правительству не доверяет народ. А как можно доверять правительству, которое врет? Взять хотя бы историю с пенсиями. Незадолго до номинации было объявлено, что средняя зарплата, из которой будут исчисляться пенсии, составляет миллион. Но, как говорится, просчитали – прослезились, нашли, что денег не хватит, и тут же объявили, что средняя зарплата по стране составляет не миллион, а 760 тысяч, хотя официально объявленная средняя зарплата в конце предыдущего года уже составляла 804 тысячи рублей. Что мешало сказать правду? Ну, нет денег в пенсионном фонде. Ну, ошиблись, извините... Конечно, проще соврать, чем признать свою несостоятель-

ность. И то верно, что легче опуститься до лжи, чем возвыситься до правды.

Владимир Сергеевич отложил в сторону газеты и включил телевизор.

«Сорокашестилетний мастер спокойно дописал предсмертную записку, - вещали с экрана, - затем подошел к кровати своей восьмидесятидвухлетней матери, нанес ей несколько ударов ножом в сердце, и сам выбросился из окна».

«Ну, допустим, - думал Владимир Сергеевич, - это отчаянный шаг. Сейчас суицид распространен как ни в один другой отрезок времени. А как вот это?»

Он снова взял газету, где в разделе происшествий было им помечено следующее:

«Бывший милиционер Айдар Зиадуллин из-за родительской квартиры, двухкомнатной хрущевки, убил свою родную сестру, разделал ее на части и держал как говядину в пакетах на балконе». «Восьмидесятишестилетняя бабушка топором убила спящего внука-наркомана, затем распилала его пилой в ванне и закопала на дачном участке», «Муж, желая получить развод, нанял насильников для ... своей жены, которые опоили ее наркотиками, а групповой половой акт сняли на видеокамеру»

«Мир сошел с ума! – мрачно думал Владимир Сергеевич. – А как мы можем воспитывать нравственных людей, если даже на детской передаче «Детские анекдоты» на первом канале, ведущей из детских рассказов больше всего понравился тот, где два мальчишки дрались, и не просто дрались, а стульями (!). За этот рассказ и был вручен первый приз».

«Пятнадцатилетняя дочь зарезала кухонным ножом отца, попросившего сделать телевизор потише, - вещал телевизор. - Отец, правда, был, подвыпивши, и дочь сказала, что он набросился на нее с кулаками».

«В смутные времена катастрофически падает нравственность, а безнравственность порождает жестокость, -

отметил Владимир Сергеевич. – Только зачем эту жестокость в таком количестве выплескивать с экрана? »

Он вспомнил барда Никитина, который в какой-то телевизионной передаче высказал такую мысль: «Если сейчас оставить наше подрастающее поколение с этим ящиком, то через несколько лет мы получим общество дебилов»

«К нравственности нужно принуждать также как к учению», - заключил Владимир Сергеевич.

Он выключил телевизор, придвинул стопку бумаги с черновиком новой монографии, которую начал еще два месяца назад, и попытался сосредоточиться на своей работе, но мысли его приняли другое направление. Перед его взором предстал образ Милы, он невольно думал о ней и, когда почувствовал непреодолимое желание услышать ее голос, встал и пошел к телефону.

Мила еще не сняла трубку, но уже знала, что звонит он.

- Я вас слушаю, - замирающим голосом сказала Мила, а сердце ее билось птицей в силке, и кровь отдавалась пульсом в висках.

- Мила, - раздался в трубке тихий голос Владимира Сергеевича. – Вы меня извините, уже, наверно, поздно. Но мне так хотелось услышать ваш голос, что я не смог совладать с желанием позвонить вам.

- Ну, что вы? Совсем не поздно, - возразила Мила. - Я читала.

- А что вы читаете?

- Да так, детектив, - смутилась Мила.

- Вы знаете, я тоже с удовольствием читаю детективы.

- Вот уж не ожидала. А вы не испытываете неловкости, признаваясь, что любите детективы?

- Чепуха. Неловко тем, кто больше ничем не занимается. А человек самодостаточный никогда не побоится признаться в подобной слабости, потому что он значителен другими делами. Меня, например, детективы расслабляют.

Лучшего отдыха, чем с хорошим детективом в руках, я себе не представляю.

- Владимир Сергеевич замолчал, прислушиваясь к какому-то шуму в телефонной трубке. Мила тоже молчала.

- Алло? Вы меня слышите? – забеспокоился Владимир Сергеевич.

- Слышу, слышу! – поспешила ответить Мила.

- Что-то у вас в трубке шумит.

- Да это приемник трещит, - засмеялась Мила. – Я его включила для компании, чтоб не так скучно было.

- Катерина спит?

- Спит. Уже, наверно, десятый сон видит.

За те немногие встречи, которые у них с Владимиром Сергеевичем случились, Мила заметила, что он очень нежно относится к Кате. Когда они гуляли в парке, и Владимир Сергеевич напрашивался к ним в компанию, он буквально затискивал Катюху, подбрасывал ее высоко в воздух, ловил, и та хохотала как ненормальная, или бегал за ней и нарочно никак не мог поймать, а та не помнила себя от восторга. Миле казалось, что в эти минуты Владимир Сергеевич напрочь забывает о ней, и она даже ревновала его к дочери, которая потянулась вдруг к нему всей своей детской душой, потому что в этом его к ней отношении не было фальши, присутствующей обычно в подобных случаях, когда мужчина ухаживает за женщиной, и чтобы завоевать ее расположение, заигрывает с ребенком. Мила это понимала, и ей это нравилось. А еще она понимала, что в этой его любви к ее ребенку присутствует некая тоска по своей дочери, и любовь, которую он не растратил на нее, он отдает теперь Кате, дочери женщины, которая ему нравится. Наверно, Вадика Мила не воспринимала всерьез еще и потому, что он совершенно равнодушно относился к Кате, и когда они куда-то выезжали на пикник или шли к кому-то в гости, она чувствовала его внутренний протест, если Мила хотела взять дочь с собой, и чаще всего ей приходилось оставлять Катю у родителей.

- Мила, давайте завтра куда-нибудь сходим, - предложил вдруг Владимир Сергеевич.

- Куда, например? – чуть помолчав, спросила Мила.

- А куда бы вам хотелось? Можно в театр. Завтра в театре гастрольный Островский. Вы любите Островского.

- Очень! – искренне сказала Катя. – У папы есть трехтомник пьес Островского, и я с удовольствием прочитала все.

- Видите, как наши вкусы совпадают! – обрадовался Владимир Сергеевич. – Так идем?

- Идем, - согласилась Мила.

- Тогда, до завтра. Я зайду за вами часиков в пять, хорошо?

- Это же рано, - возразила Мила. – Я знаю, что летом спектакли начинаются в семь.

- А мы перед театром погуляем. Погода почти летняя, теплая.

- Хорошо! До завтра.

- Спокойной ночи! – пожелал Владимир Сергеевич.

Читать расхотелось. Мила закрыла книгу. Старинные настенные часы, работы Павла Буре, которые, сколько Мила себя помнила, всегда висели в этой квартире, правда, на другом месте, и остались от бабушки, пробили полчаса двенадцатого. Мила разделась и легла в кровать. Она некоторое время думала. Теперь о Вадиме. Сейчас он с друзьями в Сочи. «Один ли?» - с легкой тенью ревности подумалось Миле, но это была именно тень ревности, которая не кольнула глубоко, а лишь коснулась ее эгоистического «Я». Отношения их с Вадимом, после ее встречи с его матерью как-то сами собой разладились и стали сходить на нет. Мать ли Вадима в этом была виновата, или то, что Мила сама отталкивала его, но они встречались все реже, а после того, как она не пошла посмотреть его новую квартиру, уже обставленную и готовую принять хозяина или хозяев, сославшись на какую-то эфемерную занятость, они почти перестали встречаться. Вадик вправе был обидеться. Ведь Мила не только не поделила с ним радость этого значи-

тельного в его жизни события, но и в очередной раз продемонстрировала свое безразличное к нему отношение. Но Мила смотрела на это немного по-другому. Ей виделось что-то двусмысленное и фальшивое в том, что она войдет в чужую квартиру. Подразумевалось-то не просто посмотреть, а нечто другое, что они про себя понимали, но вслух не произносили. Это звучало как, «смотри, вот квартира, в которой ты будешь жить! В достатке! Посмотри и сравни с тем, как ты сейчас живешь!» Вот что имелось ввиду. И отказавшись пойти посмотреть квартиру Вадима, Мила сознательно поставила жирную точку на их отношениях. Он ей еще звонил иногда, но, уже не рассчитывая на свидание. Она ревела и уговаривала себя, что поступила правильно, потому что ей уже нравился другой человек, и разум спал спокойно. Но сердце разрывалось от тоски: ведь Вадим любил ее, успел стать частью ее жизни, и это уже не вычеркнешь. Да еще Элька сыпала соль на рану, изводя ее своим: «Дура ты, Милка, дура. Такими мужиками бросаться! Вот будешь локти кусать, да поздно». И Мила опять ревела. Легче стало, когда Вадим уехал на Юг. А сердце успокоилось, когда Мила однажды поняла, что тот, кого она любит, «уже и сам пленен», и она ему не безразлична...

Спектакль был странный: Островского осовременили до крайности. Все декорации свели к двум нелепым арматурным площадкам на колесах, которые катались по сцене, то стыкуясь, то расходясь. Площадки располагались на двухметровой высоте, шатались, когда по ним ходили, и Мила все боялась, что кто-нибудь непременно свалится оттуда. Чтобы у зрителя не зародилось сомнения, что это купеческая Москва Островского, где-то по бокам сцены и в глубине стояли небольшие макеты церквей, а на заднике раскачивалась маковка с крестом и почему-то в строительных лесах. Может быть, по замыслу режиссера это должно было означать, что мы еще только строим храмы, где будет возрождаться наша духовность? Пьеса-то о том, как глушатся и губятся жизнью порывы честности, и о том, что

взяточник – это уже не закоренелый злодей, напротив – добрый отец семейства, уважаемый и привыкший уважать себя сам чиновник. Конечно, нельзя же ставить себе в укор то, что давно стало традицией и тайно признается нормой?

Но потому Островский и классик, что он на все времена, и то, о чем он писал полтора века назад, остается актуальным в наши дни, и он бы был понятен и без арматур.

Но, упростив декорации, режиссер пошел дальше, он осовременил и костюмы. Они были яркими и гротескными. Длиннополье сюртуки и пышные старинные платья дам девятнадцатого века перемежались с современными костюмами молодых людей. Достигший благополучия Онисим Белогубов, гулял в трактире в красном, совершенно дьявольском наряде, отождествляя порок. Слова Жадова в заключительной сцене: «Я буду ждать того времени, когда взяточник будет бояться суда общественности больше, чем уголовного!» в зале были встречены аплодисментами.

- Видите, Мила, - шепнул Владимир Сергеевич. – Народ голосует за истинные ценности. Ему чуждо стяжательство. Значит, не все еще потеряно...

После спектакля они шли по Ленинской улице. Погода стояла сухая и теплая. Уже смеркалось. Дневная жара спала, и приятная прохлада нежно ласкала открытые части тела. На улицах вдруг стало многолюдно. Все двигалось к парку, откуда доносилась музыка. И Мила с Владимиром Сергеевичем тоже, сливаясь с потоком, бессознательно двигались вместе со всеми.

- Вам понравился спектакль? – спросил Владимир Сергеевич.

- Понравился, только я с большим удовольствием посмотрела бы Островского в классическом исполнении, с богатыми декорациями и костюмами, соответствующими эпохе.

- Но согласитесь, режиссер достиг того эффекта, которого хотел. Вот смотрите, Аристарх Владимирович Вишневский здесь не одряхлевший старик с признаками подагры, как у Островского, а здоровый человек, не «ка-

чок», но у него в сторонке стоит современный тренажер, деталь сегодняшнего образа жизни нового русского чиновника. И режиссер не бросился с головой в эксперимент, чем сейчас грешат многие, а просто упростил некоторые детали, оставив, что очень важно, и за что хвала ему, в неприкосновенности текст Островского.

- Ну, может быть, вы и правы. Сейчас все гении, и всем хочется обязательно переделывать классиков. Мне не понравилось, что Жадов – не победитель. Он жалок в бесильном противодействии обществу, где взяточничество – принцип жизни, и остается жалким и несостоятельным в финале, а слова о том, что когда-нибудь взяточник будет больше бояться суда общественности, чем уголовного, в его устах остаются пустой декларацией. Жадов предстает перед нами обыкновенным неудачником. И зал аплодировал именно этим словам, а не Жадову, то есть зритель не сочувствовал Жадову.

- Правильно. Так ведь и Островский, насколько я помню, пытаюсь спасти идеализм Жадова в финале, сам признавал, что его поражение несомненное его возможной победы.

- Ну, так если режиссер взял на себя смелость приблизить пьесу Островского к современному звучанию, ему сам бог велел сделать еще один шаг и добавить хотя бы немного оптимизма, показав Жадова более успешным и наделив его более привлекательными чертами. А в этой постановке более привлекателен успешный его соперник Белогубов. Мало того, Белогубов выглядит и благороднее, предлагая Жадову безвозмездно помощь. Сейчас за это берут проценты, и, говоря жаргонным языком, ставят «на счетчик».

- Ну, значит, режиссер вслед за Островским не верит в торжество библейской заповеди «Не укради». Да и как поверишь, если взяточничество приняло такой размах, начиная с самого высокого уровня, что газеты уже публикуют тарифные сетки взяток чиновников и правоохранительных органов за те или иные услуги.

- Всё, всё, всё! Ничего больше не хочу слушать, - Мила демонстративно закрыла ладошками уши. – Опять начинается политика.

- Почему опять? – удивился Владимир Сергеевич.

- Да как же! Телевизор включаешь – политика, приемник – политика, газеты – одна политика. И к родителям придешь, папа обязательно сунет под нос газету и начнет на что-нибудь сетовать. А уж если приходит папин друг профессор Чернышов, то просто страсти кипят накалом в тысячу вольт.

- Сейчас, Мила, время такое. Меняются формации. Причем, такого еще мир не видел: марксисты считали, что социализм – есть высшая форма власти, которая приходит на смену капитализму, а тут наоборот, капитализм пришел на смену социализму. Я, Мила, экономист, а экономика тесно связана с политикой. И от этого никуда не деться... Впрочем, извините. Действительно, какая политика в такой чудесный вечер. Тут в самый раз стихи сочинять. – Владимир Сергеевич засмеялся, потом с наслаждением вздохнул полной грудью воздух и сказал весело:

- Эх, жизнь хороша... хоть в кармане ни шиша.

Мила тоже засмеялась. Ей было хорошо и покойно. Она чувствовала себя уверенно рядом с этим сильным и мудрым человеком, и ощущение, что это и есть ее, богом данный ей, мужчина, прочно сидело теперь в ней. «Вот с ним я буду счастлива. Умен, талантлив, обаятелен. И не в одних деньгах счастье, чтобы там ни говорили! - думала Мила. – Нелюбимый, но с деньгами – это для дур».

Мила украдкой посмотрела на Владимира Сергеевича, и если бы он видел ее глаза, он прочитал бы в них и восторг, и нежность, и любовь. Она вдруг взяла его под руку, и он благодарно прижал ее руку к себе.

- Мила, у меня предложение! – сказал Владимир Сергеевич, когда они стояли у ее подъезда, слегка замялся, но пересилил себя. - Мои родители просили привести вас к ним. Они очень хотят с вами познакомиться. Вы не против, если мы зайдем к ним, хоть ненадолго?.. - Владимир Сер-

геевич был немного смущен, но Милу, как ни странно, и, более того, неожиданно для нее самой, не удивило это предложение, и она, чуть помедлив, больше для приличия, угадывая женским кокетливым чутьем, именно эту, а не другую манеру поведения, просто спросила:

- Когда?

- Да хоть завтра! – просиял Владимир Сергеевич, которого все терзали сомнения, и он думал, удобно ли предлагать девушке такое и как она отнесется к его приглашению? Согласится ли? А может быть обидится на то, что он, как говорится, «не зная броду, суется в воду»? Ведь их еще ничего не связывает, и она не давала повода на какие-то более близкие отношения с ним. А он так пылко рассказывал о ней родителям, что они просили, более того, настаивали, чтобы он привел и показал им девушку. И теперь Владимир Сергеевич был на седьмом небе от счастья. Она согласна, и все сомнения позади. Ее согласие – это не просто согласие уважить стариков и отозваться на их приглашение, это ответ на его немой вопрос: «Я тебе нужен? Я что-нибудь для тебя значу?»

- Только не завтра, - возразила Мила. Завтра у моей подруги небольшая вечеринка. Ее отца перевели в Москву, и она в честь своего отъезда устраивает что-то вроде отходной. Но у меня тоже предложение. Я хочу познакомить вас со своими друзьями. Согласны?

- А это удобно? У вас там все свои, а я – чужак. Вдруг заявлюсь: «Здрасте».

- Раз я приглашаю, удобно. Более того, если вы откажетесь от моего предложения, я окажусь там в неловком одиночестве, потому что все будут с мужьями. Да и подруг уже не остается. Одна в Бельгии, другая теперь в Тунисе, еще одна вот-вот в Америку укатит. Теперь вот и еще одна, Эля, уезжает. Слава богу, хоть в Москву. Так что, будем хоть изредка видеться. Одни мы с Танькой остаемся.

- Ну, не надо грустить. – Владимир Сергеевич заметил, что Мила как-то сникла, и даже плечи опустились. – Жизнь на месте не стоит. Все течет, все изменяется. Это

нормальный процесс. Сами говорите, что с Элей будете видеться. К тому же, вот из Бельгии, вы рассказывали, ваша подруга часто приезжает. Значит и из Америки прилетит. Самолетом через океан, что через Ла-Манш пароходом.

- Обидно. Лина уехала, потому что здесь у ее мужа не было никаких перспектив, а там сразу предложили выгодный контракт. И для Лины там нашлась хорошая работа. Ленкин Реваз стал в России чужим: в Азербайджане травили как инородца, и в России тоже оказался инородцем. А Даша, после того, как националисты избили ее Фархата, решила, что в незнакомом Тунисе ей хуже, чем в России не будет.

- Да, агрессивный национализм – зло для нации. Это сродни антисемитизму или расизму... Какая разница, еврей ты, русский или араб! В мире существуют не коммунисты или капиталисты, арабы или китайцы и не евреи, немцы или американцы, а хорошие и плохие люди. Важно, чтобы ты сам был человеком. Ведь убеждаемся мы в который раз при поездке в соседнюю страну, что если ты ведешь себя достойно и уважаешь культуру и традиции народа, среди которого оказался, к тебе будут относиться точно с таким же уважением... Я вырос на интернациональной улице среди евреев, татар, греков, русских и армян. Мы все дружили, и у наших родителей даже в мыслях не было отличать нас по национальному признаку... Вы знаете, на нашей улице стояла синагога, а недалеко от нее молельный дом баптистов... Извините, Мила, - спохватился Владимир Сергеевич. – Опять я со своими рассуждениями.

- Ну, это же не политика. Это скорее из области общечеловеческой морали, - успокоила Мила. – И потом, есть вещи, которые лежат на поверхности, и мимо которых не пройдешь.

- Так как же нам быть с моими стариками? – чуть помолчав, и испытывая неловкость, спросил Владимир Сергеевич.

- А если мы ходим к ним где-нибудь днем, скажем, часика в три, четыре? – предложил Владимир Сергеевич и застыл в ожидании ответа.

- Хорошо! Днем, так днем, – согласилась Мила.

- Договорились. Я позвоню и заеду за вами.

Они попрощались. Когда за Милой захлопнула дверь, Владимир Сергеевич чуть постоял, прислушиваясь к стуку каблучков, которые замерли где-то на следующем этаже, и ему даже показалось, что он слышал, как хлопнула дверь наверху. В мальчишеском порыве он пнул ногой полиэтиленовую бутылку из-под пепси-колы, и она отозвалась глухим стуком и покатила по асфальту тротуара, нарушая полуночную тишину. Владимир Сергеевич устыдился своего порыва, сошел с тротуара на дорогу и, ускорив шаг, пошел домой.

Глава 21

Мила с удовольствием оглядела серебристую «девятку», на которой за ней заехал Владимир Сергеевич, села рядом с ним на переднее сидение, попробовала на упругость, чуть покачавшись на нем, и озорно спросила:

- А почему серебристая?

- А какой она должна, по-вашему, быть?

- Вишневой, конечно, - улыбнулась Мила. – Как в песне: «Твоя вишневая «девятка» свела совсем меня с ума».

- Вот я и не хочу, чтобы моя «девятка» сводила с ума, - засмеялся Владимир Сергеевич. – А если серьезно, когда я покупал машину, были только серебристые и белые, да еще неприятно синие. А, кроме того, на серебристой машине меньше заметна пыль, а наши дороги, сами знаете, в дождь грязные, а в солнце пыльные. А потом, по статистике, машины серебристого цвета стоят в ряду наименее аварийных... Знаете, вспомнил анекдот. Разговаривают два европейца. Один спрашивает другого: «Говорят, ты недавно был в России. Это правда, что там очень плохие доро-

ги?» «Дорог не видел, - отвечает другой, – но на джипе проехать можно».

- Я знаю другой анекдот, смеясь, отозвалась Мила. «Европейский водитель делится впечатлениями о России: «Асфальт у них такой же черный, как у нас, только в дождь пожиже».

- В самую точку, - захохотал Владимир Сергеевич, чуть помолчал, сосредоточенно глядя на дорогу, где перед ними маячил грузовик, никак не желая взять вправо и пропустить их машину. Наконец, Владимир Сергеевич обогнал его и после небольшой паузы спросил:

- Значит, вам серебристый цвет не нравится?

- Ну, что вы, Владимир Сергеевич, очень даже нравится.

- А хозяин? – поддерживая шутливое настроение Милы, спросил Владимир Сергеевич.

- Что хозяин? – делая вид, что не поняла вопроса, переспросила Мила.

- Хозяин машины вам хоть немного нравится? – это уже невольно прозвучало серьезно, и Мила, отбросив кокетство, также серьезно ответила:

- Хозяин тоже нравится.- Мила почувствовала, что краснеет.

Дальше ехали молча. Это нечаянное объяснение открывало какой-то новый этап их отношений. Мила чувствовала неловкость от того, с какой поспешностью она произнесла это «нравится», но это была правда, которую она уже не в силах была держать в себе, не могла сказать ничего другого, и не ответить тоже не могла.

Уже у девятиэтажки в новом микрорайоне, где жили родители Владимира Сергеевича, он сказал:

- Мила, вы можете называть меня по имени? Мне не хочется, чтобы вы при родителях звали меня Владимиром Сергеевичем. Да и в вашу компанию я не хочу входить как умудренный жизнью ученый муж. Я ведь не настолько стар, чтобы меня считали вашим папой, - в глазах Владимира Сергеевича промелькнула веселая искорка.

- Конечно, нет, - искренне возразила Мила. – Только мне как-то трудно к этому привыкнуть сразу.

- А мы давайте порепетируем. Скажите: «Володя, подайте мне руку, я выйду».

- Хорошо. Володя, дайте мне руку, помогите мне выйти из машины! – смеясь, повторила Мила.

- Видите, как просто? Считайте, что мы выпили с вами на брудершафт. Остается только поцеловаться.

Мила промолчала. Владимир Сергеевич помог ей выйти, поставил машину на сигнализацию, нажав на кнопку пульта, отчего она слабо пискнула, и они вошли в подъезд дома.

Родители приняли Милу так, словно двести лет ее знали. Сразу усадили их с Владимиром Сергеевичем за стол, который изобилдовал кулинарными изысками домашнего приготовления. Видно было, что ее здесь ждали, специально готовились, и Мила чувствовала от того себя неловко. Старики оказались очень милыми людьми и Миле понравились. Мать, Анна Тихоновна, с чисто русским хлебосольством потчевала Милу, неустанно предлагая то салатик, то селедочку, то грибочки.

- А вот, Миланька, попробуйте буженинки. Это вам не магазинная, сама запекала по особому рецепту с чесночком, да с яичком, и особыми специями пропитанная. Чувствуете, какой дух идет?.. Возьмите грибочков. Масляточки, один к одному. Сергей Петрович сам собирал, я-то уж не могу, ноги что-то ходить плохо стали, да и вижу совсем плохо, зато солила сама. Засол у меня тоже особый, свой. Некоторые так солят, с пленочкой, только промоют, а я пленочки-то все посдираю.хлопотно, зато вкусно-то как! А? Видите, кругленькие какие?.. Миланька, а рыбку-то вы не попробовали! Рыбка-то, она хоть и треска, а по-польски, отварная и с соусом. А соус-то на бульончике рыбном, со сливочным маслицем, нашинкованными яичками, с петрушкой, да с лимончиком.

Анна Тихоновна так вкусно предлагала блюда, что от одного этого аппетит удваивался, и так искренне сокруша-

лась по поводу того, что Мила чего-то не попробовала, да и попробовала-то, да не съела, будто цыпленок, что Миле стоило больших трудов уверить ее, что сыта, как никогда. Она давно взяла себе за правило вставать из-за стола с чувством легкого голода и сейчас думала о том, что теперь ей придется неделю сидеть на строгой диете, чтобы привести себя в норму. А когда добрейшая Анна Тихоновна поставила на стол домашний торт, покрытый взбитыми сливками, Мила с ужасом поняла, что, если съест хоть кусочек, а Анна Тихоновна все равно заставит, то ей, чтобы вернуть свою форму, не хватит и двух недель диеты.

После чая Владимир Сергеевич уединился с отцом в отдельной комнате, и до Милы время от времени доносился их неспешный разговор, а Анна Тихоновна показывала Миле семейный альбом с фотографиями. Мила в послеобеденном оцепенении удава сидела на диване и, борясь со сном, пыталась изобразить на лице внимание, слушала голос Анны Тихоновны, но голос ее как-то странно удалялся и начинал сливаться с голосами, которые доносились из соседней комнаты.

- А это Вовочке три годика. Вон бутуз какой. А это он с сестрой, когда ему было семь лет, как раз в школу пошел. Сестра, Аня, на три года старше Вовочки. Это Вова уже в институте. Это свадьба дочери... Э-э, Миланька, да тебя совсем сморило. Да и то, жарко здесь. Поспать тебе, вот что. Ну-ка, иди на диванчик. Я тебя пледом укрою.

Анна Тихоновна поднялась, твердо намереваясь уложить гостью.

- Ой, что вы, Анна Тихоновна! – испугалась Мила. – Я сейчас. Одну минуточку. Только умоюсь.

«Хороша бы я была. Пришла в первый раз к людям и развалилась на диване», - думала с неудовольствием Мила, плеская холодную воду на лицо. Потом она помогала Анне Тихоновне мыть на кухне посуду, как та ни возражала, после чего они еще долго сидели в зале их трехкомнатной квартиры и говорили о разном: Анна Тихоновна шепотом, украдкой поглядывая в сторону соседней комнаты, укоряла

бывшую невестку в черствости и в том, что она от своей невестки ни разу слова ласкового не слышала, и что при сыне она была, что пустое место. «Слава богу, все кончилось» - вздохнула Анна Тихоновна и со свойственной пожилым людям прямоотой сказала: «Вот ты мне сразу по душе прищлась. Вижу, с тобой Володе будет хорошо. А в нем не сомневайся, выходи за него. Он у меня парень с чистой душой». Мила по обыкновению залилась краской и попыталась перевести разговор на другое, но Анна Тихоновна не смутилась:

- А ты, девка, не красней! Ничего здесь стыдного нет. Он тебе нравится?

- Нравится, - еле слышно проговорила Мила, не в силах избавиться от неловкого чувства стыда.

- Ну, и совет вам, да любовь. А в нем не сомневайся. Этот никогда не обидит. У него душа чистая, как у ребенка. Мила, в свою очередь, рассказывала о себе, о своих родителях. Владимир Сергеевич играл с отцом в шахматы в соседней комнате, и до Милы изредка слышала смех и неясный говор: отец с сыном вели какие-то свои, одним им интересные, разговоры...

Ушли они поздно, только-только захватить домой переодеться и идти к Эльке. Владимир Сергеевич завез Милу домой, поставил машину в гараж, и они встретились недалеко от Элькиного дома.

Глава 22

У Эльки собрались все близкие подруги, которых осталось немного, а поэтому и компания была невелика: Татьяна с мужем, Лена с Ревазом и Мила с Владимиром Сергеевичем.

Окинув взглядом стол, уставленный деликатесами, Мила тихо сказала Владимиру Сергеевичу:

- Я, наверно, своей смертью не умру. Видно, мне на роду написано погибнуть сегодня от обжорства.

- Спокойно, - бодро ответил Владимир Сергеевич тоже шепотом. – Я на что? Поможем.

- Умереть?

- Нет, все съесть!

Мила представила Владимира Сергеевича Эльке и Татьяне с мужем. С Леной и Ревазом Владимир Сергеевич уже были знакомы. Элька критически оглядела Владимира Сергеевича и, судя по ее лицу, осталась довольна, а Татьяна показала Миле большой палец. Мила благодарно кивнула ей.

- А что, твой Олег опять весь в делах? – с иронией спросила за столом Эльку Татьяна. - Мог бы и снизойти.

- Тебе он нужен? – осадил подругу Лена.

- Действительно, - согласилась Элька. – Баба с возу – кобыле легче.

Муж Эльки уже давно отошел от их компании. Бизнес диктовал свои условия, и Олег быстро освоился в кругу преуспевающих бизнесменов, где были свои правила игры и отдыха. Элька, в отличие от мужа, осталась верна своим привычкам и привязанностям. В этом отношении деньги ее не испортили. Она неохотно ходила на какие-то важные тусовки, где собирался цвет власти и бизнеса и где находиться без жен считалось дурным тоном.

- Ты когда уезжаешь? – спросила Татьяна Эльку, когда мужчины после нескольких рюмок коньяка встали из-за стола и ушли на кухню покурить.

- Здравате! – удивилась Элька. – Да я уже уехала. У меня уже работа там.

- Да это мы знаем. Хорошая работа, два раза в неделю! На вокзал то хоть тебя Олег отвозит?

- Куда он денется! Только у меня с понедельника уже полная рабочая неделя. Так что, кончилась лафа.

- Тоже в банке?

- Тоже. И в том же банке. Начальницу валютного отдела «ушли» на пенсию, а я на ее место.

- А как же Олег? – спросила Лена.

- А что Олег? У него здесь бизнес... Ладно, девочки! Давайте выпьем за нас! – перевела разговор Элька. – Чтобы дружба наша не прекращалась, несмотря ни на что.

- Во сказала! – фыркнула Татьяна. – Это уж теперь не от нас, а от тебя зависит. Это у тебя в Москве голову может снести. Теперь ты у нас будешь девушкой из высшего общества, не до нас будет.

- Как тебе, Тань, не стыдно! – обиделась Элька. – Я что, давала повод? У меня и здесь могло бы быть высшее общество, а я все время с вами.

- Да ладно, не обижайся, Эль! Это я так. Грустно что-то. Смотри, все девчонки разлетелись. И Ленка скоро усвистит в Америку. Лен, тебя-то когда провожать будем?

- Не знаю. Реваза уже в консульство вызывали. Подошел его срок на получение иммигрантской визы.

- А как же ты? - Элькины глаза скользнули по округлому животу Лены. - Рожать где будешь?

- Не знаю. Мы не ожидали, что будут такие проблемы. Все просто, если ты даже не жена, а невеста американца. А Артур для них пока еще сам никто. Короче, меня могут просто не пустить.

У Лены на глазах выступили слезы.

- И что теперь? – сочувственно спросила Татьяна.

- Не знаю. Видно будет. Артур говорит, что можно как-то уехать пока на год на специальные курсы по изучению английского. Правда, это стоит три тысячи долларов. Есть еще один способ: через Канаду. Из Канады в Америку попасть проще.

- Да-а! Дела-а! – вздохнула Элька.

Мила обняла Ленку и прижалась к ее щеке:

- Плюнь! Все образуется. И родишь, и уедешь. Успеет еще и Америка надоесть. Там тоже не все мед. Знаешь, как говорит пословица? «На чужбине и сладкое в горчицу, а на родине и хрен в леденец».

- А еще говорят: «Своя земля и в горсти мила», - подержала Элька.

- Ну, фольклор изо всех дырок попер, - сквозь слезы улыбнулась Лена.

Девчонки рассмеялись.

- Так что, живи и дыши русским духом, - сказала Татьяна.

- Да, свое дерьмо не пахнет.

- Ну и ехидная ты, Эль! – заметила Татьяна и, повернувшись к Лене, сказала: - Правильно Милка говорит, еще наживешься в своей Америке. Подумаешь, не уедешь вместе с мужем! Уедешь позже. Родишь, тебе все равно не до мужа будет. В конце концов, мы всегда будем рядом. Правда, девочки?

- Конечно! О чем тут говорить! - дружно подтвердили подруги.

За стол после перекура вернулись мужчины. Они шумно садились на свои места, пересмеиваясь и перебрасываясь словами, а лица их выражали удовольствие.

- Анекдоты травили, - решила Элька.

- Кстати, об анекдотах. Девочки, знаете, кого я вчера встретила? Ни за что не угадаете, - Татьяна сделала паузу, обводя всех интригующим взглядом.

- Ну ладно, говори! – не выдержала Элька. – Кого?

- Борю Блюмкина.

- Да ты что? Он же почти сразу после школы в Израиль к бабке укатил, - удивилась Лена.

- Вот, приехал.

- Насовсем, что-ли? – спросила Мила.

- Да, как же! Держи карман шире. У него там все в порядке. Магазин собственный держит. Женился.

- А сюда чего? – поинтересовался Танькин Толик.

- На родину потянуло. Да и родственники здесь еще остались.

- А на какие шиши он магазин заимел? – спросил Толик.

- Да у него бабка еще в восьмидесятые годы уехала, - вмешалась Мила. – Они же в нашем дворе жили, когда еще Советскую улицу не снесли. Отец его был модным порт-

ным и работал дома, мать не работала, а бабка торговала пивом в ларьке. Еле ходила, уже за восемьдесят, а пиво не бросала. Моя мама, когда наши дома расселили, и мы разъехались, кто куда, встретила однажды Борькину мать, и та проговорила: им бабка столько оставила, что ни детям, ни внукам не проесть.

- Значит, сумели как-то перевезти золотишко через границу, - предположил Артур.

- Да, евреи – не русские. Умеют устраиваться в жизни.

- Вот-вот. А вы знаете, какой он мне анекдот рассказывал? – засмеялась Татьяна.

- Ну?

- Мальчик подходит к папе и спрашивает: «Папа, а мы русские или евреи?» «А тебе зачем это?» «Да у нас во дворе один мальчик клевый велосипед продает. Вот я и думаю, что мне делать: поторговаться и купить или украсть и поломать?»

Все рассмеялись.

- Все правильно. Русскому в кайф, когда у соседа корова сдохнет. А нет, чтобы самому корову купить. Наверно, у нас убиты нормальные человеческие потребности – жить хорошо. По всей России грязь и загаженные квартиры. И ничего, привыкли, - сказала Мила с неприкрытым раздражением.

- Успокойся, Мил. Если на все так как ты реагировать, раньше времени в могилу сойдешь.

- Чиновники и политики везде одинаковы, - поддержал Милу Владимир Сергеевич. - Вся разница в том, что в странах с развитой демократией народ чувствует себя хозяином, умеет бороться за свои права и умеет приструнить зарвавшегося чиновника, время от времени напоминая, кто ему платит зарплату. Наши же чиновники убеждены, что народ существует для того, чтобы обеспечивать их сытую жизнь.

Никто не поддержал серьезный разговор, невольно начатый Милой, но благодушное настроение, царившее за столом, как-то улетучилось.

- Хороший парень все же был Боря Блюмкин, - после некоторой паузы сказала Лена. - Все время улыбался. Все нипочем. Двойку влепят – улыбается, по шее надают, чуть поплачет и опять смеется.

- А никому не приходило в голову, что это была защитная реакция, маска, - вставил Реваз. – А в сердце незаживающая рана. Я это знаю, проходил.

- Почему в России любое обсуждение еврейской темы всегда носит какой-то нездоровый характер? Откуда это? – Толик почему-то посмотрел на Владимира Сергеевича.

- Так ведь евреи, чтобы мы не говорили, хотя и живут с нами бок о бок, но стоят как бы особняком и отличаются от нас и особым укладом, и отношением к жизни... Ведь евреев вечно преследовали и отовсюду гнали, - сказал Владимир Сергеевич. - И жили евреи так, чтобы в любую минуту быть готовыми к побегу. Они не работали на земле, а выбирали профессии менял, торговцев, потому что всегда легче убежать с кусочком золота. Евреи народ умный, но их ум связан с историей. Они постоянно должны были приспособливаться к новым ситуациям, потому что их гнали. А это формирует мозг, побуждая учиться. Кроме того, мозги – это самый удобный капитал в условиях постоянных гонений. Евреям всегда было плохо, и желание переделать мир – естественная часть еврейской исторической и культурной традиций. Поэтому и в русской и во французской революциях был большой процент участия евреев. Это своеобразная месть за постоянное унижение... И потом, не надо забывать, кто изменил понятия об окружающем мире: Маркс, Фрейд, Эйнштейн...

- Какой он у тебя умный, - закатывая глаза, сказала Миле Элька, когда мужчины в очередной раз ушли на кухню.

- И симпатичный, - добавила Татьяна, улыбаясь Миле.

- Самой нравится, - довольно засмеялась Мила.

- С Вадиком не видишься? – поинтересовалась Элька.

- Да он сейчас в Сочи загорает. Перед югом звонил.

Так, поговорили ни о чем, - пожалала плечами Мила.

- Не жалеешь?

- Знаешь, Эль, нет.

- Да, сердцу не прикажешь, - вздохнула Элька. – А какой жених был.

- Почему был? – возразила Татьяна. – За ним уже девки в очередь стоят. Как говорится, свято место пусто не бывает.

- Ой, девочки, - спохватилась Элька. - Звонила Лина. Всем большой привет.

- Откуда звонила? Из Бельгии? – на всякий случай спросила Татьяна.

- Ну, вопросы ты задаешь? Из Бельгии, конечно. По сотовому.

- И что там Линка?

- Да все то же. Маленькая по французски лопочет, а по-русски с трудом... К Линке отец приехал.

- Чегой-то он? Он ведь ездил к ним недавно. Вроде с деньгами у них не густо, - пожалала плечами Мила.- Ан-самбль-то дяди Славы на ладан дышит.

- Да в порядке у них с деньгами. Ты думаешь, чего он ездит? Он оттуда везет авто. Видела, у вас с Ленкой во дворе, где твои родители, микроавтобус стоит? Это Линкин отец пригнал. Они с тетей Вале́й, Линкиной матерью, за восемь тысяч долларов его купили. У дяди Славы с тетей Вале́й на базаре две точки, кожей торгуют. Деньги на покупку авто дает Линкин Володька. Деньги, конечно, их с Линкой, но и отцу с матерью с продажи перепадает. И Линка, когда приезжает, везет с собой тряпки заграничные.

- А я думаю, за что они здесь квартиру трехкомнатную купили? – сказала Татьяна.

- Прозрела! – фыркнула Элька. – И за это тоже.

- Правильно делают. Если есть деньги, самое надежное вложение – недвижимость, - рассудила Лена.

- Что еще Линка рассказывала? – спросила Мила.

- А что еще? С детьми крутится. Стирает футболистам трусы. За это ей Володькин клуб шестьсот долларов платит. По нам скучает. Может быть, к Новому году выберется.

- Новый год ты в столице встречать будешь, в другой компании, без нас, - ревниво вставила Татьяна.

- Что ж ты такая занудная! - разозлилась Элька. – Новый Год – праздник семейный, и, конечно, я буду встречать с родителями. Но праздник ведь не один день тридцать первого. Могу на денек и к вам приехать.

- Ладно, - вздохнула Мила. – Как получится, так и будет.

- Мил, а ты от Даши писем не получала? – спросила Татьяна.

- Нет, как в тот раз письмо пришло, так больше ничего. Я вам письмо показывала. После этого, правда, она маме звонила. Все то же самое. Его родители приняли ее как дочь, родственники завалили подарками. Хорошая квартира, у нее теперь собственная машина, пока не работает, но будет работать в клинике мужа.

В зал вошли мужчины. Шумно. Гурьбой. И было видно, что Владимир Сергеевич чувствовал себя в этой компании совершенно комфортно, будто давно со всеми знаком.

- Что-то, девушки, у вас настроение минорное. Тихо, как в морге, - пошутил Татьянин Толик.

- А вы бы побольше гуляли, - огрызнулась Татьяна. – Тоже мне, кавалеры: сами себя развлекаете, а мы как дуры одни сидим.

- Все, мы раскаиваемся, - Реваз приложил руку к сердцу. – Больше от вас ни на шаг. Так. Наливаем вина. У меня тост. Я хочу выпить за хозяйку, за всех вас и вашу дружбу. Сейчас деньги стали выше человеческих отношений и тем более приятно, что есть оазис, где царит искренность, доверие, любовь и привязанность, где все мило и где души открыты. Здесь мое сердце радуется. Я пью за то, чтобы всегда оставалась дружба, которая выше материальных благ, и я знаю, что, когда мы с Леной будем жить далеко от России, мы будем вспоминать всех вас и этот вечер наряду с тем хорошим, что у нас было здесь.

- Ревазик, как ты хорошо сказал! – растрогалась Элька. – Дай я тебя поцелую.

Она подбежала к Ревазу и пылко расцеловала его в обе щеки.

- Ой, Лен, смотри, что делается! На глазах мужика уводят, - засмеялась Татьяна.

- Ох, испугала! – нарочито равнодушно повела плечами Лена.

- А я хочу выпит за всех нас. Вы, мальчики, тоже совсем не лишние в нашем, как сказал Реваз, оазисе. И если мы – оазис, то вы пальмы по нашим берегам, – завернула Элька образную фразу и сама засмеялась.

Все рассмеялись вслед за Элькой, стали чокаться, и рюмки отозвались нестройным перезвоном.

Разошлись поздно, чуть хмельные и растроганные. Девочки не могли сдержать слез, когда прощались с Элькой, обещали не забывать друг друга и никак не могли расстаться.

Глава 23

Обвал рубля в августе обрушился, как снег на голову. В народе заговорили о том, что дефолт был спровоцирован, и это было вполне возможно. А если не спровоцирован, но состоялся, то это еще хуже, потому что показал полную профнепригодность правительства.

Шанев Владимир Сергеевич недоумевал. Его сбивала с толку некомпетентность и экономическая неграмотность правительства. Почему экономические вопросы пытаются решать дилетанты? Где академик Львов, где Шмелевы, где Рисин, Глазьев? Почему отвергнута программа Явлинского? Или политические амбиции не дают реально смотреть на вещи? Взять хотя бы программу, предложенную группой саратовских экономистов во главе с Годзинским. Судя по тем нескольким передачам, которые организовал Годзинскому на телевидении Разбаш, в нем много толкового.

И, тем не менее, правительство предпочитает лететь в пропасть.

День 17 августа отбросил Россию к 1994 году. Государственная пирамида ГКО вышла населению боком почище МММ Мавроди. Цены летели вверх с космической скоростью. Пенсии же и зарплаты остались на том же уровне и не превышали 15-30 долларов, а если говорить точнее, зарплаты увеличились на 8%. Но в пересчете на доллары упали со 170 до 50 долларов. Дума же приняла свой бюджет с полной индексацией своих зарплат. Явлинский попробовал пристыдить «сенаторов», но те и ухом не повели. Поистине, «совесть спит глухо, когда сыто брюхо».

Президент впал в старческий маразм. Пошла чехарда со сменой правительства. Пять лет что-то мямлил Николай Черномырдин. Наконец, Ельцин попросил его уйти, вручив высокую правительственную награду. Но если его сняли, то за что? За ошибки? А тогда наградили за что? Народ смеялся, смеялся сквозь слезы. Вытащили из министров молодого, энергичного и умного Кириенко и поставили премьер-министром. Правительству срочно нужны были деньги, Чубайс «развел» МВФ на 15 миллиардов долларов (Потом он признался, что МВФ они просто «кинули»). Уверяли, что доллары эти трогать не будут, что они необходимы для стабилизации рубля. В течение десяти банковских дней деньги исчезли. Потом МВФ скажет, что деньги были потрачены «не по назначению», а если говорить проще, то просто украдены. Виновных, как всегда, не нашли. Как говорил артист Евдокимов: «никто не виноват, а морды биты».

Программа Кириенко оказалась жесткой. Команду он набрал из людей молодых, «рыночных» специалистов. Действовал новый премьер умно и решительно, но попал в тот кризисный период, который был на совести Черномырдина, потому что его полностью подготовила его команда. Естественно, что с таким трудом принятый Думой Кириенко, слетел через месяц.

И поехало!

Рубль опять стремительно полетел вниз, доллары стали прятать в «чулки», перед «челноками» поставили железный забор полной неопределенностью курса доллара, который прыгал «вверх-вниз», как мячик на резиночке. В магазинах исчезли продукты, цены теперь росли не по дням, а по часам. Все, что накопили положительного в экономике, было перечеркнуто в один момент. Затянулся политический кризис. Элита во главе с Ельциным, приведенным к власти в 1991 году, не смогла довести до конца реформы и утратила опору в обществе. Общество оказалось не готовым к новым экономическим отношениям. В сентябре 1998 года страна была на грани нового захвата власти коммунистами и удержалась благодаря преклоннолетнему Примакову, которого с долей иронии предложил на пост премьер-министра лидер «Яблока» Явлинский, чтобы хоть кого-то поставить во главе «государства-сироты». Вслед за Примаковым в правительство поползли коммунисты: Маслюков, сочувствующий им банкир Герашенко, который в свое время поддержал ГКЧП, а потом обдурил народ, заверив его вечером, что правительство не планирует замену денег, а они уже были напечатаны, и наутро ошеломленный народ, поставленный перед фактом обмена старых денег на новые, ахнул, глазам своим не веря.

Явлинский сразу отказался от должности первого зама, объяснив, что не может выполнять чужую программу и нести за нее ответственность. Отказался от этой должности и Рыжов, а, узнав, что в правительстве остается министр экономики Задорнов, подал в отставку Шохин, тоже не желая оказаться в роли мальчика для битья.

Примаков стал действовать разумно и осторожно, постариковски. Все толково, все логично, но это были действия «прогрессивного» или «либерального» - как хотите - коммуниста. Это «и нашим и вашим», т.е. чтобы волки были сыты и овцы целы. А где же экономика, основа основ любой государственной системы? При таком раскладе лучше жить не станешь. Егор Гайдар вон прогнозирует. (Владимир Сергеевич взял газету и еще раз прочитал подчеркнутые им строчки, словно хотел убедиться, что не

ошибся). «В любом случае это приведет к дальнейшему снижению реальных доходов пенсионеров и бюджетников, увеличению доли бедных в общей численности населения и постепенному разгону инфляции».

События, которым дал толчок дефолт, вызвал новый всплеск политической активности и без того политизированных сверх меры народных масс. Везде теперь только и говорили об инфляции, коррупции, девальвации, прожиточном минимуме, потребительской корзине. Ругали президента и поносили госчиновников на чем свет стоит.

Неудивительно, что и в доме Виталия Юрьевича Анохина, в котором Владимир Сергеевич был теперь своим человеком, разговор быстро вошел в привычное русло политических оценок. Русская интеллигенция оставалась верной себе во все времена...

Мила познакомила Владимира Сергеевича с родителями вскоре после вечеринки у Эльки, и родителям он понравился. Ольга Алексеевна оценила его интеллигентность и достоинство, с которым он держал себя, и она сказала потом Миле, что с таким мужиком и в «пекло не страшно». А Виталий Юрьевич, проговорив с ним часа полтора, уже не мог с ним расстаться, пока Мила чуть не силой его увела, и сказал Миле: «Гений, титан! Где ты его только откопала? А то все сопляки какие-то». С тех пор Владимир Сергеевич стал частым гостем в доме Милиных родителей. Ему нравился азартный и немного неуравновешенный в спорах Виталий Юрьевич. Ему было здесь уютно и спокойно, он чувствовал, что его здесь любят, и это давало ему дополнительную энергию, укрепляло дух и веру в доброе начало человека, в его предназначение сеять разумное. Конечно, Виталий Юрьевич не преминул познакомить своего молодого друга с Алексеем Николаевичем, и когда они как-то втроем шумели в зале за закрытыми дверями, Ольга Алексеевна, безнадежно махнув рукой на двери, из-за которых доносились раскаленные голоса спорщиков, сказала Миле:

- Все, спелись! Теперь эту троицу никакой силой не растащишь!

Мила засмеялась, а Ольга Алексеевна добавила:

- Да, уж лучше так, чем как твой бывший, по водке и по бабам.

Виталий Юрьевич сидел с Владимиром Сергеевичем в зале в мягких креслах и говорили о том насущном и наболевшем, что занимало умы многих русских.

- Как видно из этой статьи, - Виталий Юрьевич показал на газету, лежавшую на журнальном столике. – Жить в следующем году лучше мы не будем.

- По-моему, с этим не согласен только Маслюков. Тем более что он зам Примакова именно по экономике, - отозвался Владимир Сергеевич. – Хотя он и соглашается с тем, что первое полугодие будет тяжелым, но обещает экономический рост уже с лета.

- Но это ведь возможно?

- Глупости, усмехнулся Владимир Сергеевич. – Эмиссия, а она неизбежна, влечет за собой увеличение инфляции и рост курса доллара. Если сейчас цены на товары растут на 5-7 % в месяц, то к концу первого квартала следующего года месячные темпы инфляции достигнут 10-15 % . И надо очень сильно опасаться, что к весне курс доллара достигнет 25, а то и 30 рублей вместо двадцати нынешних.

- Ну, нам же обещают предоставить кредит от МВФ, а это поможет стабилизировать ситуацию.

- Не раньше, чем Дума утвердит программу действий правительства и бюджет на следующий год. А бюджет у нас смешной: 20 миллиардов долларов. Маленькая Финляндия имеет столько же. Это правительство еще более неосостоятельно, чем другие, работавшие до него... Коррупция развивается на глазах. Явлинский уже бросил упрек правительству и в большей степени самому Маслюкову в коррумпированности.

- Да, недели не проходит без сообщений об увеличении во взяточничестве высокопоставленных чиновников. Зато в декларациях об их доходах все гладко и пристойно.

- Так они показывают только то, что скрыть невозможно, и это всегда малая часть от целого. И об этом хорошо знают все, кроме президента и правоохранительных органов...

- Вообще-то, и депутатам и правительственным чиновникам можно было прислушаться к Явлинскому и положить себе зарплаты поскромнее...

- А власть, Виталий Юрьевич, это как дворяне и декабристы, о которых говорил Ленин, «страшно далека от народа». Власть не дает положительного примера, которому мог бы следовать народ. То есть, власть у нас, как бы, сама по себе, народ сам по себе.

- Власть, она везде одинакова. Это было и при советах, это есть и сейчас...

- А на водочку-то цены стабильные, - заметил Владимир Сергеевич, пролистав газету, которую он взял с журнального столика. - Все взлетело на 200 -300 %, а водочка только чуть.

- Знаете, Володя, я недавно такую частушку слышал:

Над землей туман стоит –

Нулевая видимость.

У ларька мужик лежит –

Русская недвижимость.

Владимир Сергеевич рассмеялся и сказал:

- Один мужик написал письмо в «Комсомольскую правду». Он пишет, что надо видеть плюсы и извлекать пользу из любого положения. Недоступность многих продуктов позволила ему сбросить вес и избавиться от болезней. Теперь, пишет он, я занимаюсь лечебным голоданием ради сохранения здоровья.

- Да, мы народ крепкий, удар держим как боксеры-профессионалы. А что остается? Только юмор.

Есть у рыбы чешуя,

То – ихтиология!

Нету в доме ни...хрена,

Хоть плачу налоги я.

Владимир Сергеевич от души расхохотался.

- Нас бьют, а нам все нипочем, видите, смеемся, - серьезно сказал Виталий Юрьевич.

- И пьем. Непонятно только, на какие шиши. На еду денег нет, а на водку находим. Очередной русский парадокс.

- Верно, Володя, русский парадокс. Именно русский. Как-то я сидел на остановке, а рядом два мужика, уже выпивши и куда-то еще пить идут, потому что один говорит другому: «Вась, если я отключусь – не бросай, бей по шее, вот так, вот сюда, и я тогда встану, проверено!». То есть, идет пить и заранее знает, что напьется до отключения. И ведь не сказал: «Останови, если я буду пить лишнее», а именно «если я отключусь»... А то еще. Стою у книжного киоска. Мимо проходит сосед, сын нашего знакомого еще по старой квартире. Прошел, потом возвращается назад. Заметил меня. «Здрасьте, говорит, дядя Вить». Я спрашиваю: «Ты чего туда-сюда бегаешь? Ищешь кого?». «Да бабу, мать ее, потерял! Пошла деньги менять. Жди, говорит, у остановки. И как сквозь землю провалилась, падла. Мне на работу надо. Трубу водопроводную менять, депутат в ЖЭК звонил, а я еще сегодня не опохмелялся. Хоть бутылку винца выпить, а то, как я буду работать?»

- В Японии говорят про пьяниц, что это святые люди, - усмехнулся Владимир Сергеевич.

- У нас так не считают, просто это, как вы говорите, один из русских парадоксов, коих в России великое множество.

Двери в зал приоткрылись, и в комнату заглянула Мила.

- Все спасаете Россию? – благодушно сказала она. – Идите ужинать.

Чай пили из самовара, с тортом, который принес Владимир Сергеевич. После сытного ужина чай пили неторопясь, с какой-то купеческой томностью. Все дышало покоем, и самовар, хоть и электрический, создавал атмосферу старого патриархального уклада.

Глава 24

- Третьего дня я встретил Вячеслава Михайловича, - Виталий Юрьевич употребил оборот, давно вышедший из речи. Иногда он вольно или невольно пользовался забытыми словечками, уже не употребляемыми в речи. Ему почему-то жалко было этих слов и оборотов, которые исчезли из нашего языка. «Намедни», «отнюдь», «соблаговолите», «извольте», и он их иногда упрямо вытаскивал на свет.

Калейдоскоп политических и экономических изменений последних лет буквально взорвал русский язык притоком новых слов и понятий. И вместе со словами, уже принятыми в мире, например, «инфляция», «девальвация», «эмиссия», наши молодые политики стали выдавать «пачками» термины, подменяющие русские понятия. И теперь народ стал употреблять «плюрализм» вместо «различные мнения», «консенсус» вместо «соглашение», «импичмент» вместо «отставка», «приватизация» вместо «передача в собственность». А еще «ротация», «популяция», «мэр», «киллер», «шоу», а среди «шоу» - «ток-шоу» и так далее и так далее. Новые русские охотно подхватили эстафету, и у нас появились «шопы», «пиццерии», а также «эквалайзеры», «плейеры», «блайзеры». А для Виталия Юрьевича музыкой Моцарта звучала и умиляла до слез старославянская вязь, вроде «Не единые похвалы, аще истинно рещи достойно естъ, понеже вси яко рыбы с понуждением сотворили есте, а не хотением, а паче с роптанием¹».

На сетования Виталия Юрьевича по поводу засорения русского языка Алексей Николаевич возразил ему, что язык не является чем-то неподвижным и статичным, а, напротив, изменяется и развивается в условиях общения. Изменяются условия, которые требуют пополнения языка новыми словами и выражениями.

-Ты же языкознание учил. Помнишь нашего Зыщера?

¹ Из письма Ивана Васильевича IV Курбскому. Речь идет о боярах и воеводах.

- Да знаю я, - отмахнулся Виталий Юрьевич. – Только одно дело, когда слово постепенно отмирает и выпадает из языка, оставаясь словарным, как, например, «отнюдь», на защиту которого вставал еще, будучи гимназистом, Валентин Катаев, и которое вставит разве что Гайдар в свою витиеватую речь, и другое дело, когда мы начинаем искусственно вытеснять русское слово, заменяя его иностранным или жаргонным.

- А чего тебя так пугает это? – удивился Виталий Николаевич. – В истории есть такие примеры. В свое время шел мощный приток немецких слов при Петре I и французских при Екатерине II. Французская знать даже кичилась тем, что умеет говорить по-русски лишь с французским акцентом.

Виталий Юрьевич невольно засмеялся, вспомнив Островского.

- Помнишь, как Бальзамина учила сына? «Вот, Миша, есть такие французские слова, очень похожие на русские. Послушаешь иногда на именинах или где на свадьбе, как молодые кавалеры с барышнями разговаривают, - просто прелесть слушать... Вот слушай! Ты все говоришь «я гулять пойду». Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: «я хочу променаж сделать!» «Да-с, маменька, это лучше», - соглашается Миша Бальзаминов.

- И ничего! Язык прекрасно сохранился, - пожал плечами Алексей Николаевич.

- Ага, благодаря тому, что против засилия иностранными словами выступали лучшие представители нашей интеллигенции, и только благодаря этому язык сдержал этот натиск. А сейчас происходит то же, но в отличие от того времени, мы даже не пытаемся противостоять этому. Теперь даже нецензурные слова, жаргонный и блатной язык становятся нормой в литературном языке.

- Ну, мат и жаргонный язык существовали во все времена, а сейчас тем более; в период демократизации общества, свобода проникает во все сферы быта, в том числе и в

культуру речи. Слышал, как говорят тинэйджеры? «Шнурки свалили, приходи жужу покрутим».

- Да, но русские люди всегда были целомудренны и совестливы, и нецензурные слова и жаргонный язык употреблялись в узком кругу, и брань в общественных местах и в присутствии незнакомых людей, а тем более в присутствии женщин и детей считалась страшным проступком. А сейчас молодежь без мата уже говорить не умеет. Девушки употребляют нецензурные слова также свободно, как и юноши, и это чуть ли не пароль в общении среди молодежи, мол, свои. Так что, эти твои «шнурки и жужа», которую надо крутить, - безобидный лепет младенца. Кстати, что такое «шнурки» и «жужа»?

- «Шнурки» - это родители, «жужа» - магнитофон, - засмеялся Алексей Николаевич. - Так что ты предлагаешь? За каждый мат в кутузку сажать? Как ты хочешь бороться с тем, с чем бороться бессмысленно?

- Ну, если основным чтением сделать низкопробную литературу, то нужно было ожидать не только падения нравственности, но и снижения требовательности к языку. И тем более, не нужно тащить в литературу мат и вульгарный язык.

- Ты имеешь в виду Алешковского?

- И Алешковского, и Тополя, и Ерофеева. - Любой язык достаточно богат, чтобы выразить тончайшие оттенки эмоционального состояния или действия человека. И совсем необязательно пользоваться медицинской терминологией, чтобы описать любовную сцену. По крайней мере, ни Мопассану, ни Золя это в голову не приходило. А если бы, не дай бог, пришло, то это был бы Пузо или Эммануэль Арсан. Но мы же не станем сравнивать Золя с Арсан?

- Хорошо. А как ты смотришь на то, что, если вся наша страна походила на один большой лагерь, то лагерный язык волей-неволей переносился в той или иной форме на все слои общества. Отсюда и эта лагерная «феня» в прозе Юза Алешковского.

- А как же Шаламов? Он провел в лагере достаточный срок, чтобы лагерный язык накрепко пристал к нему, и он, наверно, употреблял в разговоре крепкие выражения. Однако страшные страницы его рассказов чисты в художественном отношении и продолжают лучшие традиции русской литературы.

- Нет, Виталий, я согласен, что нельзя смешивать два понятия языка: устный, разговорный, и письменный, литературный. Но ведь и ограждать искусственно литературный язык от влияния устного тоже нельзя. Ты же вот тоже ищешь новые формы, и твои герои уже не говорят «паки» и «аще».

- Оградить нельзя, но определенные каноны и формы должны оставаться в литературном языке и соблюдаться неукоснительно, а иначе язык становится искусственным и неживым. Когда я, очень давно, после завораживающих есенинских стихов обратился к его прозе и прочитал «Яр», я был разочарован. Повесть была перенасыщена местными рязанскими словами и выражениями. Сестра поэта даже составила словарь таких слов. Мешает читать «ободнялая снеговая сыворотка» от «ободнять» – рассветать, «скопырнулся» - умер, «гасница» - лампада, «мускорно» - трудно или «напрягнул уши». И что же? Его проза оказалась однодневкой, язык надуманным, искусственным. А ведь так говорили на рязанщине. Но Есенин добросовестно перенес устную речь в письменную, и мы не приняли это как высокохудожественное литературное произведение.

- Ну вот, Виталий, видишь? Ты сам себе противоречишь. Если была оторгнута есенинская проза из-за местных диалектных, хотя и русских слов, то почему ты думаешь, что мат и пошлость так и останутся в литературе как новая обязательная форма? Нецензурные слова в обиходе – это всего лишь примитивный разговорный язык и ничего не значащие звуки. А на хорошем русском языке говорят многие, по крайней мере, интеллигентные люди...

- Которые теряются в общей массе поголовного незнания языка. Разве не с высокой трибуны мы услышали

перлы, которые подхватили сатирики? Мало кто из депутатов может правильно поставить ударение на слове «договор» А от звезд эстрады, которые постоянно вещают с экрана телевизора, можно услышать все, что угодно: «был в отключке», «надо было отвязаться» А еще везде «иных». Даже телеведущие допускают ошибки, употребляя сразу две степени сравнения. Нельзя же говорить «в самое ближайшее время»... Или «`добыча» у нефтяников и «воз`буждено» у милиционеров. И я понимаю, как это происходит. Кто-то высокопоставленный, который с русским не в ладах, произносил это именно так, а низшие чины из угодничества, не решаясь поправить, предпочли подладиться под него и произносить так же. А потом Академия наук примет поправку, и в словарях появится эта «`добыча», как правильный вариант... Но, в конце концов, язык – это фундамент, на котором строится вся культура.

- Это все прописные истины, Виталий! – скептически махнул рукой Алексей Николаевич. – И тем, что мы с тобой говорим об этом, – ничего не изменится. Поэтому давай сменим тему, и пусть идет все, как идет.

- А изменить можно.

- Как?

- А как французы, например. Они еще лет двадцать с лишним назад приняли закон «О поддержке чистоты французского языка». А за использование англицизмов и американизмов в печати и в телерадиоэфире там полагаются крупные штрафы.

- А мне кажется, что это мера искусственная, а значит, не такая эффективная, как нам хотелось бы, - не согласился Алексей Николаевич...

- Ты говоришь про Беляева? – переспросила Ольга Алексеевна.

- Да, отца Лины. Я шел мимо школы, слышу, сигналил кто-то. Смотрю, черная иномарка останавливается, и голова Славкина высовывается. «Садись, говорит, Виталий Юрьевич, подвезу. Я говорю, да ладно, мол, тебе может быть, не по пути, я лучше пешком прогуляюсь. «Да мне,

говорит, все равно. Я машину обкатываю». Ну, машина, доложу я вам, сказка. Салон просторный, кожаные сидения, панель, как в самолете: столько всяких приборов, даже внешнюю температуру воздуха показывает, стеклоподъемники автоматические, коробка передач автоматическая, и подушка безопасности в руль вмонтирована. А идет, как плывет, все ухабы словно обтекает, только мягко покачивается.

- Что ж это за машина такая? – заинтересовалась Ольга Алексеевна. – Видно, Володька с Линкой хорошие деньги зарабатывает, раз такую машину купили.

Ольга Алексеевна покачала головой.

- Да это не их машина, - отозвалась Мила. – Это дядя Слава под заказ «Шевроле» пригнал.

- А-а! – разочарованно протянул Виталий Юрьевич. – Я думал, это его. Он с таким важным видом сидел за рулем, что у меня и сомнений не было, что это машина его. Вот пижон.

- А зачем хоть температуру воздуха на улице-то показывать, если и так знаешь, холодно сегодня или тепло. По телевизору каждый день передают.

- Нам этого не понять, - вздохнула Мила. – Там живут по другим меркам. Мы говорим о благе человека, а они не говорят, а делают.

- Да нам и подушки безопасности не нужны, - с иронией сказал Виталий Юрьевич. - Подумаешь, нежность. Человеком больше, человеком меньше. Как говорил в свое время маршал Жуков, «солдат не жалеть, бабы еще нарожают».

- После ужина еще чуть посидели, Виталий Юрьевич предложил Владимиру Сергеевичу сыграть партию в шахматы, но Мила запротестовала, ссылаясь на то, что время позднее, а она и так не высыпается. Да еще Катюшку пора от Татьяны забирать.

- А нужно было ее к нам вести, а не по подругам, - в голосе Ольги Алексеевны слышался укор.

- Мам, ей же нужно с детьми общаться. А у Татьяны сегодня целый хоровод, - недовольно возразила Мила.

- В честь чего хоровод-то? – ворчливо спросила Ольга Алексеевна.

- Да просто так. Татьяна свободна, Машка Трофимова ей свою Женю до вечера оставила, деть некуда, все работают, да соседская девочка, подружка Татьяниного Валеры попросилась в компанию. Ну, Татьяна им чай и устроила.

- Вы же в школе не особенно дружили с Машей, - удивилась Ольга Алексеевна.

- Вспомнила школу, - усмехнулась Мила. – Благодаря Машке наши дети с зубами горя не знают. Мы все там в ее клинике свои люди.

- Что, и денег не берет?

- По минимуму. У них какая-то программа по линии Красного креста, которая хорошо субсидируется, и у клиники есть возможность некоторых детей обслуживать по этой программе. Валерке Танькиному даже брекететы бесплатно поставили.

- Что за брекететы такие?

- Ну, мам, ты даешь! Пластинки, которые выравнивают зубы, - с улыбкой пояснила Мила. – Ладно, мы побежали. Мила поцеловала мать и отца, и они с Владимиром Сергеевичем ушли.

- Ты смотри, молодец Маша, как развернулась, - сказала Ольга Алексеевна, закрыв дверь за дочерью. – Своя клиника.

- Знаю, по телевизору показывали. Как раз Машу и показывали. Только Маша там что-то вроде администратора.

- Какая разница? На администраторе все хозяйственные, кадровые и финансовые вопросы. Значит, отец в эти дела теперь почти не вмешивается. Евгений Емельянович очень мудро и во в моей палате в моей палате время воспользовался ситуацией, когда поддержка предпринимательства стала вдруг престижным для местной власти, и, благодаря Струкову, он смог получить выгодный кредит,

на который закупил самое современное оборудование. У него первого в клинике стали лечить зубы без боли с помощью ультразвука, и они первыми стали ставить керамику вместо пластмассы. Ну, и развернулись... Ладно, Оль, пойду почитаю на ночь.

Виталий Юрьевич пошел в зал, а Ольга Алексеевна стала мыть посуду, и из кухни доносилось легкое позвякивание тарелок и шум воды из-под крана.

Глава 25

Владимир Сергеевич с Милой поженились поздней осенью. Они подали заявление в ЗАГС и ждали целый месяц своей очереди, хотя это для них не имело большого значения, и они смотрели на запись акта гражданского состояния как на данность, как на традицию, нарушать которую ни оснований, ни смысла, да и желания не было.

Утра уже обжигали морозным холодком, но дни стояли сухие, солнце прогревало воздух до летнего тепла, и люди, обманутые утренней свежестью, снимали куртки и плащи, которые опрометчиво надели с утра, и несли в руках.

В ЗАГСе неожиданно собралось много народу. Из девчонок не было только Лины и Даши. У Лины случилась какая-то неприятность, и она приехать не смогла, но звонила, поздравляла Милу, расплакалась и сказала, что свадебный подарок за ней, а Даша прислала телеграмму, в которой помимо слов, приличествующих случаю, говорила, что помнит всех и любит. Видно было, что Даша очень скучает. После телеграммы от нее пришло длинное письмо, где она описывает свое житье: все ей нравилось, с Фархатом у них тоже все хорошо, писала, что может быть скоро станет мамой, и его родители носятся с ней, как с маленькой. Живут они с мужем в большом двухэтажном доме вместе с его родителями, у них прислуга и повар. Делать ей ничего не дают, и она учит арабский. В магазинах есть все, что только душе угодно, гулять по городу совер-

шенно безопасно, и хотя у нее своя машина, она любит ходить пешком, правда, свекровь почему-то думает, что Даша обязательно где-нибудь упадет, и всегда заставляет брать с собой служанку или сестру Фархата. В городе, кажется, европейцев больше, чем местного населения, а арабы вежливы и предупредительны. В конце письма Даша вздыхает: «Вижу вас и маму во сне, просыпаюсь и невольно плачу. Господи, как я мечтаю увидеть и обнять вас всех наяву!»

Зато в их компанию вошла Маша Трофимова. Вошла она как-то естественно и восполнила в какой-то степени пробел от отсутствия Эльки и Даши, но, конечно, их не заменила.

- Ты заметила, как Элька похорошела? - сказала Татьяна Лене. – Небось, килограммов на пять похудела.

- Еще бы, - хмыкнула Лена. - Фитнес, сауна, спортзал, свой парикмахер.

- А костюмчик? Это не наш ширпотреб. Видно, что из бутика.

- Да, теперь и красоту можно за деньги купить, - вздохнула Лена и украдкой посмотрела на себя в зеркало, ревниво отмечая, что явно проигрывает Эльке по всем статьям, хотя ее всегда считали симпатичнее. После родов она не то чтобы подурнела, просто на нее сразу свалилось столько забот: пеленки, ночные вставания к ребенку, кормежка, - что следить за собой не оставалось времени, да, честно говоря, и желания никакого не было. Реваз дождался рождения ребенка, подержал его на руках и через неделю улетел в Америку. Звонил он чуть не каждый день на сотовый телефон, который у нее теперь был, но она чувствовала себя брошенной, ей неловко было от двойкости своего положения, и это усугублялось тем, что и соседи, и коллеги по работе смотрели на нее с сочувствием, за которым ей виделась насмешка: мол, мужик-то дитя прижил и смылся, а Америка – это не соседний район, к ответу не притянешь. И она редела по ночам, а утром просыпалась с тяжелой головой и опухшим лицом.

Однажды Лена, после очередного телефонного разговора с Ревазом сказала:

- Мам, Реваз приедет весной, он говорит, что можно поехать в Америку на платные годовые курсы по изучению английского языка.

- Год, а дальше что? – устало спросила Тамара Федоровна.

- Ну, там видно будет, - пожала плечами Лена. – Все же год. Что ты думаешь?

- А я думаю, будь проклята эта ваша Америка вместе с твоим Ревазом! Вот что я думаю! – зло, срываясь на крик, выплеснула, как выплюнула, желчь, давно копившуюся в ней, опустилась, как упала, в кресло и, всхлипывая, полезла за обшлаг рукава халата, откуда достала большой в клетку мужской носовой платок.

- Что ты такое говоришь, мама! – остолбенела Лена. – Что тебе Реваз плохого сделал? В чем он-то виноват?

Тамара Федоровна молча вытирала глаза и сморкалась в платок. Лена села рядом с матерью на ручку кресла и обняла ее за плечи.

- Я понимаю, ты тоже устаешь. Давай я брошу работу. Реваз оставил нам немного денег, а со следующего года, если еще придется ждать визы, он будет присылать по двести долларов каждый месяц.

- Нет уж, - сказала Тамара Федоровна. – Будет или не будет, там посмотрим, а пока надо рассчитывать на себя. Работу не бросай, ты и так на полставки сидишь. А я уж, пока ноги таскаю, Додика помогу вырастить.

- Ты так говоришь обреченно, будто Реваз меня бросил, - в голосе Лены была обида.

Тамара Федоровна молчала и тяжело сопела.

Девчонки навещали Лену, чаще Мила, и не только потому, что рядом жили родители, а потому еще, что они были даже скорее сестрами, чем подругами, росли с детсадовского возраста, учились в одном классе, и даже когда Лена уезжала в Воронеж, Мила забегала к Тамаре Федо-

ровне, помогала как могла, и с Леной нет-нет, да виделась: Воронеж, слава богу, не за тридевять земель.

Элька, заметив, что на нее смотрят Татьяна с Ленкой, протиснулась к ним поближе:

- Про меня, что ль, говорите?

- Про тебя, - подтвердила Татьяна.

- Ну, и что про меня? – насторожилась Элька.

- Выглядишь на тысячу долларов, - оглядывая Эльку вблизи, сказала Татьяна.

- На пять, если считать украшения, - засмеялась Элька, показывая на бриллиантики в ушах и на пальце.

- Везет же некоторым, - вздохнула Татьяна.

- Ладно, нечего завидовать, пошли в зал, молодых уже приглашают.

Обе подруги вслед за Элькой поспешили в зал регистрации, где уже гремел марш Мендельсона.

В зале регистрации стояли кучно: в центре молодые. Владимир Сергеевич в хорошем мышинного цвета костюме, с безукоризненно завязанным галстуком, ладный, широкоплечий, уверенный в себе человек, и Мила, не растерявшая юного обаяния, с короткой стрижкой черных волос, делавших ее еще моложе, женщина. На ней был белый костюм с приталенным пиджаком, подчеркивающим стройность фигуры, и мини-юбкой, открывающей ее тайную гордость – ноги, в меру полные и неотразимые для мужчин.

В руках Мила держала роскошную красную розу с длинным стеблем. Рядом с молодыми стояли свидетели. Со стороны жениха - институтский друг Владимира Сергеевича, специально приехавший с женой из Тулы на свадьбу. Со стороны невесты свидетелем была Элька. В первом ряду сразу за свидетелями расположились родители молодых. Виталий Юрьевич и Ольга Алексеевна волновались. Может быть, им передавалось волнение дочери. Мила улыбалась, но улыбка выходила вымученной, и краска заливала щеки, выдавая волнение. То же чувствовали и родители жениха. По напряженному лицу Сергея Петровича

видно было, что ему не просто даются эти томительные минуты стояния перед столом регистрации, где решается судьба его сына. Счастливый ли билет вытянул его Володя? Хочется надеяться, что счастливый. Девушка им с Анной Тихоновной приглянулась. Все в ней, вроде, ладно. И приветливая, и хозяйственная, не дура, и Володю, кажется, любит. Но, кто знает, как опять сложится? Он стоял прямо, только руки, привычные к постоянной работе и отдыхать не привыкшие, как-то беспомощно висели вдоль тела. Анна Тихоновна крепилась, но не смогла удержать слез и, промокала их платочком, стараясь делать это незаметно.

Наконец, молодые расписались в журнале регистрации. Щелкали фотоаппараты, лица озарялись вспышками, жужжала кинокамера. Обменялись кольцами. Регистратор произнесла стандартные слова, предназначенные новобрачным, и пригласила всех в банкетный зал, где стояло шампанское и подносы с бокалами. Напряжение вдруг спало и сразу стало шумно.

Свадьбу устроили без помпы. Заказали столики в кафе «Полярная звезда», почти рядом с ЗАГСом, и после банкетного зала гурьбой повалили туда. Родители в кафе не пошли, оставив молодым право веселиться, как им хочется, благоразумно рассудив, что их присутствие только стеснит молодежь, и они будут там лишние. Вместо кафе пошли к родителям Милы, потому что те жили ближе, чем родители Владимира Сергеевича. Ждали и Алексея Николаевича с Верой Сергеевной и позвонили им сразу, как только пришли, что они уже дома. Сергей Петрович с Анной Тихоновной посидели недолго, - Анна Тихоновна неважно себя чувствовала. Чуть выпили, попили чайку с ватрушками и домашними булочками, которые мастерица была печь хозяйка, поговорили о разном, посетовали на то, что жизнь все дорожает, потом женщины обменялись рецептами и дали друг другу слово теперь видеться чаще. В конце концов, Анохины посадили свояков в такси, и те уехали.

Глава 26

За стол сели основательно, когда пришли Чернышевы, Наготовлено было по мере возможности всего. Ольга Алексеевна постаралась. Во-первых, не каждый день дочь замуж выходит, и неважно, что свадьбу они играют в кафе, завтра заглянут и к ним. Опять же, вот и сват со сватьей хоть немного, да посидели. И, наверно, кто-нибудь из многочисленных родственников еще может зайти. Ольга Алексеевна напекла пирожков с ливером, капустой и с рисом пополам с яйцом – вышли пирожки как всегда пышными и нежными, во рту таяли; приготовила холодец из свиных ножек; конечно, пришлось добавить мяса с базара, но Ольга Алексеевна никогда не делала холодец густым, он у нее больше походил на заливное, но бульон получался прозрачным, что твое озеро Байкал, и очень вкусным. Сделала традиционную «селедочку под шубой» и крабовый салатик с яйцом и сладкой кукурузой под майонезом пополам со сметаной, зажарила в духовке куриные окорочка, причем не пресловутые «ножки Буша», которые шли к нам нескончаемым потоком и которыми были завалены прилавки, а наши, отечественные, пусть и не такие жирные на вид, зато экологически чистые; сварила картошку и сделала пюре, добавив молочка и сливочного маргаринчика, потому что маслице в цене «кусалось», хотя без сливочного масла обойтись не удалось, потому что Ольга Алексеевна, осознавая значительность торжества, не могла не приготовить свой фирменный торт «Наполеон», готовить который научила и Милу.

Конечно, если бы Виталий Юрьевич не подрабатывал, этот стол собрать было бы невозможно: на пенсию сейчас не разгуляешься. Где это видно, чтобы масло стоило шестьдесят рублей при пенсии в шестьсот рублей. Это, если доллар стоит двадцать шесть рублей, то за килограмм масла нужно отдать больше двух долларов при пенсии в двадцать.

Ольга Алексеевна пришла в ужас от своих расчетов, расстроилась и не представляла, как будут жить молодые. Еще как они набрали на свадьбу! Спасибо, немного помогли его родители, да Ольга Алексеевна со своим талантом шить сшила дочери костюм, в котором не стыдно на люди показаться. А в остальном, молодые все делали сами, и Владимир Сергеевич, наверняка залез в долги. Это раньше доктор наук считался величиной заоблачной: более чем солидная зарплата, почет и уважение. Ученая степень – это было престижно. Выйди Мила за Владимира Ивановича, даже за кандидата лет пятнадцать назад, ей бы иззавидовались. А теперь любой клерк в администрации получает больше любого доктора. Взять Алексея Николаевича. Профессор истории, сотня публикаций, и что? Зарплата едва дотягивает до средней. Говорят, что преподаватели ВУЗов живут взятками, что они со студентов за экзамен или зачет деньги берут. Может быть, кто-то и берет, но Ольга Алексеевна точно знала, что ни Алексей Николаевич, ни Владимир Сергеевич не берут. И не потому что не дают, а потому что совесть не потеряли.

За столом Ольга Алексеевна не преминула заметить, что честность, порядочность и совесть перестают быть категориями уважаемыми. Эти качества, еще недавно бывшие в категории добродетелей, оказались сейчас чуть ли не презираемыми. Все СМИ только и говорят о коррумпированности чиновников. За деньги, оказалось, можно купить место в Думе, освободить преступника или закрыть уголовное дело. Но если такое творится в верхних эшелонах власти, то, что говорить о рядовых чиновниках. Правду говорит пословица, что рыба гниет с головы.

- А ничего удивительного, - согласился Алексей Николаевич. – И это не сейчас началось. Корни сидят глубже и ведут к революционному перевороту 1917 года. После уничтожения и высылки из страны интеллигенции Россия осталась в большинстве с неграмотной, жаждущей власти толпой. Заметьте, что средний административный чиновник – хам, и этого из него уже не выбьешь. А интеллигент-

ность передавалась поколениями: честность, порядочность передается почти генетически.

- Но ведь такого не было при коммунистической власти, – возразила Вера Сергеевна. – Люди были совестливы и, по крайней мере, так не воровали.

- Не скажи, - усмехнулся Виталий Юрьевич. – Тащили, что могли. Я-то на заводе работал, помню. Несли гвозди, шурупы, инструменты, спирт. Благо, что на нашем производстве были и оптика, и точные приборы, на которые спирт выделяли в достаточных объемах. Рабочие несли мелочь, начальники – стройматериалы. Наш сосед по даче, когда я сказал, во сколько мне обошлась постройка домика, рассмеялся мне в лицо. «Ты, говорит, Юрьич, наивный человек. С деньгами каждый дурак может, а ты без денег построй. Здесь все дачи задарма построены. Я, например, чего сам не могу с работы унести, мне принесут за милую душу за бутылку. У нас, говорит, за поллитру черта свяжут и в упаковке доставят».

- Есть такая китайская мудрость: «Тот, кто не испытывает стыда, уже не люди», - грустно сказала Ольга Алексеевна.

- Лев Толстой говорил: «Стыд перед людьми – хорошее чувство, но лучше всего стыд перед самим собой», а Чехов вообще сузил понятие совести, говоря, что «доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой». По настоящему совестливому человеку бывает стыдно даже тогда, когда он становится только свидетелем неприличного поступка... Я помню неприятный случай, когда при мне в поликлинике поймали мужчину, который пытался украсть куртку, оставленную посетителем, перед тем, как он вошел в кабинет врача. На мужчину было жалко смотреть. Я представил себе позор, который теперь свалится на его голову, на семью, если она у него была, и, знаете, мне стало плохо, будто не он, а я украл эту несчастную куртку, и мне было стыдно так, что я весь день ходил потом как потерянный.

Лицо Виталия Юрьевича раскраснелось то ли от выпитой водки, то ли от волнения, с которым он говорил, а, скорее всего, и от того и от другого. Он почему-то расстроился и стал нервно барабанить пальцами по столу. Ольга Алексеевна мягко дотронулась до его руки, чуть прижав ее. Виталий Юрьевич убрал руку со стола.

- У таджикского средневекового поэта Джами¹ есть такие строки: «Достоинству нас не научит тот, кто недостойно сам ведет», - прочитала Вера Сергеевна.

Виталий Юрьевич согласно кивнул головой. В его столе как раз лежала газета «Аргументы и факты» со статьей Андрея Уланова, где говорилось следующее: «Никогда еще интриги вокруг престарелого и нездорового президента России не приводили к столь скандальной для страны ситуации. В обиход прочно вошла новая разновидность семейного бизнеса – управление страной. «Кремлевское политбюро» пока не прибрало к рукам лишь Центробанк, Газпром и РАО ЕЭС. Если придет черед и этому, то Россия станет в ряд с султанатом Бруней, где все принадлежит семье султана. Семья, в которую входят дочь Ельцина Татьяна Дьяченко, Борис Абрамович, Борис Березовский, Валентин Юмашев, Александр Волошин контролируют Минфин, Гос. таможенный комитет, Министерство налогов и сборов, Министерство путей сообщения, распределение иностранных кредитов, Пенсионный фонд, Минэнерго... Стремительное оскудение бюджета скоро почувствуют все», - заключает Андрей Уланов.

- Беда у нас одна и все та же – воруют. И по-прежнему наказывают мелких воришек, потому что на самом высоком уровне – это вроде даже и не воровство, а бизнес.

- А, - махнула рукой Ольга Алексеевна, - везде воруют и везде коррупция. Это не только у нас.

- Но там, если мы говорим об Америке и Европе, любого чиновника, невзирая на лица, могут поймать за руку и тогда возникает Уотергейт, а в Японии премьер-министры

¹ Джами – средневековый таджикский поэт.

стреляются. Наша коррупция отличается от коррупции в других странах тем, что там берут взятки, но помнят о своих обязанностях, а наши властные коррупционеры превратились в мародеров, которые снимают последнее с народа, забыв про свое назначение вовсе. – Алексей Николаевич сказал это бесстрастно. В отличие от Виталия Юрьевича он принимал все, что происходило в государстве, как данность, которой противостоять невозможно, потому что, как известно, «плетью обуха не перешибешь». В конце концов, это еще один виток в истории нашего государства, как «Смутные времена», как татарское нашествие. И не такое Русь переживала, и он с Соломоновой мудростью мысленно поворачивал кольцо, зная, что «придет и это»...

После застолья, когда достаточно было выпито и съедено, Ольга Алексеевна стала греть самовар, но мужчины от чая отказались, взяли графинчик с оставшейся в нем водкой, рюмки и тарелку с огурцами и черным хлебом и ушли в кабинет Виталия Юрьевича, сказав, что чай будут пить потом. Женщины с удовольствием остались одни. Им интереснее было поговорить о своем, бабьем, о котором сколько бы ни говори – не переговорить. И они, свалив посуду в мойку, сели за чай.

- Полно еды, а они соленые огурцы с хлебом, - со смехом сказала Ольга Алексеевна, разливая чай.

Да ну их, - махнула рукой Вера Сергеевна.- Как же решили молодые? Где будут жить? – спросила она за чаем.

- Будут продавать его двушку и ее однушку и покупать трехкомнатную квартиру. Посчитали, что оставшихся денег хватит и на ремонт и на новую мебель.

- А ты же говорила, что вы хотите перейти в его двухкомнатную квартиру, эту отдать им, а продать однокомнатную.

- Решили так. Понимаешь, по стоимости Милина квартира в самом центре в кирпичном доме почти равноценна двухкомнатной в наших панельных домах. Володя считает, что нет смысла затевать лишние переезды и терять трехкомнатную квартиру, если денег от продажи их квар-

тир в принципе на все хватит. Тем более, он считает, что стоимость недвижимости быстро растет, а это надежнее любого банка. Да, откровенно говоря, я вздохнула с облегчением, когда вопрос решился таким образом. Сейчас я с ужасом представляю наш переезд. И куда бы мы все эти вещи дели? А книги? У нас же вон какая библиотека. Да и кабинет Виталию Юрьевичу нужен. И вообще, не приведи, господи, куда-нибудь переезжать. Страшней пожара.

- Да молодым, что? Им и переезд нипочем. Это мы тяжеловаты на подъем стали, а молодые раз-два - и на новом месте, - Вера Сергеевна отделила чайной ложечкой кусочек «Наполеона» и отправила в рот, потом отхлебнула из чашки чай.

- Вкусно ты печешь, Ольга, - похвалила она подругу.
- Надо рецепт у тебя взять.

- Да что там печь, господи, - отозвалась польщенная Ольга Алексеевна. - Главное коржи приготовить, а там мажь кремом - и всех делов.

- Ладно, ладно, не скромничай. У тебя и пирожки сдобные получаются. А я вроде все так же, по рецепту делаю, а они у меня выходят жестковатыми, не то что твои.

Женщины неторопливо и с удовольствием пили чай. Лица их раскраснелись, глаза окутала сонная поволока ленивой сытости.

- А как твоя соседка? Пьет? - спросила Ольга Алексеевна.

- Да нет, вроде ничего. После запоя ходит тихая и виноватая, - засмеялась Вера Сергеевна.

У Чернышевых была соседка, молодая женщина с редким именем Леонида или просто Лёня. Она стойко, до изнеможения боролась с алкогольным пристрастием и держалась и не пила, но время от времени от одиночества ли, от неустроенности, но чаще после ухода очередного мужика, которые не удерживались возле нее больше месяца, на нее накатывала безысходная тоска. Она влюблялась беззаветно, демонстрируя собачью верность своему избраннику, отдавала всю душу, кормила и поила, а он через месяц-

другой тихо исчезал. Она недоумевала, обиженная, тихо плакала, а потом запивала. Запой продолжался недолго, потому что похмелье было тяжелым, болезненным, с головной болью, рвотой и ломотой во всех суставах. Ее организм не принимал никакой отравы вроде табака и алкоголя. В ее организме отсутствовали механизмы, которые расщепляют алкоголь, и он выводился из организма медленно. Другой выпьет ведро, а наутро встает как ни в чем не бывало, только рассольчику полбанки выпьет, а она, несчастная, неделю помирала над тазиком. Мало того, у Лени была сестра Марыся - так ее почему-то звали на польский манер, - которая тоже пила. Только пила она профессионально, как хороший мужик, с надрывом, мощно и много. И в отличие от Леониды ей ничего от этого не делалось. Она пила, слегка буянила, похмелялась, а когда надоедало, прекращала пить и будто не пила вовсе. Беда была в том, что, срываясь с тормозов, она шла к сестре, потому что муж ее, бывший заслуженный мастер по парашютному спорту, почти совсем не пил и ее от пьянки всячески пытался отвадить: находил в записке водку и выливал, запирали дома, забирал деньги, а с Леонидой ругался, выговаривая ей за то, что она пускает к себе пьяную Марыську. «А куда ж я ее пьяную дену? – обижалась Леонида. – В милицию что-ли сдать? Ты ее гонишь и мне выгонять? И куда ей? Под забор?»

Страшно было, когда Леонида запивала вместе с Марыськой. Тогда ночью хлопали двери, что-то у них за стеной падало, что-то разбивалось, пелись пьяно песни, слышался смех. Потом Марыська бросала пить и выхаживала сестру.

Муж Марыськи время от времени появлялся у них в квартире, требовал Марыську домой, а как-то ночью пришел сам пьяный и поджог Ленкину дверь.

Вера Сергеевна проснулась от непрерывного звонка. Едкий дым плавал в их с Алексеем Николаевичем спальне, ел глаза и, попадая в дыхательные пути, вызывал кашель. Алексей Николаевич, ничего не соображая, хлопал глаза-

ми, а потом бросился к входной двери, от которой шел дым. Спросонья он схватился за бронзовую ручку и матернулся в сердцах - ручка раскалилась от жара. Пользуясь половой тряпкой, Алексей Николаевич как-то открыл дверь и отпрянул: за дверью полыхал огонь, и вся лестничная площадка была окутана черным дымом. Алексей Николаевич бросился на кухню, схватил мусорное ведро, вытряхнул мусор на пол и побежал в ванную за водой. Огонь потушили быстро: горела только обшивка. Веселее горела дверь Леонида, там языки пламени уже охватили дерево, и оно потрескивало, разгораясь все ярче, и, если бы пламя перекинулось в переднюю ее квартиры, двумя ведрами воды было бы не отделаться. Леонида с сестрой так и не проснулись. Звонок у них, как и у Чернышевых, закоротило, и он перегорел. Алексей Николаевич колотил в стенку, потом из лоджии пытался докричаться до них через открытое окно – все безрезультатно: попытки разбудить сестер оказались напрасными.

- А ну их к черту! – разозлился Алексей Николаевич. – Огонь потушили, пусть дрыхнут, алкаши несчастные. Завтра разберемся.

- Да как бы не задохнулись, - забеспокоилась Вера Сергеевна.

- Балкон открыт, не задохнутся. Через час все выветрится, - возразил Алексей Николаевич. – Пойдем спать.

Потом они меняли обивку, а Лёня дверь. Приходила милиция, которую вызвали соседи. Участковый надоедал с одними и теми же вопросами: «Что вы слышали ночью?» и «Кого вы подозреваете?» Леонида сама «продала» Марыськиного мужа, сказав, что кроме него больше некому, но тот клялся и божился, что не он, и доказать обратное не смогли. ЖЭК побелил в коридорах закопченные потолки, стены, и постепенно все затихло...

- Да нет, вроде ничего. Теперь ходит тихая и виноватая, - засмеялась Вера Сергеевна.

- Потому и тихая, что виноватая, - рассудила Ольга Алексеевна.

- Да она женщина-то неплохая, совестливая. Только одинокая. Жизнь у человека не сложилась. Мне ее, честно, жалко. И Марыську жалко.

- И кошку жалко, - передразнила Ольга Алексеевна. Тоску водкой не заглушишь. Если всем горе водкой заливать, то водки не хватит.

- Ну, уж чего-чего, а этого добра всегда хватит. У нас уже вся страна пьяная ходит. Деревня вон спилась: не сеют и не пашут.

- По статистике примерно пятнадцать миллионов нуждаются в лечении от алкоголизма. А пять миллионов находятся под наблюдением психиатров, - подтвердила Ольга Алексеевна. – Такого, наверно, ни в одной стране нет.

- А вот здесь я тебя, Оля, огорчу. В США, например, больше страдающих депрессиями, психическими расстройствами и различными фобиями значительно больше, чем у нас.

- Это ты откуда знаешь?

- А у моего Алексея Николаевича таблица с данными Минздрава есть. Правда, там еще есть комментарии, где говорится, что цифры в нашу пользу не должны нас радовать. Средний процент психов везде постоянен, и, если у нас он меньше, то только потому, что мы живем, чуть ли не сто лет с такими стрессами, какие не снились никому, и наши люди получили своеобразный иммунитет.

- Это точно, - рассмеялась Ольга Алексеевна. – Еще чаю? – спросила она.

Да ты что! – испугалась Вера Сергеевна. – Все. Я и так у тебя лишний вес набрала. Пойду звать своего домой.

Вера Сергеевна тяжело встала с углового диванчика, на котором они с Ольгой Алексеевной сидели за столом.

- Ну, как вы там без нас, не скучали? – развязно спросил Виталий Юрьевич женщин, когда они постучались и вошли в кабинет.

- Нет, не скучали, - отозвалась Вера Сергеевна.

- А вот вы без нас, я смотрю, разгулялись! – показала она на пустой графинчик из-под водки.

- Да вот как-то за разговором. Да и дочь не каждый день замуж выходит... Оно как-то и пошла, - засмеялся Виталий Юрьевич. – Про что сплетничали-то? Часом, не нам ли косточки перемывали?

- Больше нам делать нечего! – отмахнулась Ольга Алексеевна. – Про Леонида, соседку вашу вспомнили.

- Это, которая пожар устроила? – уточнил Виталий Юрьевич.

- Не она, а муж ее сестры, - поправил Алексей Николаевич. – Да он у нее и двери резал, и бил ее смертным боем так, что она у нас в квартире спасалась. Да ладно, бог им судья. Что Леонида, что Марыся – обе жалкие неустроенные бабы. Эта Лёнина суета вокруг мужиков, мелкие удовольствия от пошлого застолья с песнями, мордобоем и постелью. Как-то Леонида позвонила в дверь, я вышел, и она просит: «Алексей Николаевич, ко мне сантехник должен придти, мне на работу, а Марыська пьяная лежит, вы, если что, не посмотрите за мастером?»

- Присмотрел? – захохотал Виталий Юрьевич.

- А что мне оставалось? – развел руками Алексей Николаевич. – Пришлось. Как откажешь?

- Да ваш пожар хоть понятен, - сказала Ольга Алексеевна. - Здесь, можно сказать, бабы довели мужика. А у нас облили бензином и подожгли газопровод на внешней стороне дома, а милиция успокоила, мол, на соседней улице было еще хуже. Подростки пришли с канистрой, позвонили в квартиру, вошли и потребовали две тысячи рублей, иначе обещали облить все бензином и вместе с хозяйкой квартиру сжечь.

- И что, никого не поймали? – Вера Сергеевна сокрушенно покачала головой.

- Ты знаешь, поймали. А когда поймали, жители вдруг все как один забрали из милиции ранее написанные заявления. На этом все и кончилось.

- Вот народ! – возмутился Алексей Николаевич.

- Да какой угодно народ! Люди боятся... А как не бояться? Придут и убьют. Что, примеров мало? Вот я вчера

за квасом ходила, целый час простояла. В очереди стояли и дети, и пожилые люди, а молодые лезут без очереди – сам идет, а за ним еще четверо. Я одному стала говорить, а он ухмыляется: «Заткнись, говорит, тетка, нас такими воспитали».

- Ну, это уже из другой оперы, - скептически махнул рукой Алексей Николаевич. – Родителям часто впору в петлю лезть и не о воспитании думать, а о том, как накормить своего ребенка? Нищета порождает агрессию, тем более, когда рядом такой же ребенок как сыр в масле катается и ананасы ест.

- А поголовно от нищеты пьют? – с иронией сказала Вера Сергеевна. - И ладно бы мужики, а пьют-то и женщины, те же матери,

- А что женщины? – возразил Алексей Николаевич. - Да женщины, если хотите, во всех, не свойственных им занятиях, замещая мужчину, проявляют еще большую агрессивность, чем мужчины, и выходят на такой психически-эмоциональный уровень, что это становится катастрофой и для них, и для окружающего мира, не говоря уже о том, что стремление женщины к эмансипации и к замещению мужчины совершенно бессмысленно, порочно и ненормально.

- Мир перевернулся, - вздохнула Ольга Алексеевна.

- А он перевернулся ещё в 1917 году. И не без помощи психически-ненормальных женщин, которые забыли о своем божественном предназначении, и о своем месте в природе. Это как животное, отбившееся от стада.

- Что ты, Алексей, имеешь в виду? – поднял брови Виталий Юрьевич.

- А я имею в виду революционных экстрималок. Например, Анку-пулеметчицу, которая «воевала-воевала, стреляла-стреляла...» Если бы у нее были дети, то они на 90% были бы ненормальными, потому что за пулемет может залечь только женщина-убийца, а никак не нормальная женщина. И все они кончали жизнь плохо. Была такая пламенная революционерка Перуан де Нарикур, которую

называли «красной амазонкой». Она первая с оружием в руках ворвалась в Бастилию 14 июня 1878 года. «Свобода, равенство, братство» – и кровь рекой, – а потом сумасшедший дом, где и провела 20 лет в железной клетке для буйных. Мария Спиридонова в 1906 году «из ревности» застрелила чиновника и была приговорена к пожизненной каторге, а в 1919 году уже большевики посадили ее в сумасшедший дом, принимая во внимание ее истерическое состояние... Да та же эсерка Каплан, которая стреляла в Ленина. Ее расстреляли, а труп сожгли, т.к. она была освидетельствована... как «заразная сумасшедшая». Или Долорес Ибаррури по кличке «Пассионария», т.е. одержимая. Так ее прозвали за то, что однажды она перегрызла горло пленному. Иммигрантский писатель Михаил Алданов пишет, что «революция не создана для нормальных женщин, зато для ненормальных – она настоящий клад».

- Так оно и есть, – согласился Виталий Юрьевич. – Хотя я думаю, что все революционеры с прибабахом, хоть женщины, хоть мужчины. Доктор Лоран в книге «Тюремный мир» так комментирует поступки революционеров: «нравственно помешанные психобольные, они всегда ловились обществом, считали себя его жертвами, и во время всех революций им принадлежит первое место»

Виталий Юрьевич помолчал и заключил:

- *Quantum est in rebus inane!*¹

- А Коллонтай? – сказала Ольга Алексеевна. – Коллонтай вроде была соратницей Ленина и вполне нормальной.

- Это Коллонтай была нормальной? – возмутился Виталий Юрьевич. – Да она, мало того, что вышла замуж за троюродного брата, так после развода активно проповедовала свободную любовь и напропалую жила с революционной матросней. Причем, ей уже было за 40, а матросам – менее 20 лет.

¹ Сколько в мире пустого! (лат.)

- Вот что такое женщина, когда она сорвется с цепи, - серьезно заключил Алексей Николаевич, строго глянув на свою жену, а глаза его смеялись.

- Я тебе дам, «с цепи», - обиделась Вера Сергеевна. – Самого на цепь посажу. Пошли-ка, а то засиделись. Пора и честь знать.

Глава 27

- На следующий день застолье продолжалось в тесном семейном кругу. Мила выглядела откровенно счастливой. Она кошечкой мурлыкала и прижималась к мужу, теребила его волосы, брала под руку, и прижимала к своей щеке, как дите дурачилась, а Владимир Сергеевич стеснялся, мягко отстранял ее, но видно было, что это ему приятно.

- Мила, дай человеку поесть! – одергивала дочь Ольга Алексеевна.

- Да ничего, пусть, - снисходительно разрешал Владимир Сергеевич.

Пили шампанское, которое принесли молодые. Виталий Юрьевич с Ольгой Алексеевной выпили по рюмке водки. Владимир Сергеевич водку пить не стал, да и шампанское только пригубил, больше же налегал на закуску и ел с большим аппетитом. И Ольга Алексеевна в который раз порадовалась за Милу. «Господи, какое счастье, что у дочери муж трезвый человек!» - думала Ольга Алексеевна и обещала про себя сходить в церковь и поставить свечку Николаю Угоднику.

Они пили чай, когда зашел Алексей Николаевич.

- Садись, Алексей за стол, - пригласила хозяйка.

- Да вы что? Господь с вами, - замахал руками профессор. – Я после вчерашнего обилия еще не отошел. И вообще мне уже худеть пора, вон живот на ремень вываливается. – Алексей Николаевич покачал руками чуть выступающий животик.

- Ну, хоть чаю, - настаивала Ольга Алексеевна. Но гость отказался и от чая.

- А вот это наш подарок молодым, - сказал он, протягивая конвертик Миле. - А вам, Володя, я хочу отдельно подарить вот эту книженцию.- Алексей Николаевич сам развернул обертку и протянул Владимиру Сергеевичу книгу в черном старинном переплете с золотым тиснением.

- Это «Практический курс химии!» Н.П. Бородина, брата композитора с его автографом. Я знаю, что вы увлекаетесь химией, хотя приоритет отдали экономической науке. Книга, может быть, за давностью лет не интересна с точки зрения современной науки, но, несомненно, представляет интерес как раритет.

Владимир Сергеевич поблагодарил Алексея Николаевича за подарок и тут же принялся листать книгу. Мила, стараясь сделать это незаметно, заглянула в конверт и с удовольствием отметила, что там лежало не меньше тысячи рублей сторублевыми купюрами. Она положила конверт в сумочку. В кафе им тоже почти все дарили деньги. Теперь это стало нормальным дарить деньги, а не подарки: практичный век – практичные отношения. Просто книга и лотерейный билет перестали быть «лучшим подарком». Теперь не дарили будильники, вазы и мелкую кухонную утварь. Экономнее и целесообразнее приобрести самому то, что тебе действительно нужно, имея наличную сумму на руках. И только Элька преподнесла Миле подарок, но подарок этот стоил нескольких конвертов. Элька подарила ей золотой браслет. Мила ахнула, обалдев от такой щедрости, тут же нацепила его на запястье и уже не могла расстаться с этой прелестью, оставив украшение на руке до конца вечеринки.

Денег получилось неожиданно много, и они с гаком окупили все расходы на свадьбу.

- Ладно, Алексей, тогда пошли ко мне, - Виталий Юрьевич взял друга под руку. - Уж от рюмки водки, надеюсь, ты не откажешься? Володя, ты с нами?

И мужчины, оставив женщин с их секретами, пошли в кабинет Виталия Юрьевича, прихватив графинчик водки и нехитрую закуску... В кабинете было не так жарко, как на

кухне, где они только что сидели. Друзья уютно устроились в мягких креслах за журнальным столиком, налили по рюмочке, выпили, закусили и, откинувшись на спинки кресел, с удовольствием помолчали, наслаждаясь уютом и покоем. Владимир Сергеевич от водки отказался и сидел на диване чуть в сторонке, уткнувшись в «Практический курс химии», подаренный Алексеем Николаевичем.

- Вот интересно, – лениво начал разговор Виталий Юрьевич. - Народ пришел к власти в 1917 году. Но власть, и уже не народная, тут же прижала тот народ, который пришел к власти, так и оставив его с носом. Сейчас ту власть заменили новой, которая опять жиреет, а народ стал еще более нищим, чем был. И опять в воздухе носится социалистическая идея, и народ откликается положительно, потому что коммунисты, - чуть не сказал «большевики» - мгновенно отозвались на человеческую боль и «на ура» принимают, например, вопрос об отставке Президента, предъявляя ему обвинения в геноциде собственного народа, в развале СССР, армии, войне в Чечне и расстреле Думы в 1993 году и в других смертных грехах..

- Да просто люди устали и от Президента, и от Думы, больше похожей на сумасшедший дом, политизированной, с драками, скандалами и шутами, - с усмешкой ответил Алексей Николаевич. – А коммунисты, заметь, всегда живо реагируют и моментально откликаются на самые насущные проблемы народа. Они всегда с народом, всегда в гуще политических событий, хотя, в результате, осуществив поставленные задачи, моментально забывают про этот самый народ, на плечах которого пришли к власти. Вы же помните, что действительно произошло в 1917 году?

- Монтень говорил: «Трудно судить, что истинно, что ложно только на основании нашей осведомленности». А тем более, что осведомленность наша однобокая, – скептически заметил Виталий Юрьевич.

- Действительно, однобокая. А чтобы она не была однобокой, и существует свобода слова и печати. Мы многого не знаем, потому что та «правда», которую преподносят

ла нам советская власть через СМИ, была не совсем правдой, и новая власть была какой угодно, только не народной. Вот то, что большевики во главе с Лениным нахрапом захватили власть, поправ закон – это правда. Но ложь, которая приклеилась к нам на долгие годы как репей к штанине, так потом и бежала за нами как собака за хозяйской телегой.

- А вот ученый Гундаров, - оторвался от книги Владимир Сергеевич, - считает лучшей моделью власти именно Советскую власть, которую уничтожил Сталин.

Алексей Николаевич удивленно вскинул брови. Виталий Юрьевич недоуменно посмотрел на Владимира Сергеевича.

- Обоснуйте! – сказал Алексей Николаевич.

- Пожалуйста. Если примерно 70% богатств страны будут общенародными, а 30% - в частных руках при полной деидеологизации экономики, мы преодолеем нищету и не станем заложниками олигархов. Другими словами, лучшая экономическая модель – планово-рыночная. Это нигде в полной мере нереализованная идея конвергенции¹, суть которой коротко выражена формулой «Обломов и Штольц сразу». Совмещение уважения к личности и преимущество коллективизма.

- Может быть, это и лучшая модель власти, - парировал Алексей Николаевич. – Не знаю, я не экономист, вам Володя виднее. Только где вы видите совмещение уважения и личности при Ленине? Знаете, Струве² говорил о Ленине, как о человеке, который не видел человека? То есть для него человек был безличен. «От Ленина веяло холодом» – вот его слова. Все эти «дети у елки» - спектакль. И вся система характерна тем, что она отличалась бездуховностью. Да что говорить, если известны слова Ленина: «посадить в тюрьму десятков богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы» и «расстрелять на месте одного из десяти, виновных в тунеядст-

¹ Конвергенция – (от лат) схождение, сближение.

² Струве П.Г. (1870 – 1944) – русский экономист и философ

ве». Или, «Пока мы не применим террора – расстрел на месте к спекулянтам, ничего не выйдет». А после этого «красное колесо террора» катилось по России. Председатель Петроградского ЧК распорядился расстрелять 1300 человек, заключенных в петроградских тюрьмах. Не было ни одной губернской или уездной ЧК, которая бы не приняла решение о расстрелах. Расстреливали, где попало: монархистов, республиканцев, зажиточных крестьян, офицеров, священников... до бесконечности.

- Так ведь и белые делали то же самое, - заметил Виталий Юрьевич, глядя на друга исподлобья.

- Да, то же самое - согласился Алексей Николаевич. – Это была гражданская война. Но мы не извлекли уроков из нашей, так называемой, революции 1917 года, потому что у нас опять зазвучали слова «гражданская война». А в гражданской войне не бывает правых и виноватых. И нет победителей. Гражданская война - это трагедия миллионов, это вынужденная эмиграция, это террор. А коммунисты уже опять готовы идти «ва-банк».

– Да-а, если бы Ельцин в 1996 году Ельцин арестовал ЦК компартии, - заметил Виталий Юрьевич, - нам бы «гражданской войны» не избежать.

- Совершенно верно, - подтвердил Алексей Николаевич. – Тогда его с трудом отговорили от этого шага. Это только кажется, что все так просто. Власть коммунистов закончилась, а они саботировали все решения новой власти, и вполне логично было бы объявить их вне закона. Но членов партии и пропитанных их идеями было слишком много, чтобы не считаться с ними. А что такое гражданская война, объяснять не нужно. У тебя же, Виталий, есть копии двух приказов. Я тебе их копировал. От одного чтения этих приказов волосы дыбом встают.

Да, у Виталия Юрьевича были эти приказы. Он писал тогда повесть о партизанской деревне, его интересовала история предательства, и в ретроспективе повести он возвращал своих героев в период гражданской войны. И хотя Виталия Юрьевича больше занимал психологический ас-

пект, приказы, которые показал ему Алексей Николаевич, заинтересовали и потрясли его. Они поражали своей холодной ненавистью и безапелляционностью. Страшно было оттого, что ненавистью пылали русские к другим русским.

«ПРИКАЗ

Полномочной комиссии ВЦИК от 11.06.1921г.

1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте, без суда.

2. Селянам, у которых скрывается оружие, объявлять приговор о взятии заложников и расстреливать таковых.

3. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший в этой семье расстреливается на месте без суда.

4. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитские и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

5. В случае бегства семьи бандита имущество такового распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать.

ПРИКАЗ

Генерала Майковского от 30.09.1919 г.

1. В каждой деревне района восстания подробно обыскивать захваченных с оружием в руках, как врагов, как врагов расстреливать на месте.

2. Арестовывать по показанию местных жителей всех агитаторов, членов Совдепов, помогавших восстанию... предавать военно-полевому суду.

3. Ненадежный и порочный элемент высылать в Березовский и Нерчинский края, передавая их милиции.

4. Местных властей, не оказавших должного сопротивления бандитам, исполняющих их распоряжения и на принявших всех мер к ликвидации красных своими средствами, предавать военно-полевому суду, указание увеличивать до смертной казни включительно.

5. Восставшие вновь деревни ликвидировать с удвоенной строгостью, вплоть до уничтожения всей деревни»...

- Кстати, - продолжал Алексей Николаевич, - если говорить о жестокостях уже мирной власти, то надо вспомнить, что враги царской России, т.е. революционеры, высылались в Туруханский край или в Красноярский край под надзор полиции с хорошим содержанием. Революционеры там отдыхали, читали, охотились и успешно бежали, когда ссылка надоедала. Как содержались враги Советской власти, а врагом становился любой, на кого падала даже тень подозрения в нелояльности к ней, мы все хорошо знаем.

- Недаром Ахматова не склонна была считать, что происшедшее в стране – только временное нарушение законности и заблуждение отдельных лиц. Для нее это была вселенская катастрофа, разрушение человека и его нравственной сути, - сказал Виталий Юрьевич и предположил: - Может быть, коммунизм и оказался на деле несостоятельным как система власти и потерпел крах, потому что эта власть чрезмерно жестоко подавляла всякое инакомыслие, и это оттолкнуло людей?

- Если бы все было так просто! – возразил Алексей Николаевич. - Хотя и это немаловажная причина, потому что прежние большевики, спустя почти сто лет после их исторического спора с меньшевиками, признали их правоту и сейчас заявляют об отказе насильственных действий, о переходе на парламентские позиции, о достижении революционных целей путем реформ и что Ленинская теория «диктатуры пролетариата», может быть, и не является кратчайшим путем к социализму.

Кстати, существует такая история, похожая на исторический анекдот. Известно, что в конце марта 1917 года в Россию вернулся Плеханов с женой. В это же примерно время в Питер приехал и теоретик анархизма князь Кропоткин. Кропоткина провели в штаб анархистов, и он был подавлен зрелищем, которое предстало перед ним: грязь,

неряшество, наглые и вооруженные до зубов люди. Придя навестить Плеханова, Кропоткин рассказал ему о гнезде анархистов и с грустью сказал: «И для этого я всю жизнь работал над теорией анархизма!». Плеханов вздохнул и сказал: «Я в таком же положении. Мог ли я подумать, что моя проповедь научного социализма приведет ко всему тому, что говорят и делают сейчас?»

Виталий Юрьевич и Владимир Сергеевич рассмеялись.

- А ученый-биолог Тарасенко – снова вмешался Владимир Сергеевич, - говорит, что социализация отторгла граждан своих стран от средств производства, земли, и конечного результата своего труда. И это было вызвано двумя ошибками Маркса, которые потом утвердились в социалистическом обществе. Первая состоит в том, что человек как высшая форма материи является продуктом социального, а не биосоциального развития, а отсюда, вытекает вторая ошибка, о необходимости превращения частной собственности в общественную, т.е. ничейную. Современные же биологи и генетики доказывают, что человек – продукт биосоциального развития, и что биологическая его часть является первичной и преобладает более чем на 70%. А вот социальная, марксова часть, составляет всего 30%. А мы учитываем только одну составляющую человека.

Виталий Юрьевич довольно хмыкнул, принимая это утверждение, и посмотрел на Алексея Николаевича, мол, каково? В глазах его читалась гордость за зятя.

- Мудрено, - усмехнулся Алексей Николаевич, - но, скорее всего, правильно. Хотя я не столь хорошо знаком с биологией и генетикой, как Владимир Сергеевич. Моя наука история. И все же слова, которые я хочу процитировать, вполне созвучны с этим, и я думаю, что цитата поставит точку в нашем споре: «...Русский просвещенный ум...не пришел так или иначе к идее коммунизма и не разочаровался в ней позже, видя насильственные и бессмысленные поступки, совершенные якобы во имя этой идеи... Думаю, крах потерпела не утопия, а провозглашение

единственно верными искусственных концепций, не считавшихся с объективными процессами общества». Это слова венгра Санто.

- *Asu rem tetigisti*¹! – произнес Виталий Юрьевич.

Глава 28

Чеченская тема имела продолжение в разговоре Виталия Юрьевича с Алексеем Николаевичем через неделю после того, как прогремели взрывы в Буйнакске и Москве, а затем в Ростовской области, а Басаев пошел на Дагестан. Чеченские исламисты заняли несколько населенных пунктов и хотели утвердить там исламское государство. Отряды Басаева, Вахаба, Радуева, Хоттаба здорово потрепали, вытеснили из Дагестана, и те перешли к террору. Москва ошетибилась. Тридцать тысяч милиционеров, омовцев и дружинников провели чистку в Москве, проверили все чердаки и подвалы.

После того как в Буйнакске в результате теракта погибло 40 и было ранено 38 мирных жителей, а в Москве «взлетели на воздух» два девятиэтажных дома, даже нет, «не взлетели», а осели, ушли в землю, и погибли, в принципе, все, потому что это случилось в пять часов утра, когда люди спали или только начали вставать, неофициальная реакция федералов отразилась в решении: «После Буйнакска пленных не брать!» В Москве показали кассеты с кадрами, где чеченские боевики издеваются над заложниками. Кассеты посылали родственникам, чтобы те посмотрели на мучения своих близких и не медлили с выкупом. Когда издевались над мужчинами – это было больно, но не вызывало такого приступа ярости у людей, как кадры с маленькой девочкой, у которой были выдраны все волосы с затылка.

На заявления западных средств информации и действующего Президента Чечни Масхадова о том, что Россий-

¹ Лат. «Попап иглою», т.е. «в самую точку».

ская армия воюет с мирным населением, а Грозный защищают 12-14 – летние чеченские подростки, российские СМИ привели данные о составе и вооружении чеченских боевиков. Это 10-15 тысяч хорошо вооруженных профессионалов, «псов войны». И среди них не только чеченцы, ингуши, украинцы, но и арабы, афганцы, албанцы, турки, негры, финны. Кроме профессионалов воевали 20-25 тысяч чеченских ополченцев. Днем – это мирные жители, а ночью – безжалостные мстители. Причем, чеченские боевые формирования были прекрасно вооружены. А такой техники, как БТР-90 даже в российской армии нет. Из 260 тысяч стрелкового оружия, на вооружении находилось 20 тысяч представляющих наибольшую опасность снайперских винтовок.

Наиболее боеспособными частями чеченских вооруженных сил представляли отряды Басаева, полк спецназа Гелаева, диверсионная бригада Хаттаба, десантно-штурмовой батальон Бараева, армия Радуева и президентская гвардия Масхадова, перешедшая на сторону боевиков. Тем не менее, усилиями Российской армии за месяц была освобождена и зачищена от чеченских боевиков треть территории Чечни до Терека. Цель армии заключалась в уничтожении и вытеснении чеченских формирований из Чечни. Переговоры могли быть возможны лишь при условии, если Масхадов поможет выдворить террористов из Чечни и выдаст командиров. Но Масхадов стал набирать ополченцев, чтобы освободить Чечню от российской армии, а потом перешел на сторону боевиков со своей президентской гвардией.

Мирное население побежало и от своих и от российских, - слава богу, пока в Россию, то есть в Ингушетию, которая едва могла принять 30 тысяч человек, а их уже насчитывалось 70 тысяч.

«Как же так? – недоумевал Виталий Юрьевич. – СМИ называют их бандитами, бандформированиями, а их целая армия. Как-то не вяжется. Хорошо вооруженная армия - и все бандиты. А Масхадов? Был президентом и вдруг стал

бандитом. Конечно, не все так просто. Можно называть их и бандитами. Правда, легче от этого никому не станет. Они действительно – сила, с которой приходится считаться. Иначе Россия не вела бы полномасштабную войну в Чечне. Только нужно различать некоторые вещи. Почему Запад, осуждая Россию и обвиняя ее в том, что она воюет с мирным населением, а не с террористами, используя установки «Град», которые не отличают террористов от мирного населения, в то же время в наши дела с Чечней все же не вмешивается? Не вмешивается, потому что мусульмане-ваххабиты, воинствующие фанатики, - это и враги, как Америки, так и Европы? Европа еще помнит четырех обезглавленных заложников из международного красного креста. Европа помнит и работорговлю, которая получила в Чечне распространение. Однако Гелаев, Басаев и Масхадов, вступивший после своего избрания на тропу поддержки ваххабизма, призывают к цивилизованному миру, требуя вмешательства.

- И все же я думаю, что существует единственно верное решение вопроса, решение мирным путем, - твердо сказал Виталий Юрьевич. - Ведь, как говорили латиняне, *Nula slum bello est*.¹

- Это не единственное верное решение, - не согласился Алексей Николаевич. - В политике часто цель оправдывает средства. Кроме того, существует высшая цель - благо государства. Часто намерения и цели высшей власти скрыты от нас, и мы не можем верно судить о правомерности или неправомерности ее действия.

- А еще есть плохие пастухи, - с сарказмом сказал Виталий Юрьевич.

- Причем здесь пастухи? – не понял Алексей Николаевич.

- А это я вспомнил Сократа. Он говорил, что «плохо, если человек взялся быть пастухом стада коров и, убавляя и ухудшая их, не сознается, что он плохой пастух, также

¹ Нет блага в войне (лат)

как, если человек, взявшись быть начальником в государстве, убавляет и ухудшает граждан, не стыдится этого и не сознает, что он плохой начальник...»

- Ты Виталий слишком эмоционален, а я мыслю рационально. Наша с тобой логика, это логика с гражданской, а не с государственной позиции... Пройдет время, и мы пойдем и про пастухов, и про Чечню. История всех рассудит, и все расставит по своим местам.

- Но ведь Чечня сейчас – это, прости, как чирей на заднице, или как раковая опухоль для нас. Почему нельзя оставить Чечню в покое? Дать ей статус самостоятельной республики и отпустить восояси, - сказал Виталий Юрьевич.

- Это было бы слишком просто, - покачал головой Алексей Николаевич. – Только, кажется, что вопрос этот лежит на поверхности. Но тот, кто выступает сегодня за немедленное прекращение войны и начало переговоров, плохо представляют себе ситуацию на Северном Кавказе. Допустим, мы соглашаемся с Западом немедленно прекратить огонь и вывести из Чечни войска. Ты думаешь, война закончится?

- Если дать Чечне самостоятельность и не вмешиваться в ее дела, конечно. В конце концов, изолировать Чечню экономически, и она скоро обратится к России.

- Абсурд. Война примет более масштабный характер. В войну втянется Дагестан, который после недавних событий жаждет отомстить чеченцам за вероломство. К Дагестану обязательно присоединится Северная Осетия, до сих пор не оправившаяся от взрывов на рынке во Владикавказе. А родственные чеченцам ингуши? Ведь они тоже пострадали от «братьев» после развала Чечено-Ингушетии в 1991 году. Если Российская Армия уйдет из Чечни, война неизбежно перекинется на Ставрополье, которое давно страдает от этого соседства... Так или иначе, Россия снова будет втянута в конфликт, и за второй чеченской войной последует третья.

- Ну, это все предположения.

- Это логика, подкрепленная знанием. Всякий историк – немного стратег. Тем более, хороший историк рассматривает историческую ситуацию с экономической и психологической точки зрения. Отсюда и второй фактор, тоже немаловажный. Если бы Чечня отделилась от России, она могла бы стать вторым Кувейтом. А ты говоришь, экономическая блокада. Нефть Россия отдать не может. Это оказало бы влияние на Средний, да и на весь Кавказ. Невыгодное влияние для России. А дальше, я думаю, усилилось бы влияние на этот рынок Турции и арабских мусульманских стран. Да уже и сейчас мусульмане объявляют России «джихад» и отправляют в Чечню добровольцев, собирают пожертвования... Вот так-то, друг Виталий!

- Так-то так. Да только, что ж, теперь Чечня так и обречена на вечный брак с ненавистным супругом?

- С Россией что-ли? – усмехнулся Алексей Николаевич.

- С Россией. От России может отойти Литва, Эстония, может Белоруссия, а Чечня не может?

- Вот я и говорю, это, брат, высокая политика. А политика, тем более высокая, штука жестокая и не всегда лицеприятная.

- А чеченский народ – заложник этой политики. Но ведь, пока Россия не пошла войной на Чечню, в Москве не взрывались дома. Теперь говорят: «Это международный терроризм». Сейчас он, конечно, международный. Но кто приготовил для него в Чечне питательную среду, кто взрыхлил там почву бомбами и удобрил ее кровью чеченцев?

- А на этот вопрос я тебе уже ответил.

- Политика политикой, но существует еще и конфликт понятий. Так что, Чечня – это еще и нравственный вопрос. Мы не хотим понять, что чеченца нельзя мерить русским аршином. У них же родовая, общинная система существования: горцы руководствуются не соображениями личной выгоды, а интересами своего тейпа и традициями. Если убили твоего родственника, ты обязан отомстить, иначе ты

не мужчина. Для человека, выросшего в родовой общине, тейпе, родовое, клановое, выше общественного. Мы же лезем со своим уставом в их монастырь. Понятно, почему чеченцы не жалуют русских.

- Это ты верно заметил, любить им нас не за что, - согласился Алексей Николаевич. - В 1920 году они встретили приход Красной Армии на Северный Кавказ с надеждой на лучшее будущее, а мы продразверсткой и продналогами и в без того бедных районах вызвали резкое недовольство чеченцев. Да еще сдуру стали бороться с религией... Или вот такой абсурд. В 1922 году отряд ЧК был послан для изъятия мануфактуры, захваченной жителями одного из аулов аж в 1917 году. В результате – вооруженное столкновение, в ходе которого отряд чекистов понес потери убитыми. Летом 1922 года части Красной армии тоже «усмиряли» Чечню. В результате стало расти повстанческое движение горцев. Три года спустя Советское партийное руководство сочло необходимым провести операцию, чтобы положить конец «бандитизму». В 1925 году Чечню бомбили, взорвали более ста домов «бандитов». В 1929 году части Красной армии и ГПУ усмиряли восстание, которое стало результатом дикой коллективизации, когда у населения отбирали и хлеб и одежду. И в 1930 году проводили карательную операцию.

И все это продолжалось до самой войны, пока в 1944 году по решению Советского руководства войска НКВД выселили чеченцев и ингушей в Среднюю Азию и Казахстан, лишив их родины на многие годы...

Алексей Николаевич замолчал. Молчал и Виталий Юрьевич. Он так и не понял, кто здесь прав, кто виноват. Осталось только неопределенное чувство жалости и сострадания и к русским и к чеченцам, которые гибли в результате неумолимых законов политической необходимости ради высшей цели – блага государства, как ее понимала и видела только власть.

- Прав был Суворов, когда сказал, что «политика – тухлое яйцо», - мрачно заключил Виталий Юрьевич.

Глава 29

Как-то поздно вечером, когда Виталий Юрьевич с Ольгой Алексеевной собирались лечь спать, зазвонил телефон. Звонок был неожиданный в столь поздний час, и Ольга Алексеевна вздрогнула от тревожного предчувствия.

- Мам, - раздался в трубке плачущий голос дочери.

- Что? Что случилось? – у Ольги Алексеевны бешено заколотилось сердце и застучало в висках.

- У нас ничего, - поспешила успокоить мать Мила. – Дядя Слава умер.

- Какой дядя Слава? – не сразу сообразила Ольга Алексеевна, но сердце отпустило, и она вздохнула с облегчением, только закружилась голова.

- Да Линкин отец! – всхлипнула Мила.

- Ой, да что ты? – вернулась к действительности Ольга Алексеевна. – Когда?

- Сегодня днем.

- А что случилось?.. Как же так вдруг? Он же моложе нашего папы. – Ольга Алексеевна окончательно пришла в себя, но теперь уже расстроилась из-за несчастья, которое обошло их, но коснулось близкой подруги Милы, и это сразу отозвалось новой болью в сердце.

- Инсульт, - коротко ответила Мила.

- Лине сообщили?

- Я звонила ей по сотовому и дала телеграмму, чтобы был документ. Завтра прилетит. А я с тетей Валей сидела, недавно пришла.

- Может быть мне придти завтра, помочь чем? – предложила Ольга Алексеевна.

- Да нет. Вроде ничего не нужно. Похороны взяла на себя филармония, а готовить мы завтра с Татьяной будем. И Ленка обещала придти.

- Беляев умер? – переспросил Виталий Юрьевич, когда Ольга Алексеевна положила трубку.

- Да, Вячеслав Михайлович, - подтвердила Ольга Алексеевна.

- От чего ж insult? Как-то ни с того ни с сего, - недоуменно произнес Виталий Юрьевич.

- Господи, да мало ли от чего? Бывает, человек здоров, а раз - и нет. Все под Богом ходим.

- Да это да. Мой учитель Зыцерь Юрий Владимирович говорил: «Не то странно, что человек болеет и умирает, самое поразительное, что он живет». Биологическая природа человека настолько сложна, что, если бы Бога не существовало, его нужно было бы придумать.

Виталий Юрьевич помолчал и сказал:

- Может быть, он перед этим выпил лишнего?

- Да ты что, Виталий, он десять лет в рот спиртного не брал. Он же зашит был. Как понял, что пить не может, так и зашился.

- В том то и дело, что я его недавно выпившим видел, - возразил Виталий Юрьевич.

- Ну, не знаю, - отмахнулась Ольга Алексеевна. - Какая теперь разница, выпил он, не выпил. Нет человека - вот и весь сказ.

- Талантливый был мужик. Всю Европу с ансамблем своим объездил. Жаль. Рано ушел.

- Это он до перестройки ездил. А после ансамбль еле существовал, пробивались кто чем мог. А иначе, чего ему было гонять машины.

На следующий день в обед заскочила Мила.

- Есть будешь? - спросила Ольга Алексеевна.

- Буду, мам. Я с утра у тети Вали. Меня с работы отпустили. Сейчас там Татьяна с Ленкой, а я убежала, чтобы Катку в школу отправить. Катю покормила, а сама не успела. Да и одной как-то неохота.

- Ну и ладно. Ну и молодец. Сейчас я быстренько картошечки отварю. Потерпи полчаса. А пока котлетку съешь. Возьми сама в холодильнике, в кастрюле. И борщ достань заодно.

Сидели на кухне. Ольга Алексеевна высыпала в раковину из ведра с десятков картофелин и открыла воду. Чистая струйка воды растекалась по картошке и уже грязными

подтеками устремлялась в отверстие слива. Ольга Алексеевна смешала картошку и стала мыть, подставляя под кран то одну картофелину, то другую, и постепенно замысловатые зигзаги воды вокруг груды картошки светлели, пока ни стали такими же чистыми и прозрачными, как струя из-под крана. Виталий Юрьевич с любопытством ребенка смотрел на эту простую метаморфозу и отвел глаза, когда Ольга Алексеевна взяла нож и стала чистить вымытую до чистоты картошку. Под ножом картошка шуршала и очистки, извиваясь непрерывной лентой, падали в раковину.

- Так что ж там все же случилось, дочка? – спросил, наконец, Виталий Юрьевич. – Инсульты и инфаркты тоже просто так не случаются. Какой-то толчок ведь был?

- Все из-за машины! – сказала Мила. – Ты же видел «Шевроле», на котором он ездил?

- Да, он меня даже подвозил на ней до дома.

- Ну вот, я тогда говорила, что он эту машину пригнал под заказ.

- Ну да, он ее тогда и обкатывал, - подтвердил Виталий Юрьевич.

- Вот и дообкатывался, пока двигатель заперол, - тихо сказала Мила. – Машина новая, при обкатке скорость не должна превышать девяносто километров и то по хорошей дороге. А дядя Слава за городом гонял под сто сорок.

- Как же это он? – сокрушенно покачала головой Ольга Алексеевна

- Да так же! – передразнил жену Виталий Юрьевич. – Эти машины с места развивают скорость до ста километров. А на дороге скорость у них вообще не ощущается.

- Господи! Ты-то откуда знаешь? – с иронией посмотрела на мужа Ольга Алексеевна.

- А это папа по опыту на своем драндулете марки «Москвич ИЖ-Комби» знает, - грустно пошутила Мила.

- Глупые! – обиделся Виталий Юрьевич. – Можно подумать, я кроме «Москвичей» других машин не видел. Да мне и Вячеслав Михайлович покойный говорил.

- В общем, «плавали, знаем!» - Мила обняла отца за плечи, и он невольно рассмеялся. Смех получился невеселым и как-то сразу погас.

- Отдал бы машину сразу, как пригнал, и ничего бы не было, - заявила Ольга Алексеевна.

- Свежая мысль! – сказала с сарказмом Мила. – Задним умом мы все крепки.

- Ладно, пусть мотор сгорел, - упрямо сказала Ольга Алексеевна. – Машина-то цела.

- Да без этого, как ты говоришь, мотора грош ей цена... А ты знаешь, с кем дядя Слава связался? Ребята, на его беду, оказались крутыми, да такими, что круче некуда. Деньги-то он за машину взял предоплатой. А разбираться, что там с двигателем и почему, им по барабану.

- Мила, выражайся прилично, - одернула дочь Ольга Алексеевна.

- Да ладно! – отмахнулась Мила.

- Ну, можно же было машину продать подешевле, и деньги вернуть, - поддержал жену Виталий Юрьевич.

- Пап, ты прямо как с луны...это, - Мила покосилась на мать. – Ты знаешь, сколько машина стоит? А без двигателя кому она нужна?

- Ну, расплатиться-то можно было. Хоть за сколько-нибудь продал бы. Ну, добавил бы, конечно.

- Нет, пап, ты чего-то не догоняешь!

- Как это не догоняю? – удивился Виталий Юрьевич.

- Ну, не просекаешь! – засмеялась Мила.

- А-а! И чего же это я не просекаю?

- А то, что пришли крутые ребята с бычьими шеями и железными бицепсами и назначили срок: три дня. А потом включили счетчик.

- А счетчик-то зачем включать? – обалдело посмотрела на Милу Ольга Алексеевна.

- Ну и дремучие вы, родители! – Мила покачала головой. – Включить счетчик – это значит назначить проценты за каждый день просрочки. А проценты такие, что легче повеситься, чем расплатиться.

- Ой, да что ж это делается! – запричитала Ольга Алексеевна. – Это же чистый бандитизм. Куда же милиция смотрит?

- Какая милиция, мама? Окстись. Ты в каком времени живешь? И время другое и власть другая.

- Я вижу, бандитская, - буркнула Ольга Алексеевна.

- И как же они выбрались из этого дерьма? – хмуро спросил Виталий Юрьевич, оставляя без внимания причитания Ольги Алексеевны.

- Дядя Слава запил, а тетя Валя с согласия Лины продала ее квартиру, которую Лина здесь купила.

- Продали квартиру? – ахнула Ольга Алексеевна.

- Если бы только квартиру, - отозвалась Мила. – Чтобы полностью расплатиться, им пришлось продать все ценное, что имели. У них вообще ничего кроме двухкомнатной квартиры, в которой сами живут, не осталось.

- Ну, проценты можно было не отдавать. Что это за проценты такие? Техас что-ли? Слава богу, в России живем, - строго сказала Ольга Алексеевна.

- Это другая Россия, - поправила Мила.

- Которой Техас теперь в подметки не годится, - отозвался эхом Виталий Юрьевич.

- Неужели было не стыдно этим, как ты говоришь, крутым ребятам пользоваться несчастьем людей и отнимать нажитое честным трудом.

- Ну, мам, вы с отцом неисправимы. Вы еще рассуждаете о какой-то совести. Совесть, как категория становится понятием второстепенным. Она мешает новым хозяевам жить.

- Это как у Гитлера: «Солдаты вермахта, я освобождаю вас от химеры, которая называется совестью».

- С той разницей, что нас от совести никто не освобождал. Мы от нее освободились сами, - у Милы от возбуждения лицо покраснело.

- Очень жаль, - мрачно сказал Виталий Юрьевич. – Где нет совести, там нет и нравственности.

- Конечно, - согласилась Мила. – Мы вчера с Володей наблюдали отвратительную сцену. Молоденький лейтенант, совершенно пьяный, в одном туфле, с оторванным погоном, держался за угол киоска, грязно ругался. Плащ валялся в грязи, а недалеко, тоже в грязи, лежала сумка.

- Это не только отвратительно, но и трагично, - горячо согласился с дочерью Виталий Юрьевич. – Если мы позволяем гулять по улицам в таком виде тем, кто недавно еще нас радовал твердой дисциплиной и показывал пример, тот, кто вселял в нас уверенность в то, что мы находимся под надежной защитой, то до каких пределов мы дошли? И это, доложу я вам, пострашнее любого экономического кризиса... Теперь офицеру не отдадут честь. Я понимаю это так, что офицерской чести больше нет... Мы не воспитываем нашу молодежь.

- Какое воспитание! Мария Тимофеевна из соседнего подъезда сегодня жаловалась. – Ольга Алексеевна оставила кастрюлю, которую чистила губкой, посыпая на нее «Пеммолюксом» из пластмассовой бутылочки. – Подростки, правда, не из нашего двора, наверно, монастырские, бросались камнями в ее кота. Она их стала стыдить: зачем, говорит, вы бьете кота? Он вас трогает?» А один из подростков говорит: «Я, щас в тебя кину». И матом. Та раскрыла рот и не нашлась, что сказать. Взяла кота и унесла домой.

- Удивила! – усмехнулась Мила. – Сейчас это в порядке вещей. – Мат, откровенное неприкрытое хамство. В автобусе вчера бабушка с клюкой стояла, а девочка, по возрасту третьеклассница, смотрела на нее синими чистыми глазами, и ей даже в голову не пришло уступить ей место.

- Ну, девочку-то винить не надо, – вставила Ольга Алексеевна. – Это родители должны были научить ребенка элементарной культуре поведения. И состраданию к больному и немощному... А вот откуда такой цинизм у подростков? У нас на лестничной площадке вывернули лампочку и не унесли с собой – это было бы понятно, а растоптали тут же, на площадке и на масляно выкрашенной панели,

набирая пальцами побелку, написали: «Посмотри вниз! Нравится?»

- Положим, это было всегда, - не согласился Виталий Юрьевич. – И лампочки выкручивали, и место в трамвае не уступали, и в котлов камнями бросались.

- Не столь откровенно и не с таким цинизмом, - возразила Ольга Алексеевна.

- Ну, что ж, больное государство – больное общество. Как говорится, лес рубят – щепки летят.

- Только щепками почему-то как всегда оказываются люди, – горько посетовала Мила. - Когда хоть будет что-то нормально? Вечером ложишься и не знаешь, что тебя утром ждет.

- Ладно. Все, в конце концов, образуется. *Post tenebras lux*¹ – говорили латиняне. *Oportet vivere*².

- У Вячеслава Михайловича все уже образовалось. Ему теперь не скажешь «надо жить», - Ольга Алексеевна тяжело вздохнула и кончиком фартука промокнула глаза.

Виталий Юрьевич по обыкновению забарабанил пальцами по столу. Мила молчала, и на кухне воцарилась тишина, только звякали столовые приборы, которые доставала Ольга Алексеевна из ящика кухонного стола.

- Что ж он, и не жаловался ни на что? Так вот сразу инсульт с летальным исходом? – спросил Виталий Юрьевич.

- Ну, как? Жаловался раньше на шум, тяжесть в голове, головокружение. Но как-то серьезно не обращали внимания... У меня тоже вот голова и болит, и кружится.

- Тьфу, тьфу, тьфу! Не дай бог! – Ольга Алексеевна обозначила крест в сторону дочери.

- Утром встал, - серьезно продолжала Мила, - оделся, есть не стал. Включил телевизор, потом сказал тете Вале, что ему что-то нехорошо и попросил чаю. Тетя Валя приготовила чай, приносит, а он в кресле мертвый. Тетя Валя даже не поняла, что случилось, потом закричала, соседи

¹ После мрака свет (лат).

² Надо жить (лат).

прибежали, скорую помощь вызвали. Но уже бесполезно. Констатировали смерть от апоплексии, т.е. острого нарушения мозгового кровообращения.

- Ну, хоть не мучился, - сказала Ольга Алексеевна. – Сразу. Легкая смерть.

- Легкая-то легкая, а каково тете Вале? Она все время в полуобморочном состоянии. Хоть бы Линка поскорее приехала.

- А когда приедет-то? – спросила Ольга Алексеевна.

- Да я же говорила. К вечеру должна быть.

- Вот сволочи! И все из-за проклятой машины, - вырвалось у Ольги Алексеевны.

- Конечно, потерять в один момент все, что наживали, можно сказать, своим горбом. Я как представлю, мороз по коже.

За обедом говорили о домашних делах и всякой другой всячине. Катюха стабильно получала пятерки, и Мила с удовольствием передавала родителям слова классной учительницы, которая хвалила девочку. Владимира Сергеевича назначили деканом факультета.

- А как твоя диссертация? – поинтересовался Виталий Юрьевич.

- Да если все пойдет как надо, к Новому году защищусь. – Мила суеверно постукала костяшками пальцев по столу.

- Дай тебе бог, - Ольга Алексеевна прижала руки к груди. – Мы с папой и за тебя, и за Владимира Сергеевича так рады, - искренне сказала Таисия Ивановна. - Дай вам бог счастья. Владимир Сергеевич очень достойный человек. – Лицо Ольги Алексеевны просветлело, будто лампочка внутри зажглась.

- Все хорошо, улыбнулась Мила. – Денег бы побольше. Без денег счастье, вроде, как и неполное.

Мила сказала это просто, и в словах ее не ощущалось никакой обиды и не было желчи.

- Ну, знаешь, денег всегда всем не хватает. И сколько ни дай, все будет мало. Сейчас не хватает на шубу, потом

будет не хватать на дорожную машину. А у вас, кстати, и машина приличная есть. Не гневи бога, Мила, ты идешь домой и знаешь, что дома порядок и трезвый любящий муж. Забыла, какие концерты твой благоверный устраивал?. То-то!. К хорошему быстро привыкаешь. Только плохое тоже забывать не следует.

- *Omnia vincit amor*¹, - поддержал жену Виталий Юрьевич. Были бы любовь и согласие, а все остальное приложится. Наберись терпения и думай иногда, что кому-то живется значительно хуже. Кстати, большие деньги еще никому счастья не приносили. Вспомни род Онасисов.

- Каких Онасисов, пап? Володя в Москве по работе был, хотел в Третьяковку сходить – он же художник от бога, - сунулся, думал, как раньше, плата типа символической, а там билет не всякому по карману. Потоптался, вздыхал и пошел восвояси. А ты мне про Онасиса. Вникни в парадокс: доктору наук, профессору не по карману картинная галерея. А о Большом театре я уже и не говорю. И для кого тогда эти вечные ценности?

- Мила, дочка, не может быть такого!

- Не может быть, потому что не может быть никогда? – насмешливо сказала Мила.

- Потому что это нелогично. Все, в конце концов, станет на свои места. Произошла смена систем. Канул в Лету тоталитарный режим и хорошо, что обошлись малой кровью. Вот мы и расплачиваемся хаосом. Но это лучше, чем кровь. Я уверен, что все изменится, и мы будем жить не хуже Европы.

- Твоими бы устами, пап, да мед пить. Нам всю жизнь обещали райскую жизнь, то при социализме, то при коммунизме. Так что эти сказки нам слушать, выражаясь современным языком, «западло».

- Где ты хоть этих ужасных слов нахваталась? – возмущалась Ольга Алексеевна, – будто ты только что из колонии строгого режима освободилась.

¹ Любовь побеждает все.

- Откинулась.

- Куда откинулась? – не поняла Ольга Алексеевна.

- Так говорят зеки, которых выпустили по окончании срока.

- Да ну тебя совсем, - махнула рукой Ольга Алексеевна.

Пили чай с яблочным пирогом и сливовым вареньем. Чай Таисия Ивановна заваривала с небольшой щепоткой индийского или китайского листового чая, но это, в принципе, было не важно, потому что основной вкус чаю придавал зверобой и мята, которые она добавляла к заварке. Чай получался пахучим и с красивым красноватым оттенком.

- Как же теперь Валя одна будет? – сказала Ольга Алексеевна, когда чаепитие закончилось и чашки перекочевали в мойку.

- Наверно, уедет к Линке в Бельгию. Там все налажено: стабильный заработок, хорошая квартира. Да и детям бабушка нужна, все равно няню нанимают. А потом тетя Вала классный дамский мастер. По крайней мере, здесь к ней в «Салон красоты» в очередь за месяц записывались.

- Это она сама сказала или ты так думаешь? – поинтересовалась Ольга Алексеевна.

- Нет, я знаю, что Лина этого хочет. Еще когда отец был жив, Линка говорила, хорошо, мол, если бы родители были рядом, а тетя Валя говорила, что будь она одна, уехала б хоть на край света, но дядя Слава считал, что русские должны жить в России, даже если она стала мачехой, а с ансамблем своим его только смерть разлучит.

- Вот и разлучила, - вздохнула Ольга Алексеевна.

- Где ж хоронить будут? – спросил Виталий Юрьевич.

- На Крестительском кладбище.

- А говорят, теперь хоронят на новом кладбище, где-то в Лужках. А здесь, в городе, не хоронят.

- Почему? Хоронят и здесь, - отозвалась Ольга Алексеевна. – Если есть место, хоронят.

- У него мать и брат на Крестительском похоронены, - пояснила Мила.

- Ну вот, - почему-то обрадовалась Ольга Алексеевна.
- Значит место есть.

Мила посмотрела на часы и заторопилась.

- Пойду я. Забегу к тете Вале, а потом надо Катюху из школы встретить, в пять вторая смена кончается. И Володя скоро придет. Все. Побежала. - Мила торопливо надела перед зеркалом песцовую шапку, схватила с вешалки легкое демисезонное пальто, поцеловала отца и мать и, одеваясь на ходу, выскользнула в коридор, но дверь, не успев захлопнуться, приоткрылась, и голова Милы снова просунулась в дверь:

- Родители, я вас люблю. Пока.

- Ольга Алексеевна засмеялась, а озабоченность на лице Виталия Юрьевича растворилась в улыбке, взгляд потеплел, и в глазах исчезла колочесть.

Глава 30

Было уже по-зимнему холодно. Зима еще не наступила, но ждали, что вот-вот посыпит снег: ветер уже носил поземку, и снежная крупа больно хлестала по лицу, и люди поворачивались спиной к ветру или утыкали носы в шарфы и воротники пальто.

Несмотря на ненастную погоду, народу на похороны пришло много. На гроб филармония поскупилась. Вячеслав Михайлович лежал в стандартном сосновом гробу, правда, обитым красным бархатом. Под траурный марш гроб с телом вынесли на улицу и поставили на две табуретки. «Какой синюшный цвет лица, - безразлично отметил Виталий Юрьевич. Равнодушно, потому что он уже не отождествлял лежащее в гробу тело с Вячеславом Михайловичем. Для него человек существовал или не существовал. Все остальное уже было не важно. Так случилось, когда умер его отец, Юрий Тимофеевич. Виталию Юрьевичу тогда было двадцать лет. Он очень переживал, когда отец

медленно угасал от рака, не находил себе места и изводился от тоски и жалости к отцу. А когда отец умер, и Виталий Юрьевич увидел его мертвым, он поймал себя на мысли, что смотрит с какой-то безразличностью на труп и воспринимает его просто как нелепость, несовместимую с тем живым, которого он любил, и кто ему был дорог. Его попросили побрить мертвое лицо, на котором вдруг выступила щетина, и он с трудом заставил себя взять в руки электрическую бритву и автоматически, избегая смотреть на то, что недавно еще было его отцом, водил по щекам, усам и подбородку. И на похоронах, которые он запомнил как дурной сон, он слышал причитания, похожие на заунывную, надрывную песню бабушки, и истерический, захлебывающийся плач матери, и разноголосые стенания, похожие на вой, родни, но сам не проронил ни слезинки и выполнял все, что его просили, с отрешенностью зомби. Отца просто не стало. Все остальное было бутафорией. Родственники тогда упрекнули его в черствости, а мать до самой смерти жаловалась, что похоронить ее будет некому, потому что на сына, которого даже смерть отца не тронула, надеяться нечего...

До центральной улицы гроб несли на плечах под непрерывный, разрывающий душу похоронный марш. Процессия растянулась на сотню метров. Впереди несли венки: от филармонии, от танцевального коллектива, от родственников, от городского отдела культуры и даже от городской администрации. На подходе к улице Горького гроб погрузили в катафалк, близкие полезли за гробом, остальные, кто хотел ехать на кладбище, сели в автобус.

У кладбищенских ворот процессию встретил батюшка, гроб внесли в церковь, и началось отпевание. Виталий Юрьевич столбом стоял в толпе провожающих, косился украдкой на иконы, к которым многие прикладывались, не знал, как вести себя, и чувствовал неловкость. Он с удивлением отметил, что Ольга Алексеевна крестится и делает это естественно и ловко, как истинно верующая.

- А вы что? Если в храм пришли, перекреститесь. Креститесь, креститесь, рука не отсохнет, - услышал Виталий Юрьевич и не сразу понял, что дьяк обращается к нему.

Он неловко перекрестился и, почему-то, ему было стыдно.

- Вот она, катком прокатившаяся по душам атеистическая мораль советской власти, - иронически подумал Виталий Юрьевич. - Видно, я как был атеистом, так им и останусь... Но, в конце концов, Толстой был верующим, а в церковь не ходил и церковно-служащих не любил, - успокоил свою совесть Виталий Юрьевич.

К месту захоронения шли за батюшкой, который неразборчиво бубнил старославянские слова и размахивал кадиллом. Время от времени он оборачивался, и тогда Линин муж, Володя, совал ему в руку мелкую купюру.

Когда гроб закрыли крышкой, с женой покойного Вячеслава Михайловича Валея случилась истерика. Она бросилась к гробу, ее оттащили и удерживали Володя и Лина, пока она не успокоилась.

Гроб опустили на веревках два могильщика. Им помогал кто-то из провожающих. Могильщики оступались на мерзлых кучах земли, скользя и теряя равновесие. Наконец, гроб стал на дно могилы, головами уйдя в выемку у самого дна, вырытую из экономии, чтобы не копать могилу во всю длину. Градом застучали о крышку гроба смерзшиеся комья земли, и вдруг хор голосов завел обрядовую песню к разлуке:

Стоят сани снаряженные,
 Ой да наряженные.
 И полостью подернуты,
 Ой да подернуты.
 Только сесть в сани да поехати,
 Ой да поехати.
 Кому вынется, тому сбудется,
 Ой да сбудется.
 Тому сбудется, не минуется,

Ой да не минуется.

Пели ладно, высокий голос выводил строку, а остальные многоголосно подхватывали припевные повторы. Песня плачем разносилась по кладбищу и от этого плача или стона щемило сердце.

Сидела я у окошечка,
Ждала к себе милого.
Не могла дожидаться –

Спать ложилася.
Утром встала – спохватилася,
Гляжу на себя – вдова!

На могильный холмик положили венки. Венков было много и те, что не поместились на холмике, поставили вдоль ограды. Потом кто-то говорил прощальные слова над могилой, но Виталий Юрьевич не вслушивался. Теперь, когда могилу закопали, ему хотелось побыстрее уйти домой. И когда первые провожающие пошли на выход к автобусу, он взял Ольгу Алексеевну под руку, давая понять, что им тоже пора.

По дороге их нагнала нищенка, полная девочка с грубо зашитой заячьей губой и загундосила: «Владимир Петрович всем денежку давал, а мне не дал. Дайте, Христа ради!»

- Оля, дай ей сколько-нибудь! – растерянно попросил Виталий Юрьевич.

Ольга Алексеевна достала из сумки десятку и отдала девочке, та сразу отстала

- Чего она ко мне-то? – удивился Виталий Юрьевич.

- Внушаешь доверие, – шепнула Ольга Алексеевна.

- Кто такой Владимир Петрович?

- Здравствуйте! Муж Лины... Он же здесь вроде старшего. Распорядитель, что-ли.

- Надо же, нищие как быстро сориентировались, и имя отчество знают, – чуть усмехнулся Виталий Юрьевич.

Они подождали Лину и Валентину на выходе, еще раз выразили соболезнование. Ольга Алексеевна соврала, что

Виталий Юрьевич плохо себя чувствует, и они не остались на поминки.

Дома Виталий Юрьевич с Ольгой Алексеевной помянули покойника, выпив по рюмке водки перед ужином, а на следующий день, в субботу, когда к ним зашел Владимир Сергеевич с Милой и Катюшкой, Виталий Юрьевич достал из холодильника начатую бутылку водки и поставил на стол.

- Надо всем вместе помянуть Вячеслава Михайловича, - ответил он на вопросительный взгляд жены.

Ольга Алексеевна собрала на стол, вслед за мужчинами пригубила из рюмки.

- Похороны были знатные, - заметил Виталий Юрьевич.

- Дай бог каждому, - эхом откликнулась Ольга Алексеевна. – Много было народу. Венки. И от филармонии, и от отдела культуры. И весь ансамбль «Матрешки», которым он руководил, хотя они последнее время и перебивались кое-как.

- Вы, родители, завидуете, что-ли? – засмеялась Мила.

- Не говори глупости, - обиделась Ольга Алексеевна. – Завидовать тут нечему. А только приятно, когда в последний путь тебя провожают по-человечески, а не кое-как.

- Да ладно, мам, шучу! – серьезно сказала Мила. – Не обижайся. Вам еще рано думать о похоронах.

- Все хорошо. Только гроб еле через ограды протащили, - вспомнил Виталий Юрьевич.

- Так у нас ограды, как заборы на дачах, в человеческий рост. Только зачем, непонятно! Некоторые на калитки даже замки вешают, - заметила Ольга Алексеевна.

- Да это ладно. Сейчас место на городском кладбище - дефицит. Ловкие люди и здесь поспели. Ходят, выискивают заброшенные могилы и за взятку приватизируют места. Да еще могильщики, тоже за взятку, теснят уже занятые места и чуть не на дороге устраивают захоронения. Вот и растут ограды там, где им не положено быть.

- Ну надо ж! - всплеснула руками Ольга Алексеевна. – Еще неприятности!.. Мы когда на могилу сходим? – набросилась она на мужа. – Там, небось, уже заросло все. Вот займут наше место, куда мы с тобой? И повезут в Лужки, к черту на кулички.

- Да какая тебе разница? – буркнул Виталий Юрьевич. – *Omnia vinitas*¹.

- Ну, вы, родители, даете! – только и могла сказать Мила.

Глава 31

- Володя, вы в бога верите? – спросил Виталий Юрьевич.

Владимир Сергеевич сидел в кабинете Виталия Юрьевича и листал «Энциклопедический словарь» издания Ф. Павленкова 1905 года. Он оторвался от книги и удивленно посмотрел на тестя. Тот сидел за письменным столом вполоборота к Владимиру Сергеевичу и тер стекла очков замшевой салфеточкой.

- Сложный вопрос, – Владимир Сергеевич отложил книгу разворотом вниз на диван рядом с собой. – Если в примитивном его понимании, то есть в того Бога, которого в экзотерических религиях люди наделяют ревнивостью, нетерпимостью, который радуется или испытывает гнев, - категорически нет. А если следовать понятию о Боге, который не имеет личных качеств, потому что в своей сущности не имеет личности, то скорее да, чем нет. Но это уже другая вера, это ближе к теософии², которую в советское время называли мистикой, а ее распространение на Западе признаком упадка и вырождения культуры. Если по Ленину, то Бог - это «комплекс идей, порожденных тупой подавленностью человека».

¹ Все суета (лат).

² Теософия (гр.) – религиозно-мистическое учение о единении человеческой души с божеством и о возможности общения с потусторонним миром.

- Ну, в Советское время всякая вера была не в чести и считалась признаком невежества, а церковные обряды – мракобесием. А по Ленину, религия вообще усыпляет классовую борьбу, а какой же коммунизм без классовой борьбы?

- Нет, почему же? Вера в коммунизм и счастливое будущее очень даже приветствовалась, - серьезно сказал Владимир Сергеевич.

Виталий Юрьевич улыбнулся краешком губ:

- Ну, идеалы одной земной жизни, будь они трижды возвышенны, не гарантируют счастья. Я спрошу по-другому. Вы верите в жизнь после смерти?

- Условно говоря, в Ад и Рай?.. Или в реинкарнацию? – Владимир Сергеевич пытливо посмотрел на Виталия Юрьевича.

- Ну, в Ад и Рай – примитивно. А в реинкарнацию? Не слишком ли просто? Душа улетела, душа прилетела, то есть переместилась в другое тело.

- Так ведь и Ад – не жаровня со сковородкой и кипящей смолой, а Рай – не сад с его райскими кущами, а вечные муки или вечное блаженство души. Современные теологи¹ - люди весьма образованные, мыслят категориями разумными и не отрицают основополагающего влияния теософии. Но теологи, по-моему, пребывают в сложном положении. Ведь учение Христа искажено. Взять хотя бы то, что церковь обещает вечные муки или вечное блаженство за совершенное в течение одной жизни на земле. Но тогда это значит, что каждый из нас заслуживает вечные муки. Уже одно это заводит учение в тупик... Мне, например, больше по душе понятия теософии. Они, во-первых, не противоречат привычным для нас материалистическим представлениям, потому что говорят о материи. Только материалисты ограничивают понятие «материя» Миром Плотным, Физическим, а оккультисты же, соглашаясь с понятием «материя» в этом смысле, добавляют, что «мате-

¹ Теология (гр.) – систематизированное изложение вероучения. Теолог – богослов.

рия» - это философская категория, служащая для обозначения объективной реальности, отображаемой не только известными человеку чувствами, но и теми, которые есть у него в потенциальном состоянии. Во-вторых, они объясняют многое непонятное, что является следствием непознанного. Мы, конечно, можем принимать или не принимать основные тезисы теософии, но другого логичного и разумно построенного понятия в религиозных схемах нет.

- Вы, Володя, имеете в виду. «Тайную доктрину» Блаватской?

- Ну, Блаватская только доступно изложила главную концепцию теософского учения, но есть еще масса приверженцев и пропагандистов теософии. Истоки теософии лежат очень далеко и под этим названием скрывается древнейшая из наук. Элементы теософии мы встречаем еще в древних религиозно-философских системах: и в брахманизме, и в буддизме, или у Платона, например. Но, по учению теософов, тайное содержание этих религий скрыто от непосвященных. В этом, по-моему, и содержится мистицизм учения.

- Я смотрю, вы хорошо знакомы с этой темой. Вам тоже вопрос о душе покоя не дает? – улыбнулся Виталий Юрьевич.

- Да нет, не в этом дело... Мы же на каждом шагу сталкиваемся с явлениями, которые не может объяснить наука. Ученые пытаются объяснить необъяснимое с помощью догм традиционной науки. Но это не вписывается в общепринятые рамки. В результате, получается невнятное бормотание. Это другая наука. Здесь нужно допустить недопустимое. Как у Лобачевского, который доказал, что возможна геометрия, отличная от Евклидовой. Он назвал эту геометрию «воображаемой». Между тем, развивая выводы из сделанного им допущения, Лобачевский ни к какому противоречию не пришел. Вот и я попробовал поискать ответ в другой плоскости. Естественно, не обошел и мистиков. Мне импонирует то, что в теософском учении

основной составляющей эволюции перевоплощения человека является духовность.

- Перевоплощения в другом теле? – уточнил Виталий Юрьевич.

- В общем, да. Если человек в земной жизни достаточно пробудил свою духовность, освободившись от ментального¹ тела, он пребывает на высшем из доступных ему на данном этапе эволюции Миров. В конце концов, формируется, так называемое, Высшее Я, которому предстоит многократно облекаться в ментальные и астральные тела, чтобы затем родиться, жить и умирать на Земле.

- Не понимаю, а какой смысл в этих превращениях?

- А смысл в необходимости развития всех способностей и сил, изначально находящихся в человеке в непробужденном состоянии. Высшее Я – это и есть божественная или, другими словами, космическая сила, которая лежит в основе всего существующего, и называется Духом.

- То есть, душой? И душа, значит, переходит от объекта к объекту после физической смерти. Это и есть реинкарнация? Так?

- Где-то так, где-то не так. В двух словах не объяснишь. Я дам вам книгу Николая Рериха «Семь великих тайн космоса». А еще лучше прочтите «Основы миропонимания новой эпохи» Клизовского.

- Спасибо. С удовольствием прочту. Только объясните, где предел этих превращений? Где начало, где конец?

- Ну, хорошо. Согласно учению теософии или Тайной доктрины, все во Вселенной обладает сознанием. И мы должны помнить, что, если мы не улавливаем признаков сознания, скажем, в камнях, то все же не имеем права говорить, что сознание в них отсутствует. Это, кстати, одно из отличий от материалистического восприятия. Вот если мы это принимаем, как принял Лобачевский свой допуск, то пойдем дальше. Вечная жизнь предполагает замену отживших форм более совершенными. Беспредельность не

¹ Ментальный – подсознательный, неосознанный.

имеет конца. Смерть – это не конец, и будущее человека находится в постоянном совершенствовании, которое достигается сменой жизнью то в Физическом мире, то в невидимом, Тонком... Когда духовный человек оставляет свое физическое тело, сознание его не прекращается, а его тело принимает только высшие эмоции, так как его любовь выросла в сверхличную божественную любовь.

- Володя, любовь к ближнему, любовь всех ко всем проповедует и христианская религия.

- Правильно. Во всех религиях основные заповеди остаются неизблемыми, потому что древние священные писания, включая Библию, являются изложением одной и той же Древней Мудрости – теософии, специально приспособленной для экзотерического¹ пользования. Общая черта у всех истинно духовных действий человека в том, что они идут не от ума, а от сердца. Йоги утверждают, что в словах «красота, любовь, радость, восторг, сострадание» заключена глубочайшая истина, которую, к сожалению, не понимает большая часть человечества.

Владимир Сергеевич замолчал. Он подождал с минуты, что скажет его визави, потом снова взялся за свой «Энциклопедический словарь».

Виталий Юрьевич думал о чем-то своем, и только пальцы его тихо и ритмично барабанили по столу. Но вдруг он спросил:

- Значит, Володя, вы верите в жизнь после физической смерти?

Владимир Сергеевич снова поднял глаза от книги:

- Я верю, что распад физической оболочки – это не конечная форма существования. Верить в существование одного только физического мира – слишком скучно. Если я верю во Вселенский разум, я обязан верить в многообразие форм. Это так же, как нельзя утверждать, что жизнь может существовать только в биологическом виде. Разумная жизнь может принимать самые немислимые формы: от га-

¹ Экзотерический – (гр.) не представляющий тайны, предназначенный и для непосвященных (обряды, магич. формулы и т.д.). Противополож. – эзотерический.

зообразной до плазменной и еще бог знает какой. И потом, мой разум не хочет мириться с фактором смерти, как полным прекращением своего бытия. ... А в общем, понятие человека о Боге эволюционирует вместе с эволюцией человечества. Чем выше культура людей, тем возвышеннее понятие их о том высшем начале, которое называется Богом.

Больше Виталий Юрьевич ничего не спрашивал. Казалось, он был удовлетворен разговором с Владимиром Сергеевичем. Оба углубились каждый в свое: Виталий уткнулся в свою рукопись, а Владимир Сергеевич опять в «Энциклопедический словарь».

Но тема жизни и смерти долго еще не давала покоя Виталию Юрьевичу, и он вернулся к ней у Алексея Николаевича, когда они с Ольгой Алексеевной сидели у Чернышевых по случаю какого-то торжества. Как это вошло у них в привычку, после застолья они уединились в профессорском кабинете, оставив женщин с их женскими разговорами, и повели привычную беседу, отводя душу в блаженстве поиска истины. Виталий Юрьевич успел прочитать и Рериха и Клизовского и теперь горячо доказывал другу состоятельность концепции теософии.

- Ну, вот возьмем астральное тело, - объяснял Виталий Юрьевич. - Оно отделяется от физического и перемещается в пространстве. То же происходит иногда во сне. Только мы не придаем этому значения. Наша память не фиксирует это.

- Ну и почему же мы этого не ощущаем и не фиксируем?

- Да потому, что обыкновенный интеллект по своей природе способен только к ограниченному восприятию. Неисчислимое и беспредельное - это сфера интуиций и более высокого сознания. В этом и таится главная трудность интеллектуального объяснения метафизических истин.

- Сомнительно, однако, - снисходительно хмыкнул Алексей Николаевич. - Этого никто не видел, потому что

не способен воспринимать. Значит, это никто не может подтвердить.

Скучный ты человек, Алексей. Если бы никто ничего не видел, не возникло бы самого теософического учения.

- Я трезвомыслящий человек и привык оперировать фактами. Ты дай мне факты, и я поверю и в Бога и в Дьявола.

- Ну, это ты точно как в том споре: «Где Бог? Что-то я его нигде не видел», так ведь и «тот, кто оперирует больных, вскрывая черепную коробку, ума там тоже не видит»... Страшно жить без веры. Ты, Алексей, во что-то веришь?

- Конечно! Верю в человеческий разум, в совершенство мироздания.

- А в Космический разум?

- В том смысле, что в Космосе происходят закономерные процессы, и все в мире подчинено строгим законам.

- Ты говоришь о физическом восприятии. А я говорю о чувственном. Ты же веришь, что существуют явления, которые не может объяснить традиционная наука. Это говорит о невозможности познания объективного мира.

- А это агностицизм¹. То есть, убеждение, что наука может познать лишь явления, но не сущность предметов и закономерностей развития природных процессов...

- Ну, это ты признаешь?

- В какой-то степени, да.

- Значит ты в какой-то степени агностик.

- И что из этого следует?

- Да то, что человеку нельзя без веры. Ведь страшно умирать, ни во что не веря. А наш народ семьдесят лет жил без веры.

- Ну, без веры народ не остался. Ему дали взамен религии идеалы и вождей. Вот я расскажу тебе случай. Об этом писали газеты. В одном поселке после известных событий в 1991 году бюст Ленина сбросили с пьедестала, на

¹ Агностицизм (гр.) – философское учение, отрицающее познаваемость объективного мира и объективное значение истины. Агностик – сторонник агностицизма.

котором он простоял лет пятьдесят с гаком. Какой-то мужичонка, намертво воспитанный советской властью, нашел бюст вождя в овраге и притащил домой. Из кирпича сложил новый постамент, побелил его и водрузил Ильича на новое место в огороде против своих окон. Так и смотрел вождь мирового пролетариата в огород. По утрам мужик здоровался с Ильичом, рассказывал ему о своих печалях и даже советовался с ним. Ребятишки из хулиганства по ночам сбрасывали многострадальный бюст с его нового места, и тогда мужик приковал его цепью к постаменту, а на цепь повесил замок.

Виталий Юрьевич серьезно выслушал рассказ, и даже тени улыбки не обозначилось на его лице.

Я думаю, - сказал он, - нашел бы мужик любой бюст и тоже поставил бы его возле своего дома, и также молился бы ему. Советская власть, отняв у него религию, посеяло в душе хаос, а демократические начинания отняли у него веру в вождей и тоже ничего не дали взамен. Веры-то в Бога уже не было. А без веры теряется смысл жизни. Ты, например, сможешь ответить на извечный вопрос: «В чем смысл жизни?»

- А никакого такого особого смысла нет. В глобальном значении, с точки зрения мироздания, смысл жизни всего живого в воспроизводстве себе подобных, чтобы не оборвалась биологическая цепочка.

- И опять ты рассуждаешь исходя лишь из чисто физических представлений о мире. А есть еще один смысл. Если мы верим в продолжение жизни в тонком мире, то есть, если мы верим в бессмертие души, то жизнь на земле разумного человека должна подчиняться смыслу нравственного улучшения себя, подготовке к следующему, более высокому перевоплощению в другом мире. Вот почему нужна вера.

- Послушай, Виталий, а какая мне радость от того, что там будет с неким моим астральным подобием, если меня не станет в моем физическом выражении?

- Алеша, жизнь в физическом теле – это мгновение перед лицом вечности. Знаешь, древние египтяне в самый разгар пиршества вносили мумию: знай, мол, смертный, удовольствия кончатся, и не все тебе радоваться, помни, что жизнь скоротечна, и смерть все равно придет к тебе. Тот смысл жизни, который сводится только к воспроизводству себе подобных, делает человека малозначительным. Вот Лев Толстой искал смысл жизни, метался, «спорил» с Богом и не мог согласиться с тем, что человеку уготовано то, что и зверю, то есть, размножаться и этим продолжать свой род. Для чего? Стоит почитать философские работы Толстого «Критика догматического богословия», «В чем моя вера», «Исповедь», которые дают представление о его Вере. К концу жизни Толстой достиг высокого духовного уровня и хотел видеть высокую духовность и исключительность в человеке. Потому, когда он увидел дерущихся пьяных мужиков, то с дикой тоской воскликнул: «Господи, как все это незначительно!»

- Однако Толстой сам был в молодости кутилой и волокитой. Да и уже в зрелом возрасте, будучи известным писателем, мог сквернословить и позволять себе скабрёзности. Ты же мне сам давал книгу «Горький о литературе», где есть его рассказ о том, как он пришел к Толстому, как к учителю, с робостью и почтением, а Толстой говорил с ним грязно о совокуплении нищего с нищенкой на дороге в пыли, употреблял матерные слова, будто Горький другого языка был не способен понять.

- Это ни о чем не говорит и к духовности не имеет отношения. Толстой – писатель и, рассказывая о грязном, мог пользоваться земными словами.

- Так чем же, в конце концов, по-твоему, отличается человек от животного? Это же один тип биологического существования. И те, и другие имеют по тридцать две тысячи генов. И разница лишь в том, как эти гены расположить. А то, что человек немного умнее обезьяны, для Высшего разума, если мы о нем говорим, вряд ли имеет

значение. Наши небоскребы и автоматы для него – все равно, что муравьиные кучи для человека, если не меньше.

- Вот. Животная природа препятствует проникновению сознания человека в более высокие миры. Земные достижения и духовные качества определяют дальнейшую судьбу человека. От животной ограниченности, унаследованной из далекого прошлого, человек ведется к божественной красоте того Мира, достижение которого и есть цель и смысл существования человека. Йоги вообще считают, что согласно известным им законам природы, эволюция однажды создаст животных с интеллектом современного человека, люди же к тому времени продвинулись в сферы сознания, о которых пока они не могут иметь представления.

- Все складно и понятно, но сомнительно, - повторил Алексей Николаевич. Он встал с кресла и потянулся, разминая затекшие члены. – Теорема, которую еще требуется доказать. Ну, ты – писатель. У тебя особый склад ума, и хотя твои мозги работают интересно, в них много мусора.

- Ну, спасибо, - обиделся Виталий Юрьевич. – Не знаю только, как принимать. Как комплимент или как критику.

- Принимай, как данность, - засмеялся Алексей Николаевич и после недолгой паузы сказал – У меня к тебе другой вопрос... Когда ты начнешь публиковаться? У тебя интересные вещи. Ты талантливый писатель, я же читал твои рукописи. Честно говоря, мне за тебя обидно, Ты посмотри, сколько хлама выдается «на гора». Появилась целая армия писак, которые работают по принципу «бумага все стерпит», а «народ все проглотит».

- Ты же знаешь, Алексей, теперь во главу угла поставлена прибыль, а прибыль приносят детективы, эротическая и эпатажная литература со скандалами и матом. Да и рукописи крадут. Вон, даже Нобелевские лауреаты плагиатом занимаются. Ты же читал об инциденте в Испании?

- Так-то оно так. Только что же ты собираешься свои романы с собой в следующие Планы унести?

- Ну, почему? Вот куплю компьютер, открою свой сайт, помещу главы из книг. Может быть, издатели заинтересуются. А пока «в стол». Мне спешить некуда. Я радость от творчества получаю. И это неплохая компенсация за труд. Тем более, что денег моей литературой не заработаешь.

- «И, обладая гипертрофированным чувством совести, он собирал рецензии на свои повести и рассказы и писал «в стол», - продекламировал Алексей Николаевич. - А знаешь, почему «в стол» писать плохо?

- Не знаю. «В стол» пишут бескомпромиссное и вкладывают душу. Пишут то, что невозможно оставлять в себе.

- Витя, дорогой! Новое имя, появляющееся в искусстве, принимается осторожно. Только настоящий ценитель, обладающий воспитанным вкусом, отметит истинную ценность продукта. А основная масса будет ориентироваться на реакцию в прессе. На какой-то ажиотаж. Поэтому читателя нужно постепенно приучать к своему творчеству, заявляя о себе. Как сказал в одном из интервью Борис Гребенщиков: «Народ – это такая масса, чьи вкусы понизить невозможно: просто некуда». Так что, будь ты сто раз гений, сразу тебя воспринимать не станут.

- Реклама? Как на «тампаксы»?

- А как же? Уж на что детективы пользуются повышенным спросом, а тоже требуют раскрутки. Или, возьмем хотя бы Малера. Его симфонии растянуты на два-три часа. Нудистика. Но постепенно он занял свое не последнее место в музыке. Он приучил людей к своему творчеству. Приучил временем. Люди нашли определенную прелесть в его музыке, ту изюминку, которую при первом знакомстве могли и не заметить. Ты пишешь серьезную литературу, и тебе придется пробиваться к своему читателю. Можно и опоздать. Или ты надеешься на посмертную славу?

- Ну, я же не могу написать дурь под названием «Я – Эдичка» и бегать по всем издательствам Америки. Это стыдно. Мне это претит.

- Ладно, Виталий, с тобой все понятно. Ты можешь доверить мне свою последнюю книгу? Она у тебя отпечатана?

- Да, только надо кое-что поправить.

- Вот и хорошо. В Москве есть одно молодое издательство. Директор издательства – мой старый знакомый еще по докторантуре. Я ему звонил по своим делам и, между прочим, говорил о тебе. Он готов посмотреть твою книгу. Я через неделю еду в Москву и, если ты не возражаешь, возьму книгу с собой.

- Конечно, конечно, - смутился Виталий Юрьевич. – Только как-то все неожиданно. Мне бы еще поработать над ней. Она хоть и отпечатана на машинке, но я бы кое-что в ней еще поправил.

- Нечего там править. Если в план включат, у тебя еще будет время ...

Вопрос о жизни и смерти, о смысле жизни так и остался открытым... И то: лучшие умы человечества веками ломали головы над этими вопросами, а Виталий Юрьевич с Алексеем Николаевичем вдруг взяли и решили неразрешимое, поставив на этом жирную точку?

- Сомнительно, - повторил про себя с усмешкой Виталий Юрьевич слова друга и вдруг неожиданно спросил:

- Алексей, тебе снится «благодать»?

- Что еще за «благодать»? – Алексей Николаевич с удивлением посмотрел на Виталия Юрьевича.

- Ну, это трудно объяснить. Какая-то абстрактная любовь ко всем и ни к кому. Неземная красота и полное блаженство. А после этого просыпаешься и от умиления хочется плакать и делать только доброе.

- Нет, такого мне не снилось. И делать только доброе мне в голову не приходило. А что?

- Да мне всего два раза приснилось. Это так хорошо. А больше не снится.

- Ну, это в церковь надо ходить. Бабки говорят, что там всегда «благодать», - серьезно сказал Алексей Николаевич.

Виталий Юрьевич только развел руками, мол, не причены.

Глава 32

И снова наступила весна. В конце апреля, когда реки после разлива вошли в берега, подсохла грязь, а на деревьях обозначился легкий налет от только что распустившихся почек, и первая нежная травка украсила холмы, пригорки и городские газоны, Виталий Юрьевич с Ольгой Алексеевной отправились на дачу. Была суббота. День стоял чудный. Солнышко ласкало теплыми лучами лицо, заставляло жмуриться и хотелось уже снять легкую куртку и рубашку и подставить солнцу голое тело, побледневшее за зиму до бледнопоганочного цвета. Но стоило снять верхнюю одежду, как холодный ветерок давал себя знать. На теле появлялись мурашки, и рука снова тянулась к куртке или свитеру.

Ехали в новой серебристой «десятке», которую дочь с зятем купили на оставшиеся от квартиры деньги и от продажи старой машины Владимира Сергеевича. Машину вела Мила. Она с удовольствием сидела за рулем, и Владимир Сергеевич, великодушно уступив ей это право, казалось, был даже доволен ролью не водителя, а пассажира. Он барином сидел на переднем сидении и изредка корректировал, подсказывая, когда сбавить скорость или своевременно переключить передачу. Но Мила вела машину вполне прилично, хотя права получила совсем недавно.

Шоссе закончилось, они свернули на грунтовую дорогу, переехали мосток через неширокую быструю речушку, поднялись на горку, вновь съехали с нее и минут через пять подкатили к воротам дачи. И только тут Виталий Юрьевич увидел, что электропровод, ведущий от столба к дачному домику, оборван и болтается где-то у земли.

- Пап, да здесь провода по всей линии срезаны! – с ужасом заметила Мила.

Виталий Юрьевич поднял глаза и обомлел: бетонные бруски столбов сиротливо стояли без проводов, словно оципаннные куры без перьев, и только ролики изоляторов,

да обрывки проводов на них уродливо торчали на верхушках.

- Ну, это уже ни в какие ворота... Полный беспредел, - возмутился Виталий Юрьевич. - Когда хоть успели-то? Вот жулье распустилось.

На соседних участках уже работали дачники. Земля еще была для копки сыровата, но самые нетерпеливые копали. К изгороди своей дачи подошел сосед Виталия Юрьевича через дорогу Николай Иванович.

- Ты чего возмущаешься, Юрьич? - сказал Николай Иванович. - Воровское дело - воровать. Ты не их вини, а власти. Если власть позволяет, будут воровать.

- Да как можно было так запросто срезать почти километр проводов? - не мог успокоиться Виталий Юрьевич.

- Ты, Юрьич, как с луны свалился, ей богу. Ты знаешь, сколько по области проводов срезают? Со столбов падают, от тока погибают, а все равно лезут. Их люминь, как золото старателей притягивает. Прямо какая-то люминивая лихорадка.

- Да чтобы срезать такое количество проводов, нужна спецмашина. Не будет же жулик на каждый столб с помощью «когтей» лазить?

- Спецмашина и была. Неделю назад еще следы от протекторов были видны. На машине, и прямым ходом в утиль.

- Как же провода в утиль принимают? Что ж это за народ такой бессовестный? - возмутилась и Ольга Алексеевна.

- Вы говорите, как принимают? Да теперь на каждом шагу палатки по приему металла. Принимают всё: алюминиевые барельефы, которые снимают с могильных плит, детали памятников. В городе не осталось места, откуда бы ни унесли что-нибудь алюминиевое или бронзовое. Вот я и говорю, власти виноваты. Кому-то выгодно это дело, раз все остается так как есть. Видно, деньги от утильсырья крутятся немалые, если села поголовно без света остаются,

а власти и в затылке не чешут. Кто-то высоко сидит, если с приемными пунктами справиться не могут.

- Мы на даче, после того как унесли алюминиевые та-зы, ничего из меди и алюминия не держим, - сказала Ольга Алексеевна

- А на дачах ни у кого уже алюминиевого ничего не осталось. У меня, к примеру, еще в прошлом году медную решетку с камина сняли, так я весь цветной металл здесь собрал и сам в утиль отнес, - весело сказал Николай Иванович

- В милицию не заявили? – спросила Мила.

- Да что вы, какая милиция? Кто будет этой ерундой заниматься? Скажут, сами виноваты. Караулить нужно было.

- Кто ж мог предположить такой поворот? – пожал плечами Виталий Юрьевич.

- Да предположить можно было! – возразил Николай Иванович. – В прошлом году в «Дубках», которые на горке, вот так же весной в межсезонье демонтировали и увезли цистерны, в которые закачивали воду. А их было три штуки, по пятьсот кубометров каждая. Представляешь, нужно было кран подогнать и КАМаЗ, не меньше.

- И как нам теперь без света? – совсем расстроилась Алексеевна.

- Как?.. Будем собирать деньги, покупать провода и восстанавливать линию.

- Слава богу, столбы не уперли, - пошутил Владимир Сергеевич.

- Вот и я говорю жене то же самое, - засмеялся Николай Иванович.

- Попробую-ка я на прием к губернатору записаться, - решил Виталий Юрьевич. – Может, поможет.

- Попробуй, Юрьич, - согласился Николай Иванович. – Только вряд ли. Ему бы свои дырки залатать. Дороги вон разбиты, в Сосновке, что рядом с городом, света нет. А наши дачи ему по боку. Это тебе не при старой власти. Сейчас в райком не пожалуешься.

- Капитализм показывает свое звериное лицо? – с иронией повторил сказанные когда-то Виталием Юрьевичем слова Владимир Сергеевич.

- Ничего, вы еще, молодой человек, с этим звериным лицом наплачьтесь, - мрачно изрек Николай Иванович, - и вспомните еще старое время и Советскую власть. И коммунистов вспомните.

Николай Иванович, громыхнув железной калиткой, ушел на свой огород, а Анохины походили по своему участку, порадовались совсем крохотным листочкам на смородине, подивились на взошедшие тюльпаны там, где их не сажали, и пошли в дом, чтобы привести его в жилой вид после зимы.

На обратном пути Виталий Юрьевич попросил Милу остановиться на обочине шоссе недалеко от жилья своих деревенских знакомых.

- Я на минуточку, - пообещал он и пошел по тропинке к дому Юрки.

Дверь в сенцы была открыта, и Виталий Юрьевич вошел в избу без стука.

- Хозяева! Кто-нибудь есть дома? – позвал Виталий Юрьевич.

Что-то упало или сдвинулось в глубине дома, послышались шаги, и в сени вышла Лида, Юркина жена.

- А, - узнала она гостя, но, видно, забыла, как зовут, и сказала без обращения: - Здрасте. А Юрка в огороде.

Виталий Юрьевич пошел за дом. Юрка копал огород. Дом стоял на косогоре и земля - в отличие от дачной - была почти сухая. Юрка был трезв и мрачен, но, увидев Виталия Юрьевича, просиял:

- Юрьич! Ишь ты, зашел! Не забыл, значит. А я тебя вспоминал. Ну, здорово, здорово!

Он улыбался, отчего на высохшем обветренном лице резче обозначались морщины, и оно похоже было на персиковую косточку.

Он воткнул лопату в землю и достал из кармана мятую пачку «Примы». Закурил.

- Ну, как вы тут? – Виталий Юрьевич тоже невольно улыбался.

- Да живем, хлеб жуем! – отмахнулся Юрка. – Вот, слава богу, весна пришла.

Юрка, прищурившись, посмотрел на солнце.

- Не пьешь?

- В завязке, - тусклым голосом сказал Юрка. – Вторую неделю не пью.

- А Николай? Что-то у них никого не видно.

- Помер Николай, - глухо выдавил Юрка. - После Нового Года схоронили.

- Да ты что? – не поверил Виталий Юрьевич. – Ему же еще тридцати не было. Как же это?

- Да вот так! От водки помер. Здесь у нас все от водки помирают. Пьем-то без меры. Я хоть передых себе устраиваю, а он без передыха.

В голосе Юрки звучала неподдельная тоска.

- Да вроде раньше он не все время и пил. Он же и работал все же, – возразил Виталий Юрьевич.

- Так чечен этот, сука, появился, - вдруг зло сказал Юрка.

- Какой чечен? – удивился Виталий Юрьевич.

- Да вот когда Танькина дочка с кавказцем с рынка спуталась, стали его дружки вместе с ним к Кольке навещать. Один, Рамзан, остался жить, вроде даже прописался. С тех пор водка – рекой. Без водки Колька, хочешь, не хочешь, а работать где-то нанимался, и работа вроде как удерживала, а как поселился этот Рамзан, так и пошла пьянка без перерыва. И что характерно. Сам чечен все время трезвый, а Колька все время в лежку. Я так думаю, чечен нарочно спойл его.

- А что ж Татьяна? – возмущился Виталий Юрьевич.

- А Танька сначала с ними пила. А потом уехала к матери. Ее-то дом пропили. А мать в соседней деревне. Вот вроде и приняла ее.

- Ну а ты чего смотрел? Ведь друзьями, вроде, были, - укоризненно сказал Виталий Юрьевич.

- А что я? Чечен приветливый, обходительный. Все с шуткой, да с улыбочкой. Плохого ничего не делает. В деревне со всеми перезнакомился. Бабы его в пример своим ставят: трезвый.

- А Антонина, дочка Татьяны? Ее же доля в доме должна быть.

- Появилась раза два. На похоронах была. Татьяна тоже заявила. А так, в доме Рамзан живет. И хоронили Кольку кавказцы. Их здесь штук пять было. А поминки справили такие, что вся деревня пьяная три дня ходила.

- Да-а, дела! – покачал головой Виталий Юрьевич. – Жалко мужика. Так с чеченцами жизнь навек его и связала. А я, было, порадовался. Смотрю, кирпич привезен, доски, щебенка. Думаю, молодец Николай, за дом взялся.

- Ага. Это Рамзан склады строить затеял под товар. А потом дом здесь отгрохает этажа в три, - Юрка зло сплюнул в сторону. – Сволочь он. А я уже нанялся на работу к нему. И ссориться с ним мне нет резона, потому что у него всегда есть работа... Теперь у нас в деревне два кулака будет.

- А другой кто? – любопытствовал Виталий Юрьевич.

- Хохол. Петренко. Этот, правда, свой. Деревенские говорят, с войны живет. На местной женился... И все нос воротил: «Как вы тут живете?». Все ему не так. И помидоры не сажают, и едят не то, и баню ему подавай. Построил сортир, за ним вся деревня сортиры строить начала. А теперь дорвался, пилораму поставил, кресты куда-то деревянные делает, табуретки, еще какую-то хрень. Колька у него работал до Рамзана, чечена. По три тыщи зарабатывал. Видел, дом стоит на повороте, как ты на дачу поворачиваешь? Ну, напротив магазина?

- Видел! – подтвердил Виталий Юрьевич. – Домина внушительный.

- Ну вот! Это и есть Петренко.

Юрка нервно закурил еще одну сигарету, глубоко затянулся.

- Тебе что-нибудь по даче помочь нужно или так зашел? – спросил Юрка.

- Да нет, Юр, зашел повидаться, - поспешил сказать Виталий Юрьевич. – А на даче всегда работа найдется. Может и поможешь когда.

- Помогу, Юрьич, не сомневайся. Дай только свое закончу. А то Лидка задолбает. Уж и так «икру мечет».

- Вы ж, вроде, расходились. Значит, вернулась, все-таки?

- Да куда она денется? Поблудила, коза, да в свой загон. Кому она нужна, кроме меня?.. А что пью, так вся деревня пьет. Где они трезвые-то? Скоро непьющих в цирках показывать будут.

Ольга Алексеевна, когда Виталий Юрьевич рассказал ей о смерти Николая, расстроилась и, сморкаясь в платок и словно извиняясь за свою слабость, сказала:

- Господи, молодой же мужик совсем, - вздохнула и добавила: - Несчастные люди.

- Несчастный народ, - сказал Виталий Юрьевич. – Живем как на вулкане. Реформы не идут. Недаром коммунисты осенью чуть на выборах не победили.

- Это закономерно, - отозвался Владимир Сергеевич. – Общество оказалось не готовым психологически к новым отношениям. Поэтому стало быстро леветь. Если б не компромиссная фигура Примакова, которого предложил в премьеры Явлинский, мы бы не избежали полного захвата власти коммунистами.

- Недолго ж он удержался в премьерах, - язвительно заметил Виталий Юрьевич.

- А на него просто наплевали, - спокойно сказал Владимир Сергеевич. Его в отличие от Виталия Юрьевича не сильно волновали все эти думские игры и правительственные дразги. Он внимательно следил за тем, что происходило в его стране, иногда его поражала глупость и алчность думских и правительственных чиновников, которые упрямо вели страну к катастрофе, но с безразличием фаталиста ждал, чем это закончится, и абсолютно был уверен, что

Россия не та страна, которую может смести кучка авантюристов.

- Ход был ясен. Во-первых, Дума не вяла увещаниям президента и Примакова о снятии вопроса по импичменту, и если бы она не утвердила предложенного Ельциным Степашина вместо Примакова, он мог бы внести любую неприемлемую кандидатуру и просто разогнать Думу. Помните, как Селезнев тогда, чуть не плача, сетовал на то, что Президент «творит, что хочет»?

- Вообще, это ужас какой-то. В стране беспорядок, в мире неспокойно. НАТО бомбит Югославию. Милошевич уперся как козел, и ни на какие уступки не идет. Хорошо хоть мы не ввязались в эту европейскую драку.

- Только этого нам сейчас не хватало, - испугалась Ольга Алексеевна. - У себя бы разобраться.

Дальше ехали молча. Каждый думал о своем. Виталий Юрьевич вернулся в мыслях к недописанной главе, Владимир Сергеевич переключился на диссертацию своего аспиранта и прикидывал текст отзыва; Ольга Алексеевна размышляла, что поставить на стол, и чем повкуснее накормить всю компанию, когда приедут домой; а Мила что-то мурлыкала себе под нос, напевая какой-то бесхитрый мотивчик, пребывала в хорошем настроении, и никакие международные проблемы ее не беспокоили...

Глава 33

В понедельник утром Виталий Юрьевич нашел телефон приемной губернатора и позвонил секретарю. Предупредительно-вежливая секретарша попросила изложить свою просьбу в заявлении на имя губернатора и назвала день приема. «В случае каких-либо непредвиденных изменений по срокам приема, вам будет своевременно сообщено», - заключила секретарша.

Виталий Юрьевич достал из ящика письменного стола лист бумаги, вывел в правом углу «Губернатору...» и задумался. Губернатору чего? Губернии? Но у нас теперь гу-

берний нет, есть области. Губернатору области? Тогда какой же он губернатор? Тогда он областнатор. «Черте что!» – рассердился Виталий Юрьевич. Какой-то умник выдержнул термин из старороссийского уклада, вбросил его в бюрократический язык новой России, и оно пошло гулять само по себе, оставаясь сиротой как архаизм в массе иностранных слов, обрушившихся на головы россиян... Хотя к любому абсурду, в конце концов, привыкаешь. А, с другой стороны, повтори сто раз «корыто», и оно тоже покажется абсурдом.

Виталий Юрьевич решил было написать «Руководителю администрации О-й области», но засомневался. Деловой язык всегда предполагает определенные штампы, и его обращение может не вписываться в стандартную форму. Он снова набрал номер телефона приемной губернатора, и, извинившись, спросил, как надо правильно обращаться к главе области. Секретарша нисколько не удивилась вопросу и терпеливо объяснила: «Это не важно. Чаше пишут «Губернатору области». Виталий Юрьевич поблагодарил секретаршу и положил трубку. Он с легким сердцем написал «Губернатору О-й области», но теперь стал в тупик перед тем, какое обращение ставить перед фамилией губернатора. Чуть поколебавшись, Виталий Юрьевич еще раз позвонил в приемную:

- Ради бога, извините меня еще раз. Я не знаю, что поставить перед фамилией губернатора, «товарищ» или «господин»?

- Ничего не надо ставить. На «господина» Василий Степанович обижается, а «товарищ» уже как-то не соответствует духу времени.

«А что я удивляюсь? – подумал Виталий Юрьевич. – Ко мне в автобусе и в магазине обращаются безлико «мужчина», а к моей жене «женщина»: «Женщина, передайте, пожалуйста, деньги за билет» или «Мужчина, вас здесь не стояло». И хотя по телевизору и на официальных встречах руководителей часто звучит «господин», в народе это не прижилось».

Виталий Юрьевич, теперь уже не сомневаясь, написал обращение и быстро и толково изложил просьбу.

День приема переносился дважды в связи с крайней государственной занятостью губернатора, о чем Виталия Юрьевича своевременно предупреждала неизменно вежливая секретарша. Потом секретарша предупредила, что прием состоится, но вести его будет первый заместитель, Сотников Николай Викторович.

В назначенное время Виталий Юрьевич сидел в коридоре возле приемной и украдкой поглядывал на таких же как он просителей. Их, к удивлению Виталия Юрьевича, оказалось немного, человек восемь. Все, судя по внешнему виду, были люди простого сословия, и только один выбивался из этой категории тем, что был единственным в дорогом костюме и при галстукe, а в руках держал черную кожаную папку. Все сидели тихо, переговаривались шепотом, точно находились в читальном зале библиотеки, и выглядели пришибленно.

Прием начался точно в назначенное время. Виталий Юрьевич приготовился терпеливо ждать, но не прошло и получаса, как его пригласили в приемную. Заместитель губернатора решал вопросы просителей удивительно быстро.

Из приемной его проводили в небольшой кабинет, где шел прием. За столом сидел подтянутый ладный мужчина лет пятидесяти пяти с приветливым выражением лица. Это и был первый зам губернатора Николай Викторович Сотников. Чуть поодаль, у стены, расположился его помощник, молодой еще человек, тоже в костюме и при галстукe. На коленях он держал большой блокнот и что-то записывал в него. Виталий Юрьевич поздоровался и сел на указанное ему место за стол, приставленный в форме буквы «Т» к столу замгубернатора.

Виталий Юрьевич коротко, насколько мог, объяснил ситуацию, сложившуюся в их дачном кооперативе, и изложил просьбу, не преминув отметить, что он действует от имени всех дачников. Зам губернатора уже, очевидно, ознакомился с заявлением Виталия Юрьевича, представлен-

ным ему секретаршей, потому что ответил сразу и безапелляционно.

- К сожалению, Виталий Юрьевич, мы вам ничем помочь не сможем. Ваше садоводческое товарищество – это частное объединение. А местные электросети сообщают нам, что за один только прошлый год было украдено 130 километров проводов и обесточено более 100 населенных пунктов. А восстановление электроснабжения их задерживается из-за отсутствия денежных средств на приобретение проводов и трансформаторов.

- Это, вроде как выходит, не я вам жалуясь, а вы мне, - мягко сказал Виталий Юрьевич, боясь обидеть высокого чиновника.

- Да нет, я вам просто обрисовал ситуацию, которая сложилась у нас в области с электроснабжением.

- Вот здесь бы власть и употребить, - осторожно намекнул Виталий Юрьевич.

- Не все так просто. Если вы имеете в виду, закрыть все пункты по приему металла, то это нарушение закона о частном предпринимательстве, которое мы призваны всемерно развивать.

- А нельзя их под жесткий контроль? Чтобы они отвечали за то, что принимают. Ведь к ним же еще и канализационные люки тащат. Сколько уже аварий произошло на дорогах из-за этих люков!

- Я с вами, Виталий Юрьевич, соглашусь. Контроль нужен, и он есть. Да только вора трудно поймать за руку. Провода переплавляют в слитки, и это не трудно сделать с таким легкоплавким металлом как алюминий. А изделия из бронзы или других металлов моментально прячутся так, что найти трудно, и тоже потом переплавляются или видоизменяются, и уже от первоначального вида ничего не остается.

- И все же позвольте мне не согласиться с вами, Николай Викторович, - решил возразить Виталий Юрьевич. – Ведь такое же безобразие по всей стране творится, и масштабы воровства наталкивают невольно на мысль, что

дело здесь в другом. – Виталий Юрьевич вспомнил их разговор с соседом по даче Николаем Ивановичем.

- В чем же? – Николай Викторович превратился весь во внимание и даже наклонился немного над столом.

- Кому-то просто выгодно оставить все, как есть. Здесь же такие деньги крутятся, что невольно возникает соблазн поживиться. Жаль только, что цветной металл из страны уходит. – Виталий Юрьевич говорил доброжелательно, стараясь ненароком не задеть больную струну зам руководителя администрации области.

- Ну, это ваше личное мнение. Предполагать можно все что угодно, хотя я могу допустить, что вы где-то правы, - сыграл в демократию Николай Викторович. - Только, если это «кому-то», как вы сказали, и выгодно, то только не мне и не Василию Степановичу. Так что, это не по адресу.

- Я не хотел вас, Николай Викторович, обидеть. Но я не вижу, куда можно обратиться «по адресу». Жулики не сеют и не пашут, а живут припеваючи. У моего соседа среди бела дня под носом у милиции машину увели. Отдел милиции, куда он обратился, отреагировал формально, и тогда мой сосед пошел на прием к замначальника УВД области. Тот выслушал, принял заявление, посочувствовал, а потом «утешил»: «У моей дочери, говорит, в прошлом году тоже «девятку» увели». Правда, с трудом верится, что эту «девятку» не нашли, потому что, когда милиция хочет, все вверх дном перевернёт, а до истины докопается. Но одно дело - мой сосед и другое - зам начальника областного УВД. А почему не воровать, если за угон машины угонщик получит условный срок? Это, конечно, если он увел машину у моего соседа... Кстати, Николай Викторович, за провода кого-нибудь посадили?

- Законы, Виталий Юрьевич, не мы принимаем.

- Значит, не поможете? – вздохнул Виталий Юрьевич.

- Мария Казимировна, - негромко позвал Николай Викторович. – Чуть подождал и попросил сидевшего сбоку помощника пригласить Марию Каземировну. Тот быстро

вышел, и в комнату тут же вошла секретарша, которой Виталий Юрьевич передавал заявление и которая регистрировала посетителей.

– Мария Казимировна, где-то должен быть зам главного инженера «Облэнерго». Он еще здесь? Если здесь, найдите и пригласите сюда, ко мне.

- Хорошо, Николай Викторович.

Секретарша бесшумно выскользнула из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

- Вы, Виталий Юрьевич живете в нашем городе давно? – поинтересовался Николай Викторович

- Мы отсюда с матерью уезжали в эвакуацию, когда немцы подходили к городу. Отец нас вывозил по трупам. Нас нельзя было оставлять, потому что он был офицер и коммунист. Кстати, он по заданию ЦК во время войны находился в Тегеране и в 1943 году был там во время встречи руководителей трех держав. Сюда мы вернулись в 43-м, когда наши войска освободили город от немцев. Так что я вправе сказать, что это мой родной город.

- А что стало с отцом? – заинтересовался Николай Викторович

- Банальная история. После диверсии на груз, который он сопровождал через границу, он получил тяжелую контузию, долго лечился, занимал средние руководящие должности после войны, по состоянию здоровья вынужден был отказываться от более чем серьезных предложений, и умер рано, когда ему едва стукнуло пятьдесят. А карьера его ждала, скажу вам, блестящая. Впрочем, о периоде его работы в Иране он не распространялся.

-Да! Бывает, - сочувственно сказал Николай Викторович, чуть помолчал и спросил уже бодро: - Ну, а как город теперь? Ведь, правда, он стал несравненно лучше?

- Город красивый. Стоит на двух реках. Мосты удобно соединяют все районы.

- А новые застройки, скверы, тротуары?

- А дороги, грязь? - в тон ответил Виталий Юрьевич. Он почувствовал явное расположение к себе со стороны

высокого руководителя и, видя, что разговор принял форму неофициальной беседы, позволил себе некоторую вольность. – А стройплощадки, на которых месится грязь, а потом на сотни метров КАМАЗы развозят ее по городу?

- У города мало денег, - сказал Николай Викторович. - Вам же, наверно, известен наш бюджет? У нас после расчета с государством остаются крохи.

- Татары, в период их правления на Руси, брали не более 10% ясака, считая, что если будут брать больше, у русских не будет стимула работать и зарабатывать.

Николай Викторович усмехнулся и ничего на это не ответил.

- Тем более удивительно, - продолжал Виталий Юрьевич. Он уже освоился с обстановкой, чувствовал себя свободно и забыл всякую осторожность, которая никогда не оставляет русского человека при разговоре с представителями власти. – В Европе, прежде чем дом строить, дорогу прокладывают, а мы, когда строить начинаем, весь асфальт, который был, грязью на метр покроем, а потом снова укладываем, потому что старый асфальт безвозвратно потерян. А я знаю, что дорожные работы стоят баснословно дорого... А наша привычка положить асфальт на канализацию, а потом регулярно долбить его, чтобы чинить эту канализацию? И чаще всего, траншеей после ремонта засыпают землей, на худой конец, щебенкой, а про асфальт забывают на долгие месяцы...

- Вы, Виталий Юрьевич, я смотрю, видите одни темные стороны нашей действительности, – назидательно сказал Виктор Николаевич. - Так нельзя. Недостатки есть. Не без этого. Но вы смотрите шире. Почти все тротуары выложены плиткой. Посмотрите, какие теперь шикарные крытые рынки, сколько открылось новых частных магазинов. И все это за короткий срок.

- Это я вижу и радуюсь. Но, Николай Викторович, как я могу относиться к тому, что в центре города, арку дома, в котором я живу, превратили в туалет.

- Как это? – не поверил Виктор Николаевич.

- Да вот так. Мимо нашего дома народ идет в парк, а в праздники здесь толпы гуляют. И все ходят в туалет под арку. И уже, не стесняясь: и мальчики и девочки в одну арку. Утром, правда, приезжают какие-то тети и дезинфицируют. И никому из чиновников в голову не пришло просто поставить биотуалеты.

- Но вы куда-то обращались? – напрягся Николай Викторович.

- Конечно, обращались. Только на наше коллективное письмо на имя мэра города нам ответили, что факты действительно «имеют быть место и во время массовых гуляний арка дома отдельными гражданами используется как отхожее место» И язык-то какой! «Имеют быть место». От этого письма за версту несет чиновником старой школы.

- И что же вам обещал мэр? – Николай Викторович не мог удержаться от улыбки.

- А он в устном разговоре сказал: «Что ж вы хотите? Живете в центре, да еще вам все условия. Считайте, что это издержки комфорта», но, правда, обещал организовать милицейский пост у дома. Это вместо того, чтобы поставить биотуалеты. А вы спрашиваете, что изменилось. Вместе с новостройками город наводнили игровые автоматы и казино, которых скоро будет больше, чем в Лас-Вегасе. Молодежь ходит по центральным улицам с двухлитровыми бутылками пива, а в нашем дворе мы каждый день находим шприцы. Свобода должна быть ответственной, и это прерогатива власти.

- Минуточку, - Николай Викторович повернулся к своему помощнику и тихо сказал: - Вопрос с туалетами на контроль.

- Я записал, - кивнул помощник.

- Вот опять у вас власть виновата, - продолжал Николай Викторович. - А я, как и вы, Виталий Юрьевич, тоже такой свободы не приемлю. Более того, считаю, что демократия и свобода могут принимать формы, которые вызывают разочарование многих, потому что свобода, можно сказать, свалилась на общество, которое оказалось не гото-

вым принять ее. Тем не менее, другого пути у нас нет. На Западе демократическое общество формировалось столетиями, и процесс этот был естественным. У нас этого времени нет. А общество созреет быстро и научится правильно пользоваться данными ему свободами. И это лучше, чем ждать, пока мы нравственно дорастем до понимания необходимости быть свободными и жить при демократии. Можно и не дожидаться. А власть на то и власть, чтобы не преступать закона и следовать конституции. Поэтому мы вынуждены мириться с теми перекосами, которые выплескиваются из этой свободы.

- Да-а! Русский человек всегда хотел свободы и мечтал о ней. Но эта его свобода была мифической. А вот дали нам свободу реальную, а мы теперь не знает, что с ней делать, она пугает нас и ставит в тупик. Мы растерялись. И оказалось, что реальная свобода нам не так уж и нужна.

Николай Викторович поправил очки, внимательно посмотрел на Виталия Юрьевича, хотел что-то добавить, но в дверь просунулась голова.

- Можно?

В комнату вошел невысокий плотный мужик с чуть вьющимися черными волосами и смуглым лицом. На нем был темный костюм и красная рубашка без галстука с расстегнутой верхней пуговицей.

- Цыган, что ли? – мелькнуло в голове Виталия Юрьевича.

- Вызывали, Николай Викторович?

- Проходите, Тофик Бахрамович, - пригласил зам губернатора.

«Азербайджанец», - решил Виталий Юрьевич.

- Вот тут в дачном кооперативе «Отрада» электропровода срезали. Сможете помочь?

- Помилуйте, Николай Викторович. Вы ведь знаете, какие убытки понесли электросети от этих краж? Убытков, если считать ремонтно-восстановительные работы, почти на два миллиона рублей. Нам хотя бы с основными объектами справиться.

- Видите, Виталий Юрьевич? – развел руками зам губернатора. – Вот такие дела!

- Вижу! – буркнул Виталий Юрьевич. - Извините, зря приходил, только время у вас отнял.

- Ну, почему же зря? – улыбнулся Николай Викторович. – По крайней мере, теперь вы не понаслышке знаете наши проблемы. Мне жаль, что я не смог вам помочь. Но все же хочу на прощанье осветить проблему, как я ее вижу. Электропровода – это собственность вашего садоводческого общества, а собственность надо охранять.

- Как ее охранять? Зимой и ранней весной никого в дачном поселке нет. Да и как уследишь? Воры все наши передвижения лучше нас самих знают.

- Нанимайте охрану, демонтируйте на зимний период линию. А как вы хотели? Пора от иждивенчества переходить на продуктивное отношение к жизни.

Николай Викторович устало откинулся на спинку стула и посмотрел на часы.

- Все, Виталий Юрьевич. Рад был познакомиться с вами. Еще раз извините, что не смог помочь. Рад бы, да не всемогущ. Приказать не могу, сами понимаете. Не старые времена.

Зам губернатора как-то криво усмехнулся и развел руками. И непонятно было, то ли он сожалеет о старых временах, то ли нет.

«Из коммунистов, - отметил про себя Виталий Юрьевич. – Из тех, кто перестроился».

Глава 34

Как-то ближе к осени позвонила Лена и радостно сообщила, что через месяц прилетает Реваз и что они вместе с Додошкой, наконец, тоже уедут в Америку.

Вечером Лена зашла к Миле. Катя делала уроки в своей комнате, Владимир Сергеевич как всегда работал за компьютером в их спальне, которая днем служила кабинетом, и подружки сидели на кухне вдвоем, пили чай с печень-

ем, обсуждали предстоящий отъезд, но теперь у Лены радость сменилась смутным ощущением тревоги. Это чувство передалось Миле, ей было грустно, она, как могла, утешала подругу, пытаясь развеселить ее, но кончилось тем, что они обе расплакались.

- Ну, в конце концов, ты едешь не на пустое место, - говорила Мила. - Там уже все обустроено, есть жилье, и заработок у Реваза для начала вполне приличный. Хуже, чем здесь, не будет.

- Да я все понимаю, - соглашалась Лена. - Но это ведь за тридевять земель. А здесь мама остается, вы.

- Лен, несколько часов лета - это не за тридевять земель. Мы до Москвы с тобой шесть часов поездом едем. А маму твою мы не оставим, не беспокойся. Да и потом, она тоже, может быть, позже захочет к вам переехать.

- Да-а! - редела Лена. - Знаешь, сколько стоит слетать в Америку? А вдвоем?

- Подумаешь. С американскими деньгами раз в год можно и на родину слетать! Да о чем мы говорим? - засмеялась Мила. - У тебя до отъезда еще целый месяц. Чего раньше времени расстраиваться?

Через несколько дней все вошло в привычное русло. Ощущение тревоги прошло, и ожидание утратило напряженность первых дней. Лена свыклась с мыслью, что она уезжает и что это неизбежность, от которой не убежишь и не спрячешься, но сердце иногда вдруг начинало щемить от неясной тоски, и тоска эта разливается горечью по всем клеточкам так, что хоть вой; но потом ничего, отпускало, уступая место рассудку. И тогда снова, теперь уже с нетерпеливым и сладким ожиданием, она начинала считать дни до приезда Реваза.

Месяц прошел, и наступило утро, когда Реваз позвонил из Москвы, а к вечеру уже обнимал Лену и сына. Выяснилось, что у них до отъезда еще целая неделя, и счастливая Лена порхала бабочкой вокруг мужа, забыв все свои тревоги, одолевавшие ее, словно приступы мигрени.

На следующий день Лена с Ревазом и Мила с Владимиром Сергеевичем вчетвером сидели в Лениной квартире за столом. Мила принесла свой фирменный пражский торт, и он украшал незамысловатый, наскоро собранный стол, хотя и выпивки и закуски хватало. Здесь не было котлет, салата Оливье, винегрета и холодца, но стояли в открытых банках шпроты, на тарелках лежала аппетитно нарезанная буженина, желтела прозрачными ломтиками севрюга, розовели кружочки копченой колбасы на тарелке, салат из свежих помидоров и огурцов утопал в майонезе, и целая картошка исходила паром, вызывая аппетит неповторимым, только ей присущим запахом и провоцируя чувство голода даже у сытого человека. Бутылка дорогого коньяка и бутылка «Хванчкары» часовыми застыли над всем этим великолепием.

- Ну, Реваз, рассказывай, как ты там? – сказал Владимир Сергеевич, когда выпили по рюмке и закусили.

- Да что рассказывать? Ты все знаешь. Я и Ленке, и вам звонил. Привыкаю потихоньку. – Реваз выглядел усталым, но улыбался, и видно было по всему, что ему хорошо в кругу друзей, и он рад застолию.

- По телефону много не расскажешь, - возразила Мила. - Правда, Реваз, интересно же узнать, как там в Америке, от живого человека, а не из газет.

- Ну, вот говорят, что русские похожи на американцев. В них тоже есть некая бесшабашность в характере, что роднит их с русскими. Это так? – Владимир Сергеевич отложил в сторону вилку и, скрестив руки на груди, приготовился слушать.

- Нет, не так. Лично я ничего бесшабашного в американцах не заметил. Разумный авантюризм, может быть. А то, что ты называешь бесшабашностью, скорее всего, чисто внешнее и обманчивое, от желания показать свою состоятельность, что все идет «О'кей». Первое, что бросается в глаза, когда приезжаешь в Америку, это то, что все улыбаются. В России внешне люди мрачные и хмурые, а американцы улыбаются. И, знаете, меня это скоро стало раз-

дражать. Так и подмывало подойти и сказать: «Что ж ты, гад, лыбишься без причины?»

Лена с Милой рассмеялись.

- Я заметила, что ты уже тоже улыбаешься ни с того ни с сего, - заметила Мила.

- С волками жить – по-волчьи выть! – пошутила Лена.

- Ну-ну, ты про волков поосторожней! Это теперь тоже моя стая, и мне нужно учиться быть американцем, - поллушутливо полусерьезно сказал Реваз. Он подцепил вилкой ломтик ветчины и стал жевать.

- Давайте-ка еще выпьем, - предложила Лена, и Реваз взял коньяк и стал разливать по рюмкам.

- Американцы в отличие от русских никогда не жалуются и не делятся своими неприятностями с соседями и знакомыми. И если в России на вопрос «Как дела?», тебе выложат все, что только возможно, а на вопрос о здоровье перечислят весь букет своих заболеваний, то американец коротко ответит, что дела идут хорошо, а здоровье отличное. Американец будет демонстрировать хорошее настроение независимо от того, как на самом деле обстоят его личные дела.

- Это понятно, - сказал Владимир Сергеевич, - потому что от того, как преподнесет себя человек, зависит отношение к нему окружающих и, главное, работодателя.

- Да, - согласился Реваз. – Американцы считают, что, прежде всего, внешность открывает любые двери. Поэтому они так широко пользуются дезодорантами, духами, мятными таблетками, следят за зубами, ногтями и, кстати, душ принимают ежедневно. По статистике, красивые люди зарабатывают на 5% больше.

- Русские в этом отношении подкачали, - усмехнулась Мила. – Иной раз в троллейбусе от какой-нибудь дамы такшибанет потом, что хоть нос затыкай, а уж про мужиков я и говорить не хочу...Прошу прощения, не за столом будь сказано.

- Американцы как народ формировались в других экономических условиях. Может быть, не будь семнадца-

того года, мы бы тоже не казались Америке и Европе такими дикими, - попытался заступиться за русских Владимир Сергеевич.

- А ты знаешь, Володя, простому американцу наплевать, что там у русских делается. Ему все равно, принимает он душ ежедневно или нет, и что он думает про американцев. Но когда они сталкиваются с нашим образом жизни, они не понимают многое из того, что доходит до них из России. Например, они не понимают нашего отношения к пожилым людям и инвалидам. Когда они видят, как у нас, помогая инвалиду войти в автобус, его чуть не втаскивают туда за шиворот, они спрашивают, почему нельзя обеспечить автобус гидравлической системой, которая опускает ступеньку до уровня тротуара. В Америке все эти проблемы давно решены. Для американца инвалид – это такой же гражданин, как все. И это уже на уровне подсознания. И самое главное: нет этой русской брезгливости к инвалиду. А это уже другой, более высокий уровень культуры... Вот сравните, могла бы быть такая терпимость здесь? Ежегодно по всей Америке проводят массовые марафонские забеги, и в этих забегах принимают участие инвалиды. Забег длится два с половиной, три часа. Известен случай, когда к финишу прибежала или притрусилась, как хотите, бабулька через семьдесят четыре часа...

Реваз сделал паузу и, прочитав недоумение в глазах слушавших, с видимым удовольствием заключил:

- И все спортивные представители, судьи, машины скорой помощи ждали ее, не высказывая какого-либо недовольства по этому поводу.

Реваз обвел всех торжествующим взглядом, надеясь увидеть в ответ выражение одобрения

- Глупость! Иррациональная глупость! - охладил восторг Реваза Владимир Сергеевич.

- Вот оно чисто русское мышление! – обиделся Реваз. – А я считаю это проявлением культуры. Терпимость и сострадание американцам более свойственны, больше, чем русским. Они терпимы не только к старикам и инвалидам.

Они терпимы и к чужой внешности, одежде, к иной манере поведения, потому что, прежде всего, ценят свободу во всех ее проявлениях.

- Извини, Реваз. Я понимаю, ты уже почти американец, и тебе по штату, извини за каламбур, полагается хвалить Америку. Но, поверь мне, ты все равно в глубине души останешься советским армянином, и душа у тебя больше русская, чем американская. Я категорически заявляю, что ты более духовный, чем любой американец. И духовность эта не поверхностная на показ, а глубинная, которую клещами не вырвать и никакими ядами не вытравить. Так что, не надо говорить об американской духовности и американском сострадании. Это у них не генетическое, а благоприобретенное и проявляется настолько, насколько требует закон и общепринятый порядок. Американское общество сделано искусственно конституцией, логикой и законами. Так как болит душа у русского человека, не болит ни у кого, и страдает русский человек на всю катушку. Запют цыгане про очи черные и очи страстные, русский обрывается. Пушкин ходил к цыганам в табор пострадать под цыганскую песню. И гуляет русский «во всю Ивановскую» так, как никто не умеет. И отдаст все до последней рубахи из сострадания к ближнему...

Реваз хотел что-то возразить и чуть привстал из-за стола, но встретился с твердым взглядом Владимира Сергеевича, и снова опустился на стул. Владимир Сергеевич замолчал вдруг, словно устыдившись пылкости своей речи, и сказал спокойным ровным голосом:

- А насчет глупости, согласишься, что благоразумнее было бы оставить на финише одну скорую помощь и одного или двух спортивных представителей, чтобы дожидаться, когда прикандыляет упрямая бабулька.

- Володя, - мягко сказал Реваз. - Это патриотично, защищать свою страну и свой народ. И это по-американски. Жаль только, что русские сами часто хаот Россия и все чаще поворачиваются в сторону Америки.

- Это сегодняшние государственные мужи поворачиваются в сторону Америки, вместо того, чтобы использовать лучшие качества своего народа и вести страну по своему пути, а не по чужому.

- Но неужели плохо жить по правилам, чтить закон и Конституцию на деле, а не на словах, быть законопослушным гражданином, патриотом своей страны, а не вести себя как вздумается. В Америке частная жизнь – «privacy» - это неприкосновенно. Посягательства на частную жизнь, воровство, мошенничество ставят вне закона и сурово караются. Системы правопорядка защищают личность от произвола, насилия, вмешательства в частную жизнь не на словах, а на деле, потому что в Америке считается высшим достоинством быть свободным.

- Поэтому в Америке назначают сроки заключения, которые могут составлять сотни лет. Еще одна глупость!

- А не глупость давать за убийство пять лет, а потом выпускать через год на свободу, - парировал Реваз. – Да у вас здесь все с ног на голову перевернуто. Убийцы гуляют на свободе, судебная система насквозь прогнила, судьи продаются как проститутки, братки судят по своим понятиям честнее, чем прокуроры. И что ты защищаешь, не понятно, - разозлился Реваз.

- Не спорю. Кругом бардак и коррупция. Но так не будет всегда... Заметь, Реваз, и в Америке тоже не всегда все было в порядке. Вспомни, как шло первоначальное накопление капитала, вспомни «великую депрессию и массовую безработицу. А если говорить о посягательстве на личную жизнь и свободу, то вспомни Гувера, когда велась тотальная слежка за каждым, когда подозрительность царил в обществе, и любой американец мог быть арестован по незначительному поводу.

- Вот эти решительные меры и спасли свободную Америку. Компартия была запрещена, и это стало благом для Америки, а то коммунисты и Америку превратили бы в нищенскую и дикую страну, как они превратили Россию. Кстати, это все в прошлом.

- Да, сегодняшним американцам и тебе вместе с ними повезло, что вы попали на пик благополучия, в котором сейчас находится Америка. Согласись, что ты не поехал бы жить за океан во времена Гувера или «великой депрессии».

- Обидно, что ты обо мне так думаешь! – Реваз резко отодвинул от себя тарелку, и она откликнулась металлическим звоном, наткнувшись на вилку. – Ты знаешь, почему я уехал в Америку! Потому что меня вытолкнули из моей родной Армении и из Азербайджана, а Россия, где я хотел найти вторую родину, меня тоже не приняла. Я здесь был «лицом кавказской национальности», а в Америке я американец, полноправный гражданин этой страны, и меня, где бы я ни оказался, будет защищать государство и армия. Меня уже попробовали остановить ваши менты в Москве, но посмотрели мой американский паспорт и взяли под козырек. И я в этот момент почувствовал гордость за то, что я американец. А теперь скажи, как я должен относиться к Америке, которая, я надеюсь в это, станет моей второй родиной? И жаль, что это не Россия. Но России я не нужен. Боюсь, что и ты, Володя, ей не нужен, иначе она бы тебе, доктору наук, ученому, не платило бы гроши, которые у вас называются прожиточным минимумом.

- Прости, Реваз, я не хотел тебя обидеть. И реплики мои не имеют никакого отношения к личному. Ты мой друг и, надеюсь, останешься им. А в лицемерии ты меня упрекнуть не можешь. Просто я не настроен так восторженно, как ты, и хочу сказать, что не все так просто, и что иногда даже очевидные вещи могут быть неоднозначными. Как говорится, палка всегда о двух концах. Ну, вот смотри, американцы стремятся к независимости. Для них характерна вера в собственные силы, стереотип американца: хорошая работа или свой бизнес, создание семьи, собственный дом и автомобиль.

- Да, и это хорошо. В Америке трудолюбие и деловитость – достоинства, а работа – источник благосостояния. Там уже ребенку внушают: «сделай себя сам!» и поддерживают в нем самостоятельность. Молодежь не гнушается

любой работой и стремится к материальной самостоятельности. Достигнув совершеннолетия, дети обычно покидают дом, самостоятельно выбирая свой путь...

- Это прекрасно, - перебил Владимир Сергеевич. - Но в то же время эта независимость, способность изменить судьбу хороша для деловой жизни, а в браке эти достоинства оборачиваются своей противоположностью, приводя к конфликту двух личностей, стремящихся к утверждению собственного Я. И в результате, американцы предпочитают послушных, покладистых и душевных русских женщин, к тому же красавиц, своим деловым американским.

- Так что, Реваз, американцы иззавидуются тебе, потому что рядом с тобой будет теперь покладистая русская женщина, - весело сказала Лена.

- Надо добавить еще: умная и красивая, - засмеялась Мила.

Реваз притянул к себе Лену, обнял ее и поцеловал.

- Чего там американцы? Я сам себе завидую, - с улыбкой промолвил Реваз, взял коньяк и налил всем в рюмки. - Предлагаю тост. За русских женщин, самых красивых в мире.

- То-то! - серьезно согласилась Мила. - Здесь мы точно впереди планеты всей.

За столом стало оживленно, шутили, рассказывали анекдоты. Потом Реваз спросил Владимира Сергеевича:

- Вы все про меня, да про Америку, а как ты? Как твоя наука? По-прежнему гнобят и денег не платят?

- Гнобить не гнобят, но и разгуляться не дают. Зарплата - кошачьи слезы.

- В общем, наука и образование у вас не в чести, - констатировал Реваз. - Так относиться к своим ученым - это рубить сук, на котором сидишь. Без науки не может быть сильного государства.

- Володю приглашают прочитать цикл лекций в Мюнхенском университете, - выдала семейную тайну Мила.

- Да-а? - искренне обрадовался Реваз. - Что ж ты молчишь? Это же здорово! А что будешь читать?

- Ориентировочно, «Плановая экономика в Советской России и проблемы рыночной экономики постсоветского периода».

- И когда едешь?

- Да еще все не ясно. Не знаю. И с языком проблемы. Знания на уровне аспиранта.

- Сидит, немецкий учит, - вздохнув, подтвердила Мила.

- А как ты на них вышел? – поинтересовался Реваз.

- Это они на меня вышли. На немецкий перевели мою монографию на тему новых экономических условий в период перестройки, и она появилась в одном научном экономическом издании Германии.

- Молодец, - с чувством похвалил Реваз. – Я в тебя всегда верил.

- Гении – они нигде не пропадут, - улыбнулась Лена.

- Ага, как говорят у нас в России, талант не пропьешь, - подхватила Мила.

- Ревазик, у нас Мила теперь тоже кандидат наук, - похвасталась за Милу подруга.

- Ну, ребята, вы титаны, - с неподдельным восхищением сказал Реваз.- За это надо выпить.

За разговорами просидели допоздна. Пить уже никто не хотел, и Лена пошла ставить самовар. За чаем опять заговорили об Америке.

- Вот у вас там, я знаю, считается нормой позвонить в полицию и сообщить о своем подозрении в отношении соседа или донести на своего коллегу по работе, - сказал Владимир Сергеевич. – Тебе не кажется, что это как-то подленько, что ли?

- Это с твоей точки зрения, - возразил Реваз.

- А с твоей? – Владимир Сергеевич внимательно посмотрел на Реваза. – Ты тоже доносишь?

- Я не доношу, - насупился Реваз. – Но считаю, что нет ничего предосудительного, если негодяя или нечистого на руку подлеца выведут на чистую воду. Если эти люди мешают жить честным американцам, почему они должны оставаться безнаказанными... Да, в Америке сотрудничест-

во с властями поощряется, и норма поведения – это честность, честность во всем. В американской школе, например, не принято списывать на уроках и пользоваться шпаргалками, а в бизнесе не принято нарушать обязательства.

- И что, если в школе кто-то списал, донесут? – в голосе Милы была ирония.

- Скорее всего, донесут, - мрачно подтвердил Реваз, и видно было, что это ему совсем не по душе.

- У нас за это темную делали, - с удовольствием сказала Мила.

- На Руси издавна сложилась поговорка: «Доносчику – первый кнут», - согласился Владимир Сергеевич. – И это определяет характер и заложено в культуре русского человека. Не выдавать властям – это менталитет порядочного человека.

- Это потому что у вас в России власть никогда не была народной. Парадокс: вы воюете с властью, которую сами избираете... У вас на дорогах черте что творится, а водители вместо того, чтобы соблюдать правила движения, еще и помогают их нарушать. Они дружно сигналият фарами, предупреждая о наличии поста дорожной полиции с радаром, будьте, мол, бдительны. Тебе не кажется, что это какая-то ненормальная солидарность с точки зрения нормального человека? Так для чего вам в таком случае вообще полиция?

- У нас милиция – поправил Владимир Сергеевич.

- Прошу прощения, милиция. Суть дела не меняет. Так для чего вам милиция?

- Чтобы карась не дремал, - засмеялась Мила.

- Чтобы взятки с автолюбителей брать, - добавила Лена.

- А вы не давайте! – жестко возразил Реваз. – Платите в банке. – Так нет же, вы дорожите своим временем, которое потом все равно потратите впустую. Да, скорее всего, это просто разгильдяйство. Вам лень ехать в банк, проще сунуть пару долларов в руку гаишнику. А если бы задумались о том, что вы этим кормите огромный штат бездельников, этого бы не было... Вот скажи, Володя, почему в

России люди ходят по газонам, а не по пешеходным дорожкам? ...Рядом - асфальтовая дорожка, а вы прёте напрямик через газон, а экономия составляет при этом три-четыре секунды. Эти три секунды решают судьбу или это вопрос жизни и смерти?

- Да нет. Скорее всего, дорожки делают там, где не нужно, на авось, - объяснил Владимир Сергеевич.

- Нет, Володя, это элементарное российское разгильдяйство. Мы не приучены были ценить чужой труд. Я прошелся вчера по городу до парка, смотрю, на автобусных остановках стоят красивые новые павильоны. Но стекла уже выбиты или разрисованы спреями. Как так можно? Это же ваш город!

- Уроды, Реваз, везде есть. Что, в Америке не бьют стекла.

- Правильно. Как говорится, урод, он и в Африке урод. Но для этого у нас и существует полиция, которая не вашей милиции чета. В Америке полицейского боятся как огня. Это ваши шибздики ростом по «метру пятьдесят с кепкой» сами от бандитов бегают, а в Америке полицейский – это полицейский. И я невольно возвращаюсь к вопросу, стоит доносить или нет. У вас же все безобразия происходят на глазах, а вы проходите мимо. Я тебе, Володя, скажу так: вы скоро потеряете свое государство, потому что не любите его. Вы живете в своих норах, как кроты. В своей квартире вы можете навести порядок, а за дверью для вас все чужое. Лестничные площадки за редким исключением загажены, дворы грязные, улицы с разбитыми автобусными остановками. Русские сами себя не уважают. А поэтому у вас президент – алкоголик. И вы его терпите и будете терпеть. Да в Америке его давно бы уже в отставку отправили.

- Что-то вашего Клинтона в отставку за Монику не отправляют, - ехидно заметила Лена.

- Леночка, скоро Клинтон станет и твоим президентом, так что прояви благоразумие и переходи на сторону мужа, - с улыбкой посоветовал Мила.

- Не, я, наверно, такая дура, что до конца жизни останусь с русскими, даже в Америке.

- Вот тебе и «пятая колонна», - засмеялся Владимир Сергеевич.

- Пустая любовная интрижка не мешала Клинтону быть Президентом. Кстати, если бы народ не симпатизировал ему и не поддержал, то он бы за милую душу вылетел бы из президентского кресла... А в России все с вывертом. Я не представляю, что нужно совершить, чтобы кто-то из ваших высших чиновников ушел в отставку. А о депутатах я вообще не говорю. Эти со своей неприкосновенностью творят, что хотят. То рядятся в шутовские наряды, то друг друга за волосы таскают. По вашему Жириновскому психушка плачет, а за него голосуют четырнадцать процентов населения. Володя, ваше общество больное, и ему нужна срочная неотложная помощь. Вам нужно ровняться на Америку и учиться у нее.

- А это ты шалишь, брат! Нечего нам ровняться на Америку. Поучиться чему-то, да! А ровняться? Извините! Мы должны идти своим путем. Мы не столько европейцы, мы в большей степени – азиаты. У нас на Востоке Китай и Япония, а на Ближнем Востоке – Иран, Ирак, Афганистан.

- Мы пьем и посуду бьем, а кому не мило – тому в рыло, - с серьезным выражением лица сказала Мила.

Лена засмеялась. Владимир же Сергеевич и Реваз на слова Милы никак не прореагировали.

- Да Ленин уже сходил «своим путем»! – едко заметил Реваз. – Только по пути столько дерьма оставил, что за сотню лет не разгрести. Вот ваши богатые люди сидят на деньгах, жируют, развлекаются, а кругом нищета. Но спроси, многие из них помогли бедным? Да они последнее отнять у него готовы, чтобы свое ненасытное брюхо еще ту же набить. Зависть к партнерам, злоба. Я в России три дня, а только и слышу: тот того «заказал», тот другого.

Американские состоятельные люди с большим капиталом в первую очередь стремятся оставить память о себе у своих сограждан и часто в ущерб прямым наследникам

создают фонды и отдают деньги на университеты, музеи, художественные галереи, помогают студентам, ученым. И никакой злобы и зависти друг к другу. А в России совесть и богатство вещи несовместимые.

- Реваз, давай прекратим этот разговор. Он нерационален. Бессмысленно проводить параллели и выяснять, что такое Россия и что такое Америка в то время, когда, как ты говоришь, Россия больна. Это все равно, что лежачего пинать ногами. Но в лучшие времена, и ты это отлично знаешь, были у нас и меценаты, и не только такие как Третьяков и Савва Морозов, но и целый ряд безвестных, которые считали естественным долгом помогать своим бедным соотечественникам. И еще будут.

- Да я тоже верю, - после небольшой паузы сказал Реваз. – И мне хочется, чтобы в России было так же сыто и хорошо как в Америке. Иногда мне кажется, что русского человека надо разозлить, показав ему благополучную страну вроде Америки, а потом ткнуть его в дерьмо, в котором он привык жить, и сказать: смотри, ты этого для России хочешь? А если русских разозлить, они в кровь расшибуются, а добьются для России того места, которое она достойна. Если русские проснутся, то начнут думать, кого выбирать и за кого голосовать. И тогда уж они не потерпят над собой ни пьяного президента, ни погрязшего в коррупции правительства, ни бестолковую Думу... А вам я признаюсь: я часто ловлю себя на мысли, что принимаю как личное оскорбление, когда мои знакомые в Америке начинают говорить о России пренебрежительно, и как могу, защищаю Россию. Черте что!

- Я же говорю, что быть россиянином – процесс необратимый, это уже где-то на подсознательном уровне, - сказал Владимир Сергеевич.

Все засмеялись.

Разошлись глубокой ночью. Благо, новый дом, где купили квартиру Шаневы, был в двух шагах.

Глава 35

Неделя прошла в сборах и хлопотах. Два раза пришлось съездить в американское консульство. Реваз помогал Миле заполнять многочисленные анкеты, с ней, в который уже раз, беседовали, но все, наконец, решилось положительным образом.

Мария Федоровна пыталась навязать дочери весь запас приданного, которое она начала готовить еще во времена студенчества дочери. Это были добротные вещи советских времен. И доставались они нелегко: Марии Федоровне приходилось отказывать себе, чтобы Лена выглядела прилично. Вещи были дорогими, и Мария Федоровна не могла понять и злилась, что дочь наотрез отказывается брать в Америку шубу, кожаное пальто, шерстяные костюмы и сапоги, которых лежало три пары на нижней полке шифоньера в новеньких упаковочных коробках.

- Мам, в Америке это не носят, - пыталась убедить мать Лена.

- Ну, конечно, все босиком ходят, - выходила из себя Мария Федоровна.

- Во-первых, там, где мы будем жить, тепло. Это как на нашем юге. И зачем мне там шуба, скажи? Во-вторых, все это уже даже здесь не модно. Я эти костюмы здесь не надевала, а там тем более не надену.

- Ну, езжай голая! – кричала мать и укоряла: - Бессовестная. Мать последнее отдавала, чтобы одеть тебя как следует. Ты знаешь, сколько эта кожанка стоит? А шуба? Чтобы достать ее, пришлось людям кланяться. Куда теперь это все?

- Продашь, лишние деньги не помешают.

Мария Федоровна поджимала губы, шмыгала носом и уходила, безнадежно махнув рукой, в спальню. Проходил час, и она представляла перед дочерью снова.

- В чем поедешь-то? – замогильным голосом спрашивала Мария Федоровна Лену.

- В джинсах, блузке и кофточке. Сентябрь стоит как лето. С собой возьму плащ, черный брючный костюм, ну, и мелочь всякую: белье, свитера, туфли на шпильках. И так наберется много. Кое-что придется отправлять багажом.

- Может, все же возьмешь кожанку? – на всякий случай спрашивала Мария Федоровна и тоскливо глядела на дочь.

Лена, молча, складывала вещи, а вечером жаловалась Миле:

- Не понимает. На кой ляд мне эта шуба и эта кожанка. Носится с ними как с писаной торбой. Еще какие-то отрезы шерсти, крепдешина и бархата пыталась мне всунуть. Я, говорит, десять лет тебе приданное собирала, а ты, мол, неблагодарная.

У Лены выступали на глазах слезы, и она всхлипывала жалобно, как школьница, которую отругала учительница за грязное письмо.

- Не бери в голову, Лен, моя такая же. Когда мы переезжали на новую квартиру, пыталась всучить мне пианино. А на что оно мне сдалось? Место только занимает. Говорит, Катерина будет играть. Я говорю, если Катюха захочет учиться играть на пианино, купим синтезатор. Сейчас ни один дурак в квартиру пианино не потащит. «А куда же мне его девать теперь? – спрашивает». «Давай, - говорю, подарим. – Вон тетя Варя, соседка наша по старой квартире, возьмет». Мать аж из себя вышла: «Ты знаешь, как оно нам досталось? Мы два года кредит за него выплачивали!» Видишь, Лен? Они в другом измерении живут. На них еще война давит, дефицит при Советской власти, когда вещь покупалась на всю жизнь. Для нас - это барахло, а они расстаться с ним не могут, потому что доставалось с трудом.

- Да это понятно. Моя бабушка до самой смерти без запаса соли, сухарей и спичек жизнь себе не представляла. Так в мешочке в кладовой и лежали сухари. И чуть не каждый день спрашивала: «А у нас спички есть? А соль?»

- А мы после дедушки несколько мешков барахла вынесли. Чего только на антресолях и в шкафах не лежало:

арифмометр, счеты, сломанный микроскоп. В общем, жуть. И ничего не давал выбрасывать. А в подвале до сих пор кованный сундук стоит. Мама говорит, что он набит солью. А нам все недосуг открыть, - ключ потерял...

Все закончилось как-то вдруг. Неделя пролетела, и наступил день отъезда. Договорились, что до Москвы поедут на машине Шаневых. Мила взяла отгул, Владимир Сергеевич договорился о подмене. Уезжали днем, чтобы к вечеру быть в Москве. В Москве они собирались заехать к Эльке, которая тоже обещала отпроситься на денек с работы, переночевать у нее, побродить по столице, и в час тридцать улететь.

Вечером перед отъездом Марии Федоровне стало плохо. Ее отпаивали валерьянкой, и в эту ночь долго не ложились спать. Лена плакала и уже собиралась остаться и не ехать ни в какую Америку, но Мария Федоровна вдруг безапелляционно и твердо заявила: «Не дури!» и успокоила: «Со мной ничего не случится. Я не дура, чтобы вдруг помирать. Мне тоже хочется посмотреть на эту вашу Америку».

Катю Мила отправила к родителям. Катя обнялась с Татошкой, и тот смешно проговорил: «Катя, я тебя люблю».

- Вот тебе и жених! – засмеялась Мария Федоровна, а Лена сказала:

- Ничего, Катюха будет у нас совершенствовать английский. Так что, скоро увидимся.

Когда садились в машину, у Лены дрожали губы, и она никак не могла успокоиться; уже села, но выскочила из машины, бросилась к матери на шею и стала целовать ее. Мария Федоровна на удивление спокойно оторвала дочь от себя и подтолкнула к машине:

- Не навек растаемся. Езжай, езжай, дочка! Дай бог тебе счастья, и за меня не беспокойся. Как долетите, звони.

И она улыбнулась, будто ничего не случилось, и Лена летит не через океан, а едет до соседнего Соскова и обратно.

В Москве сразу направились к Эльке. Машину поставили на стоянку во дворе. Элитный дом был с воротами и охранялся. По очереди посидели в джакузи, а потом сидели за столом, накрытом Элькой, которая искренне радовалась своим друзьям.

- Эль, - ревниво спросила Мила. – У тебя, небось, теперь новые подружки завелись? Ты же теперь в высшем свете вращаешься.

- Нигде я не вращаюсь, - с усмешкой сказала Элька. – И подружки новые как-то не заводятся. Говорят же, что старый друг – лучше новых двух. Я вас люблю. Да и не по душе мне эти светские тусовки. Мне дома хорошо.

Они все трое обнялись, а у Лены опять выступили слезы.

- Ну, Лен, сколько можно? – строго посмотрела на подругу Мила. – Взяла моду, как что – реветь.

- Не буду, - вытирая слезы, пообещала Лена. – Это я от любви к вам.

Спать легли поздно, все говорили и не могли наговориться. Утром Элька повела всех в корейский ресторан. Сказала, что она угощает, и это ее скромный подарок.

Мила с опаской смотрела на каждое блюдо, крутила тарелку, рассматривала еду со всех сторон, только что не нюхала и спрашивала, что это такое. Больше всего она боялась съесть собаку.

- Не бойся, дурочка, - успокоила Элька. Никто тебя собачатину есть не заставит. Здесь достаточно всяких других блюд.

Корейская кухня действительно оказалась довольно вкусной, хотя немного острой. Все уплетали еду за обе щеки.

В половине двенадцатого все были в аэропорту. А в час тридцать огромный лайнер Ту-134 оторвался от земли и взял курс на Нью-Йорк, увозя в чужой край еще двух русских людей, которых приняла Америка.

Глава 36

Однажды вечером Мила с Владимиром Сергеевичем после ужина сидели на диване перед телевизором и правили статью, которую Мила готовила для публикации в научном журнале. Работа не ладилась, потому что все мысли Милы были сосредоточены на отъезде Владимира Сергеевича в Германию. Вопрос с отъездом окончательно решился после того, как официальное приглашение было получено. Все проблемы остались позади. Со своим институтом вопрос тоже был улажен: ему без особого труда удалось оформить творческий отпуск сроком на один год. Мила сложила рукописные листки со своей статьей и убрала в ящик письменного стола. В это время раздался телефонный звонок. Мила взяла трубку и с удивлением узнала голос Вадима. Они уже давно не перезванивались и не встречались, хотя Мила знала через Эльку и Татьяну о том, что у него серьезные отношения с какой-то девушкой, и они собираются пожениться. Мила также знала, что Вадим всегда интересовался ей, спрашивая о ней ее подруг, и передавал приветы. Это Миле было приятно, но как-то особенно не волновало.

- Тебя можно поздравить с законным браком, - поздравившись, сказал Вадим.

- Спасибо, - просто ответила Мила. - У тебя, я слышала, тоже свадьба намечается?

- Да вроде. Ты же мне дала отставку, - в голосе Вадима, однако, Мила сожаления не уловила.

- Ладно. Ты чего звонишь-то?

- Да отец попросил связаться с тобой.

- А что случилось? - насторожилась Мила.

- Да ничего не случилось. Какой-то деловой разговор.

- Что за разговор? - в голосе Милы было и удивление и любопытство.

- Откуда я знаю? Отец о своих делах мне не докладывает. Сказал, деловой. Я тебе так и передал... Короче, за-

пиши телефон. Секретарша предупреждена и соединит. Звони лучше после двух.

- Хорошо. Спасибо! – поблагодарила Мила. – Все?

После некоторого молчания, во время которого Мила слышала только дыхание Вадима в трубке и уже собиралась положить трубку, она услышала вкрадчивое:

- Мил...- и снова молчок.

- Ну, ну? – нетерпеливо бросила в трубку Мила.

- Ты счастлива?

Вадим задал вопрос, который когда-то задал ей Владимир Сергеевич. Только теперь вопрос этот показался ей совершенно бессмысленным, и она равнодушно сказала:

- Господи, я думала, что ты хочешь сказать? Абсолютно! Ну, все. Пока.

И положила трубку.

Мила рассказала о разговоре с Вадимом Владимиру Сергеевичу.

- Может быть, какую-то работу хочет предложить? – сказал Владимир Сергеевич.

- С чего бы это? – Мила терялась в догадках.

- Позвони! Встретишься, поговоришь! Не съест же он тебя, - улыбнулся Владимир Сергеевич. – Человек он, судя по всему, достойный. Может быть, действительно что-то дельное.

Мила позвонила генералу на следующий день. Она выждала пятнадцать минут после двух и набрала номер, который ей дал Вадим. У нее сохранился старый номер приемной Леонида Васильевича, но это был другой номер. Когда Мила назвала себя, ее моментально соединили с генералом.

- Здравствуйте, Мила, - знакомый голос звучал доброжелательно. – Вы можете подойти ко мне завтра, скажем, часиков в десять? Пропуск вам будет заказан.

- Здравствуйте, Леонид Васильевич! Конечно, могу! – Мила не решилась сказать, что в десять часов у нее лекция. В конце концов, можно с кем-то договориться поменять

часы. Ведь не каждый день генералы предлагают встретиться.

На следующий день без пяти минут десять Мила уже сидела в приемной Леонида Васильевича.

Генерал встретил Милу приветливо, спросил, как ей работается в институте, нравится ли ей ее работа. Он знал, что она защитилась и получила степень кандидата естественных наук и что она вышла замуж. Это ее не удивило, потому что это не было тайной для ее друзей и, конечно, об этом знал Вадим. Наконец, Леонид Васильевич сказал:

- Мила, у нас освободилась должность преподавателя концепции современного естествознания. Женщина, которая преподавала этот предмет, вышла в отставку по возрасту. Должность аттестованная. Я вам предлагаю ее место. Правда, она преподавала еще и основы философии, но, я думаю, для вас не составит труда освоить этот предмет. Перспектива: докторантура и защита докторской диссертации, карьерный рост и неплохая зарплата по сравнению с вашей теперешней.

Для Милы было настолько неожиданным предложение, что она растерялась и не нашла ничего лучшего как спросить:

- А что такое аттестованная должность?

- Ну, это зачисление в штат на офицерскую должность. В вашем случае лейтенантскую. Но, я так полагаю, что вы дослужитесь до звания полковника, - Леонид Васильевич улыбнулся. - Ну, как?

- Как-то неожиданно, - Мила стала приходить в себя. - Мне надо подумать, посоветоваться.

- Это естественно. Подумайте, посоветуйтесь. И хорошо, что вы не сразу согласились. Мне нравится ваша обстоятельность, и я еще раз убеждаюсь, что в вас не ошибся. Но, согласитесь, предложение заманчивое.

- Предложение действительно заманчивое и тем более я вынуждена спросить вас, Леонид Васильевич, а почему я? Ведь, мне кажется, вы должны были обидеться на меня за Вадика. Юлия Максимовна вообще считает, что я охму-

рила вашего сына, преследую какие-то свои корыстные цели.

- Плохо же вы обо мне, Людмила Витальевна, думаете. Юлия Максимовна вправе считать все, что ей угодно. Но, как ни странно, у меня есть собственное мнение, которое не совпадает с мнением моей бывшей жены. Да, не скрою, я бы хотел видеть вас своей невесткой, но сердцу, как говорится, не прикажешь. Так что, давайте оставим ваши с Вадиком отношения в покое. Как получилось, так получилось... А идея пригласить вас в мой институт не лишена корысти с моей стороны. Мне, как и всякому руководителю, нужны свои люди... А на вас, насколько я разбираюсь в людях, я могу положиться. И не думайте, что в этом моем предложении содержится какая-то еще подоплека. Будьте уверены, что я не потребую ничего взамен. Надеюсь, вы меня считаете порядочным человеком. Просто мне важно быть уверенным, что человек, который у меня работает, не способен на подлость и интриги. Слава богу, насмотрелся. И тогда, скажите, зачем мне брать в свой штат незнакомого мне человека, которого кто-то подсунет, руководствуясь своими шкурными интересами? Логично?

Генерал говорил серьезно, и голос его звучал властно и резко. Мила подумала о том, что подчиненные, наверно, испытывают не очень приятные минуты, когда стоят перед ним в этом кабинете.

- Логично, - согласилась Мила. – Спасибо, Леонид Васильевич. Я тронута. И уж поверьте, если я буду работать у вас, то с моей стороны никаких интриг не будет. Это исключено, потому что я на это не способна. У нас в семье в почете другие ценности.

- Не сомневайтесь, о ваших родителях, а также о родителях ваших родителей мне тоже все известно, - усмехнулся Леонид Васильевич.

- Когда я должна дать ответ? – спросила Мила, насколько не сомневаясь в осведомленности генерала милиции.

- Чем быстрее, тем лучше, но по обстоятельствам.

На этом разговор закончился...

- Смотри сама! – сказал Владимир Сергеевич Миле, когда она передала ему во всех подробностях свой разговор с генералом.- Лично я, не вижу никаких причин, чтобы отказываться. Предложение хорошее, перспективное. Да может быть будет и лучше, если мы работать будем не вместе.

- Ага-а! Хочешь избавиться от меня, чтобы не путалась под ногами, когда тебя будут охмурять молоденькие студентки? – смеясь, сказала Мила, целуя Владимира Сергеевича в щеку.

- А как же! – подхватил шутливый тон жены Владимир Сергеевич. – Мне лишние глаза не нужны.

Владимир Сергеевич подхватил Милу за талию и чуть приподнял над полом.

- Ты что, увидят! – Мила испуганно посмотрела в сторону дверей деканата, где никого не было...

Глава 37

Новый год принес сенсацию. Российский президент сложил с себя полномочия руководителя страны. В мире с грустью восприняли это событие. Закончился значимый исторический период российской и мировой истории.

Двадцать первый век Анохины встречали вдвоем. Мила с Катей на целую неделю улетели к Владимиру Сергеевичу в Мюнхен, где он с октября читал курс лекций по экономике. Конечно, проще было бы ему самому приехать на Новый Год к себе, в Россию, но Миле, которая никогда не бывала за границей, очень хотелось хоть одним глазком посмотреть на Европу. Загранпоездку оформили быстро и без волокиты, и Мила с Катериной, счастливые без меры, налегке укатили в Германию. Платили профессору Шаневу до неприличия щедро, даже по западным меркам.

Без пяти минут двенадцать Ельцин поздравил нацию с Новым Годом и объявил о своей отставке. Виталий Юрье-

вич поймал себя на мысли, что ему жалко Бориса Николаевича. Вроде и ругали его на чем свет стоит, а расставание выходило грустным, вроде того, что трудности хлебали вместе. А когда Президент стал просить у народа прощения, Ольга Алексеевна смахнула со щеки слезу. Незлобивый русский народ простил своего президента. В конце концов, тот всем своим поведением олицетворял народ и был от его плоти.

Сразу после двенадцати позвонил Алексей Николаевич.

- С Новым Годом тебя, Виталий, и Ольгу!.. Слышал Ельцина? Прямо скажу, неожиданно.

- Да-а, Алеша! Сюрприз. Вы там с детьми?

- Да, как же, будут они с нами сидеть, - усмехнулся Алексей Николаевич. - Поздравили и на такси к друзьям укатили.

- Так давайте к нам.

- Да я чего и звоню! Сейчас завалимся. Снедь кое-какую прихватим, водочку, и через пять минут будем...

- Талантливый, дьявол! - с восхищением сказал Алексей Николаевич с порога. - Пришел красиво и ушел красиво...

За большим столом, уставленном незатейливой, но обильной закуской, сидели четыре близких человека. Тихо работал телевизор, мигали разноцветные лампочки на небольшой елке в углу зала, горели толстые стеариновые свечи на столе и на открытых полках стенки. С улицы доносились хлопки петард и шумные голоса: народ вышел на улицу после застолья. Иногда комнату озаряли легкие вспышки салюта.

- Теперь коммунисты с Зюгановым скажут, что, благодаря их усилиям, президент ушел в отставку, - предположил Виталий Юрьевич.

- Ерунда. Ельцин не тот человек, чтобы что-то сделать под давлением. Несмотря ни на что, это был сильный и порусски непредсказуемый политик.

- Значит, наконец, нашелся тот, кто, по его мнению, сможет твердо держать руль в руках, - решил Виталий Юрьевич.

- Ну, это еще, как говорится, будем посмотреть. Учитывая неординарность Ельцина, я бы не исключал того, что здесь не обошлось и без оскорбленного самолюбия. Мол, вас не устраивает неуправляемый Ельцин, нате вам «мягкого», «пушистого». Только потом не заплачьте.

- А почему это мы должны с ним плакать? Он популярен. Партия, которая его поддерживает на выборах в Госдуму, набрала почти равное количество очков с КПРФ, а если сюда прибавить ОВР, ЛДПР и Явлинского, да еще 111 мест от одномандатных округов, то, можно сказать, что коммунисты уходят.

- Самые грязные выборы из всех последних, - заметил Алексей Николаевич. - И почему это коммунисты уходят? Сторонников у них всегда будет достаточно. Как сказал Солженицын, «часы коммунизма - свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула...»

- Ну и что? Следующая Дума будет президентской и проправительственной. И, может быть, теперь будут сменяться правительства и президенты, а народ будет ощущать не катаклизмы от очередных правительственных перемен, а улучшение жизни.

- Дай-то бог! – скептически скривил губы Алексей Николаевич. – На особое улучшение жизни ты не рассчитывай. В сложившихся экономических условиях новый президент будет новым Годуновым, который, как известно, был царем дворянским. Я не хочу углубляться в этот вопрос, это и так понятно: сила на стороне олигархического капитала, при котором, «кто владеет нефтяной скважиной, а кто – метлой дворника». Другой вопрос. Нам нужны деньги, а Запад отворачивается от нас...

- Ладно тебе, Алексей, давай подумаем лучше о том, что 2000-й год – это особая дата. Она тревожит воображение.

- Эта дата может тревожить воображение благополучного американца, но не русского, который пережил кризис 17 августа 98-го года. Какие к черту сантименты, коль народ еле концы с концами сводит?

- Все так, - примирительно заговорил Виталий Юрьевич, - но, знаешь, я верю, что при другом экономическом курсе, а этот курс логически должен быть принят, года через два-три и без вливаний в нашу экономику извне мы будем жить не хуже любой Европы.

Виталий Юрьевич вопросительно посмотрел на друга.

- То есть, «вот пень, вот мочало - начинай опять сначала». Догоним и перегоним Америку, - усмехнулся Алексей Николаевич. - Без вливаний извне мы, может быть, и поднимемся, только если цена на нефть снова пойдет вверх, и баррель будет стоить, по крайней мере, выше тридцати-сорока долларов... И не будет ежегодно уплывать из страны по 30 миллиардов долларов, как это происходит сейчас, - сказал он.

- Вот-вот! - горячо согласился Виталий Юрьевич. - И это еще раз указывает на то, как богата наша страна. И скоро эти деньги будут оставаться в России, и работать на нашу экономику.

- Виталий, ты не исправим! - Алексей Николаевич с грустной нежностью посмотрел на Виталия Юрьевича. - Ты забываешь про власть, от которой зависит эффективность экономики. А во власть часто идут люди не умные и порядочные, а ловкие и амбициозные. Наши руководители это, как правило, выходцы из низов, они учились в наших школах и не видят, например, ничего неестественного в том, что тротуары и дороги разбиты, фонтаны не работают, а вместо туалетов кусты и подворотни. Кстати, бескультурье всегда ведет к убожеству.

- Не стану отрицать, - сказал Виталий Юрьевич. - Но, ты знаешь, Алексей, мы можем не любить правительство, иронизировать по поводу представителей власти, быть недовольными Президентом. Но власть - явление преходящее, а Россия - категория вечная. Так вот, я верю в Россию

и в русский народ. Я много думал над этим и даже набросал что-то вроде очерка. Условно я назвал его «Мы – русские». Получается нечто патриотическое, но почему мы должны стыдиться этого? Очерк я тебе читать не буду. Это пока черновик. Скажу только, что я опять возвращаюсь к мысли об особом складе русского человека.

- Опять загадочная русская душа? – усмехнулся Алексей Николаевич.

- Отнюдь, душа меня в данном случае мало интересовала, - не согласился Виталий Юрьевич, подумал и добавил. – Хотя... с другой стороны, как же без души?

Они давно ушли в кабинет Виталия Юрьевича и сидели на своих излюбленных местах. Перед ними стоял все тот же журнальный столик с пузатым графинчиком водки и закуской. Жены тоже не скучали за телевизором и празднично накрытым столом в зале, и только время от времени по очереди навевались в кабинет, чтобы оторвать их от беседы и выпить вместе по рюмке водки или по глотку шампанского.

- Есть хорошая книга Дмитрия Балашова «Бремя власти», где новгородец Василий Калика в разговоре с Митрополитом Феогностом философски отделяет русский народ от другого, - сказал Виталий Юрьевич. Он встал, подошел к письменному столу, нашел лист с отпечатанным текстом и вернулся на место. – Вот, послушай: «Как господь уж разделил языцы по разрушению столпа Вавилонского, так тому и быть!.. Языцы-то разны по лику земли! У немец ино, чем у нас, и не можно с има вместе устроить, другие они, по иному живут! Нашему подай тута работу, а тута пир – широко, а тому – чтобы до последней векши счесть и во всем свой строй и порядок поставити. Русич от такого наряда загинет, захиреет, а и немец – как пойдет с нашими в гульбу, тут ему и конец. Уж и не прогнутьце ему, и то потеряет, что прежде нажил. Другояко живут, другояко гуляют – все другояко. И погодь в ихней земле иное...».

- Вот, Алексей, кажется, что характеристика «русича» нелестна. Но это только на первый взгляд. Просто мы – другие, и это не значит, что мы хуже.

- А кто с этим спорит? - пожал плечами Алексей Николаевич. - Испокон веку русский народ был настолько значителен, что его невозможно было завоевать, подчинить, скорее, наоборот, об него разбивались, в нем растворялись и соединялись с ним. Вот Казанские ханы, например, пытались распространить свою власть на восточные русские земли, но после длительной борьбы сами в 1552 году присоединились к Русскому государству, что, кстати, благоприятно повлияло на развитие экономики Казанского ханства... Глупо также отрицать, что история и культура Руси стоит в почетном ряду наиболее значительных культур мира. Недаром немец Август Шлецер писал, что «Русская история... чрезвычайно важна по непосредственному влиянию на всю прочую, как европейскую, так и на азиатскую древнюю историю¹».

- Вот! – просиял Виталий Юрьевич. – менялась власть, менялись исторические условия, а мы остались теми же русскими с богатым культурным наследием... У нас широкая душа и особая кровь. В нас же всего намешано с запасом. Русский характер – это и самобытность, и непредсказуемость, и парадоксальность.

- Да уж, - сказал Алексей Николаевич. – Что наш народ непредсказуем и парадоксален – это точно. Я недавно прочитал как анекдот в разделе курьезов о том, как один мичман с эсминца, который находился в заграничии, залез в сейф, где прихватил 160 тысяч с лишним франков и «перешел» государственную границу, которая проходила по трапу корабля. Корабль ушел без мичмана. А через месяц мичман позвонил в советское посольство и честно сказал, что в чистую пропил все деньги, но Родину не предал. Не знаю, что с мичманом случилось дальше, но, наверно посадили.

¹ А Шлецер, «Опыты о русских летописях», 1767г.

- Бывает, - засмеялся Виталий Юрьевич. - Но вот тебе другой случай. Один мужик в каком-то селе роет метро... Роет по всем правилам метростроя: укрепляет своды, вывозит «на гора» вагонетку с землей, прокладывает узкоколейку. В день проходит пять метров. Зачем? Да хочет порадовать сельчан настоящим метро, которого те никогда не видели. В Москве есть, в Нью-Йорке есть, а в его деревне нет. И пусть это будет всего двести метров, но это подземка... Ну, какому французу придет такая блажь в голову? И что взбредет в голову в следующую минуту какому-нибудь Афанасию из деревни Большие или Малые Грязи, одному богу известно.

- Вот поэтому и судьба наша - идти своей дорогой, никого не догоняя и не копируя, - с твердым убеждением заключил Виталий Юрьевич. - Ведь нам генетически чужд американский или немецкий образ жизни. И вообще, мы ближе к Богу, и мы естественны. И неизвестно, принесет ли нам счастье американская сытость! Россия настолько самобытна и самодостаточна, что строить здесь жизнь по какому-то чужому подобию не разумно...

- Ну, понятно. Мы самобытны, ни на кого не похожи, талантливы и неповторимы, - с усмешкой сказал Алексей Николаевич. - Только Чаадаев высказывался в отношении России более критически. Его слова: «Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли... Мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили»... Чаадаев считал, что мы жили и продолжаем жить лишь для того, чтобы послужить каким-то важным уроком для отдельных поколений.

- Однако, насколько мне известно, он же и предсказывал России достойное будущее, предполагая, что она станет со временем центром интеллектуальной жизни Европы.

- Все может быть, - неожиданно согласился Алексей Николаевич. - Может быть, мы, в конце концов, научимся вести себя как цивилизованные люди. Наши внуки, наверно, будут более приспособленными к новым условиям жиз-

ни. Может быть, нам поможет наша генетическая способность, наша сметка... Только позволь мне добавить к сказанному слова Даниила Заточника: «Государство не ратью сильно, а умными людьми, коих не так уж много¹».

К удовольствию Виталия Юрьевича, в словах Алексея Николаевича не было ни иронии, ни насмешки, и Виталий Юрьевич простодушно добавил:

- Да-а, с русскими лучше не воевать.

¹ Даниил Заточник - автор «Моления», обращенного к князю Ярославу (XII – XIII в.).

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1.....	5
Глава 2.....	13
Глава 3.....	21
Глава 4.....	36
Глава 5.....	46
Глава 6.....	58
Глава 7.....	69
Глава 8.....	80
Глава 9.....	94
Глава 10.....	109
Глава 11.....	116
Глава 12.....	124
Глава 13.....	137
Глава 14.....	143
Глава 15.....	153
Глава 16.....	165
Глава 17.....	175
Глава 18.....	189
Глава 19.....	198
Глава 20.....	209
Глава 21.....	221
Глава 22.....	225
Глава 23.....	233
Глава 24.....	240
Глава 25.....	247
Глава 26.....	252
Глава 27.....	264
Глава 28.....	272
Глава 29.....	278
Глава 30.....	288
Глава 31.....	293
Глава 32.....	305
Глава 33.....	312
Глава 34.....	321
Глава 35.....	335
Глава 36.....	339
Глава 37.....	343

Валерий Георгиевич Анишкин

НА РАСПУТЬЕ

Роман-размышление

В поисках выхода из нравственного тупика

Подписано в печать 21.08.2013 г. Формат 60x80 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объем 22,75 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 305

Лицензия ИД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru

АНИШКИН Валерий Георгиевич
Филолог, историк. Член Союза
русских писателей. Автор
книг «Великие мыслители.
История и основные направления
философии» (Ростов н/Д: Феникс,
2007), «Русь и ее самодержцы»
(Ростов н/Д: Феникс, 2009), «Быт и
нравы царской России» (Ростов
н/Д: Феникс, 2010), «Моя
Шамбала» (Yam-publishing, 2012;
изд. Картуш, Орел 2013),
«Потерявшиеся в России» (Yam-

publishing, 2012; изд. Картуш, Орел, 2012), повести в
сборнике «Приокские рассказы» (Тула: Приокское
изд., 1985), статей о русском языке в «Литературной
России», сборника рассказов «Баламуты» в изд.
«Современник» в 1986 г. В «столе» несколько книг,
которые готовятся к изданию, в их числе «Политический
дневник. Записки провинциала».